АВГУСТ БЕБЕЛЬ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

A. BEBEL

DER DEUTSCHE BAUERNKRIEG

А. БЕБЕЛЬ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ И
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Ц. ФРИДЛЯНДА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Мосгублит № 7250. 1928 г. 3.000 экз.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в 1882 г. распространился в Европе слух о смерти А. Бебеля (ум. в 1913 г.), К. Маркс писал Ф. Энгельсу из Швейцарии: «...Это ужасно, это величайшее несчастье для нашей партии. Он представлял собою единственное явление в среде немецкого (можно сказать, «европейского») рабочего класса». Старик Бебель был вождем германской социал-демократии в годы формирования рабочего движения, в героический период «закона против социалистов» (1878—1890 гг.), в период борьбы с ревизионизмом и в годы постепенного оппортунистического перерождения партии. Биография Бебеля исключительно типична и характерна для всей довоенной истории германской социал-демократии.

Еще при жизни Маркса и Энгельса А. Бебель был не только практиком, но и теоретиком движения в Германии: он теоретически обосновывал и устанавливал принципы повседневной деятельности социал-демократии. В 1884 г. Энгельс писал Иоганну Беккеру: «Бебель самая светлая голова во всей немецкой партии...» Это был человек, «на которого всегда и при всех условиях можно было положиться». Только в шестидесятых годах в Германии возобновилась пропаганда марксизма, и забытый всеми Зигфрид Мейер вновь издал «Коммунистический манифест»... А. Бебель взял на себя пропаганду марксизма и делал это убедительно: он действовал как марксист.

Так продолжалось дело до тех пор, пока в девяностых годах XIX века германская с.-д. и в том числе А. Бебель провозгласили разницу между тактикой и принципами. Противопоставление тактики принципам и легло позже в основу ревизионизма...

Книга А. Бебеля «Крестьянские войны в Германии» написана в героический период истории германской социал-демократии и самого А. Бебеля. Кончилась франко-прусская война, раздавлена была Коммуна, поднято знамя об'единенной Германии Бисмарка. В рейхстаге Бебель был одинок, но грозен. 25 мая 1871 г., при обсуждении вопроса о присоединении Эльзаса и Лотарингии, как добычи Германии, он с трибуны рейхстага заявил: «... Весь европейский пролетариат смотрит на Париж с надеждой. Борьба в Париже — только передовая стычка передовых отрядов, не пройдет и нескольких десятилетий, как боевой клич парижского пролетариата: «война дворцам — мир хижинам, смерть нужде и праздности» станет боевым кличем всего европейского пролетариата». Этот мощный революционный призыв открыл глаза Бисмарку на опасность социализма (он заявил об этом в рейхстаге в 1878 г.), и «железный канцлер» отправил Бебеля в тюрьму. В тюрьме он начал и кончил свою книгу о крестьянской войне. Эта книга была запрещена в годы «закона против социалистов».

А. Бебель внимательно и усердно изучал в те годы проблемы революции. Ему чуждо было тогда презрительное и настороженное отношение к революции оппортунистов и центристов. Как образец прочтите начало главы о «Возникновении и течении крестьянской войны», где Бебель с восторгом говорит о великой армии бойцов, о том, как в годы революции «из-под земли вырастает масса выдающихся сил и даровитых деятелей, о которых раньше никто и не подозревал», а господствующие классы вырождаются и гибнут.

А. Бебель говорит о революции, как о творческом процессе, как о «духовном возбуждении... подобного которому Германия еще никогда не видела, а с тех пор видела один только раз в 1848 г...» Он резко и отчетливо осуждает «партию компромиссов» в революции, смеется над мещанами в революции и говорит о «неизбежных издержках» борьбы, которые не могут и не должны нас пугать.

Для Бебеля история не «цеховое» знание,— это боевое оружие пролетариата. Его союзник — крестьянство. Положение последнего в XIX веке не улучшилось. В капиталистическом обществе классовые противоречия обостряются и углубляются из десятилетия в десятилетие. Обездоленное крестьянство и городской пролета риат «подают друг другу руки для борьбы — самой благородной, самой великой, какую когда-либо видел свет». Сама постановка Бебелем крестьянского вопроса была революционным актом. Уже в конце XIX века в рядах германской с.-д. дело изменилось к худшему. Теперь боролись в ее рядах два течения: ревизионисты, которые разрабатывали аграрный вопрос и стремились к привлечению крестьянских голосов на выборах; они готовы были превратить классовую партию пролетариата в народную партию пролетариата и мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства. Затем центр, а с ним и левое крыло, которое отрицало необходимость какой-либо аграрной программы, говорили о целесообразности исключительно союза городского и сельскохозяйственного пролетариата и игнорировали крестьянство, как исчезающий в процессе хозяйственного развития капиталистический класс. Ленинская мысль о союзе пролетариата и крестьянства в революции была чужда социал-демократам.

«Нейтральное» отношение к крестьянству аргументировали от Маркса. Еще до сих пор широко распространено убеждение, что Маркс и Энгельс мало занимались крестьянским вопросом. Но это несправедливо.

В «домарксистскую» эпоху, в 1843—44 г., Маркс выступил на защиту мозельских крестьян; в 1848 г. он клеймил немецкую буржуазию за ее безразличное отношение к крестьянству; в 1850 г. Энгельс написал свою книжку о крестьянской войне. Маркс писал в 1856 г.: «все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны. Тогда дело пойдет прекрасно». К 1859 г. относится ожесточенная дискуссия между Лассалем, Марксом и Энгельсом по вопросу об исторической роли крестьянской войны. Для Лассаля это было реакционным движением, так как основной принцип движения — землевладение, т.-е. связь личности с землею. Маркс и Энгельс видели в крестьянской войне революционную силу общественного развития. В 70-х годах Энгельс дважды переиздавал свою книжку с новым предисловием и послесловием, где упорно и ясно излагал свое понимание крестьянского вопроса и вел борьбу с игнорированием крестьянства со стороны немецкой социал-демократии.

Одним из основных разногласий между Марксом и Бакуниным было их отношение к крестьянскому вопросу. И историческая ложь—утверждение анархистов, да и самого Бакунина, что Маркс видел в крестьянстве реакционную силу. В отличие от Бакунина, Маркс ставил вопрос теоретически правильно: он выяснял своеобразие каждой исторической эпохи и проводил резкую грань между ролью крестьянства в буржуазной и социалистической революции. Основная задача Маркса сводилась к тому, чтобы установить роль и значение пролетариата как руководящей силы, как гегемона социалистической революции по отношению к крестьянству. Эту мысль он отчетливо выявил при анализе опыта Коммуны («Гражданская война во Франции»). Маркс ставит в это время вопрос о рас-

слоении крестьянства, о капитализации сельского хозяйства. Но в этом процессе он видит гарантию формирования союзной армии пролетариата в деревне. И это в то время, как реакционная утопия Бакунина представляет себе крестьянство как единую, стихийную антикапиталистическую силу.

В 80-х годах Энгельс продолжал интересоваться крестьянским вопросом. Он в 1884 г. писал в письме к Зорге: «Я в корне перерабатываю свою «Крестьянскую войну». Она превращается в краеугольный камень всей немецкой истории...» За несколько недель до своей смерти (21 мая 1895 г.) Энгельс указывал Каутскому, в каком направлении должна быть разработана в дальнейшем история крестьянской войны... Отметим, наконец, статьи Энгельса об аграрной программе французских социалистов в 90-х годах. Словом, Маркс и Энгельс тщательно изучали крестьянский вопрос на протяжении всей своей жизни.

А. Бебель был их ревностным учеником. Он изданием своей популярной книжки хотел возбудить интерес немецких рабочих к этой важной революционной проблеме. Бебель искал союзника пролетариату в грядущей революции. В этом историческое значение его книги.

«Крестьянские войны в Германии» — не исследование, а прекрасный образчик марксистской популяризации. В своих воспоминаниях А. Бебель пишет: «...У меня не оказалось свободного времени для ее основательной переработки, которую я считал необходимой...» В книге, с исторической точки зрения, немало дефектов. Автор воспользовался до сих пор непревзойденной по богатству фактического материала историей крестьянской войны В. Циммермана (имеется русский перевод). Циммерман (1807 — 1888), немецкий радикал, активный участник революции 1848 г., — враг коммунизма. Это отразилось на его изображении Т. Мюнцера. Бебелю пришлось, пользуясь фактическим материалом Циммер-

мана и методологическими указаниями Энгельса, написать популярную историю крестьянской войны. Он оставил поэтому в стороне ряд проблем, которые стояли перед Энгельсом позже, когда он собирался написать специальное исследование по этому вопросу.

В XVI веке Германия была на грани двух эпох. Годы процветания кончались, уходили в прошлое. Открытие Америки, перемещение торговых путей ставило теперь Германию в невыгодное положение на мировом рынке. Ранняя буржуазная революция в Германии началась, таким образом, в чрезвычайно невыгодную для нее историческую эпоху—эпоху хозяйственного упадка Германии. В XVI и XVII веках Германия стала ареной бесконечных войн и уже в XVIII веке это была наиболее отсталая в капиталистическом отношении страна на континенте. При изучении крестьянской войны в Германии XVI в. эту особенность исторической эпохи необходимо твердо помнить.

Зарождающийся в Германии в XV—XVI вв. торговый капитализм повлек за собою значительное ухудшение в положении крестьянства. Началась «феодальная реакция». Под этим мы понимаем не возвращение вспять, не возрождение крепостнических порядков эпохи натурального хозяйства, а усиление крестьянского гнета в результате капитализации сельского хозяйства. В поисках новых источников дохода, духовные и светские господа спешат заменить натуральные повинности денежными, бесконечно повышая последние, усиливают эксплоатацию вольного труда, расширяют связи сельского хозяйства с близким и далеким рынком, экспроприируют общинные и крестьянские земли. Крестьянин ведет борьбу теперь с помещиком как с феодалом и землевладельцем-купцом. Во имя чего? Во имя свободной частной собственности на землю. А. Бебель недостаточно ясно оттеняет буржуазную сущность крестьянского движения, не отмечает значения крестьянства в эти годы как пе-

редового отряда буржуазии в борьбе с феодализмом.

Остается много неясного и в изложении Бебелем вопроса о классовых противоречиях в рядах буржуазии. Часть городского населения была заинтересована в эксплоатации крестьянства: восстание имело их в числе своих врагов. Так, врагами крестьянства была торговая аристократия: банкиры (Фуггеры), купцы-монополисты. Основная масса буржуазии, примкнувшая к движению, требовала уничтожения привилегий своей наиболее богатой части; она попыталась привлечь на свою сторону крестьянство.

Вопрос о взаимоотношениях крестьянства и городской буржуазии в восстании — вообще слабая сторона всех исследований о крестьянской войне. Бебелю принадлежит, однако, немало блестящих страниц о роли Лютера в движении.

При формулировании программы революционного движения XVI века шла ожесточенная борьба между дворянством, буржуазией и крестьянством. Дворянство, в лице Ульриха фон-Гуттена, пыталось навязать свою волю буржуазии и подчинить себе крестьянство. Но к этой же цели стремились и буржуа. Крестьянство не смогло создать своей классовой организации, не смогло сформулировать особой, отличной от буржуазии, программы, но оно не желало окончательно подчиниться ни городам, ни дворянству. Отсюда непрерывные колебания, беспомощность крестьянских руководителей. Экономически буржуазия была еще слаба, она не стала пока гегемоном революции, и в борьбе с дворянством, а затем и с крестьянством неизбежно должна была потерпеть и потерпела жестокое поражение. Собственно победителями в крестьянских войнах были князья: они в XVI—XVIII вв. утвердили свою самодержавную власть в Германии.

Энгельс в письме к Каутскому в 1895 г. отмечает, что им недостаточно исследована роль в войне деклас-

сированных, «находящихся почти на положении париев, элементов, которые образуют самый низший, бесправный слой населения всякого средневекового города, стоящий вне земельной общины, феодальной зависимости, цеховых связей». У Бебеля этот вопрос также не освещен, хотя он уделяет сравнительно много внимания движению рабочих. Люмпенпролетарские элементы играли значительную роль в гражданской войне XVI века, именуемой крестьянскими войнами. В борьбу были вовлечены все слои населения и в том числе и те круги населения, которые мы называем «предпролетариатом». Это как раз те круги населения, которые, по словам Энгельса, играли затем решающую роль в парижских предместьях (1792—1794 гг.). Они примыкали к Т. Мюнцеру, они заполняли «крестьянские банды». Когда мы рассматриваем документы по истории крестьянских войн, мы на каждом шагу встречаем кузнеца, портного, булочника. Это портной стащил Геца фон-Берлихингена с коня и заставил его подписать клятвенное обещание руководить движением; это «неизвестный», о котором современник пишет, что «он не имел никакого состояния, не знал никакого дела», стоял во главе движения в Нюрнберге... Но вопрос об участии пролетарских и особенно люмпенпролетарских элементов в крестьянском движении требует дальнейших тщательных исследований.

Еще на один момент следует обратить внимание читателей. Обычно принято считать крестьянские войны стихийным, неподготовленным и неорганизованным массовым движением. Но и это положение требует более тщательного изучения и критической проверки. Стоит только бегло познакомиться с новой книгой Розенкранца, посвященной движению «Башмака», чтобы убедиться в планомерной и систематической деятельности подпольной крестьянской организации с конца XV века. Но и в этой области марксистской истории еще многое придется пересмотреть и сделать.

Бебель не писал исследования о крестьянских войнах, он не имел в виду дать после Энгельса углубленной марксистской характеристики этого движения. Задача Бебеля была не менее ответственна: он дал популярную историю крестьянской войны для читателя-рабочего. Свою задачу он выполнил блестяще. Книга Бебеля читается легко и с огромным интересом. У нас в рабоче-крестьянской республике, где уделяется серьезное внимание истории крестьянства, переиздание книги А. Бебеля — полезное и необходимое дело.

Перевод с издания 1907 г. был просмотрен и проверен тт. Ю. Мошковской и А. Рубиным.

Ц. Фридлянд.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это сочинение не имеет притязания быть научным исследованием; для этого, в том месте, где оно возникло, у меня не было никаких средств.

Фактическая сторона взята преимущественно из сочинения Циммермана «История великой крестьянской войны». Для характеристики Мюнцера, Геца фон-Берлихингена и Вендель Хиплера, — трех лиц, игравших в крестьянских войнах самые влиятельные роли, — в моем распоряжении находились некоторые другие сочинения. Остальной исторический материал взят из сочинений, известных всякому мало-мальски начитанному в области истории человеку, их не стоит перечислять.

В это сочинение я включил описание событий и обстоятельств, которые, отчасти, не имеют никакого отношения к крестьянским войнам, отчасти имеют только весьма отдаленное. Произошло это по той причине, что передо мной стояла задача дать сжатую картину важнейших освободительных войн угнетенных классов в средние века, потому что читатели, для которых я преимущественно писал это сочинение, рабочие, не имеют ни средств ни времени заниматься изучением обширных и дорогих исторических сочинений, и для них имеет особую ценность изложение социальных движений средних веков в связи с теперешним движением.

Конечно, от меня далека мысль этим сочинением включить себя в цех «историков». Для меня дело шло о том, как использовать возможно полезнее в интере-

сах той партии, к которой я имею честь принадлежать, девятимесячный, вынужденный отдых в тюрьме Цвикау, к которому я был присужден за «оскорбление Величества»; к тому же мне казалось, что крестьянские войны и остальные здесь затронутые средневековые движения являются в том отношении для всех весьма полезным материалом, что из них можно почерпнуть ту еще, столь часто непризнаваемую истину, что общественные отношения различных классов по необходимости вызвали всю эту борьбу и все эти движения. Точка зрения, которую я в нем провожу, есть социалистически-материалистическая, она рассматривает лиц и общественный порядок как естественный продукт наличных материальных условий существования общества.

А. Бебель.

Тюрьма Цвикау, конец марта 1875 г.

ВВЕДЕНИЕ

Самым важным событием средневековой истории Германии являются крестьянские войны. Плохой признак, что громадное большинство наших историков столь мало уделяет внимания ходу общественного развития, что событий крестьянских войн касаются обыкновенно только мимоходом, или пытаются представить их как произвольный взрыв крестьянской грубости и крестьянского своеволия. Недостаток знания и понимания хода общественного развития об'ясняет нам то ложное и в высшей степени одностороннее представление об исторических событиях, которым вообще обладают вышеуказанные ученые.

В обыденной жизни очевидно для всякого, способного мало-мальски мыслить критически, что материальное положение отдельных лиц имеет решающее значение для их физического и интеллектуального развития и всего их жизненного положения. Считают чем-то необычайным, исключением из общего правила, если человек из низших слоев общества добивается духовной и материальной самостоятельности и влияния. Не существует также сомнений в том, что ступень социальной лестницы, на которой находится человек, будит в нем интересы и желания, определяющие всю его частную и общественную деятельность, все его мышление и все его поступки. Все, что справедливо относительно отдельных лиц, правильно и по отношению к общественным группам. Люди, стоящие на одинаковой ступени

социальной лестницы, образуют сословия и классы, об'единенные определенными идеями и интересами. Единообразие интересов побуждает людей к об'единению для защиты своих интересов и в случае каких-либо посягательств для борьбы за них. Их социальная, политическая, религиозная, как и вся их духовная деятельность постоянно направлена к достижению своей цели возможно полного удовлетворения своих интересов; они пытаются наложить на все общество печать своих сословных или классовых интересов, свои сословные или классовые интересы превратить в интересы, господствующие над всем обществом.

Отсюда ясно, что никто не может правильно осветить известную эпоху или известное историческое событие, если нет прежде всего возможно точного знания социального положения самых разнообразных общественных слоев, существовавших в то время и игравших в том или ином событии активную или пассивную роль. Но обыкновенно в наших исторических сочинениях мы напрасно стали бы искать исследования и изложения социальных оснований, т.-е. общественных и особенно экономических отношений людей в различные исторические периоды. В результате мы видим, что количество источников, касающихся этого вопроса, которые к тому же оставляют желать многого в отношении ясности и определенности, совершенно ничтожно.

Одностороннее толкование истории имеет своим источником то обстоятельство, что в историческом развитии не видят результата определенных законов, находящихся вне власти отдельных личностей, как бы могущественны и гениальны они ни были, но что господствует мнение, согласно которому историческое развитие носит такой характер, какой заблагорассудится ему придать отдельным могущественным и умственно выдающимся лицам. От добродетелей и пороков этих отдельных выдающихся людей будто бы зависит тот или иной ход,

хорошие или дурные результаты исторического и тесно с ним связанного культурного развития всего народа.

Неизбежным следствием такого способа мышления является культ героев и великих людей, отталкивающие формы которого одинаково широко проникли как в наши исторические книги, так и в обыденную жизнь, который отдельных выдающихся людей превозносит в ущерб общим силам и общей духовной мощи всего народа, который не признает личность случайным орудием в руках все двигающей и решающей силы народа, а в самой личности видит силу, которая как своего рода провидение руководит и ведет народ по своему благоусмотрению.

Такое понимание истории находится во внутренней связи со спиритуалистическим мировоззрением и в противоречии с материалистическим. Оно покоится на искусственном отделении того, что называется духом времени, от тела народа; оно приписывает этому духу времени возникновение вне зависимости от материальных условий существования народа; оно считает, что дух времени обязан своим происхождением вождям народа; эти так называемые великие люди дают ему произвольно время от времени новое направление. Такое понимание истории переворачивает вверх ногами все события по сравнению с действительным положением дел. В его глазах все случайно, все развитие человечества есть только продукт деятельности отдельных, совершенно исключительно одаренных личностей, которых человечество, конечно, не может в достаточной мере отблагодарить и, молясь на которых, оно должно валяться в пыли и ползать на брюхе.

Такое понимание истории, покоящееся на вере в авторитет, возникло в экономически неразвитом и, следовательно, в умственно отсталом обществе; его доселе учат, о нем заботятся, ему покровительствуют, так как оно является условием существования власть имущих. Вместе с

исчезновением с арены истории веры в авторитет, вместе с признанием, что условия жизни и прогресса человечества вообще и каждого отдельного народа в частности обусловливают также и политическое развитие, исчезли все без исключения авторитеты, окончился культ отдельных личностей и народ взял в свои руки свою судьбу.

Потому-то историки, верующие в авторитеты и проповедующие их, так энергично идут рука об руку с религией. История, нуждающаяся в авторитетах, исходит, как и религия, из одного и того же источника,— из невежества*). И та и другая является врагами просвещения и усиленно распространяются в народе, так как обе служат одной и той же цели — господству и эксплоатации. Каким врагом истинного прогресса человечества является всякий учитель религии, таким же врагом является и историк, защищающий авторитеты. Это — опасные плевелы в народной пшенице, которые необходимо, выполоть.

Выше мы умышленно сказали, что обычное понимание истории покоится на спиритуалистическом, но не на идеалистическом мировоззрении. Идеализм, поскольку он выражает стремления к достижению возможно совершенного состояния, стремления к высшему усовершенствованию человечества — а это одно может быть его истинным содержанием — совершенно не находится в противоречии с материализмом. Истинный идеализм только и может быть принят в расчет с точки зрения материализма, так как последний

---

*) Мы не подразумеваем здесь под религией так называемые основные положения морали или этику отношений человека к человеку, человека к природе и к вселенной. Эта этика отношений не есть религия и не имеет к ней абсолютно никакого отношения. Религия означает на наш взгляд почитание какого-нибудь так называемого высшего существа, сопровождаемое или несопровождаемое какими-либо внешними формами.

учит и стремится к дальнейшему развитию человечества, покоящемуся на разумных социальных и природных законах. Идеализм, поскольку он противополагается материализму, есть спиритуализм и в своем крайнем проявлении является утопизмом и фантазерством.

Не нужно, конечно, раз'яснений, что под материализмом и материалистическим мировоззрением не подразумевается грубая страсть к наслаждениям, каковой отличается теперешняя буржуазия, не характеризующая ее дикая жадность к деньгам и богатству, а воззрение, согласно которому материя является основой всей жизни и всего движения, согласно которому от материальных условий существования зависит дальнейшее развитие живых существ, а следовательно, также человека и человечества.

Растение для существования нуждается в свете, в воздухе и почве, содержащей в достаточном количестве те питательные вещества, которые необходимы для его произрастания. Если почва слишком бедна, или ему не достает воздуха и света, то оно гибнет, если почва слишком тучна, то оно вырождается и быстро подпадает процессу гниения. Подобно растениям дело происходит и с людьми, с целыми классами и народами. Что для растений мать земля, то для человека экономическое положение, в котором он живет, свет и воздух для него государственные учреждения, которые его окружают. Плохо экономическое положение человека, враждебны ему государственные учреждения,— а то и другое обыкновенно идет в жизни народа рука об руку,— народ гибнет. Наоборот, слишком хорошо экономическое положение человека, владеет он бо́льшими материальными средствами, чем он может употребить при нормальном образе жизни, заботится государство только о нем, т.-е. о том классе, к которому он принадлежит, тогда он впадает в роскошь и разврат, он вырождается, подвергается растлению и гниет. Это

подтверждает знакомство с господствующими и угнетенными классами всех народов.

Всякий господствующий класс стремится и должен стремиться скрыть от угнетенных все, что может подорвать его авторитет, авторитет господствующего класса. Эта необходимость, коренящаяся в природе самого господства, об'ясняет нам, почему в наше время, далеко ушедшее по пути научных исследований и открытий, еще находит под собой почву и пользуется таким влиянием столь устарелое понимание истории. Сторонники его все без исключения друзья какой-нибудь формы господства, защитники власти и той или иной религии. Классовое господство, историческая вера в авторитеты и религия тесно связаны, следовательно, между собой, господствуют и падают вместе. С изменением каждой фазы классового господства изменяются по крайней мере хотя внешние формы веры в политические авторитеты и религия. При каждой борьбе с существующим классовым господством поэтому происходит борьба и с существующей верой в политические авторитеты и с существующей религией, и в результате всякая борьба против классового господства ведет за собою борьбу против веры в политические авторитеты и против религии. При наличности тесной связи социальных, политических и религиозных учреждений не было и не может быть чисто политических и религиозных революций или реформаций, все движения происходили и происходят на почве социальных причин.

Таким образом и реформация была в действительности только точно соответствующим религиозным выражением социально-политического движения; это движение нашло свое выражение в великой крестьянской войне, в которой принимал участие самый многочисленный и угнетенный класс, крестьянство. Поэтому согласно нашему пониманию самым важным событием в истории Германии средних веков является не церковная реформация, а далеко не понятые

большинством наших историков, а потому и мало их интересующие крестьянские войны.

Вместе с подавлением германских крестьян понесла поражение и реформация, с этого момента она превратилась в орудие в руках князей. Последние выиграли больше всего в борьбе того времени; свою власть они поставили на место тысячеголовой власти мелкого дворянства и духовенства, и положили этим первые основания политической централизации, которая была необходима для развития новейшей буржуазии, медленно нарождавшейся в то время. Крестьянское сословие, пытавшееся создать вместо территориальной централизации княжеской власти единую централизованную имперскую власть, не достигло поставленной цели, потому что было слишком неразвито в экономическом отношении, а дворянство и духовенство в союзе с князьями по сравнению с ним были слишком могущественны, города же, единственные союзники, на которых крестьянство могло рассчитывать, стали в силу многообразия их материальных интересов его друзьями только наполовину, держались благосклонного нейтралитета, а нередко вступали даже в ряды его врагов.

Различные положения, которые заняли во время крестьянских войн разнообразные сословные слои средневекового общества, дают самые интересные доказательства в пользу того взгляда, что,— если не считать отдельных личностей, возвышающихся над классовыми предрассудками и классовыми интересами,— политический и религиозный характер партий определяют только материальные, следовательно, сословные и классовые интересы.

Конечно, *возможность* экономического развития народа зависит прежде всего от характера почвы, ее плодородия, климата и географического положения страны, которую он населяет. Эти факторы образуют, так сказать, первичную материю, которая только и делает возможным существование человечества и пре-

пятствует или способствует его дальнейшему развитию. От этих факторов зависит главным образом природа и характер народа. Но раз только стало возможным экономическое развитие, оно уже определяет социальное расслоение и обусловливает соответствующие ему формы государства и религии.

До тех пор, пока история не поставит себе задачей основательное исследование социальных отношений параллельно с изучением географического и климатического положения, характера почвы и плодородия страны, до тех пор не может быть и речи о правильном представлении и полном понимании исторической жизни какого-нибудь народа.

Согласно всему этому первой задачей этого сочинения должна быть попытка обрисовать ход экономического развития классов, сыгравших свою роль в крестьянских войнах.

I

Крепостные и рабы, дворянство и духовенство

Кто говорит о первоначальной «свободе» и счастливом состоянии, в котором будто бы находились наши предки в древности, тот разделяет точку зрения библии, которая утверждает, что люди некогда пользовались всеми благами и радостями жизни, но, изгнанные из рая по их собственной вине, становились все несчастнее и несчастнее, и что теперь нашей ближайшей задачей должно быть стремление воротить «доброе старое время». Нет, истинной свободы еще не было никогда на земле, она может быть только следствием равенства, такого строя, при котором никто не господствует, никто не эксплоатируется и равное благосостояние всех является руководящимпринципом государственных и общественных учреждений. Но такой строй возможен лишь в обществе, которое уже пережило все фазы классового развития и, во всеоружии высокой культуры, в состоянии доставить каждому своему члену возможность в достаточной мере пользоваться наслаждениями и благами жизни.

В обществе же, где земледелие является важнейшим занятием народа, только что вступившего в период оседлой жизни, и образует главный источник его существования, где земля обрабатывается самыми первобытными орудиями и требует особенно большого напряжения физических сил, там у сильнейшего всегда достаточно

мотивов заставить более слабого служить себе, захватить уже обработанную или более плодородную землю, чтобы облегчить себе труд и, закрепив таким образом создавшееся положение, превратить его в постоянное господство. Там не может быть речи о свободе и всеобщем благотостоянии. Там рабство в земельных отношениях является необходимым следствием.

И действительно, оказывается, что в Германии, согласно первым достоверным источникам о внутренней ее жизни, такой порядок существовал в ярко выраженной форме уже в первые века нашей эры. Все население страны резко распадалось на два обособленных класса. Господствующий класс составляли свободные: они делились на знатных и просто свободных. Угнетенный класс состоял из несвободных людей, вся масса которых в свою очередь распадалась на крепостных и на рабов. Свободные были владеющими, несвободные — работающими и служащими классами. Свободные были завоеватели, покорившие под начальством своих герцогов коренное население, завладевшие его землей и поработившие жившие там народности, накинув на них крепостное ярмо. Захваченные в плен во время военных походов представители чужих народов и племен становились рабами. Всякое из этих сословий отличалось от другого резко отграниченным правовым положением.

Стоит только человеку ограбить другого, лишить его собственности и свободы, как у него тотчас же является потребность своему насилию придать характер правового поступка. Он пытается создать такие правовые нормы, которые оправдывают его деятельность. Таким образом человек даже на низших ступенях культуры обладает сознанием, что насилие не есть право, а сила с таким же успехом может быть применена и по отношению к нему.

Чтобы избежать последнего, он старается представить свой насильственный поступок как поступок, основанный на праве и свершенный в законном порядке,

и воспитать в покоренном убеждение в «святости» и неприкосновенности этого порядка.

Раб был вещью, товаром, его можно было, как всякую другую вещь и товар, продать, обменить и заложить. И действительно, в первые столетия, когда торговля людьми была весьма распространена, рабу часто приходилось переживать подобную судьбу. Существовали рынки, на которых ежедневно выставлялось для купли-продажи до 7000 рабов. В таможне на рабов была назначена, как и на всякий другой товар, вполне определенная пошлина. Господин, в полной власти которого он находился, имел право его безнаказанно истязать, калечить и даже убить. Нередко в наказание рабов оскопляли; побои и пытки применялись за ничтожнейшие проступки. Характерной чертой их правового положения в обществе было бесправие; их приравнивали к скотине и, соответственно этому, мы находим следующее место в саксонском праве: «Если раб или рабыня, лошадь, вол или какое-либо другое животное убежит, то...» Если раб искал в бегстве выхода из своего отчаянного положения, ему отказывали в гостеприимстве, которое по отношению к свободному было свято и добросовестно выполнялось, его выдавали без всякого милосердия прежнему мучителю для наказания. Бесправным и бесчестным считался он перед судом. Ему не верили, согласно существовавшему праву, если он на судебном следствии, с неопровержимыми доказательствами в руках, обвинял своего господина.

Крепостной отличался от раба в том отношении, что не мог быть продан или обменен, как какая-нибудь вещь, по усмотрению своего господина, и не мог также перейти по наследству в руки дочерей, которые по древне-германскому закону могли наследовать только движимое имущество. Он был прикреплен к своему тяглу, получал от господина клочок земли для обработки, за что должен был платить оброк и отбывать

повинности и барщину. Господин являлся на суде представителем его интересов. За свершенное преступление крепостной подвергался подобно рабу телесным наказаниям и лишению жизни, между тем как свободный мог откупиться от любого наказания путем уплаты так называемого вергелда, денежной пени. Отсюда видно, что различие в наказании богачей и бедняков, которое играет громадную роль и в современном уголовном уложении, при чем богач отвечает денежным штрафом, а бедняк—тюрьмой и жизнью, установлено уже издавна. Классовое господство всегда и всюду порождает одинаковые явления.

Бесправию угнетенных противостояли привилегии господ. Народ составляли только свободные. Они издавали законы, отправляли правосудие и держали в своих руках все управление государством. Только свободный мог выступать обвинителем против равного себе и быть его судьей, только он обладал правом носить оружие и не платить государственных налогов, и только его личность была неприкосновенна. Там же, где ему не удавалось очиститься по обвинению в каком-нибудь преступлении клятвой своей и своих свидетелей, он откупался денежной пеней. Не существовало преступления, не исключая и убийства, которое не могло бы быть искуплено ценой золота.

В семейной жизни и в вопросе об отношениях полов также проводилось строгое различие между свободным и несвободным. Дети свободного и женщины, принадлежавшей к крепостному сословию, становились крепостными, дети свободного и рабыни причислялись к сословию последней. Такое же правило соблюдалось и по отношению к детям свободной женщины, выходившей замуж за крепостного или раба, что же касается ее самой, то родители ее получали право убить ее или продать. Исключения делались только в том случае, если свободный, собираясь жениться на крепостной или рабыне, заранее отпускал ее на волю или, если она принад-

лежала другому господину, предварительно выкупал ее. Для свободных же женщин не существовало никаких исключений, они считались находящимися под опекой мужчин, неполноправными членами общества, а потому во всяком случае становились несвободными. Дети, рожденные вне брака от свободного и несвободной, причислялись к сословию матери.

В отношениях между этими двумя классами наступали некоторые отклонения, если отдельным рабам удавалось получить свободу, благодаря ли милости своих господ или выкупу; но эти отклонения были столь незначительны, что не могли повлиять на общий характер отношений свободных к несвободным. Потомки последних, получивших свободу, уравнивались в правах со свободными только в третьем или четвертом поколении. Свобода приносила, впрочем, мало пользы рабу, если он в то же время не был в состоянии приобрести земельную собственность. Только с ростом городов положение вольноотпущенных изменилось к лучшему: ремесло стало средством к существованию. С другой стороны, отношения между свободными настолько обострились, что многие из низших слоев свободного сословия постепенно перешли на положение оброчного собственника или даже на положение крепостного человека. Причина этого явления заключалась в различии положения высшего дворянства и низшего, владетельных родов и просто — свободных. Высшее дворянство было немногочисленно, но весьма состоятельно. Только 12 знатных фамилий перечисляет один древний историк у могущественного саксонского племени и 6 таких же фамилий у баварцев. Из среды этого дворянства выбирались герцоги и короли, и оно все более и более расширяло свою власть и свое влияние. Высота денежной пени служила прекрасным средством для этой цели. За повреждения или оскорбления, нанесенные члену знатной фимилии, требовалась уплата несравненно более значительной суммы, чем та, кото-

рая полагалась за те же преступления по отношению к свободному. Знатные, совершившие преступление по отношению к свободным, отделывались легко, но свободные, сделавшие то же по отношению к знатным — очень тяжело. Денежная пеня для просто свободного человека достигала иногда такой высоты и взималась с такой строгостью, что вконец разоряла не только виновника, но и его родственников, которые, в случае несостоятельности первого, отвечали за него по существовашему праву своим имуществом. Должность высшего судьи и первого государственного сановника находилась всегда в руках знатных фамилий; отправлявший эту должность пользовался неограниченной властью. Грабежами и всевозможными насилиями знатные вконец разоряли просто свободных людей. Таким образом эксплоатация крепостного сословия и рабов, доведенная до жестокости низшим дворянством, находила некоторое возмездие в отношении высшего дворянства к низшему. Угнетенным от этого, конечно было нисколько не легче.

Что касается количественного соотношения обоих классов, свободных и несвободных, то по этому вопросу у нас нет вполне достоверных данных. Вирт в своей «Истории Германского народа» определяет число свободных людей обеих категорий в 4 или 5 процентов всего населения. Это число удивительно точно совпадает с процентным отношением имущих классов к неимущим, которое Лассаль дал для современного общества.

К высшему и низшему дворянству присоединилось новое сословие, которое очень скоро подобно первым принялось сосать кровь угнетенного народа и во много раз увеличило его страдания. Это сословие было христианское духовенство. Христианство, продукт разложения древнего мира, постепенно проникло в Германию с юга и запада и овладело грубым и невежественным народом. Борьба со старыми богами была во вся-

ком случае не легка. Но высшее дворянство, обладая удивительно тонким чутьем, которым вообще отличаются классы всех времен в тех случаях, когда дело идет о средстве для вернейшего порабощения масс, скоро поняло, какое прекрасное подкрепление явилось ему в лице христианского духовенства. Дворянство не преминуло воспользоваться им.

Выдающиеся услуги, оказанные христианством, в качестве господствующей религии, Восточной Римской империи со времен Константина, были хорошо известны франкским королям из дома Меровингов. Они последовали римскому примеру, приняв христианство. Бедный, измученный народ, стонавший под бременем налогов, барщины и варварского обращения, отданный во власть грубого произвола настроений и страстей своих знатных мучителей, терявший свои поля и хижины во время продолжительных семейных войн и вторжений завоевателей, скоро начал серьезно прислушиваться к проповеди веры, проникшей к нему под видом религии бедных и страждущих и, как казалось, обещавшей освобождение от рабства. Жрецы же новой веры, поселившись среди только что обращенного народа, настроили монастырей, церквей, часовен, завладели поместьями, людьми и скотом, которыми с удивительной щедростью награждали их князья; низший слой — свободные шли за ними, под влиянием убеждений проповедников, надеясь таким путем получить место в царстве небесном. Они передавали добровольно свое имущество в монастырское или церковное владение, самих же себя и свое потомство в добровольное подчинение церкви. С своей стороны последняя употребляла все свое влияние, чтобы добиться от князей освобождения рабов; но эти последние не получали полной свободы, выходя из подчинения праву, подпадали подобно духовенству под сферу действия римского права и были обязаны отбывать барщину церкви. Этот даровой труд много способствовал увеличе-

нию богатства и влиянию последней. Не гуманность, а выгода побудила духовенство к этому шагу. Именья церкви постепенно достигли такого размера, что только путем эксплоатации крепостного труда она могла обеспечить себе необходимое количество рабочей силы. Вообще нет ничего неправильнее утверждения некоторых историков, будто бы духовенство способствовало облегчению и уничтожению крепостной зависимости и рабства. Факты доказывают как раз противное.

Нам неизвестны случаи, когда бы духовенство предприняло освобождение своих собственных крепостных и рабов, а ведь это было бы его первой обязанностью. Всегда и всюду с громадной энергией способствовало оно подчинению масс и с этой целью охотно оказывало услуги власти. Постоянно и неуклонно стремилось оно убеждением, хитростью и обманом к умножению своего имущества, к увеличению оброков, усилению барщины и пыталось отнять у раба и крепостного даже то немногое, что принадлежало ему по существовашему праву. Какие мотивы могли побудить его к иному образу действий? Религия, которую оно исповедывало? Во-первых, духовенство менее, чем кто-либо, следовало основным положениям нравственности, воспринятой христианством, а затем ведь эта религия как раз и имела целью скрасить земное рабство и утешить угнетенных, убаюкивая их надеждой на царство небесное. Многочисленные изречения из старого и нового завета служили для оправдания рабства. Впоследствии в этом отношении особенно выделился Лютер; он пытался доказать крестьянам, опираясь на библию и приводя многочисленные тексты, что они поступают несправедливо, пред'являя требования и подымая восстания против своих господ. Крестьяне же в свою очередь оправдывали себя, опираясь на ту же библию.

Духовенство было господствующим сословием, религия — средством и орудием его господства, а природе всякого господства, под каким бы покровом оно ни

выступало, противоречит стремление к освобождению тех, кто является об'ектом этого господства.

Нельзя требовать, чтобы волк пощадил ягненка или лиса — голубя, это противоречит их хищной натуре. Вопрос существования заставляет волка растерзать овцу и побуждает лису покончить с голубем. Точно так же нельзя требовать от господствующего класса, чтобы он уничтожил самого себя, дав порабощенным добровольно права свободных людей. В согласии с учением библии, которая требует от раба покорности и послушания своему господину, церковь запретила рабам под угрозой отлучения добиваться свободы собственными силами. Она даже запрещала отпускать рабов на волю, если это наносило ущерб церковному имению или уменьшало церковные доходы. Она пользовалась своей духовной властью, как вернейшим средством для увеличения числа своих рабов и крепостных. Так, между прочим, существовало правило, что ребенок, найденный перед церковными дверями, без всяких околичностей отдается в рабство церкви. В 1294 г. во времена папы Целестина V, об'ясняя десять заповедей, учили: «Христианин может иметь рабом еврея или язычника, и он не может ему препятствовать принять христианство, но и после этого он продолжает оставаться рабом».

Беспощадность, с которой духовенство в продолжение средних веков пользовалось своей властью для порабощения народа, сделало его ненавистнейшим сословием из всех господствующих сословий. Такая ненависть со стороны угнетенных станет нам понятна, если мы примем во внимание следующее обстоятельство. В средние века духовенство являлось в то же время и сословием ученых, хотя ученые его труды весьма незначительны и сильно переоценены и преувеличены, но знание письма и грамоты исключительно духовенством вело за собой необходимость для князей выбирать себе советников и доверенных лиц из этой

среды и поручать им составление всевозможных актов и договоров. Пользуясь таким положением, духовенство свершило целый ряд важных подлогов, как в своих интересах, так и в интересах своих доверителей... Оно составляло акты, по содержанию противоположные тем, какими они должны были быть. И если впоследствии люди, считавшие свои права нарушенными, себя чрезмерно притесненными, обращались в суд, ссылаясь на заключенные договоры, то оказывалось, что содержание их совершенно иное, чем они полагали.

Таким образом, одна сторона теряла все свои права и преимущества. Особенно сильно изощрялось духовенство в подлогах при составлении положений о государственных учреждениях, положений, которые в шестом и седьмом веке постепенно заменили изустные предания. Королевская власть стремилась к расширению и к освобождению от тягостной опеки и контроля честолюбивого дворянства. Короли и духовенство были в данном случае естественными союзниками. Первые основывали большие епископства и аббатства и передавали их любезным их сердцу священникам. Многие знатные дворяне, разорившись или лишившись власти и имущества в силу закона о первородстве, охотно предлагали свои услуги и были согласны стать покорными слугами короля, лишь бы только получить с титулом архиепископа, епископа или аббата в свои руки управление этими богатыми церковными имениями.

Для утверждения своей неограниченной власти короли располагали еще другим средством. Они имели право, как высшие представители государства, в руках которых находилось управление государственными имуществами — обширными поместьями, лесами и другими земельными угодьями — назначать туда чиновников под именем маркграфов, фальцграфов, и ландграфов, фогтов, которые являлись там представителями

короля, управляли имениями, судили жителей и за известные обязанности по отношению к государству получали эти поместья на правах ленного владения. Таким путем было положено начало ленному или феодальному строю, который получал все более широкое распространение.

Сначала королевские лены жаловались исключительно на срок, на период занятия определенной должности. Но с течением времени привилось пожизненное назначение на должности, а следовательно, и пожизненное же пользование должностными ленными имениями или бенефициями. Обычай, согласно которому должность переходила от отца к сыну, привел вскоре к наследственной передаче и должностей и поместий. Ленники или вассалы, заинтересованные в такой наследственной передаче, поддерживали друг друга в своих притязаниях. Стремление князей превратить свою власть также в наследственную власть благоприятствовало этим планам. Если еще так называемому Карлу Великому удавалось положить предел стремлению вассалов к независимости, то его слабым преемникам эта задача оказалась уже не по силам. При них прежние высшие государственные сановники стали независимыми князьями, присвоили себе королевские права, а именно: право взимать пошлины и налоги, чеканить монету, творить суд, карать смертью, и уже с своей стороны старались создать многочисленные кадры вассалов. Междуусобные войны, разгоравшиеся все сильнее, насилия сильных над слабыми создали вскоре такое положение, что ни один свободный человек не был в состоянии защитить свое имение от насилия со стороны более могущественного соседа. Поглощение крупного производства мелким в наше время является в результате сложного экономического процесса, в средние века такое поглощение происходило путем ничем не прикрытого насилия. Менее знатные свободные люди добровольно покорялись своим могу-

щественным соседям и владели уже тогда своими имениями не на правах свободных собственников, а на правах ленников — вассалов, присягавших феодалу на верность, обязанных защищать его и нести военную службу, взамен этого получавших с его стороны обещание защиты на случай нападения третьих лиц. Если же свободный человек не соглашался вступить в ленные отношения, то он до тех пор подвергался всевозможным насилиям, до тех пор чрезмерно обременялся всевозможными государственными повинностями, пока не предпочитал положения вассала положению независимого свободного человека. Подобно светским властителям, поступали и духовные владыки. Число епископств и аббатств стало весьма значительным. Один Карл Великий основал не менее восьми епископств и даровал им большие привилегии. Управляя государством, он держался правила пользоваться могуществом духовного сословия для борьбы с дворянством; он же является истинным основателем светской власти папы. При его слабых преемниках положение совершенно изменилось, не духовенство уже являлось орудием в руках королей, а короли стали орудием духовенства. Римский титул императора, принятый Карлом Великим, сделался той приманкой, которой пользовалось папство по отношению к королям. В длившейся веками борьбе между духовной и светской властью расплачиваться, как всегда, приходилось народу. Ослабление императорской власти, как результат этой борьбы, было как раз на руку светским и духовным владыкам. Они смотрели на народ только как на об'ект, из которого пытались выжать возможно больше соков; народу приходилось платиться новыми поборами и новыми обязанностями за каждый шаг по пути прогресса, обусловленного ростом народонаселения, улучшением способов земельной культуры и развитием торговли продуктами земледелия и промышленности. Рос-

кошь и расточительность дворянства и духовенства росла с каждым десятилетием, политическое же бесправие и невежество масс оставалось прежним.

Большая часть дворянства и духовенства по своей грубости и невежеству немногим отличалась от массы народонаселения; у класса, которому не приходится вести борьбу за власть и у которого поэтому нет достаточных оснований способствовать развитию образования, потребность к образованию выражена обыкновенно весьма слабо. Стремление к образованию ради самого образования присуще только отдельным, богато одаренным натурам. Господствующие классы всегда обладают вполне естественным желанием не делать общим достоянием то образование, которым они пользуются и которое вполне удовлетворяет их потребности, потребности господствующего класса. Этим об'ясняется то обстоятельство, что все средневековое дворянство, господствовавшее в течение многих поколений и насчитывающее в своем составе миллионы людей, ни на шаг не подвинуло дело культурного развития человечества. Если бы было возможно вычеркнуть из истории дворянство, то при этом ничего не было бы потеряно, ибо ничего полезного оно не создало. Его существование было естественно-необходимо, как естественно-необходимо все, что существует, хотя ни в коем случае не разумно, как утверждает Гегель. Это сословие являлось естественным продуктом примитивных экономических отношений, и его господство могло кончиться только с исчезновением того общественного строя, который его породил. И в этом заключается и об'яснение и оправдание его существования. Добродетели и пороки дворянства являются также естественными следствиями тех условий, среди которых оно существовало. «Рыцарская» храбрость и отвага обязаны своим возникновением страсти к грабежу, завоеваниям и угнетению; богобоязненность, поскольку вообще о ней можно говорить, существовала только как продукт невежества; не-

вежество же и распутство являлись следствием того, что им не приходилось употреблять усилий для поддержания своего существования и для занятия определенного положения в обществе; это положение зависело только от принадлежности к известному сословию и резко выраженных животных качеств храбрости и отваги.

Духовным бесплодием отличался и тот период жизни дворянства, который, по мнению историков, бредящих романтизмом, должно рассматривать как блестящий период, именно время миннезингеров, т.-е. певцов любви, в XII и XIII столетии. Деятельность этих миннезингеров заключалась главным образом в воспевании в поэтической форме внешней женской прелести и красоты для возбуждения рыцарского сладострастия; серьезные темы их не интересовали. Они не имели никакого отношения к предмету рыцарски-романтических фантазий, склонностей и страстей. Кому такое мнение показалось бы не верным, тому мы напоминаем, что период миннезингеров как раз совпадает с тем периодом, когда разбой в Германии, называвшийся кулачным правом, достиг полного расцвета и стал ремеслом дворянства; когда грабеж купеческого имущества, устройство застав на дорогах и водных путях для взимания бессмысленных пошлин, когда постоянные распри дворян между собой и борьба с развивавшимися городами, истинными носителями средневековой культуры, являлись преимущественным занятием дворянства. О крепостных и рабах один из миннезингеров пел в XII столетии, конечно, в полном согласии со всем сословием. «Крестьяне и свиньи для меня одинаковы: они не могут воспринять любви». Конечно! Дворянство в сообществе с духовенством позаботилось о том, чтобы отравить бедняку даже любовь и семейную жизнь. Оно не довольствовалось тем ужасным экономическим гнетом, который производился на народ, а дополняло его нравственными пытками, чтобы убить в подчиненном последнюю искру

человеческого достоинства. Женитьба крепостного или раба зависела от согласия помещика, косвенно от фогта или управляющего. Такое разрешение в лучшем случае жених мог купить, уплатив так называемый налог на женитьбу или брак, который попеременно назывался налог на кровать, налог на рубашку, девичья подать, налог с передника и т. д. Этот выкуп был еще облегчением, так как по старому существовавшему еще праву владетель имения мог из'явить притязание на jus primae noctis, т.-е. на право первой ночи. Правом этим обладали как духовные, так и светские властители и пользовались им в удобных для них случаях. Оба сословия—дворянство и духовенство—предавались всевозможным нравственным порокам—духовные отцы, вследствие неестественного безбрачия (целибат) при праздной и роскошной жизни еще сильнее, чем светские владыки. Соображения чести и стыда для них не существовали. Подобное положение дел—позор для человечества. Оно лучше всего свидетельствует о том унизительном положении, до которого господствующий класс довел подчиненный. Строго говоря, наш век не имеет никаких оснований возмущаться безнравственностью средневековья. Потому что нельзя забывать, что, несмотря на то, что мы отделены многими столетиями от того печального времени, что рабство и крепостное право давно уничтожены, что рабочий класс, как класс «свободный», может продавать свою рабочую силу, что нигде не существует «права» на первую ночь,—но, несмотря на все это, фактически им достаточно часто пользуются. Кто хоть раз заглянул в мастерские и фабрики, где работают женщины, или знаком с положением дел в наших больших имениях, тот знает что среди фабрикантов, помещиков и их служащих немало лиц, которые ведут себя так, как будто считают, что вместе с рабочей силой женщины они купили и ее честь. Таковы естественные следствия классового господства.

Раньше было указано, насколько бесплодно было дворянство по отношению к общему культурному развитию, было и должно было быть, и утверждалось, что духовенство сделало немногим более. Этот взгляд противоречит обычному представлению, по которому средневековое духовенство оказало значительные услуги просвещению. Как выше было сказано, духовенство во всяком случае в то время являлось и сословием ученых; в первые столетия только в его среде находились лица, умевшие писать и читать; знание латинского языка, который в средние века являлся международным языком и языком ученых, было неразрывно связано с положением духовенства, так как на этом языке велось богослужение и были написаны библия и писания отцов Церкви. Эти механические знания не дают еще оснований признать, что духовенство в высокой степени способствовало развитию культуры: эти знания были в известном роде орудиями, при помощи которых духовенство только и могло исполнять свои обязанности; необходимо выяснить себе цель, для которой оно пользовалось своими знаниями, и тогда можно решить, приносила ли его деятельность пользу или вред. Какова же была цель его деятельности? Оказывается, что оно, за единичными исключениями, пользовалось превосходством своих знаний для достижения власти и влияния, стремясь встать, как господствующий класс, рядом с дворянством или выше его. Его властолюбие запрещало ему, как и всякому господствующему классу, употреблять свои познания и свое искусство на всеобщую пользу, для прогресса человечества.

К тому же запас его знаний был несравненно меньше, чем это утверждают его защитники. Большая часть духовенства пребывала в глубоком невежестве, от чего не были свободны и высокопоставленные духовные владыки. Доказательством может послужить тот факт, что на Халкидонском соборе, в 451 г. по нашему

стилю, нашлись 40 епископов, которые не умели ни читать, ни писать. Карл Великий в свое время горько жаловался на невежество большей части монахов, полным пренебрежением своими обязанностями и их распутством. В конце IX века английский король Альфред Великий жаловался, что от Гумбера до Темзы нельзя найти ни одного священника, который знал бы литургию на родном языке, или умел бы перевести самые легкие места с латинского языка, и при этом он добавлял, что духовенство южной части Англии от Темзы и до моря еще невежественнее. В 855 г. аббат Лупус фон-Ферриер просил папу дать ему копию сочинениия Цицерона «Об ораторе», так как во всей Франции нельзя найти ни одного полного экземпляра этого сочинения. Монастырь Фонтевро продал одному мелкому торговцу, как старый пергамент, полный экземпляр сочинений Ливия. В другом монастыре в 1441 г. нашли Проперция в виде подстилки под бочкой вина. Петрарка (1304—1374), найдя в Люттихе две до тех пор неизвестные речи Цицерона, был принужден обежать весь город, включая сюда и монастыри, чтобы получить немного чернил. Еще целый ряд фактов могут охарактеризовать стремление к образованию высшего и низшего духовенства. Понимая, и вполне правильно, что образование и наука несовместимы с религией, епископ Теофил в 381 г. совершил поистине варварский поступок, велев уничтожить большую и знаменитую библиотеку в Александрии, в которой находились сотни тысяч томов произведений поэтов и писателей, философов и ученых древности. Папа Григорий, который получил имя Великого, издал около 600 г. приказ сжечь всюду все произведения Цицерона, Ливия и Тацита. Фанатический преследователь мавров в Испании, кардинал Хименес, в конце XV столетия велел предать огню сотни тысяч произведений, которые находились в библиотеке в Гранаде. Число произведений, которые уничтожил Хименес, указывается его собственными защитниками

в полтора миллиона томов. В монастыре Сен-Галлене, который вместе с монастырями Гиршау, Рейхенау, Вейсенбург и Карвэ прославлен как центр средневековой культуры, в конце XII столетия аббат со всей братией не мог написать ни единой строчки; несколько столетий спустя в том же монастыре нашли всю библиотеку в подвальном помещении, наполовину испорченную пылью и плесенью.

Известно также, что, когда приготовляемая арабами бумага стала реже и дороже, часто незаменимое содержание старых пергаментов соскребалось, выцарапывалось и свитки наполнялись святыми историями и легендами или даже употреблялись для переплетов. Наука и религия несовместимы; признавая это, соборы XII и XIII столетия, как и папские буллы, запрещали духовным лицам, под страхом строгого наказания, чтение сочинений по естествознанию. Поэтому в конце XI столетия подвергся ожесточенным преследованиям такой человек, как Абеляр; Арнольд Брешианский был сожжен, как еретик, в середине XII столетия; Роджера Бекона обвинили в конце XIII столетия в колдовстве и заточили на много лет в ужасную тюрьму.

Если у духовенства, как сословия, отсутствовало стремление к идеальным целям и к улучшению участи подчиненных, то тем деятельнее применяло оно свои незначительные знания для достижения как раз противоположных целей и личного материального благополучия. Производство подложных документов превратилось в позднейшее средневековье в форменное торговое предприятие, существовали монастыри, где подобные документы производились чисто ремесленным путем. Если в монастырях очень редко находили научную книгу, притом обыкновенно в несоответствующем ей месте, то тем чаще там находили вместе с тщательно сохраненными документами, которыми некогда свободные люди и их потомства превращались

в слуг церкви, заметки, перечислявшие обязанности и барщину, которые крепостные и рабы должны были выполнить для церкви, затем громадные списки, в которых тщательно и обстоятельно перечислялось: сколько мер хлеба, сколько гусей, кур и яиц, сколько возов вина, какую часть скота и что вообще еще должны были доставлять ежегодно подданные монастыря для удовлетворения его житейских потребностей.

Немногие лица, которые выделились в духовном сословии, составляли исключение из общего правила. Сословие в целом было и должно было быть враждебно просвещению и культуре, потому что его существование обусловливалось невежеством и некультурностью. Но если сословие, пользуясь властью и всеми связанными с ней благами, не ставит себе идеальных, облагораживающих человечество целей, а скорее принуждено враждебно относиться и нетерпимо преследовать всякое культурное начинание, то оно по необходимости погружается в пресыщение и пороки: пьянство, разврат, роскошь и мотовство. Это характерные черты каждого господствующего сословия, каждого господствующего класса, которые достигли своей цели. Мы видим такую картину у владетелей латифундий и заместителей государственных должностей в древнем Риме, мы видим это у дворянства и духовенства в средние века, и, наконец, теперь мы видим это явление вновь подтвержденным у нашей современной буржуазии. С 1849 г., который создал для нее конституционную эру, т.-е. государственную форму для привилегированного капитала, в идеальных стремлениях буржуазии наступил перелом, с 1866 г. началась их предсмертная агония, и с 1870 г. они замерли. Старческий маразм этого класса теперь ясен для всего мира. «Назад, назад, дон Родриго»—это его лозунг в настоящий момент: на распутство, утонченную роскошь и чувственные наслаждения устремлено все внимание буржуазии. Она гниет и уже около двух десятилетий

валяется в сорной куче истории. Все более возрастающие жалобы на всеобщее огрубение и одичание находятся в теснейшей связи с моральным состоянием господствующего класса. Буржуазия поглупела, изнежилась и огрубела, своим гниением она заражает и низшие классы. Таково же было положение во времена Римской империи и при гибели средневековья. Но низшие классы обладают слишком большой жизненной силой, и потому в состоянии удалить эту болезнетворную заразу и взять на себя задачу возрождения общества. Духовенство, которое вследствие простоты общественных отношений, ограниченности и необразованности масс, скоро достигло господства, очень рано впало в состояние разложения и упадка. Уже первый христианский император—император Константин, умерший в 337 г., жаловался в одном обращении к епископам: «Вы делаете все, что ведет к раздору и ненависти, даже, говоря прямо, все, что приведет к гибели человеческого рода». Василий Великий, умерший в 379 г., восклицает: «Наименее достойные становятся епископами!» В то же время Кирилл Иерусалимский обвиняет духовенство в распутной и роскошной жизни. Григорий Турский, ум. в 595 г., жалуется на безмерное пьянство духовенства. Карл Великий писал епископам и аббатам, чтобы они по совести об'яснили, что значат слова, которыми они часто пользуются: «отречься от мира», и по какому признаку можно отличить отрекавшихся от мира от тех, которые не отрекались; разве только по тому, что первые не носят оружия и не состоят открыто в браке. И он кидает им обвинение в грабежах и хищничестве. Карл Великий, который так же мало заслужил свое почетное прозвище, как и большинство королей, обладающих им, был во всяком случае не тот человек, который имел право возбуждать подобные обвинения. Он сам не уклонялся от грабежей и разбоя, не останавливался перед жестокостями, среди которых выдается гнусное избиение

4500 беззащитных саксонцев, взятых в плен при Вердене; его собственный образ жизни, как и образ жизни его дочерей, оставлял желать многого, его резиденция немногим отличалась от дома терпимости. Жалобы на образ жизни духовенства с течением времени становились все серьезнее. Один современник императора Генриха IV пишет: «Среди священников восхваляется более всех тот, который имеет роскошнейший стол, прекраснейшую одежду и самых красивых любовниц. Люттихский епископ хвалился в 1273 г. во время публичного обеда, что он имеет наложницей прекрасную игуменью и что у него от других женщин родилось в продолжение двух лет 14 человек детей». Петрарка описывал жизнь папского двора в XIV веке таким образом: «Воздержанность считается крестьянской добродетелью, целомудрие — позором. Чем порочнее и нечестивее кто-нибудь был, тем большей славой он пользовался. Я не говорю о распутстве, похищении женщин, прелюбодеянии и кровосмешении — эти преступления были в сравнении со сладострастием духовенства сущими пустяками...» В это же время в Германии мужские и женские монастыри превратились в настоящие преступные вертепы, — там без меры предавались разврату и пьянству. Женские монастыри служили дворянству нередко публичными домами; естественными последствиями такого образа жизни являлись часто детоубийство и другие преступления. В XII столетии одна игуменья пишет: «Что же происходит теперь во многих церквах? Не религиозные церемонии, не священнодействия, а богохульства и разврат, производимые с юношески дерзким бесстыдством. Переодевшись воинами, приезжают духовные лица. Между священниками и солдатами нет разницы. На распутных сборищах духовенства и мирян церковь оскверняется обжорством и пьянством, скоморошеством, грязными шутками, открытой игрой, бряцанием оружия, присутствием известных блудниц, мир-

ской суетой и всевозможным беспорядком. Подобные собрания никогда не кончаются без ссор, как бы мирно они ни открывались». В XV столетии особенно прославились своим распутством женские монастыри в Швабии (южной Германии). В монастыре Зефлинген, под Ульмом в 1484 г. большая часть монашенок были беременны. Предпринятый в Австрии в 1563 г. осмотр монастырей дал следующие результаты: 387 монахов содержали при себе 237 наложниц и 49 замужних женщин, 36 монашенок имели 50 своих детей, вообще же было налицо 412 человек детей. Епископы разрешали подчиненному им духовенству содержать любовниц по внесении за то определенного налога. Констанцский епископ Гуго-фон-Ланденберг превратил этот налог в обильный источник доходов и сам обложил им тех духовных лиц, которые заявляли, что не содержат любовниц. На их отказ платить налог он возражал, что то обстоятельство, что они не имеют любовниц, его совершенно не касается; он не может терять свои доходы потому только, что иной священник не хочет пользоваться его разрешением. Ежегодный доход от этого налога упомянутого выше епископа оценивали в 6000 или 7500 гульденов. Вследствие такого положения, в южной Германии и Швейцарии в средние века во многих местах привился обычай, по которому прихожане ставили условие вновь приезжавшему священнику привезти с собой свою наложницу, в противном случае они назначали ему таковую. Крестьяне боялись, и вполне основательно, за честь своих жен и дочерей, которые, несмотря на это, часто находились в опасности от сладострастных священников.

В разорении народа, роскошной жизни и распутстве с белым и черным духовенством состязались и рыцарские ордены (рыцари, давшие обет монашества), возникшие со времен крестовых походов и соединившие в себе дурные качества обоих сословий. Особенно просла-

вились испорченностью рыцари Тевтонского ордена. Систематическое обольщение и женщин и девушек, изнасилование девушек, даже растление малолетних составляло самое обычное явление; многие члены ордена доходили даже до такого скотского состояния, что из помещений ордена приходилось удалять всех животных женского пола. Вполне понятно озлобление, которое крестьяне проявили по отношению к этому ордену во время крестьянских войн.

Такова отвратительная картина, которую представляло собой, за немногими исключениями, средневековое духовенство. И нет сомнения, что если бы общество состояло из дворянства, духовенства и втоптанного в грязь, поруганного и разоренного крестьянского сословия, оно должно было бы погибнуть. Господствующие сословия — дворянство и духовенство — находились в таком умственном и нравственном состоянии, которое исключало всякую возможность возрождения общества при помощи их. Сельское население было настолько принижено вековым гнетом, оно прозябало в таком состоянии духовной незрелости, общее его развитие было настолько ограниченно, что оно не обладало достаточной силой и волей, чтобы завоевать себе свободу и независимость. Нужен был элемент, который хотя и находился в зависимом и подчиненном положении, но экономические условия существования которого все-таки позволяли бы ему развиваться духовно и физически и своим развитием поддержать и послужить опорой угнетенному классу; элемент, который сломил бы силу противника и создал бы для сельского населения условия существования, которые делали бы для него возможным возрождение и борьбу за человеческую жизнь.

Этим прогрессивным элементом являлись бюргеры, образовавшие в феодальном обществе новое сословие, которое хотя и вступило в жизнь наравне с крестьянами, как угнетенное сословие, но которому постепенно

удалось — и не могло не удаться — достигнуть сравнительно с крестьянством большей доли свободы и самостоятельности.

Культурно-историческое значение, которого достигли горожане, во всяком случае не является их «заслугой», как это им часто приписывают. Никакое сословие и никакой класс не обладают свободной волей, они — продукт социальных отношений, и они действуют только в интересах своего сословия или класса, не спрашивая, приносит ли их деятельность пользу или вред всему обществу, способствует ли она культурному развитию или нет. Благотворное влияние, которое горожане оказали на положение земледельческого населения, в свою очередь принесло немало пользы их собственному развитию.

За возбуждение умственных интересов у сельского населения, за поднятие культуры земли, достигнутой благодаря им, они обрели в сельском населении союзника для борьбы против дворянства и духовенства, союзника, которому, впрочем, они не всегда платили добром. Об этом свидетельствуют Реформация и крестьянские войны.

II

Возникновение городов, городского сословия и влияние этого факта на развитие страны

Первые немецкие города были римского происхождения. Мы их находим в виде римских колоний вдоль по Рейну и южнее Дуная. Вместе с падением римского государства остановилось и их процветание. Начавшееся в конце IV века переселение народов покончило с их своеобразной жизнью. Только по восстановлении до известной степени нормальной жизни в V и VI столетиях они начали вновь оживать, главным образом как местопребывания королевских придворных и государ-

ственных чиновников и епископов. Им удалось сохранить в новых условиях существования небольшую часть своего прежнего муниципального устройства, и оно служило образцом для молодых городов, возникавших постепенно в различных частях государства, вокруг королевских дворцов и бургов, как местопребывания многочисленных чиновников с их челядью, или вокруг монастырей и местожительств епископов, как пункт частых, регулярных и больших стечений народа. Первоначальным занятием горожан в образовавшихся вокруг бургов и епископств посадах была торговля. Дни публичных судов, народные собрания, на которые имели доступ, правда, только свободные люди, церковные богослужения и религиозные процессии по воскресным и праздничным дням создавали благоприятные условия для развития этой торговли. В первых столетиях торговлей занимались исключительно чужестранцы, именно итальянцы (ломбардцы) и западные франки: они выменивали золото, серебро, украшения, церковную утварь, оружие и тому подобные вещи на звериные шкуры, скот, гусиные перья, а также на рабов. Вокруг церквей и бургов ставились лавки, на которых купцы, мелкие торговцы, мясники, булочники и трактирщики выставляли свои товары. Эти лавки в течение следующих столетий составили торговые ряды, распадавшиеся на определенные отделения, которые отводились как привилегированные места для отдельных ремесл и сохранились отчасти до нашего времени. Ярмарки не могли происходить в любом месте. Для этого требовалась специальная королевская привилегия, так называемое право на рынок. И так как право торговли на таком рынке покупалось за известную сумму денег, то отсюда образовался обильный источник дохода. Право на открытие рынка скоро сделалось привилегией, которой добивались многие. С этим правом вскоре стало соединяться право на взимание пошлин и затем по большей части право на чеканку монеты.

Евреи уже в ранние времена играли важную роль в торговле, они преимущественно занимались денежными и кредитными делами, находились под непосредственным покровительством короля и платили за это покровительство особый налог. Евреи были пионерами в деле развития торговли между городами; их цивилизация, насчитывавшая уже столетия и возникшая еще под римским владычеством, в связи с законодательным запрещением приобретать в собственность земельные угодья, превратила их в ловких купцов.

К торговле присоединилось ремесло. Ремесленные работы в дворянских имениях исполнялись крепостными. Когда стала расти потребность в более искусных произведениях ремесла, то всех крепостных начали делить на два класса: одни занимались исключительно обработкой земли, другие — ремесленным трудом и домашними работами. Тот факт, что большая производительность и более искусная работа достигается односторонним упражнением, привел к дальнейшему разделению труда. Вскоре каждый должен был заниматься только вполне определенным трудом. К 580 г. уже существовали вполне определившиеся ремесленники, как, например, кузнецы, портные, сапожники и т. д.

В соответствии с феодальным духом времени всякая деятельность была наследственной: например, сын кузнеца становился опять кузнецом; подразделение крепостных на упомянутые выше два класса передавалось по наследству. Искусные ремесленники настолько поднялись в цене, что пеня за убийство ремесленника в три раза превышала пеню, полагавшуюся за обыкновенного крепостного.

В королевских бургах и дворцах, в местожительствах епископов и в монастырях, прежде чем где-либо, явилась потребность в ремесленниках. Там нуждались в оружии, седлах и принадлежностях к ним, в шорном приборе и всевозможной утвари.

Там поэтому были поселены крепостные, занимавшиеся ремесленным трудом; они составили вокруг монастырей и замков и отчасти внутри их многочисленное население, занятое исключительно своим ремеслом. Дальние помещики вскоре стали позволять своим крепостным-ремесленникам, для которых они не имели достаточного количества работы, селиться вокруг замков, монастырей и местожительств епископов. Ремесленники платили помещику из вырученного заработка определенную сумму и были обязаны являться к нему в назначенное время и производить работы, необходимые для его собственного обихода. Увеличение этих поселений вызвало необходимость в организованном управлении.

Это управление попало в руки королевских слуг или министериалов. Хотя они и происходили по большей части из крепостного сословия, но уже получили свободу. Из их среды назначался городской фогт, который обладал правом именем короля карать смертью; они же заведывали чеканкой монеты и взиманием пошлин и податей. Потомки этих королевских слуг образовали впоследствии в городах знатные роды, или патрициат, состав которого усилился как обедневшими дворянами, так и теми, которые, владея в городе земельною собственностью, селились в нем. Они одни составляли до XI века слой полноправных граждан, тогда как все остальные городские жители были свободны только наполовину или совсем несвободны.

Бюргерство впоследствии отчасти перешло к промыслам обычным для жителей городов, а именно, повело выгодную торговлю, устроило пивоварни и вообще стало заниматься промыслами, приносящими большую прибыль.

Но главным образом оно жило на счет остального населения. Патриции обременяли его налогами и всевозможными взысканиями и высасывали из него соки, подобно тому, как земельное дворянство и духовенство обирало крестьянское сословие.

И все-таки положение несвободных в городе было несравненно лучше их положения в деревне, именно по следующей причине: в городе им удавалось гораздо легче скрыть свое имущество, состоявшее главным образом из денег и товаров или сырых материалов,— в городе трудно было их контролировать. Увеличившаяся роскошь, которая развилась среди господствующих классов, и организация торговли создали условия для такого заработка, который дал ремесленникам возможность откупиться от обязанности исполнять работы на своего господина раз навсегда единовременным взносом или ежегодными уплатами определенной денежной суммы. Императоры вскоре увидели, какую важную для них опору представляют собой города в их борьбе против высшего дворянства, стремившегося к независимости от государственной власти, и они снабдили города правами и привилегиями, которые принесли пользу также и несвободной части городского населения. Особенно благосклонно относился к городам Генрих I, умерший в 936 г. Он не только основал значительное число их в северной и восточной Германии, приказав построить бурги и повелев каждому девятому человеку сельского служилого сословия поселиться в бурге, а остальным восьми доставлять ему средства к существованию, но и позаботился также о том, чтобы огородить город — для защиты от нападений извне, и сделал живущих в городе крепостных до известной степени правоспособными гражданами.

Затем он распорядился, с целью поднять торговлю и сношения с городами, чтобы все народные собрания и празднование государственных торжеств были перенесены в города. Большая независимость, которой таким путем достигли города, и потребность в рабочей силе в связи с более благоприятными условиями жизни явились причиной, побудившей многих крепостных и рабов бежать с земли своего господина; они находили в городах радушный прием. Правда, помещики

имели право требовать выдачи беглецов; они так и поступали, где могли, но городские власти, довольные ростом работоспособного, а следовательно, могущего платить подати и налоги населения, не очень-то спешили исполнять эти требования. Следующее правило постепенно стало даже законом: беглец, проживший в городе год и один день, получал права городского жителя.

Уже довольно рано ремесленники, еще находившиеся в зависимости от своих господ, образовали цехи, во главе которых, в звании старшины или мастера, стояли слуги знатных господ; эти старшины впоследствии назывались обманы, обхерры, моргеншпрехеры, или, в связи с исполнением ими почетных обязанностей в церкви, керценмейстеры. Возраставшая независимость городов способствовала постепенному развитию цеховой жизни, хотя это развитие происходило не без упорной борьбы. Во-первых, знатные городские роды, или патриции, видели в организации цехов опасность для своей неограниченной власти в управлении городами, затем императоры, а также владетельные князья в городах подчиненной им местности усматривали в цехах не только ремесленные, но и политические союзы, относились к ним недоверчиво и не раз запрещали их.

Таким образом, часто случалось, что император брал назад привилегии, которые даровал его предшественник. Но постепенное падение императорской власти и наступившая для нее с течением времени необходимость обеспечить себе поддержку городов, как союзников в борьбе с стремлением князей к независимости, принудило ее постепенно расширить привилегии городов и цехов.

Патриции городов не только стремились получить как можно больше императорских привилегий: они добивались также свободы и независимости от власти местных князей, высшего дворянства и духовенства,

как-то: архиепископов, епископов и аббатов, они ставили себе задачу быть непосредственными или полноправными членами империи.

В этом пункте интересы патрициев совпадали с интересами несвободных горожан. Для достижения поставленной цели уменье обращаться с оружием стало необходимостью для всех горожан. Их главным оружием являлось копье, отсюда имя копейщик, по-немецки в переносном смысле значит мелкий горожанин, мещанин; между тем как рыцарские роды образовывали конницу и были вооружены мечом и панцырем.

Горожане, в свою очередь, распадались на две части: на имевших право образовывать цехи и не обладавших этим правом. Последние, по понятиям своего времени, считались «бесчестными», к ним в большинстве городов принадлежали: мельники, цирюльники, сапожники, ткачи полотняных материй, затем сборщики пошлин, флейтисты, трубачи, метельщики улиц, ночные сторожа, надзиратели за нищими и прислуга. Последние категории, как показывают их имена, составляли низший служебный персонал, следивший также за чистотой и безопасностью в городе.

Посадскими называлась та часть городских жителей, которая жила собственно за оградой города, состоявшей в прежнее время из частокола. Посадским город давал только защиту, их число пополнялось главным образом бежавшими из дворянских имений рабами и крепостными; они занимались сельским хозяйством, огородничеством и культурой винограда, если не знали никакого ремесла.

Император Фридрих II, умерший в 1250 г., запретил образование посадов, подобно тому как он, а также его заместитель на время пребывания Фридриха в Италии, король Генрих VII, издали ряд указов, которыми ограничивались политическое влияние и права городов; но впоследствии он опять был вынужден отменить все эти указы.

Евреи жили в те времена под именем императорских «каммеркнехтов», под специальной защитой короля, в отведенных им городских кварталах.

Многоголовое господство имело следствием еще другие особенности в жизни городов. Часть земли в городе часто оказывалась господской землей, которая принадлежала или епископу, или князю, или дворянину, или монастырю. Ремесленник, который строил себе на такой господской земле дом и селился в нем, вступал в известного рода крепостные отношения к господину этой земли. По смерти ремесленника его наследники должны были уступать часть своего наследства владетелю земли; если умирал господин, то ремесленник был обязан отдать часть своего имущества его преемнику. Эти ремесленники подлежали также насильственной женитьбе и выплачивали на ряду с ежегодным оброком владетелю земли все городские налоги и подати. Такое положение полукрепостных ремесленников в городах создает представление о том, какова была картина в то время (XI столетие) в деревне.

С XI до XIII столетия большей части городов удалось освободиться от податей и ограничений, вытекавших из крепостных отношений и отношений подданных к своим владыкам. Они получили постепенно полное самоуправление и могли, поскольку были имперскими городами, находившимися непосредственно под покровительством императора, принимать участие в имперских с'ездах; если же они считались только княжескими городами, т.-е. находились под покровительством местных князей, то имели право через своих представителей участвовать в созываемых последними ландтагах, или местных территориальных с'ездах.

Этот рост политического могущества и независимости явился здесь, как и всюду, следствием поднявшегося материального благосостояния. Экономическое могущество служит основанием политической власти, эко-

номическое же могущество городов было в то время сравнительно весьма велико.

В промышленности выдающееся положение заняло изготовление шерстяных материй и сукноткачество. Ткачи сукна в большей части городов образовали значительные и важные цехи. Рука об руку с тканьем сукна развивалось и крашенье его. Большая роскошь, царствовавшая в церквах, обилие золотой и серебряной церковной утвари и священнической одежды способствовали расцвету и высокому развитию искусства среди золотых и серебряных дел мастеров и в других отраслях художественной промышленности. При наличности большого спроса на дорогие доспехи и оружие всякого рода, число оружейных мастеров должно было стать значительным, и они достигли известного благосостояния. Большое потребление кожи на перчатки, ремни и седельную сбрую, портупеи и т. д. создало много работы кожевникам, перчаточникам, шорникам и седельникам. Спрос на меховые товары сделал прибыльным занятием скорнячество. Варка пива и меда, при склонности к безмерным попойкам и частым пиршествам, приносила большой доход. Начавшаяся в XII и XIII столетиях постройка прекрасных церквей и соборов, стремление патрициев и богатых купцов заменить ратуши и частные дома, построенные до сих пор по большей части из земли и дерева, каменными строениями, способствовала образованию массы строительных рабочих.

Немецкие строительные рабочие вскоре достигли европейской известности. В связи с строительным искусством развился целый ряд художественных ремесл, как, например, скульптура и резьба, гравировка по меди, резьба по дереву, резьба медалей, художественная столярная работа и токарное искусство. Торговля шла рука об руку с развитием ремесл. Через южную Германию, вдоль по Рейну шла главная торговая дорога в Нидерланды и к морскому берегу для товаров с Во-

стока, из Леванта и Италии. Богатство главных торговых домов, как, например, Фуггеров и Вельзеров в Аугсбурге, было необычайно велико. В северных немецких приморских городах образовался в первой половине XIII века Ганзейский союз (Ганза), который вскоре стал обладать самым большим флотом того времени и держал в своих руках всю северную торговлю. Большая часть нижне-германских внутренних городов, как Кельн, Зест, Падерборн, Брауншвейг, Гельмштедт, Магдебург и другие присоединились к Ганзе. Наконец, и горное производство было весьма развито. Рудники в Мейсене, в Мансфельде, в Гарце близ Гослара, в Фихтельгебирге и Рудных горах, в Зальцбурге и Тироле давали работу многим тысячам рудокопов, которые впоследствии играли влиятельную роль в крестьянской войне. Это материальное благосостояние большей части городских жителей должно было производить давление на все стороны общественной жизни.

Дворянство, желая подражать в роскоши богатым горожанам, впало в долги, а так как денег можно было достать только у горожан, то оно закладывало у них свои имения. Таким образом города отчасти завладели большими поместьями с жившими там крепостными и рабами. Но дворянство пыталось охранить себя от этой опасности другим средством. Завистливое и раздраженное богатством городов, оно занялось главным образом нападением на суше и воде на торговые караваны купцов, их грабежом и требованием тяжелого выкупа со взятых в плен. Купцы увидели себя вынужденными охранять свои торговые караваны вооруженной стражей, и таким путем возникла между дворянством и городами непрерывная война, которая велась с обеих сторон с озлоблением и жестокостью. Небезопасность сношений по торговым дорогам принудила города заключить союзы, чтобы взаимно поддерживать друг друга и обеспечить себе безопасный

проезд. Союзы городов вызвали к жизни союзы дворян, которые, в противоположность городским союзам, направленным к самозащите и обороне, ставили себе целью организованный грабеж.

Дворянство образовало рыцарские союзы, носящие название Рыцарей Льва, Мартиновых Птиц, Шиглеров и пр.

Время с 1250—1273 гг., называемое временем междуцарствия, или отсутствия императора, было как раз той эпохой, когда справляли свои оргии рыцарское кулачное право и разбой, возведенный в степень рыцарского ремесла. Бедный человек в деревне терпел невыразимые страдания от неурядиц в дворянской среде. Когда рыцари завязывали друг с другом распрю, она начиналась грабежом и сжиганием крестьянских дворов и домов противника, уничтожением посевов, опустошением полей, а если время года позволяло, то сжиганием кормовых трав и хлеба на корню. Подобные же опустошения производились рыцарями, врывавшимися в городской округ, и городами, мстившими за это набегом на дворянские имения. Что дело не ограничивалось одним грабежом, что при этом убивали и калечили людей, обрезали им носы и уши, насиловали женщин, это понятно само собой в связи с тогдашним уровнем культуры. Только с избранием Рудольфа Габсбурского германским императором в 1273 г. наступил некоторый порядок в государстве. Рудольф заставил князей в 1289 г. заключить клятвенный договор о всеобщем мире и затем разрушил большое число разбойничьих замков. В одной Тюрингии их было уничтожено до 60, и 30 рыцарей повешены как известные разбойники.

Но дальнейшее падение императорской власти, после смерти Рудольфа, породило еще более опасного врага для городов, чем дворянство. Этот враг были местные князья, которые, страстно желая воспользоваться богатством городов, пытались подчинить их себе. Уже

в продолжение многих столетий прежние государственные вассалы, ставшие независимыми, прилагали все усилия ослабить императорскую власть и расширить могущество своих собственных домов. Это с помощью пап им отчасти и удалось. Теперь они набросились на имперские земли, на имперские фогства и присвоили их себе.

Князья производили в большом размере то, что дворянство и монастыри делали в малом масштабе. Первые тащили имперское имущество, вторые — общинное.

Князья еще более окрепли в своем стремлении к полной независимости от имперской власти, когда в 1355 г. император Карл IV признал в так называемой золотой булле (императорское уложение) семь имперских курфюрстов независимыми владетельными князьями и передал им императорскую судебную власть, права короны на чеканку монеты, на рудники и таможенные пошлины.

В конце XIV века образовались в Швейцарии, у верхнего течения Рейна, и в Эльзасе, во Франконии и Швабии союзы между городами для защиты против воинственных планов князей, но недальновидность бюргеров редко доводила дело до совместных и согласных выступлений.

Первое поражение потерпел швабский союз городов в 1372 г. вблизи Ульма от вюртембергского графа и соединенных рыцарей. В 1377 г., во вторичном походе, города выиграли битву при Ретлингене. К этой победе присоединилось в 1386 г. ужасное поражение герцога австрийского Леопольда, нанесенное ему в 1388 г. Швейцарским союзом при Земпахе; другая победа при Нефельсе освободила швейцарцев от господства Габсбургов, но войско швабского городского союза было разбито во время третьего похода в решительном сражении при Деффингене в 1388 г. Желая совершенно подчинить города князьям, император Вен-

цеслав запретил в 1389 г. образование союзов между городами. Но сломить и покорить последние было не так-то легко. И в середине следующего столетия между городами и князьями возникла вновь жестокая борьба. Так, в 1444 г. австрийский дом вторично воевал с союзными швейцарскими городами и выписал себе для этой войны от французского короля войско в 50 тысяч арманьяков, представлявшее собой сброд настоящих разбойников и убийц. Австрия и ее союзники были вновь разбиты, и когда, наконец, после многолетних и ужасных опустошений, произведенных арманьяками в Эльзасе, был заключен в 1447 г. мир, швейцарцы сохранили за собой все, чем владели раньше. Иной результат получился от новой войны, начавшейся между швабскими и франконскими городами, с одной стороны, и вюртембергским графом, бранденбургским и баденским маркграфами, австрийским эрцгерцогом и майнцским архиепископом, с другой стороны. Города были побеждены. С этого момента медленно, но неотвратимо города попадали один за другим во власть князей; защищались только большие, пока, наконец, и они, по большей части после начала реформации и подавления крестьянской революции, не стали жертвой княжеского могущества.

Покорению городов, а также и подчинению дворянства князьям в XV столетии много способствовал новый способ ведения войны. Применение для военных целей пороха, ставшего известным в Германии с середины прошлого столетия, повело за собой организацию наемного войска, которое все более вытесняло конницу, состоявшую из рыцарей. Рыцарские замки и стены городов не могли более противостоять тяжелым орудиям. Чтобы приобрести самим орудия, рыцари, а часто и города, не обладали достаточными средствами; также недоступно было для них и содержание наемных войск. В силу всего этого, для рыцарства не оказалось иного выхода, как поступить на службу к князьям.

Внешнее могущество, потерянное мелким дворянством, оно пыталось возместить усиленным гнетом по отношению к своим крепостным. Большая часть городов была тоже не в состоянии, как и низшее дворянство, завести у себя новое, весьма дорогое вооружение и боевые припасы. С мелким дворянством и городами произошло тогда то же самое, что теперь происходит с маленькими государствами по отношению к империи: они не могли поспевать за требованиями, которые ставило военное дело. Этих требований средневековые города не могли удовлетворить, тем более, что к концу XV века замечается сильное падение их благосостояния. Развитие Голландии и Англии, как торговых государств, ослабило немецкую торговлю; рост Турецкой державы в Азии, завоевание турками Константинополя в 1453 г. и последовавшее затем полное разорение и покорение Византии заперло важные пути подвоза для торговли немецких городов. Открытие Америки и морского пути в Индию — открытие, принесшее пользу прежде всего Испании и Португалии, — повело за собой дальнейшее падение германской торговли, которое стало особенно чувствительно в начале XVI века и ускорило революционное движение этого столетия.

Если немецким городам путем внешних войн в промежуток с XI до XIII века и удалось достигнуть независимости и той степени благосостояния, которая была указана выше, то в то же время эти обстоятельства не могли не оказать значительного влияния на их внутреннюю жизнь. Уже раньше было указано, что управление городами находилось в руках патрициев. Они сделали все возможное для достижения независимости городов, для приобретения ими привилегий, короче говоря, энергично боролись за все, что способствовало росту внешнего могущества городов, потому что этот рост совпадал с их интересами. Но каждая господствующая партия обладает естественным стремлением господствовать одной и устранять неудобных ей соперников. Па-

триции пытались управлять внутренней жизнью городов так же независимо, как независимо они выступали в вопросах внешней их жизни. Но тут они вступили в резкий конфликт с стремлениями остальных горожан.

Господство, естественно, сопровождается гнетом. Гнет никогда не заключается только в лишении политических прав, с ним всегда неразрывно связана экономическая эксплоатация. Первое является для последнего неизбежным средством. Таково же было положение и в городах под владычеством патрициев. Они занимали городские должности, заседали в суде шеффенов, определяли все налоги, подати и повинности, себя же считали свободными от обязанности уплачивать что-либо в пользу города. Они управляли и распоряжались по своему усмотрению городским имуществом, обогащались на счет города, заключали займы, которые приходилось выплачивать горожанам и посадским, и отказывались давать о своем управлении какие-либо сведения или отчеты. Они подлежали суду только своего сословия, который их часто оправдывал, при наличности даже очевидной виновности. Совершал член такой фамилии какое-нибудь преступление — его жилище считалось неприкосновенным; спасался он в жилище своего товарища по сословию — он не мог быть арестован без согласия последнего. Не платить ремесленнику за исполненные работы они часто считали своей привилегией, на исполнение своих обязанностей смотрели как на благодеяние с своей стороны. Осмеливался ремесленник требовать уплаты долгов от своего благородного должника или, не желая переносить всевозможные злоупотребления с его стороны, обращался в суд — ему редко удавалось добиться своих прав. Вымогательства при заключении поставок и соглашений, взятки за оправдание по суду являлись общепринятым обычаем. Налоги и подати, которые взимались, назначались, как и новейшей буржуазией, на самые необходимые

предметы потребления, на сырые материалы и на ремесленные изделия. На улицах и площадях городов довольно часто происходили кровавые столкновения между различными знатными фамилиями; эти события нарушали всю городскую жизнь. Соблазны и насилия по отношению к женам и дочерям ремесленников были самым обыкновенным явлением, и потерпевший не находил ни удовлетворения, ни защиты.

Между тем ремесленники в достаточной мере почувствовали свою силу, и не желали спокойно переносить подобного рода гнет. С XIII столетия началось всюду в городах движение, направленное против знатных родов и часто против находившегося в союзе с ними духовенства. Но духовенству пред'являлись те же обвинения, что и патрициям. В епископских городах, где высшая власть находилась в руках архиепископа, епископа или аббата, управление было не лучше, чем там, где неограниченно правили знатные роды. Кроме того, во всех городах была масса церквей и монастырей, владевших громадным имуществом и взимавших со своих владений большой оброк и большие поборы. Духовные лица, как и знатные роды, были освобождены от всех городских повинностей: десятину и арендную плату, которую они взимали в виде предметов первой необходимости, т.-е. всевозможных овощей, мяса, вина, и которую они, при всей роскоши жизни, не могли потребить, они продавали в монастырях по такой дешевой цене, по какой, при наличности высоких податей, не могли торговать торговцы жизненными припасами. Это давало повод к горьким жалобам и обвинениям. Наглость духовенства, его в высшей степени безнравственный образ жизни, превращение церквей и монастырей в дома терпимости особенно сильно возбуждали ненависть народа.

Борьба между горожанами, ремесленниками и знатными родами или патрициями продолжалась с переменным счастьем более двух столетий и часто решалась

силой оружия. Если поражение терпели знатные роды, они призывали себе на помощь свою родню из деревни или княжескую власть и пытались с их поддержкой вновь завоевать прежнее положение. На большой промежуток времени цехи нигде не добились решительного преобладания. Иногда захватывали они в свои руки управление городом; тогда богатые и сильные цехи, которым удавалось занять господствующее положение, начинали в свою очередь притеснять своих более бедных товарищей, так называемых «бесчестных» ремесленников и посадских людей, лишенных всякого права на участие в общественных делах. К концу XV столетия этот спор находился в таком положении, что в большинстве городов цехи делили власть с знатными родами, при чем последние почти везде сохранили за собой преобладающее значение; этого они достигали если не числом, то влиянием, которым пользовались при наличности раскола между богатыми и бедными цехами.

Исключение из подобного режима деления власти над городом между знатными родами и цехами представляли собой города, входившие в состав Ганзейского союза. Здесь знатные роды, по большей части богатые купцы, сохранили свое господство в полном об'еме. В Ганзейском союзе существовало правило исключать из союза те города, где верх одержали цехи. Такая судьба временно постигла: Висмар, Рошток, Гальберштадт, Брауншвейг и Зест. Когда в Любеке в 1408 г. цехам удалось добиться разделения власти над городом с знатными родами, то по постановлению союза Любек был лишен высшего руководства делами союза, и оно было передано Гамбургу. Но уже в 1416 г. знатным родам Любека удалось восстановить прежний порядок.

Подобный же переворот произошел около этого времени и в других городах, исключенных из союза, почему они вновь были приняты в его состав. Когда впоследствии цехи подняли новые восстания в Браун-

швейге, Бремене, Госларе, Люнебурге и Мюнстере, эти восстания были подавлены и залиты кровью при помощи вооруженных сил союза. Знатные роды сохранили в городах северной Германии свою неограниченную власть, сила торговых интересов, находившихся на их стороне, победила интересы ремесла.

Совет в средневековых городах назывался «почетной коллегией». К ней причислялись все члены знатных фамилий и все бюргеры, имевшие право на участие в совете. Почетная коллегия в средневековых городах занимала по отношению к цеховым ремесленникам то же положение, которое в наше время занимает крупная буржуазия по отношению к мелкой.

Едва ремесленное сословие, соединенное в цехи, добилось участия в политической жизни города и достигло высшей точки своего могущества, как тотчас же среди него начался процесс разложения. Еще недавно угнетенное сословие, оно начинает теперь играть роль угнетателя. Оно издает законы, затрудняющие прилив жителей в города и достижение прав горожанина. Последнее находилось в тесной связи с получением звания цехового мастера какого-нибудь ремесла; получение и того и другого права становится все дороже. Оно издало ограничения относительно числа мастеров каждого ремесла, числа подмастерьев, которое могло быть занято у одного мастера, относительно числа учеников и времени их выучки, относительно цен за работу, даже относительно качества или работы товаров, которые в лучшем случае мог производить мастер. Строгие ремесленные уставы отдавали подмастерьев во власть мастеров, особыми правилами регулировался высший размер заработной платы, который они могли получить; такие же правила были созданы и относительно других требований, которые подмастерья могли возбудить.

Женитьба была им запрещена; им назначали мастера или мастерицу, у которых они могли получить

работу; они находились под домашним надзором мастера. Наконец, возник целый ряд поборов и взиманий, которые приходилось уплачивать каждому, прежде чем он получал права горожанина и право на занятие каким-либо ремеслом.

Все эти насильственные ограничения постепенно привели ремесленную жизнь к окостенению, они сделали немецкое бюргерство неспособным выдержать конкуренцию других наций и завоевать мировой рынок, но они создали также многочисленный класс недовольных, который был готов присоединиться к каждому мятежному движению.

* * *

Рука об руку с улучшением материального положения какого-либо класса идет его стремление к политической самостоятельности и умственной независимости. Стремление горожан к политической самостоятельности было уже описано. Каковы же были их умственные интересы? Духовенство царило не только в духовной, но и в умственной жизни того времени, со свойственной этому сословию и его господству односторонностью и ограниченностью. Борясь против политического господства духовенства, городское сословие по необходимости должно было коснуться тех юридических оснований, на почве которых духовенство строило свое господство, т.-е. основных положений его учения. В стремлении найти новые пути для сбыта товаров, в сношениях с чужими странами и народами должен был расшириться кругозор бюргерства, явиться сомнение в верности того миросозерцания, которому учило духовенство. Глубокая тревога вселилась в умы, мыслители принялись копаться и искать ответы на возникшие вопросы. Библия, отцы церкви и духовные писания не удовлетворяли более, они не просветляли духа, стремившегося к знанию, а ставили перед ним только ряд противоречий и загадок. Чего не давали

христианские писания, то, казалось, находилось в древних языческих сочинениях. Все с жадностью бросились изучать греческих и римских классиков, извлеченных из забвения, в котором они находились доселе. Нет более уничтожающего свидетельства для пресловутой ценности «христианской культуры и цивилизации», чем тот факт, что, когда, после тысячелетнего неограниченного господства христианства, вновь стал пробуждаться человеческий дух, это пробуждение явилось энергичной реакцией против христианства. Так называемая «языческая» культура стала опорой, с помощью которой оправился человеческий дух; она явилась первоисточником новейшей культуры.

Такое оппозиционное настроение по отношению к христианству было заметно уже несколькими столетиями раньше в странах более развитых в экономическом отношении, именно во Франции и Италии; в Германии же оно начало пробуждаться, хотя вначале и медленно, только в XIII столетии. Альберт Великий в Кельне, умерший в 1280 г. был первым значительным немецким ученым, который занимался между прочим и естественными науками и, в силу богатства своих знаний, считался многими современниками за колдуна и слыл за еретика. В XIV столетии возникли первые немецкие университеты, которые постепенно распространились по всей Германии и хотя находились вначале под руководством духовенства, но все-таки создавали благоприятные условия для научных занятий.

Университеты возникли в Праге в 1348 г., в Вене в 1365 г., Гейдельберге в 1387 г., Кельне в 1388 г., Эрфурте в 1392 г., Лейпциге в 1409 г., Роштоке в 1419 г., Фрейбурге в 1452 г., Грейфсвальде в 1456 г., Базеле в 1460 г., Ингольштадте и Майнце в 1471 г., Тюбингене 1477 г., Виттенберге в 1502 г.

В XIV и XV столетиях появились в городах школы, конечно, не для народа, а исключительно для сыновей

более богатых горожан. Из этих школ, между прочим, выходили и летописцы, обязанности которых раньше исполняли только духовные лица.

Отношение бюргерства к религиозным делам уже в то время не могло радовать духовенства. Так, в 1326 г. Франкфурт на Одере был присужден к отлучению от церкви и лишению богослужения за то, что горожане целый год держали в заключении епископа, возбуждавшего поляков против города. Следствием натравливания епископа было опустошение поляками городских огородов и пашней. Горожане Франкфурта не обращали внимания в продолжение 28 лет на отлучение от церкви и лишение их богослужений, и когда, наконец, их освободили от этого наказания, они уже настолько отвыкли от церковных обрядов и церемоний, что смеялись над ними.

С начала XV столетия все серьезнее становятся жалобы духовенства на еретический дух. И как раз Аугсбург выделился своими насмешками над попами. В одной песне поется про аугсбургцев: «Они учредили школу церковного пения и во главе ее поставили тех, кто ругал попов». В начале XV столетия Иоанн Гус начал в Праге и Богемии свою реформаторскую деятельность.

Социально-политических идей, которые лежат в основании учения Гуса и которые резче всего выступили в Гуситских войнах, мы коснемся впоследствии. Гус был приглашен в 1415 г. на Констанцский собор и там сожжен как еретик вместе со своим другом и единомышленником Иеронимом Пражским. Таким образом, пали первые значительные деятели церковной реформации, но их идеи остались живы и распространялись все шире.

В области математических наук в XV веке также появились выдающиеся ученые, напр., Георг Пейрбах, умерший в 1461 г. и Иоанн Мюллер, называемый иначе Региомонтанус, из Кенигсберга во Франконии,

умерший в 1476 году. Пульс всюду пробуждавшейся умственной жизни стал биться скорее, и последняя получила более широкое распространение с появлением на сцену книгопечатания, изобретенного в 1440 г.; за ним последовало изобретение льняной и тряпичной бумаги, которая заменила дорогой папирус и пергамент. Основание первых почтовых учреждений к концу того же столетия дало дальнейший толчок к развитию умственной жизни. Выступление гуманистов имело важное значение для революционного движения XVI столетия. Гуманисты были люди, посвятившие себя, как и их предшественники в Италии, изучению классической литературы древности, выступившие против хитросплетений и дурачеств схоластиков—философской школы, царствовавшей над умами в продолжение всего средневековья и пытавшейся обосновать разумом все нелепости христианства и церковного учения, беспощадно разрушавшие предрассудки своего времени и расчищавшие путь жившей среди масс жажде к освобождению из своего приниженного положения. Выдающимися гуманистами были: Григорий Геймбургский, умерший в 1472 г., Иоанн Везельский, Рудольф Агрикола, занимавшийся преподаванием в Гейдельберге и умерший в 1485 г., Иоанн Рейхлин, умерший в 1522 г., Конрад Цельтес, умерший в 1598 г., Эразм, умерший в 1536 г. Перечисленные лица пользовались влиянием главным образом в ученых и духовных кругах. К ним примыкают Генрих Бебель, профессор в Тюбингене, бичевавший в сатирических произведениях деятельность духовенства, Ульрих фон-Гуттен, народный политический писатель, пользовавшийся большим влиянием, затем рассказчик Себастиан Брандт, радикальный и свободный мыслитель, «Корабль дураков» которого вместе с вновь появившимся на сцене «Рейнеке-Лис» пользовался большим успехом в городских кругах и имел на них сильное влияние.

Рядом с сатирическими произведениями Генриха Бебеля и Себастиана Брандта нужно поставить «Тилля Эйленшпигеля», напечатанного впервые в 1483 г.; своими грубоватыми насмешками над князьями и духовенством он также много способствовал пробуждению оппозиционного настроения. «Тилль Эйленшпигель» сделался настоящей народной книгой, проникшей при помощи странствующих евреев и «офеней» в самые темные уголки городской и деревенской жизни. В то время уже повсюду в деревне существовали отдельные лица, знавшие кое-как грамоту; они-то и читали внимательно слушавшей массе сочинения, приспособленные к народному пониманию. Не было чтеца в деревне, — тогда их обязанности исполняли случайные проезжие на постоялых дворах или бродившие в то время в большом числе повсюду фокусники и скоморохи. Таким же путем получали распространение в деревне и многочисленные революционные летучие листки, появившиеся во время Реформации. Наконец, следует еще указать, что уже к концу XV столетия, следовательно, задолго до перевода Библии Лютером, существовали ее переводы, которые, при важности религиозных вопросов для того времени, усердно читались, об'яснялись и комментировались. Все это вместе способствовало тому, что существовавшие до того времени представления были разрушены, положение же привилегированных сословий расшатано.

Чтобы дополнить картину умственной жизни, которая была в конце XV и XVI столетий в обществе сильней, чем когда-либо, и одновременно показать, какой переворот обнаруживался во всех областях жизни, нагонявший на одних ужас, других же наполнявший надеждой и радостью, нужно перечислить еще имена выдающихся людей в области искусства и родственных ему областях.

Варфоломей Цетблом, Мартын Шенгауер, Ганс Бургкмейер и особенно Альбрехт Дюрер, Ганс Голь-

бейн и Лука Кранах являлись представителями нового течения в живописи; Петер Фишер выделился как даровитый мастер литейного искусства; Фейт Штосс и Иорг Симус считались выдающимися резчиками по дереву; Ганс Закс, сапожник из Нюрнберга, прославился как поэт городского сословия; наконец, Теофраст Парацельс сделался знаменитым врачом, естествоиспытателем и первым профессором, который учил с кафедры на немецком языке.

* * *

Теперь посмотрим, каково было влияние, оказанное на деревню возникновением и процветанием городов и неразрывно связанным с ними умственным пробуждением.

Большое количество населения в городах, требования, пред'являемые промышленной и общественной жизнью, прежде всего оказали влияние на культуру земли. Помещикам стало выгодно обрабатывать большое количество земли, вводить улучшенные способы обработки ее, вырубать леса и осушать болота. Легкость, с которой крепостные находили прием в городах, принудила помещиков уничтожить рабство в чистом виде и наделить рабов землей для их собственной обработки. Различие между крепостными и рабами стало менее резким. Улучшенная культура почвы, большее количество земли, отданной в руки крепостных и рабов, много способствовали поднятию их материального благосостояния.

Частое посещение сельским населением городов во время ярмарок, воскресных и праздничных дней расширило его миросозерцание; там оно познакомилось с новыми порядками, там у него родились новые, неизвестные ему доселе потребности.

То обстоятельство, что сельское население могло удовлетворить свои потребности в меньшей степени, чем горожане, только усиливало его недовольство. Ведь горожане были некогда тоже крепостными и ра-

бами. Для господина самое опасное,—это, когда подчиненный начинает размышлять над стоим положением. Параллельно с развитием самосознания каждое притеснение становилось чувствительней, а господа ясно давали чувствовать свой гнет. Так как поступление поземельных доходов было единственным источником существования для дворянства и духовенства, и так как их роскошь и мотовство росли непрерывно, то они пытались обложить бедный народ все новыми и новыми налогами. Они считали, что имеют право отнять у крепостных то, чего последние добились увеличением прилежания при наличности благоприятных общественных условий.

Число налогов возросло до невероятия. Существовали большая и малая десятина, налог на кур, налог на очаги, женитьбу, наследство, напитки и т. д. Притом существовали еще: барщина, т.-е. обязанность крепостных безвозмездно работать на помещика в течение трех дней в неделю, выезжать на работу часто с лошадью и телегой; поборы, которые взимала церковь для всевозможных целей; обман, который практиковали вечно нуждающиеся в деньгах владетельные князья с мерами веса, об'ема и монеты; государственная, земская и военная подать, которая полностью перелагалась на простого человека. Прибавьте к этому частые опустошения полей, уничтожение всего имущества, как результат распрей между дворянством и частых войн между владетельными князьями, вред, который наносила чрезмерно охраняемая дичь, запрещение охоты, рыбной ловли, рубки леса под угрозой тяжелых телесных наказаний и даже смертных казней, затем мелкие притеснения, как, например, принуждение собирать ягоды и раковины улиток,—и вы получите представление о положении сельского населения того времени.

В деревне прибавился новый недовольный элемент. Это были свободные крестьяне, владетели земельной

собственности, предки которых принадлежали некогда к сословию низших свободных людей, но не были достаточно богаты, чтобы войти в состав рыцарского сословия, образовавшегося в X веке. Они жили как свободные хозяева на своей земле и так как лично занимались земледелием, то дворяне, их бывшие товарищи, называли их с презрением «мужики» — имя, которым впоследствии стали обозначать все земледельческое население. Эти свободные крестьяне были собственно имперскими подданными, т.-е. находились под непосредственной защитой императора. Но с ослаблением императорской власти исчезла для них возможность остаться независимыми. Там, где они не жили большими обществами близко друг к другу и не могли общими силами противиться стремлению владетельных князей подчинить их себе, там им приходилось пережить эту участь. Они или сами добровольно вступали как бы в феодальные отношения к территориальным владыкам—князьям, графам, епископам, аббатам,—или принуждались к этому. Находясь в таком положении, они обязаны были выплачивать в течение года оброк, за что их господин, с своей стороны, обещал им защиту имущества и личности. Они были свободны и жили в своих имениях, как свободные оброчные крестьяне; живя, в противоположность дворянству, просто, они по большей части обладали известным достатком. Но их материальное благосостояние как раз и возбуждало зависть их покровителей. Эти пытались обложить их податями и налогами, которые последние, по документальным данным, не обязаны были выплачивать, или даже делали попытки вполне подчинить их и сделать крепостными, или рабами. Впоследствии мы увидим, какими средствами это делалось и каких результатов удалось добиться. Большое число таких свободных крестьян жило в северной Германии вдоль Северного моря и в Ганновере, затем на юге, в горных местностях, как старая Бавария, Тиролия, Ав-

стрия и Швейцария, где сама природа местности покровительствовала их независимости, и наконец, в отдельных частях Швабии, вдоль по Рейну и в Вестфалии, следовательно, в местностях, где существовало много значительных городов.

В начале XV столетия ко всем указанным причинам и к элементам, способствовавшим пробуждению сельского населения, присоединился новый элемент, именно — ландскнехты, т.-е. наемные солдаты. Введение пороха совершенно изменило военное дело: вместо конницы стали пользоваться все больше пехотой, которая не представляла из себя, как теперь, постоянно набранного со всего народа войска, а нанималась специально для каждой войны. Деревня и город поставляли в изобилии материал для этих войск. Наемники были по большей части никуда не годный народ; набирали беспутных суб'ектов, которых влекла разгульная жизнь и надежда на разбой и добычу. Но среди них попадались ловкие и умные головы, которые посвящали себя военному ремеслу из жажды приключений, или из желания посмотреть свет. Если кончалась война и не было случая тотчас же поступить к другому господину, то эти наемники или бродили повсюду и составляли разбойничьи шайки, или же возвращались на родину и приступали к мирным занятиям, употребляя с пользой приобретенное добро. Эта последняя часть как раз и вносила свет и возбуждала недовольство в среде сельского населения. Эти люди путешествовали много и далеко, видели чужие страны и чужие народы, знали их обычаи и образ жизни и всем этим делились на родине с земляками. Также ландскнехты впоследствии по большей части становились во главе крестьянских восстаний.

Много оснований для жалоб создавало римское право, приобретавшее в XV столетии все большее значение и вытеснявшее открытое и устное немецкое судопроизводство. Старое германское право покоилось на

примитивных отношениях населения, жившего исключительно обработкой земли. Возникновение феодального дворянства сделало необходимым восприятие лангобардского ленного права.

С образованием и развитием городов, торговли и промышленности, вполне развитого денежного хозяйства и большого движимого имущества, старая правовая система оказалась безусловно неудовлетворительной. Обычное право было слишком многообразно и произвольно. Нужно было создать всеобщее немецкое уголовное и гражданское право, но для этого не было налицо необходимой централизации, у императоров не было силы и желания заняться этим делом. Духовенство же издревле пользовалось римским правом. В университетах, за отсутствием немецкого права, изучали римское. Это имело решающее значение, и римское право было постепенно введено. Университеты стали местами подготовки для новых судей, которые как доктора римского права постепенно вытеснили или подчинили себе необразованных судей из свободного сословия.

Место до сих пор всюду принятого устного и открытого судопроизводства и решения тяжб заняло судопроизводство письменное, весьма сложное и притом тайное. Законы, составленные на латинском языке, были непонятны простому человеку. Сложность их и возможность двоякого толкования создавала богатую почву для мелкого крючкотворства и обманов. Судопроизводство стало необыкновенно продолжительным и дорогим, прямо недоступным для бедного человека, которому уже и раньше трудно было надеяться на справедливый приговор, так как судьи принадлежали к господствующему сословию.

Все эти неурядицы и притеснения, доведенные до крайности, рано или поздно должны были привести к взрыву недовольства, и, действительно, восстания не замедлили разразиться.

III

Предшественники и предвестники немецкой крестьянской войны

В странах южнее Альп, которые лежат вокруг Средиземного моря, обладают мягким климатом и плодородной почвой, цивилизация достигла высокого развития, прежде чем перекинулась через Альпийский хребет и реку Рейн в Германию; последняя развивалась гораздо медленнее вследствие сурового климата и не столь плодородной почвы. Когда, после разложения и разрушения древней греческо-римской культуры, постепенно стала нарождаться новая цивилизация, то Италия, Франция и Англия, пользуясь благоприятными условиями своего положения, климата и качества почвы, стали развиваться гораздо скорее. Те общественные условия, которые только что были обрисованы по отношению к Германии, в основных чертах повторялись в только что перечисленных странах. Дворянство и духовенство составляли и там господствующие сословия, но только их власть уже оспаривалась городским классом, достигшим высокой степени развития.

Более раннее развитие этих стран должно было, естественно, раньше вызвать там и революционные движения, хотя эти движения и не имеют непосредственного отношения к позднейшим восстаниям в Германии, но они во всяком случае интересны по однородности формы и целей, которые они ставили. Все они принимали религиозную форму в силу ограниченности понятий своего времени, когда никакое социальное движение не могло надеяться на успех, не опираясь на религию и не выводя из нее свои требования и свои права.

Затем, для этого существовало еще одно основание. Духовенство, несмотря на его старания внушить всем о себе иное представление, фактически являлось свет-

ским сословием; поборы и налоги, которые оно взимало, были весьма осязаемые, житейские вещи. Что же касается гнета и высасывания соков из масс, то в этом отношении оно могло поспорить о первенстве с князьями и дворянством. Свою деятельность и свое поведение оно оправдывало перед темными массами ссылками на религию и божественные законы, представителями и исполнителями которых оно считалось. Отсюда вполне понятно, что оппозиция должна была искать самое действительное оружие против существовавшего строя в области, где находился ее самый опасный враг, именно в области религиозной. Поэтому оппозиция выставляла учение духовенства как учение «ложное», свои же социальные и политические цели как чистое и истинное толкование слова божьего. И главная книга христианского учения—Библия—шла в этом отношении навстречу оппозиции, потому что она, как известно, отличается той удобной особенностью, что содержит вместе с целым рядом противоречивых и двусмысленных мест такие положения, которые в руках оппозиции являлись весьма подходящим оружием. Последнее было тем действительнее, что им прекрасно можно было воспользоваться для пробуждения естественного чувства справедливости, для пробуждения мысли о равенстве всех людей. В силу всего этого религиозный характер социального движения средних веков настолько бросался в глаза, что большинство историков видело только религиозную его сторону и только по ней судило об этом движении. Сущность движения считалась побочным обстоятельством, форма же его—его сущностью.

По внешнему характеру социальные движения можно разделить на три категории. Социальные движения средних веков все представляются движениями религиозными, так как духовенство являлось их главным врагом и так как религия господствовала над всеми умами; социальные движения позднейшего вре-

мени являлись движениями политическими: так, они усматривали своего главного врага в неограниченности князей и всемогуществе государства, и только социальные движения последнего времени выступают как чисто социальные движения, потому что стало ясно, какое решающее значение имеет социальный строй общества для культурного развития человечества. В соответствии с этим они нападают на все учреждения старого общества, религиозные, политические и социальные. Приходится удивляться инстинкту массы: она всегда знает, куда нужно направить главный удар.

Грубая коммунистическая организация, которую выдвинуло христианство при своем первом выступлении против старого, покоившегося на рабстве общества, явилась тем идеалом, к которому стремились почти все революционные движения средних веков. Разобщенность, в которой жили люди, громадный гнет, который тяготел над ними, ограниченность и невежество, в котором они находились, должны были сообщить их революционным стремлениям религиозно-сектантский и утопический характер.

Сравнительно очень рано, а именно к концу X века, такие секты возникли в Италии и Франции и распространились до Рейна. Называли их общим именем «катары». Их протест был направлен главным образом против духовной иерархии, которую они не признавали христианским учреждением. Они требовали восстановления апостольской простоты; в связи с этим протестовали против церковных церемоний, употребления в пищу мяса и вина и даже против брака. Они нигде не достигли большого распространения, которое могло бы показаться опасным для существовавшего строя; отдельные, фанатически настроенные кучки бродили по стране, опустошали церкви и убивали духовенство. Преследуемые без милосердия, они не могли продержаться долго и постепенно исчезли. Имя, которое им дали и которое собственно значит «чистые»,

впоследствии постольку имело значение, поскольку из него произошло слово «еретик» (немецкое Ketzer), которым обозначали всех людей, мыслящих несогласно с учением церкви.

Бо́льшее значение приобрело социально-религиозное движение, возникшее в начале XI столетия в плодородной южной Франции, теперешнем Провансе, которая издавна находилась под влиянием греческо-римской, а затем и арабской культуры. Центром этого движения был город Альби, откуда его сторонники и получили имя альбигойцев. Их учение совпадало с учением катаров; их яростные нападки направлялись против духовенства, которое вело особенно роскошную и распутную жизнь в тех богато одареных природой местностях. Но так как наиболее радикальные среди них лица проповедывали «христианское равенство» и всеобщее деление имущества, то альбигойцы восстановили против себя не только папу и все духовенство, но и светских властителей. Правда, часть рыцарства примкнула к ним из вражды к духовенству и князьям, но большинство осталось их смертельными врагами. Церковь и светская власть решили уничтожить секту. Мирные переговоры, которые были начаты с альбигойцами, не привели к цели, между тем число сторонников альбигойцев росло непрерывно: к ним примыкали горожане и сельское население. Тогда всякие сношения с альбигойцами были прерваны, и папа стал проповедывать крестовый поход против них, действительное и надежное средство того времени, которое тотчас же поставило на ноги рыцарей, искателей приключений, князей, жаждущих завоеваний и всякий сброд, ищущий добычи; все это пользовалось войной, предпринятой для спасения души, чтобы с тем меньшим угрызением совести убивать, жечь и грабить. Война, которая началась в 1178 г. и длилась с некоторыми более или менее продолжительными перерывами до 1228 г., скоро превратилась в войну за существова-

ние и независимость Прованса и окончилась после ужасных опустошений и жестокостей подчинением страны и населения французской короне. Особенно ясно свидетельствует о той злобе, с которой церковь преследовала еретиков, взятие в 1209 г. штурмом Безьера. Когда наемники папы и князей вторглись в город, они спросили присутствовавшего при этом папского легата, как они могут отличить истинно верующих от еретиков. Легат ответил: «Убивайте всех, бог отличит своих». Такой ответ привел к убийству до 20000 человек; из них 7000 были сожжены в церкви. «Месть господа бога свирепствовала необыкновенно», сообщил об этом благочестивый легат римскому папе.

Это был геройский подвиг христианско-поповской кровожадности и жестокости; об'яснить его можно только тем презрением к человеку, которому учит христианство. Религия и жестокость близко родственны друг другу; обе процветают лучше всего там, где царствуют грубость нравов, невежество—мать той и другой.

Цели, родственные альбигойцам, преследовало и христианское братство, основанное Петром Вальдусом, лионским купцом, в 1170 г.; члены этого братства назывались по имени своего основателя Вальденцами. Они также подверглись жестоким гонениям и бежали на восток, в Альпы и в Пьемонт, где живут изгнанниками еще и теперь.

В Италии революционное движение началось во второй четверти XII века. Здесь во главе его стоял Арнольд из Брешии. Он выступил против господства папства, ратовал за уничтожение всех должностей и имуществ духовенства и свободное избрание духовных чинов прихожанами; он об'явил себя врагом княжеской власти, требовал отмены крепостничества и рабства, проповедывал всеобщее равенство. В Риме его учение нашло такое сочувствие, что народ восстал, сверг папу и провозгласил республику. Изгнанный из Италии, явился Арнольд в 1139 г. в Констанц

и Цюрих и там проповедывал те же основные положения своего учения до 1144 г.

Возвратившись в Италию, он в 1155 г. попал в руки императору Фридриху Барбароссе, и «благородный» Гогенштауфен, которому рабские душонки курили и курят фимиам и который в действительности является тщеславным хвастуном, бесхарактерным и жестоким деспотом, который ненавидел возникшее городское сословие и в войне против итальянских городов, особенно Милана, находившихся под императорским протекторатом, отличился варварской жестокостью, — он выдал, конечно, ненавистного республиканца, врага рабства и крепостничества, папе, который поспешил его сжечь в Риме, как еретика.

Последователем Арнольда из Брешии был Дольчино, сын священника из Северной Италии, который стоял во главе секты «апостольских братьев», приобрел большое количество последователей и открыто выступил против папства и княжеской власти, после того как основатель этой секты, Герард Сегарелли, был сожжен в 1300 г. как еретик. Целью Дольчино была республика, основанная на простоте нравов и воздержании. Преследуемый и теснимый со всех сторон папами, дворянством и богатыми горожанами, он направился с 6000 слишком человек в Альпы северной Ломбардии, покрытые в продолжение большей части года снегом и льдом. Здесь защищался он в продолжение целых восьми лет, энергично поддерживаемый своей женой Маргаритой, женщиной выдающейся как по красоте, так и по уму и твердости воли. Только в 1308 г. он был побежден подавляющей силой своих противников, которые об'явили против него крестовый поход. Он был взят в плен и, по обычаю того времени, сожжен как еретик.

Во Франции в 1350 г. вновь дело дошло до революционных восстаний, прежде всего в Париже, затем среди сельского населения, движение которого поддер-

жала часть жителей мелких городов. Франция в это время вела упорную войну с Англией, войну, которая принесла ей не одно тяжелое поражение; один французский король был даже взят в плен англичанами.

Таким положением страны и правительства пытались воспользоваться горожане Парижа, чтобы освободиться от произвола королей и обеспечить за собой соответствующее их силе влияние в управлении государством. Теперь использование такого тяжелого положения властителей страны назвали бы изменой родине, в средние же века угнетенный народ пользовался каждым случаем, чтобы добиться своих прав.

Дофин (наследник) Карл, назначенный регентом, воспротивился вначале требованию самоуправления со стороны горожан, затем в 1357 г. он был принужден уступить, но было слишком поздно: революционное движение слишком сильно охватило Париж. Купеческий старшина Этьенн Марсель, стоявший во главе народной партии, одержал победу над другими партиями города, именно партией дофина и партией короля Наварры. Сам дофин попал во власть народа. Ему и его придворным толпа народа надела в феврале 1358 г. на головы вместо берета шапки городских парижских цветов — синего и красного. Этот случай можно считать предвестником 1792 г., когда Людовик XVI должен бы надеть красную шапку якобинцев.

Париж провозгласил себя независимой коммуной. Между тем многочисленные и могущественные враги такого строя в городе приложили все усилия, чтобы уничтожить его, и это было им не так трудно, ибо двор пользовался большой привязанностью среди народа.

В августе 1358 г. возникло большое волнение, во время которого один изменник из бывших друзей Марселя, кинувшись на него сзади, раскроил ему череп. Народная партия была побеждена, Париж опять должен был подчиниться королевской власти.

Одновременно с первой парижской коммунальной революцией крестьяне, жестоко угнетаемые дворянством, потерпевшие ужасные опустошения от войны, подняли восстание в окрестностях Парижа и на северо-востоке Франции. Сотни тысяч крестьян являлись толпами перед замками своих благородных мучителей, грабили и жгли их. Сотни замков были уничтожены в короткий промежуток времени. Но восстание не имело ни определенной цели, ни определенного руководства. Никакая идея не руководила им, только чувство злобной мести побуждало массы делать со своими угнетателями то же, что те делали с народом.

Общая опасность, которую видели перед собой обе партии, именно партия дофина и партия короля Наварры, быстро примирила их, они выступили в поход против общего врага, и даже дворянство из Лангедока пришло на помощь своим товарищам по сословию, находившимся в опасности. Организованная сила дворянства победила нестройные банды крестьян. За жестокость, которую проявило озлобленное крестьянство по отношению к своим мучителям, наступила ужасная расплата. Дворянство купалось в крови. Через шесть недель восстание было подавлено, и крестьяне вновь надели старое ярмо.

Это крестьянское восстание носит в истории название Жакерий; это название произошло от «Жак-простак», которым дворяне, как ругательным прозвищем, окрестили всех крестьян.

В Англии положение дел для бедного человека было не лучше, чем в других странах. Дворянство и поповское сословие давили его и высасывали из него соки. Городское сословие отличалось своим благосостоянием и пользовалось правом посылать представителей в парламент. Государственные тяготы нес на своих плечах по большей части крестьянин, и эти тяготы, по мере того как становились тяжелее, взимались все с большей жестокостью. Попы и дворянство вла-

дели громадными богатствами, развратничали и жили в роскоши и счастьи, масса же народа бедствовала и голодала.

Понятно, что при таких обстоятельствах должны были пользоваться большим сочувствием красноречивые проповеди монаха Джона Болла*), который горячо выступил против белого и черного духовенства, дворянства и богачей, оспаривал наследственность всякой власти, требовал общего владения землей и призывал народ, опираясь на Библию, к основанию государства христианской свободы и равенства. Стихотворение, которым он часто пользовался в своих проповедях, сделалось любимой поговоркой крестьян. Оно гласило: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянином?»

Четырьмя годами позднее Джона Болла выступил Джон Виклеф, профессор Оксфордского университета, который в своем учении был гораздо умереннее монаха, но все-таки много содействовал возбуждению народа; он основал общество «бедного духовенства», члены которого бродили по стране и проповедывали его учение. Приглашенный в 1377 г. к церковному суду, Джон Виклеф сделал в социальной части своего учения целый ряд ограничений и оговорок, которые спасли его от осуждения; много помогла ему также защита высокопоставленных покровителей дворянского происхождения. Напротив, Джон Болл, коммунистическое учение которого стало опасным, был схвачен в 1380 г. и посажен в тюрьму. Новые налоги, которыми обложили народ, в связи с жестокостью и бесчеловечностью их

*) Большинство революционных вождей средневековья принадлежало к духовному сословию. Это подтверждает старинное наблюдение, что угнетененные всегда находят вождей в рядах господствующих классов. Это идеалисты, которые, презрев выгоды привилегированного положения, употребляют образование и широкие взгляды, приобретенные благодаря привилегированному положению, на освобождение угнетенных.

взимания, вызвали восстание. Во главе его стал кирпичник по имени Уот Тайлер. Джон Болл был освобожден своими приверженцами. Он выступил решительнее, чем когда-либо, и требовал отмены всех налогов, раздела собственности и уничтожения всех богачей и господ. Крестьяне, ремесленники и рабочие соединились, массами ходили по стране, грабили дворянские имения, сжигали все документы и убивали тех чиновников, которые выделились своей жестокостью и бесчеловечностью. Почти достигнув Лондона, вожаки восстания, Уот Тайлер, Джон Болл и Джек Страу, также из духовного сословия, потребовали, чтобы к ним явился король. Король согласился и спустился вниз по Темзе, но его свита отсоветовала ему сойти на берег. Озлобленный этим народ двинулся на Лондон, добился от городских властей, с помощью части лондонского населения, открытия городских ворот, отомстил части своих угнетателей и уничтожил их имущество. Король бежал в Тауэр, где его осадили. Наконец, король согласился на личные переговоры, во время которых он заявил, что согласен на отмену для всей страны подушной подати, на уничтожение крепостничества и барщины, на разрешение охоты и рыболовства и на многое другое. Во время этих переговоров народ завладел Тауэром, убил архиепископа, главного казначея королевства, королевского духовника и еще трех других лиц из его свиты. Народ об'явил, что он уйдет не раньше, чем король документально засвидетельствует свои обещания. Последний выехал затем из Тауэра, под тем предлогом, что он желал открыто договориться с народом, на самом же деле, чтобы произвести по отношению к последнему гнусное предательство. В некотором отдалении от народа он остановился со своей свитой и пригласил к себе одного Уота Тайлера. После некоторого колебания, последний подошел к свите короля, но в то время, когда он был занят переговорами с королем, лорд-мэр Уольворт вонзил ему меч в горло, другие лица из свиты короля добили

его. Народ, озлобленный этим убийством, намеревался отомстить за своего убитого вождя, но хитрый король поскакал ему навстречу, об'явил, что он хочет стать его вождем и назвал Тайлера изменником и разбойником. Народ, озадаченный и смущенный, позволил себя надуть и был выведен королем из города в чистое поле. Здесь на него накинулись хорошо вооруженные горожане, отряд рыцарей и наемников; часть народа была перебита, остальная рассеяна. Затем начались преследования. Джон Болл и Джек Страу вместе со многими другими кончили свою жизнь на виселице; власти вывесили напоказ тела первых двух, заковав их в цепи. Менее замешанные испытали долгие годы тюрьмы, остальные понесли различные иные наказания. Восстание кончилось, бедный народ остался в прежних тисках.

Джон Виклеф проповедывал свое учение среди сочувствующего ему городского сословия еще до 1384 г., когда он умер. Его приверженцы под именем бельгардов проникли в Нидерланды, а оттуда в Германию, где мы еще встретимся с их учением.

* * *

Первые крестьянские войны в Германии были по своей природе не революционного, а консервативного характера: здесь дело шло не о проведении в жизнь новых идей, не о попытках дальнейшего преобразования политического и социального положения, а о сохранении старого порядка или о достижении вновь тех прав, которыми крестьянство уже некогда обладало. Здесь отсутствовал также религиозный фанатизм, которым были пропитаны все революционые войны средневековья.

Первые немецкие крестьянские войны разыгрались вдоль по берегу Северного моря, где фризы и дитмаршенцы с давних времен уже жили, распавшись на целый ряд мелких племен. Своеобразные особенности этой местности, которая вся была изрезана болотами,

плотинами и каналами, много способствовали сохранению независимости ее жителей. Болота, плотины и каналы ставили непреодолимые препятствия для неприятельских вторжений, особенно для вторжений кавалерийских масс. Эти прибрежные жители находились в особом положении сравнительно с остальным населением, и это послужило причиной, почему в их среде сохранились в неприкосновенном виде древнегерманские нравы и обычаи. Феодальный строй был им чужд, у них рядом с многочисленным сословием свободных людей существовали полусвободные, или «литы», но не было, например, крепостных. К тому же мирно-патриархальная совместная жизнь в продолжение многих столетий сгладила до неузнаваемости различия между сословиями. Непрерывная тяжелая борьба с водной стихией, от которой приходилось защищать отвоеванную почву молами и плотинами, уничтожила там борьбу человека против человека. Литы считали себя свободными и как равноправные принимали участие в государственной жизни. Насколько своеобразен был там государственный и социальный строй, настолько же своеобразны были и религиозные воззрения; христианство не захватило глубоко жителей; они жили скорей его внешними формами, у них сохранилось многое из древне-германских верований, а потому они считались у христианских фанатиков «язычниками». Этот строй, эти нравы и обычаи были для церкви и феодального дворянства бельмом на глазу. Последние прежде всего набросились жадными руками на область дитмаршенцев, которые жили между Эйдером и Эльбой, и понастроили там укрепленных замков с целью подчинить себе весь народ. Тогда дитмаршенцы в 1144 г. поднялись под предводительством крестьянина Юргена, взяли укрепленный замок Бокленбург, убили владетеля этого замка и его жену, которая однажды сказала следующее: «Мужики должны бы носить на шее ярмо и вообще всю сбрую, как носит скотина».

После многих тщетных восстаний дитмаршенцы завоевали, наконец, в 1228 г. себе независимость.

Вторая крестьянская война, которая протекла менее счастливо, была начата штедингцами, жившими в Ольденбургской и частью в Бременской области.

Феодальное рыцарство постепенно проникло в местность, заселенную штедингцами, и возымело желание построить свои гнезда на холмах, которые отчасти были созданы искусственно. Но крестьяне не допустили этого, они поднялись, и кровавая война окончилась не в пользу дворянства — крестьяне уничтожили замки вместе с рыцарями. Но едва штедингцы справились с дворянами, как у них возник спор с духовенством. Они точно так же не желали подчиняться епископу и духовенству соборной церкви с их церковным судом, как и рыцарству. Бременский архиепископ отлучил их от церкви и выступил против них в поход с отрядом рыцарей и наемной конницы. Но он потерпел позорное поражение, причем был убит его брат граф фон-Липпе. По настоянию архиепископа, папа принял участие в этом деле, и в 1232 г. начал проповедывать крестовый поход против крестьян. В первый год новой войны, именно в 1233 г., штедингцы убили графа Ольденбургского вместе с двумя стами рыцарей. Но затем против них двинулось войско в 40000 человек под предводительством многих князей. Штедингцы поставили на ноги 11000 человек — всех, кого могли, и решили померяться силами, хотя были сравнительно с рыцарями незначительны по числу и плохо вооружены. При Альтенеше в 1234 г. дело дошло до решительной битвы. Крестьяне сражались, как львы; они перебили до 4000 всадников, многих князей, но должны были в конце концов уступить громадному превосходству сил. 6000 крестьян нашли свою смерть на поле битвы или в реке Везере, остатки бежали к соседям, рустингцам, землей же их завладел архиепископ бременский. В этой войне штединг-

цев с достаточной определенностью выступила та ошибка, которая впоследствии сыграла роковую роль в большой крестьянской войне, именно — недостаток общих действий и выступлений соседних племен. В то время как против штедингцев единодушно выступило все северное немецкое дворянство, князья и духовенство, позабыв о междоусобных распрях, рустингцы и другие племена спокойно сидели на своих местах и хладнокровно наблюдали, как резали их братьев и товарищей. Партикуляризм и обособленность подавили всякое чувство общности интересов.

В это же время, когда крестьянство на севере Германии сражалось за сохранение своей прежней независимости, на юге Германии возникла подобная же война. На севере своеобразное образование поверхности, нанесенной морем, и непрерывная борьба против этой стихии обусловили постоянство социального строя, нравов и обычаев тамошнего населения, и то же постоянство мы встречаем при совершенно иных условиях образования земной поверхности в старых кантонах Швейцарии. Необыкновенно гористая местность с немногими узкими долинами, удобными для земледелия, принудила население искать главный источник своего существования в первобытном занятии скотоводством: здесь не было условий, необходимых для развития торговли и промышленности, которые могут процветать только в городах и при известной густоте населения. Население оставалось бедным. Гористая местность, заставлявшая человека селиться только там, где это позволяла природа, обусловливала разбросанность населения по всей стране; эта разбросанность затрудняла покорение народа, так как приходилось подчинять бесконечное число отдельных поселений и даже отдельных лиц; она же затрудняла соединение всей массы в общество и вытекающее отсюда движение по пути культурного развития. Но что особенно препятствовало покорению страны, это часто полная

неприступность жилищ и легкость, с которой преследуемый мог скрыться от преследователя. Здесь, несмотря на наличность господствующих сословий, не могло быть такого подчинения и такой эксплоатации масс, какую развивали князья и дворянство среди обширных и плодородных равнин. Подобно тому, как на берегу Северного Немецкого моря, так и тут между различными сословиями господствовали патриархальные отношения, обусловленные суровостью природы и теми опасностями, которые она ставила человеку на каждом шагу. Так, в старых кантонах Швице, Ури и Унтервальдене уже в конце XIII столетия крепостные допускались до занятия должности судьи и пользовались правом голоса в сельских общинах, т.-е. фактически были свободными людьми. Названные кантоны считались имперскими фогствами (наместничествами) и управлялись имперскими фогтами от имени императора. Но дом Габсбургов, который в это время владел императорской короной и родовые имения которого находились в Швейцарии, решил присоединить к своим владениям эти три имперских фогства. Чтобы помешать этому, местные кантоны заключили в 1291 г. союз. В ответ на это император Альбрехт стал поощрять по отношению к кантонам самый необузданный произвол фогтов, надеясь таким путем склонить к добровольному подчинению своему дому. Расчет оказался неверен. Кантоны поднялись в 1308 г., изгнали фогтов, разрушили укрепленные замки и заключили между собой союз под именем Швейцарского союза. Император Генрих VII подтвердил их вольности. В 1315 г. кантоны вновь вступили в войну с Австрией и выиграли битву при Моргартене. В 1353 г. к ним присоединились города Цюрих, Люцерн, Берн, Гларус и Цуг, которые в войне против верхнегерманских князей образовали Верхнеаллеманский союз. В 1386 и 1388 г. победоносными сражениями при Земпахе и Нефельсе они завоевали себе

признание независимости от Австрии. Союз расширялся все более и более. В 1481 г. в состав его вошли Фрейбург и Золотурн, и, после того как в 1498 г. против него безрезультатно вел войну император Максимилиан, он был освобожден от подсудности высшему имперскому суду и от имперского матрикула. Базель и Шафгаузен вступили в состав Швейцарского союза в 1501 году.

Но кроме старых кантонов нигде не было налицо демократического самоуправления. Власть в городах союза, подобно тому как в городах остальной части государства, находилась в руках знатных родов, господствовавших над сельским населением; крестьяне, частью крепостные городов, частью признавшие в городах своих защитников-властителей, обязаны были выплачивать им налоги и подати. Союз, свободный от связей с империей, раскинутый преимущественно в местности, не допускавшей по своим природным особенностям быстрого роста населения, надолго остановился в своем развитии на средневековом, мелкобюргерском и крестьянском общественном строе, и только в последнее время необыкновенное развитие соседних государств, особенно Франции, столкнуло его с этой ступени общественного развития. Принимая во внимание отношения сельского населения к городам и знатным родам, господствовавшим в них, нам станет понятным враждебное настроение последних к восстаниям южно-германского крестьянства, возникшим впоследствии близ самой границы союза. Города боялись за свою власть над своими собственными крестьянами.

Нейтральное положение, которое Швейцарский союз, в силу своей естественной обособленности, мог соблюдать во всех европейских войнах начиная с XVI века, и ореол храбрости, который окружал население со времен войн за свою независимость против Австрии и остальных соседних государств, послужили

причиною явления, которое в продолжение многих столетий лежало черным пятном на «свободной» Швейцарии. Именно, господствующие роды поставляли за хорошую плату всем европейским государствам, особенно же Франции и папе, тысячи солдат из швейцарских уроженцев. Между Францией и управлениями Цюриха, Люцерна, Золотурна, Аарау, Базеля и т. д. существовали форменные договоры, и самые влиятельные члены этих управлений тайно получали процент за отвратительную торговлю людьми. С XVI столетия во всех войнах, имевших целью подчинение или покорение, «свободные» швейцарцы оказывались верными слугами насилия, и такая их роль кончилась только сравнительно недавно. Отсюда ясно, что отсутствие властителей в стране не создает истинной свободы; последнюю может родить только состояние всеобщего социального равенства.

Упорную войну со своими духовными господами и мучителями вели крестьяне Аппенцельского округа в 1400 г. Их господином был князь—аббат богатого монастыря Сен-Галлен, они были обязаны платить ему подати, налоги и отбывать барщину.

Аббат взимал все налоги с большой суровостью и притом собирался их еще увеличить; он посягнул на те ничтожные свободы и права, которые даровали аппенцельцам отдельные императоры. Тогда все общины заключили между собой союз и прогнали управителей аббата. Последний обратился за помощью к соседним городам и владетельным князьям. Эти, хорошо зная настроение своих крестьян и боясь роста восстания, готовы были ему помочь. Города: Констанц, Иберлинген, Бухгорн (теперь Фридрихсгафен), Линдау, Ванген и Равенсбург попытались выступить посредниками между спорящими сторонами; затем они перешли на сторону аббата. Аппенцельские крестьяне, возмущенные этим, обратились за помощью к своим соседям из Швица, эти обещали им ее. Города же прислали аб-

бату вооруженные отряды, чтобы вновь запречь в ярмо его крестьян. Но союзное войско господ было разбито в 1403 г. при Фогелиске. Два года спустя дело дошло до новой битвы; вторично победили крестьяне и вторглись в 1406 г. в долину реки Рейна, в Сарганс и часть Тургау, взяли более 60 замков и несколько городов. Боязнь потерять прекрасные доходы от поземельной подати, от оброка и барщины своих крестьян побудила в 1407 г. города вновь притти на помощь аббату и дворянству. Аппенцельцы попали в затруднительное положение; их спасло посредничество императора и привело в следующем году к заключению выгодного для них мира. Три года спустя они вступили в Швейцарский союз, но не как полноправные его члены.

* * *

Религиозные и социальные учения английских реформаторов и революционеров были занесены беглецами в Германию, именно в Богемию; еще раньше здесь поселились бежавшие альбигойцы и вальденцы. Средневековые секты вообще находили в Богемии много сторонников. Так, в 1257 г. там появились бичеватели, или флагеланты, которые проникали и в другие немецкие страны. В начале следующего столетия нашли в Богемии большое число приверженцев бегарды или бегины, им приписывали следующее вероучение: дароприношение — ни к чему не нужная забава, крещение имеет не больше значения, чем простое купанье; исповедываться и каяться может каждый мирянин перед другим мирянином, освященная гостия (причастие) есть не что иное, как испеченный из хлеба бог, и т. д. К этим религиозным учениям примешались еще социальные об общности имущества и о необходимости ниспровержения как церковного, так и светского господства. Сторонники таких мнений немилосердно преследовались светской и духовной вла-

стью, но достигнуть полного их уничтожения все-таки не удалось.

Общее состояние Богемии в основных чертах ничем не отличалось в то время от состояния остальной Германии. Только дворянство, кажется, было еще грубее и еще ненасытнее в грабеже, поповское же сословие, если это только можно себе представить, еще развратнее и циничнее, чем где-либо в остальной части государства. Богемское дворянство страшно ненавидело духовенство, в продолжение многих столетий оно находилось с ним в непрерывной вражде и распрях. Господство духовенства над народом, его влияние на правительство, его необычайное богатство были причинами этой ненависти. Но дворянство боролось не только против духовенства: оно боролось также против королевской власти, не желая ей подчиниться, видя, что последняя пытается ограничить его свободу и его могущество. Народ же находился в глубоком рабстве и невежестве. Крестьяне, за немногими исключениями, были крепостными или рабами, городское сословие находилось, правда, в лучшем положении, но и ему приходилось немало переносить от произвола и грубости князей, необузданности и страсти к грабежу дворянства и надменности и испорченности духовенства. Следовательно, горючий материал для революционного движения имелся в избытке.

Но, чтобы быть в состоянии правильно понять события последующих войн, необходимо вкратце коснуться того положения, которое Богемия занимала тогда по отношению к Германии. Население ее состояло преимущественно из славян, чехов. Тогда их было даже больше, чем теперь. Немцы жили только в пограничных областях, вперемежку с чехами, и в городах, особенно в Праге, где они были переселенцами. Между обеими национальностями существовала с давних времен глубокая ненависть, которая, конечно, не

могла быть смягчена бесчисленными войнами, сопровождавшимися грубыми зверствами. Богемия против своего желания входила в состав государства, к которому она была присоединена Карлом Великим, и не раз ее короли не признавали своих ленных отношений к императорам. В ней немцы сравнительно поздно добились права на занятие общественных должностей. В 1130 г., например, богемский сейм решил, что ни один германец или иностранец, под угрозой потери носа, не имеет права занимать какую-нибудь светскую или духовную должность. Свирепая национальная ненависть в законах начала XV столетия, правда, не дает себя чувствовать уже в столь дикой форме, как в XII веке, но тем не менее она не исчезла, и достаточно было какого-нибудь внешнего повода, чтобы она вырвалась наружу. Отношения между национальностями стали более сносными, когда в начале XIV столетия вымерла старая богемская королевская фамилия, и на трон вступила Люксембургская династия. В то время, о котором здесь идет речь, королем Богемии был Венцеслав IV, который под именем Венцеслава I был также императором Германии. Грубый, ограниченный, одержимый страстью к вину, тиран, находившийся в постоянной распре с властолюбивым духовенством, он доходил до того, что позволял народу несколько раз грабить и опустошать отдельные имения и дома последнего. Такое отношение короля к духовенству об'ясняет ту терпимость, которую он проявил в первые годы к выступлению Гуса. В 1400 г. Венцеслав четырьмя духовными курфюрстами был лишен императорского престола, но сохранил за собой титул императора. В 1401 г. он был взят в плен духовенством своей страны, а в 1402 г.— своим собственным братом, впоследствии германским императором Сигизмундом, но бежал оба раза и остался королем.

Сочинения Виклефа попали из Англии в Германию и возбудили в мире ученых большое внимание. Иоанн

Гус, профессор Пражского университета и проповедник в Вихленской часовне, занялся серьезным изучением сочинений Виклефа, в 1398 г. выступил с публичной диссертацией на эту тему и горячо защищал ее. Пражский университет был в то время самым значительным в Германии.

И тот факт, что один из выдающихся ученых этого университета решился открыто выступить против церкви и папства, произвел громадное впечатление. В своем учении он нападал на папу, как на мнимого заместителя Христа и преемника Петра и называл его преемником Иуды Искариота. Он считал недопустимой инквизицию и преследования из-за догматов веры, боролся против отпущения грехов, против злоупотреблений, творимых с обрядами, мощами и святыми, и стоял за конфискацию духовных имений. Этими основными положениями своего учения он прежде всего привлек на свою сторону городское сословие и дворянство, враждебно настроенное по отношению к духовенству. Король Венцеслав из мести к папе и духовенству предоставил полную свободу Гусу. Когда духовенство стало ему жаловаться, он ответил следующим образом: «Покуда он нападал на нас, мирян, вы радовались, а мы терпеливо переносили это; теперь очередь дошла и до вас, и вам нет оснований выражать недовольство».

Пражский архиепископ лишил Гуса священнического места и велел публично сжечь сочинения Виклефа. Это привело к еще худшим результатам. Гус стал ездить повсюду и проповедывать перед народом, принимавшим его восторженно. Иероним Пражский, друг Гуса, присоединился к нему по всем пунктам его учения. Университет избрал его ректором. Во время занятия этой должности у Гуса возникла распря с многочисленными немцами, посещавшими университет; эта распря придала всему движению специфически национальный характер и помешала тому, чтобы

Гус уже в то время сделался для Германии тем, чем стал для нее Лютер сто лет спустя. Университет был подразделен на так называемые четыре землячества: Богемию, Баварию, Саксонию, Польшу, и каждое из них имело при обсуждении дел один голос.

Гус с чехами провели постановление, по которому Богемия получала три голоса, а все остальные национальности вместе — только один голос. Это вызвало страшную борьбу, в результате которой многие тысячи германских студентов покинули университет вместе со своими профессорами. Они оклеветали Гуса в Германии, обвинили его в ереси, и в силу такого отзыва была исключена возможность всякой симпатии и поддержки его стремлений со стороны Германии; при ином стечении обстоятельств его учение наверное возбудило бы к себе сочувственное отношение. Властителям как светского, так и духовного сословия была на-руку эта борьба национальностей, они разжигали ее всеми силами, чтобы в ней потопить опасность нового лжеучения. Немцы выступили, в силу национальной ненависти, против Гуса; загоревшаяся также и на чешской стороне ярким пламенем национальная ненависть об'ясняет, почему городские и дворянские круги, стоявшие, правда, на стороне Гуса, присоединились впоследствии к революционному народу, несмотря на полную противоположность их интересов. Выступление Гуса создало массу народных проповедников, которые в своих требованиях шли гораздо дальше Гуса и склоняли на свою сторону низшие слои городского и сельского населения.

Таким образом появились табориты, названные по имени горы Табор, на которой они впервые собрались; члены этой секты набирались главным образом из низших слоев городского населения и рабочих горной промышленности; другую секту составляли хоривы, или орфаниты, состоявшие преимущественно из крестьян. Совершенно эксцентричную и слабую секту

образовывали адамиты, которые ходили голыми, как в раю. Приверженцы Гуса, состоявшие главным образом из горожан и низшего дворянства, назывались гуситами; этим именем теперь обыкновенно обозначают всю массу недовольных в Богемии, которая стремилась к реформам; приверженцев Гуса называли еще иначе каликстинами (чашники), производное слово от каликс (чаша), потому что они требовали при причастии как тела, так и крови господней, или еще утраквистами.

Табориты, орфаниты и остальные сектанты придерживались, как и многие христианские мечтатели и утописты, главным образом Ветхого завета, который они толковали по-своему; они стояли за уничтожение королевской власти, сословий и восстановление древне-библейского патриархального государственного строя. Король Венцеслав, пораженный силой движения, стал преследовать с 1412 года сектантов.

В Праге между сторонниками Гуса и его противниками дело дошло до настоящих сражений. Враждебное положение, которое Констанцский собор занял по отношению к новому движению, сожжение в конце концов, Гуса и Иеронима Пражского (1415 и 1416 гг.), нарушение из ненависти к мятежнику Гусу императором Сигизмундом данного ему слова, что он обеспечит ему свободный от'езд с собора, еще более усилили брожение; стране стала уже грозить всеобщая революция. Но громадное количество приверженцев, завербованных даже в предместьях Праги революционной партией, во главе которой стояли бывшие монахи и вообще духовные лица, запугало бюргерство. Вожди приверженцев Гуса, пражские профессора, выпустили в 1417 г. об'яснение, в котором они протестовали против радикальных требований сектантов. «Чорт часто принимает облик святости,—так начиналось это поучение,—чтобы ему тем легче было возбудить вра-

жду между братьями и добиться презрения к божественным законам», и затем они перечисляли все, что считали лжеучением. Невольно кажется, что слышишь Лютера, выступавшего сто лет спустя с громовыми проповедями против Мюнцера и крестьян. Прошло еще два года, движение росло и распространялось вширь. Тогда в 1419 г. Венцеслав запретил гуситам и сектантам отправление богослужений. Запрещение только усилило брожение. Летом того же года возбужденный народ собрался в количестве 42000 на внушительную демонстрацию на гору Гридишт вблизи Лутниц. Собрание превратилось во всеобщий политически-религиозный народный праздник; участники называли себя народом бога, родом Иуды, всякие сословные различия были уничтожены, крестьянин и дворянин называли друг друга братьями. Празднество протекало в примерном порядке, без малейших недоразумений и излишеств.

Спустя несколько дней после этого в Праге, в новом городе, городским советом и стоявшей на его стороне частью горожан было нанесено оскорбление народной процессии.

Озлобленный народ тотчас же поднял восстание. Он взял штурмом помещение городского совета и выбросил в окно семерых советников вместе с городским писцом. Народ, стоявший внизу, на улице, подхватил их на пики и тут же убил. Одноглазый Ян Жижка, знаменитый полководец, бросил королевскую службу и стал во главе восстания, которое быстро распространилось по всей стране. 29 сентября и 11 ноября того же года были устроены два следующих народных празднества, которые протекали, подобно первому, без малейшего нарушения порядка. Большинство городов осталось чуждо революционному движению. Немцы же, горожане этих городов, выступили его открытыми врагами; они стали на сторону папы и короля, которым

в то время был Сигизмунд, так как Венцеслав незадолго до этого умер. Ненависть к горожанам глубоко проникла в революционные массы. Жижка призвал крестьян и рабочих к оружию. Его военному таланту быстро удалось сорганизовать и дисциплинировать массы, превратить их в опасного, даже непобедимого противника. Жижка взял Прагу, причем были разбиты умеренные гуситы вместе с рыцарями. Пильзен, взятый также вскоре повстанцами и при этом разрушенный, он велел вновь отстроить; серьезную помощь получили повстанцы в лице рудокопов, которые за исключением немцев все присоединились к движению. Непримиримое положение, занятое преемником Венцеслава, Сигизмундом, исключившее всякую возможность переговоров даже для умеренной партии, толкнуло и ее в лагерь революционеров. Сигизмунд, поддержанный папой, князьями и вообще всем духовенством, об'явил от имени германского императора войну против гуситов, папа же стал проповедывать против них крестовый поход. Это разожгло национальную ненависть в Богемии; все партии, за исключением немецкой, соединились для совместной защиты. Сигизмунд собрал войско более чем в 100000 человек, но предпринятый им штурм Праги был победоносно отражен. За жестокости, которые позволил себе Сигизмунд во время вторжения в Богемию, гуситы отплатили той же монетой; война с обеих сторон вылилась в форму ужасных опустошений и зверств. Целые города и бесчисленное количество деревень сжигались как той, так и другой стороной, жителей калечили и убивали сотнями и тысячами. Гуситы непрерывными поражениями, которые они наносили противникам, нагнали на них такой страх, что ни одно войско не могло им противостоять, многие же отряды обращались в бегство при одном слухе об их приближении. Жижка, подобно тому как Кромвель в Англии и Карно и генералы Французской республики, ввел совершенно но-

вый способ военного искусства, которому не могли противостоять его противники. Под его руководством развились военные таланты обоих Прокопов, которые стали во главе восстания, когда в 1424 г. Жижка умер от чумы. После смерти Жижки в среде гуситов начались недоразумения между отдельными партиями, но по отношению к общему врагу они оставались единодушными и нагоняли на него попрежнему ужас и страх. Наступательная война, начатая империей против гуситов, давно уже превратилась в оборонительную. Гуситы оказались непобедимы. Они предприняли в продолжение следующих лет победоносные походы в Баварию и Франконию до Нюрнберга; в Саксонию, где они дошли через Лейпциг до Наумбурга; в Лаузиц и дальше на север, до Кюстрина. Одна банда достигла даже Данцига и Балтийского моря; в Силезии они дошли до ворот Бреславля, пригороды которого они сожгли; в Моравии, наполненной их бандами, к ним присоединилось родственное сельское население; они вторглись в Венгрию и достигли Кремница, в южном же направлении Вены. Отовсюду они уносили громадную добычу, с 1427 до 1429 г. они взяли слишком 700 укрепленных мест. В 1430 году Прокоп Большой,—его так называли, потому что он ростом превосходил своего брата, которого по этой же причине называли Малым,—двинулся во Франконию не менее чем с 20000 всадников и 70000 пехоты.

Бесспорная победа, которую одержали гуситы над всеми своими врагами, тем более должна была бы побудить их к основанию нового порядка. Но здесь-то как раз и выступила наружу вся их слабость. Победу над врагами они одержали благодаря единодушному и дружному выступлению, но как только дело коснулось внутреннего устроения государства и положения сословий, резко обнаружилась противоположность интересов; столковаться не было никакой возможности. Дворянство и горожане при необходимости могли бы

еще сговориться, но разве представлялась какая-нибудь возможность примирить их интересы с интересами сельского и низших слоев городского населения? Дворянство и горожане не были настолько сильны, чтобы справиться с массой; масса же в свою очередь не могла возместить числом ту потерю внутренней духовной силы и социального могущества, которую принесла с собой эта распря. Только открытие переговоров с врагами создавало для дворянства и горожан выход из этой дилеммы, и шаги в этом направлении были ими сделаны в 1432 г. Империя испытала слишком много бедствий от войны с гуситами, чтобы не пойти на переговоры, и ту же самую потребность чувствовала и потерпевшая много вреда церковь. Прокоп Большой и два других предводителя отправились в сопровождении большой свиты на собор в Базеле. Что Прокоп, глава радикальной народной партии, решился на это дело, об'ясняется многими причинами. Во-первых, должны же были вожди понять, то их цель вряд ли достижима, и, во-вторых, Прокоп надеялся стать наместником Богемии.

После трехмесячных безрезультатных переговоров посольство уехало домой. Враги гуситов увидели их слабость, для них стало очевидным их внутреннее разложение, поэтому они и были так упорны. Умеренная партия—горожане и дворянство,—скорее склонная подчиниться императору и папе, чем народу, продолжала переговоры на свой риск и в следующем 1433 г. заключила соглашение, добившись ничтожных уступок. Это соглашение послужило сигналом для открытой насильственной борьбы между партиями.

При Чешском Броде в 1434 г. дело дошло до кровопролитной битвы, которая окончилась неудачно для радикальных элементов: конный полк Прокопа изменил, крестьяне же позволили выманить себя из

хорошо укрепленного военным обозом и окопами лагеря. Оба Прокопа пали на поле битвы вместе с тысячами своих приверженцев.

После нескольких дальнейших поражений усталые и ослабленные гуситы заключили в 1435 г. мир. Городское сословие скоро увидело, как плохо исполнялись со стороны императора и короля те условия мира, согласно которым оно сложило оружие. Низшее городское и сельское население попало в прежнее рабство. Фанатические революционные секты были рассеяны и подавлены, но члены их, разбежавшись повсюду, продолжали работать в тиши и проникли в другие части империи, например в Саксонию, Тюрингию и Франконию. Но в Богемии беспощадные преследования не дали им возможности достигнуть сильного распространения. Во время крестьянских войн в Германии их идеи вновь всплыли наружу, хотя и приняли несколько иную форму.

Гус и гуситы во многих отношениях являются прообразом реформации и крестьянских войн. Гус был, подобно Лютеру, представителем городского сословия (горожан), классы, которые стояли на стороне первого, встали впоследствии и на сторону второго, партии же Мюнцера в крестьянской войне соответствуют в восстании гуситов фанатические секты, во главе которых стояли оба Прокопа. Характер национальной войны, который сумели придать этой борьбе князья, господствующие классы и поповское сословие, и который в полном соответствии с узостью понятий того времени навязали ей и гуситы,—этот характер препятствовал пропаганде революционных идей и ограничил движение пределами Богемии и родственной ей Моравии. Не будь такого ограничивающего национального характера, движение охватило бы уже тогда Германию, и последующие войны оказались бы ненужными или приняли бы иной характер. Но каждый исторический период рождает только те события, для которых он

вполне созрел; час для Германии еще не пробил, но она приближалась к нему гигантскими шагами.

* * *

Учения фанатических сект в Богемии проникли во Франконию и здесь нашли благодарную почву, особенно в области Вюрцбургского епископа, строгого властителя, страшно ненавидимого своими подчиненными. Уже в 1446 г. там были арестованы по приказу епископа 130 человек как приверженцы Гуса. В Бамбергской же области еретические идеи нашли столь сочувственный прием, что с подданных взяли клятвенное обещание не поддерживать новых течений. Это произошло еще за несколько лет до преследований сторонников новых учений в Вюрцбургской области. Но идеи, коренящиеся в социальных отношениях своего времени, не могут быть уничтожены; временно подавленные, незамечаемые в продолжение многих лет, они обыкновенно неожиданно выплывают вновь на поверхность жизни, обладая уже гораздо большей силой, чем раньше. Так произошло и здесь. В странах, разоренных попами и дворянством, появился в 1476 г. пророк по имени Ганс Бегайм из Никласгаузена, по своей профессии литаврщик, прозванный Ганс свистун. В продолжение многих лет он играл на храмовых праздниках и на крестьянских свадьбах, но теперь бросил свою профессию и начал среди крестьян проповедь о необходимости покаяния. Он призывал всех забыть о нарядах и украшениях, бороться с греховными и злыми страстями. Он звал всех на поклонение к деве Марии в Никласгаузен, чтобы получить отпущение грехов. К новому пророку со всех сторон стекались крестьяне, мужчины и женщины. Он в своих красноречивых проповедях останавливался не только на необходимости покаяния и строгого, благочестивого образа жизни: он рисовал такими правдивыми красками пороки и высокомерие

сильных мира сего, гнет и страдание бедного народа, что его слушатели, полные воодушевления, не спускали с него глаз. С каждой проповедью росло число его сторонников. Слава о нем распространялась все шире: через Франконию она проникла в Баварию, Швабию и Оденвальд, достигла даже Рейна; отовсюду прибывали толпы паломников, чтоб посмотреть его и послушать его проповеди. Количество слушателей, собиравшихся вокруг него по воскресным дням, достигало 30 или 40000 человек. Ганс не ограничился проповедями и доказательством ненужности властителей мира сего, а перешел к изложению тех мер, которыми можно было уничтожить всю несправедливость существующего порядка и помочь бедному человеку. Он говорил: «Нужно основать новое государство, царство божие, где господствовала бы справедливость, где не было бы императоров, князей, папы и вообще какой-либо другой светской или духовной власти, где все должны стать братьями, добывать собственными руками свой хлеб и поровну делить между собой. Все подати, оброки и пошлины, барщина, все налоги и повинности должны быть уничтожены раз навсегда; лес, вода и пастбища должны перейти в свободное пользование всех».

Духовенство, которое, естественно, охватила ненависть к новому пророку, тщетно пыталось оттолкнуть от него народ. Оно заклеймило его как еретика и обманщика, который собирается совратить народ с пути истинного и предать его в руки чорта. Злоба и неистовство духовенства не улучшили дела, настроение против них и светских властителей становилось все хуже.

Два рыцаря Вюрцбургского епископства, Кунц фон-Тунфельд и его сын, вместе с священником из Никласгаузена заключили союз с Гансом. Они вместе обсудили вопрос о том, каким образом довести движение до удачного исхода и как прежде всего завладеть

вюрцбургским епископом. Было решено передать военное руководство восстанием обоим рыцарям.

Ганс в продолжение многих месяцев сумел своими проповедями поднять настроение. Он предложил своим слушателям в конце своей проповеди в воскресенье пред святым Килианом разойтись по домам и хорошенько обдумать, что он им сообщает от имени богородицы, а затем собраться в следующую субботу, оставив дома стариков, женщин и детей и приведя с собой своих братьев и всех своих друзей. «Приходите, но только не с посохом, а с оружием,—советовал он,—в одной руке свеча, в другой—копье и меч, и святая дева откроет вам тогда свою волю, и вы последуете за ней».

Вести о мятежных проповедях Ганса-свистуна, о том сочувствии, которое они находили, конечно, очень скоро дошли до слуха вюрцбургского епископа. Грозный призыв к крестьянам показал ему, о чем шла речь, и он решил предупредить события. В ночь перед днем собрания он поручил своим рыцарям схватить беспечного пророка и привезти его в свой замок в Вюрцбург. На другой день вооруженные крестьяне, до 34000 человек, стали со всех сторон подходить к Никласгаузену. Тут с ужасом они узнали, что произошло. Все пали духом, большая часть тотчас же повернула обратно, но 16000 человек под влиянием настойчивых убеждений своих вождей остались и решили отправиться к Вюрцбургскому замку под предводительством Кунца фон-Тунфельда и его сына, чтобы освободить литаврщика. Обещаний епископа, что пленник находится под хорошей охраной, что ему не грозит смерть или какие-либо телесные наказания, что все жалобы крестьян он тщательно обсудит,—всего этого было достаточно, чтобы отряд отступил от замка. Но едва только крестьяне успели немного рассеяться, как на них предательски накинулась конница епископа, многих переколола, других взяла в плен. Ры-

царю Кунцу и его сыну удалось бежать. Ганс был сожжен как еретик, и его пепел брошен в реку Майн, два других зачинщика были обезглавлены. Рыцарь Кунц только тогда получил прощенье, когда передал все свое имущество епископству. Таким путем было подавлено и это восстание.

* * *

Но уже пришло время, народ проснулся и начал сознательно относиться к окружающему; все находилось в брожении, все чувствовали, что приближается какая-то катастрофа, но никто не знал, что и как произойдет.

Император Максимилиан в восьмидесятых годах XV столетия вел в Нидерландах, обладавших для того времени очень развитой промышленностью, целый ряд войн, которые крайне озлобили тамошнее население, жившее раньше в довольно большой независимости. Тяжелые военные налоги особыми распоряжениями были увеличены до невозможности их уплачивать; и без того уже обесцененные денежные знаки потеряли треть своей номинальной стоимости. В ответ на доклад об этом тяжелом положении каждый дом был обложен новым налогом в два гульдена. Большая дороговизна 1491 г., вследствие плохого урожая, еще более ухудшила положение. Все это довело народ до отчаяния, и он поднял знамя восстания. Первый подал пример город Гент, за ним последовала вся Фландрия; в Кеннемерланде и Ватерланде у фризов также вспыхнуло восстание. Повстанцы собрались под знаменем, на котором в виде символа был нарисован плохой ячменный хлеб и зеленый сыр, откуда они и получили имя «Сырные братья». Штатгальтер императора герцог Альбрехт Саксонский, был принужден двинуться против них с большим войском. После различных незначительных столкновений повстанцы были разбиты на-голову в битве при Гемскерке, и восстание

подавлено в короткий промежуток времени. Если бы это восстание продолжалось несколько дольше, наверное поднялись бы крестьяне по Мозелю и Рейну,— до такой степени возбужденное состояние замечалось у них.

Одновременно с восстанием в Нидерландах произошли отдельные вспышки недовольства и на юге империи, именно в Верхней Швабии, в аббатстве Кемптен, в Шварцвальде и Эльзасе; они показывали внимательному наблюдателю, что наступило время, когда народ, устав нести тяжелое ярмо, решил вырваться на волю.

В аббатстве Кемптен дело дошло до серьезных недоразумений между подданными монастыря и настоятелем последнего. Аббатство Кемптен принадлежало к тем местностям, где до последнего времени существовало много свободных крестьян, находившихся под непосредственной защитой императора и обязанных ему только военной службой. Постепенно аббатство принудило их уплачивать известный оброк. Как оброчные крестьяне, они оставались лично свободными, могли составлять завещания, наследовать не только по завещанию, но и по праву родства, заключать договоры, вообще свободно распоряжаться своей собственностью и ездить куда им вздумается; но они обязаны были, как уже было указано, выплачивать только ежегодный оброк и еще известную сумму за защиту, которую брал на себя аббат. Они были свободны от барщины, от обязанности отдавать лучшую голову своего скота и часть наследуемого имущества и от других подобных налогов. Только после смерти оброчного крестьянина или крестьянки приходилось отдавать лучшую их одежду, в качестве пошлины.

Но эта относительная свобода оброчных крестьян не давала покоя всем властителям; они пытались постоянно перевести их в сословие подвластных им людей. В аббатстве Кемптен рядом с налогом за

смертный случай настоятель стал брать с крестьян уже и лучшую голову скота. Дальнейшие шаги в этом направлении облегчало то обстоятельство, что оброчные крестьяне брали в ленное владение монастырские земли и должны были поэтому выплачивать монастырю подати, налоги, отбывать для него барщину, как настоящие подвластные ему крестьяне, в сословие которых их через несколько времени и записывали. В такое положение попали многие оброчные крестьяне, так как большая часть земельной собственности самыми разнообразными путями попала в руки монастыря, и оброчные крестьяне были принуждены пользоваться ею на условиях ленного владения. Кто не пред'являл протеста против обращения с ним со стороны монастыря как с несвободным человеком, тот мог быть уверен, что по прошествии нескольких лет он попадет в списки крепостных, и с ним будут обращаться, как обращаются с последними.

Первое право, которого лишались оброчные крестьяне, вступавшие в ленные отношения к монастырю, было право свободной женитьбы. Им запрещали вступать в брак с совершенно свободными людьми, так как по аллеманскому праву дети от такого брака считались также свободными. Напротив, их браки с крепостными поощрялись, так как дети от такого брака становились не свободными людьми, а крепостными. Против подобных систематических притеснений свободные и оброчные крестьяне запротестовали уже в начале XV столетия. На это тогдашний настоятель пред'явил поддельный документ, по которому будто бы еще со времен императора Карла Великого эти, возбудившие теперь споры, права были пожалованы монастырю.

Все протесты не принесли никакой пользы. Третейский суд, состоявший из дворян и горожан, предложил в 1423 г. настоятелю разрешить спор клятвой. Настоятель должен был поклясться, что все спорные

и взимаемые до сих пор насильственным путем подати, налоги и барщина принадлежат монастырю по праву. Если настоятель дает такую клятву, то два наиболее знатных участника этого третейского суда должны будут подтвердить, опять-таки клятвой, правильность его утверждения. Настоятель и участники третейского суда не остановились, конечно, перед предложенными им клятвами, и крестьяне таким путем были обойдены в своих правах.

Подобно тому, как здесь, в Кемптене, так и во многих других местностях некогда свободные крестьяне попали в крепостные.

Аббат кемптенский, занявший это место в 1480 г., был еще хуже своего предшественника; он прилагал все усилия сделать последнего свободного крестьянина оброчным, а последнего оброчного — крепостным. Кто противился этому, того привлекали к церковному суду, заковывали в кандалы, сажали в башню или выгоняли из его имения. Под влиянием таких насилий, большинство уступило и дало клятвенное обещание не мстить за нанесенное оскорбление, не искать чужой защиты, платить пошлины и налоги, отбывать барщину, признать право монастыря на плату за каждый смертный случай, на лучшую голову скота и на кур к масленице. После смерти крепостного половина его имущества переходила в руки настоятеля; у сирот отнималось их наследство; дети, находившиеся под опекой, принуждались приписываться к сословию крепостных. В оправдание всех этих насилий настоятель монастыря говорил, что он поступает так же, как поступают другие помещики.

В 1489 г. на юге Германии возникла большая дороговизна, которая продолжалась несколько лет и отразилась и в Нидерландах. Кемптенский аббат, приняв во внимание это обстоятельство, нашел возможным обложить крестьян новым налогом. Тогда, 15 ноября 1491 г. все крестьяне этого монастыря

собрались в Луибасе, в старом месте судебных сборищ, и подняли вопрос о необходимости об'единения, с целью добиться общими силами, на основании старых документов, своих прав. Семь дней спустя они собрались в лагере при Дурахе, поклялись крепко стоять друг за друга и решили прежде всего обратиться к Швабскому союзу с просьбой быть судьей между ними и монастырем. Они выбрали своим начальником Иорга Гуга из Унтерасрида, которого аббат назвал «Гус из Унтерасрида».

Здесь нужно отметить, что Швабский союз, который кемптенские крестьяне призвали на место судьи и который играл выдающуюся роль как в последующих крестьянских восстаниях, так и в собственно крестьянской войне, состоял из союза швабских городов и владетельных князей, соединившихся в 1488 году. Его цель заключалась в поддержании внутреннего мира и в проведении в жизнь имперских постановлений; его деятельность была, следовательно, направлена главным образом против разбоев и распрей мелкого дворянства и рыцарства, поэтому последние являлись его злейшими врагами.

Союз с самого начала насчитывал в своем составе 22 имперских города; из князей впоследствии числился в нем герцог Ульрих Вюртембергский, начавший править в 1503 г.; но в 1512 г. он был вынужден выйти из состава союза, так как присвоил себе поместья графа фон-Лайнинген.

Кемптенские крестьяне нашли плохой прием у заправил Швабского союза, в областях которого недовольство среди крестьян охватило уже довольно большие массы. Только после неотступных просьб они приняли на себя роль третейского судьи. Приговор вновь оказался благоприятным для аббата. Крестьяне, правда, сложили оружие, но послали гонца к императору, надеясь хоть там добиться большего внимания к своим нуждам. Аббат велел устроить засаду и преда-

тельски умертвить гонца. Второй посол был счастливее. Когда уже все потеряли надежду на его возвращение, он явился с вестью, что аббат будет призван к императору. Но попа нисколько это не запугало, он продолжал издеваться над крестьянами так, что они вторично взялись за оружие. Тогда аббат обратился за помощью к Швабскому союзу, и этот решил: «Так как при дальнейшем послаблении этому движению опасность грозит всей аристократии и всем властям, то нужно силой принудить крестьян к повиновению— прежде всего схватить зачинщиков и наказать их; если же крестьяне и тогда не успокоятся и не станут послушными, то начать войну против них».

Действительно, союз стянул свои военные силы в Гюнцбург; в Миндельгейме стояли наемники аббата Прошло несколько месяцев; аббат и города вполне сознательно не производили нападения, надеясь, что крестьяне станут более самоуверенны и беспечны. Расчет оказался вполне верным. Вечером в день святого Михаила союзные войска неожиданно напали на крестьянские деревни, захватили в плен часть крестьян, остальных перебили; их имущество было разграблено и дома сожжены. Вожаки, взятые в плен, попали в темницу; сотни крестьян бежали в Швейцарию. После кровавого усмирения союз, как бы в насмешку, назначил в Меммингене день для разбора дела крестьян с монастырем. Приговор гласил: все остается по-старому. Налоги, оброк, подати, право лучшей головы скота, право на часть имущества в известных случаях и все, что еще должны были делать и доставлять крестьяне, остается до тех пор, пока они докажут, что не обязаны этим монастырю. Князю-аббату было милостиво предложено не жаловаться дальше на своих подданных, крестьянам же рекомендовано не искать для разрешения будущих недовольств иного пути, как третейский суд. Прошлое должно быть забыто обеими сторонами, изгнанникам позволено в продолжение изве-

стного времени безнаказанно вернуться обратно; наконец, пленные после заключения договора должны быть отпущены. Небольшое число беглецов возвратилось обратно и покорилось, большинство крестьян не приняло договора. Те, которые подчинялись, делали это в надежде, что наступит то время, когда они добьются своих прав.

Продолжительная дороговизна и последовавший за ней голод, который привел к восстанию в Нидерландах и который послужил ближайшей причиной для возмущения кемптенских крестьян, побудил также в Эльзасе угнетенный народ соединиться в 1493 г. и образовать «союз лаптя»: лапоть имел для средневековых крестьян то же самое значение, которое имеет для современного пролетариата красное знамя. Это знамя возникло потому, что рыцари, как признак своего сословия, носили сапоги, крестьяне же, как знак своей зависимости, лапти, которые привязывались ремнями, начиная от лодыжки кверху.

Членами союза лаптя в Эльзасе с самого начала состояли люди различных сословий. Большинство составляли крестьяне, но к ним присоединились и многие горожане, между прочим и такие, которые занимали городские должности, а также и конные наемники. Союз быстро распространялся; очагом движения являлась местность около Шлетштадта. Ночью потайными дорогами собирались заговорщики на так называемую Голодную гору у Шлетштадта. Здесь возникали и разрабатывались те планы, которые желательно было провести в жизнь.

Программа союза в основных ее чертах представляла собой следующее: уничтожение церковного суда и королевского суда в Ротвейле, отмена пошлин, налогов на предметы потребления и других поборов, самоуправление общин, суд присяжных, право народа давать или не давать согласие на обложение его теми или иными податями, отмена тайной исповеди, назна-

чение одного священника на каждый приход, ограничение ежегодных доходов священника суммой в 50 или 60 гульденов, разграбление еврейского имущества и в некоторых случаях истребление самих евреев. Евреи в продолжение всего средневековья были ненавистны народу за их барышничанье и уменье сосредоточивать в своих руках большие богатства; они часто подвергались тяжелым гонениям, связанным с ужасными жестокостями.

Здесь мы впервые встречаем немецких крестьян, соединившихся не только для защиты старых прав, но и выкинувших определенную политическую программу, которая ясно и понятно излагала цели, поставленные движению.

Крестьяне поняли, что не будет для них никакой пользы в том, если они добьются согласия со стороны господ на отдельные свои требования, поняли, что необходим целый ряд глубоких преобразований. Что же касается их религиозных требований, то они заслуживают самого серьезного внимания. Нужно твердо помнить, что в то время в Германии еще не появилось ни одного крупного церковного реформатора, и пункт об отмене тайной исповеди имел громадное значение. Начиная с этого момента, все крестьянские движения выступают с более или менее подробно разработанной программой, которая достигает своего высшего развития в «Двенадцати статьях» крестьянской войны.

План заговора считал необходимым прежде всего завладеть укрепленным городом Шлетштадтом, превратить его в опорный пункт дальнейших операций и конфисковать богатые кассы, городскую и монастырскую, чтобы получить деньги, столь необходимые для ведения войны. Если бы оказалось, что союз один не в состоянии достигнуть своей цели, то было решено призвать на помощь Швейцарский союз. В начале страстной недели предстояла первая попытка завладеть Шлетштадтом.

Но все меры предосторожности, принятые против измены, все угрозы не спасли союз от нее. Незадолго до времени, назначенного для открытого выступления, все дело рухнуло. Масса союзников подверглась неожиданному нападению. Горожане Шлетштадта, состоявшие в союзе, пытались спастись в Базель, но были перехвачены, приведены обратно и четвертованы; другим участникам этого союза отрубили головы, третьих выслали за пределы страны, четвертым искалечили руки или пальцы. Аристократическая часть горожан соединилась с владетельными князьями с целью выследить все неблагонадежные элементы и сделать их безвредными. Союз был рассеян, его намерения не удалось привести в исполнение, но дух, живший в нем, обстоятельства, породившие его, остались.

* * *

В то время, когда крестьяне в Эльзасе, Верхней Аллемании и Швабии пытались освободиться от тяготевшего над ними гнета, другому германскому племени, жившему далеко на севере, приходилось защищать свою старую свободу против княжеских и дворянских притязаний. Это были дитмаршенцы, освободительная борьба которых в XIII столетии описана уже выше.

В то время дворянство было частью изгнано из страны, частью же, отказавшись от своих привилегий, должно было войти в состав свободных сельских общин на равных правах с крестьянами. Земля была таким образом разделена, что обеспечено было равное удовлетворение интересов и положено препятствие господству отдельных личностей и их преобладающему влиянию. В соответствии с этим, весь государственный строй покоился на полном равенстве всех его членов. Всякий достигший совершеннолетия принимал участие в выборах правительства, которое состояло из совета сорока восьми. Правительство управляло, наблюдало за ис-

полнением законов и наказывало за преступления. Законы же издавал сам народ.

Эта крестьянская республика, находившаяся под непосредственным покровительством императора, была, конечно, ненавистна князьям и дворянству. К тому же, у нее не было недостатка в распрях с дворянством соседних стран, как, например, с герцогами голштинскими и королями датскими; нередко эти споры вели за собой войны и вторжения в пределы республики, но о храбрость и единодушие этого маленького народа, умевшего прекрасно пользоваться особенностями почвы своей страны против тяжело-вооруженных рыцарей, разбивалось высокомерие дворянства. Во время одного из таких вторжений один из герцогов голштинских поплатился жизнью за свою дерзость.

Датский король Христиан I попытался хитростью завладеть этой страной. Он требовал, чтобы она заключила с ним договор, который давал бы право свободного прохода через нее его войскам. Крестьяне отвергли это требование, и в 1476 г. датский король попытался силой достичь того, чего ему не удалось добиться хитростью. Нападение было победоносно отбито в сражении при Гейде. Независимость дитмаршенцев была вновь спасена. Тогда они решили возможно лучше обеспечить себя от будущих нападений. Они усовершенствовали свое вооружение, использовав для этой цели огнестрельное оружие и пушки, еще в то время не нашедшие применения в войсках дворянства, и построили крепость около деревни Геммингсштедт, прекрасно расположенной для это цели. Их заботы оказались не излишними. Христиан I умер в 1481 г., его сын Иоанн наследовал ненависть своего отца к крестьянской республике. После счастливого окончания войны против шведов ему показалось, что наступил момент для сведения счетов с крестьянами.

В 1499 г. на рейхстаге в Рендсбурге, в котором принимало участие все дворянство Голштинии и Шлез-

вига, было решено начать войну против крестьянской республики до полного ее уничтожения. Многочисленное дворянство Мекленбурга, Померании, Бранденбурга, Ольденбурга обещало свою помощь. В ответ на эти усиленные сборы дворянства дитмаршенцы напрягли все свои силы и обратились за помощью к своим союзникам, свободным городам Гамбургу и Любеку, с которыми у них был заключен договор. Но торговый народ бросил их на произвол судьбы. В феврале 1500 г. дворянское ополчение в количестве 16000 человек, которому дитмаршенцы, в лучшем случае, могли противопоставить 6000 человек, двинулось против Мельдорпа, главного местечка страны. Замерзшая почва облегчала вначале движение дворянского войска. Но все местечки и отдельные дома, которых оно достигало, все как бы вымерли. В Мельдорпе находилось некоторое количество старцев, жен и детей, которых не удалось увезти из-за сильного холода; полное злобы дворянство перебило их всех и зажгло город. Красное зарево пожара было видно из крепости при Геммингсштедте, где собрались и окопались крестьяне. После трехдневной стоянки в Мельдорпе,— король полагал, что крестьяне готовы при виде столь блестящего войска подчиниться ему и просить о милости,— король двинулся дальше. Но к ночи погода изменилась, мороз сменили потоки дождя, сделавшие дороги непроходимыми, густой туман окутал всю местность, вдали ничего не было видно. С трудом, по колено в грязи, подвигалось вперед дворянское ополчение по единственной дороге, ведшей в Геммингсштедт. Оно охотно вернулось бы обратно, но это было невозможно, так как мешали глубокие канавы с водой по обеим сторонам дороги. Крестьяне, хорошо осведомленные о положении своих врагов, решили предпринять на них нападение. В ночь с 19 на 20 февраля они перегородили дорогу окопом, поставили там лучшую свою пушку и большое количество народу. 20 февраля после полудня беспечно подо-

шло вражеское войско почти к самому окопу, в густом тумане и под проливным дождем, бившим ему прямо в лицо. Тогда навстречу приближающимся неожиданно раздался залп; он внес в их ряды смерть, ужас и смятение. Войско сильно расстраивается, новый залп вносит еще больший беспорядок. Тогда крестьяне, вооруженные алебардами и пиками, выскочили из окопа. Часть их бросилась на врагов спереди, в то время как другие, пользуясь знанием местности, перепрыгивая с помощью длинных палок, специально для этого приспособленных, через рвы, охватили оба фланга вражеского войска и устроили ему кровавую баню. В это же время с запада с шумом катились через плотины, разобранные крестьянами, морские волны и еще более затрудняли отступление дворянскому войску. Большая часть рыцарей пала. Датский король и герцог Голштинский бежали, с ними бежали все, кто только мог. Наступившая ночь прекратила сражение, преследование же крестьянами своего врага продолжалось до самой границы. Потери княжеского войска простирались до 7000 человек, у крестьян же было убитых только 80 человек. Таким образом, республика была вновь спасена и стала грознее, чем когда-либо.

Но почти сто лет спустя после этого она все-таки пала жертвой усилившейся княжеской власти.

Немного лет спустя после выступления союза лаптя в Эльзасе вспыхнула в 1499 г. война между швабской аристократией, поддержанной императором Максимилианом, и швейцарцами. Причины ее были самые разнообразные; не последней, конечно, было то обстоятельство, что беглецы-крестьяне из аббатства Кемптен и из Эльзаса нашли радушный прием в Швейцарии. Демократическое управление, господствовавшее по крайней мере в старых кантонах, являлось таким страшилищем для властвующих, что они бы охотно раз навсегда его уничтожили. Речи, как, например: «Мы поищем у швейцарцев за пазухой коровий хвост», или: «Мы

устроим в стране коров такой пожар, что сам Бог, сидя на радуге, зажмурится от дыма и огня и подожмет ноги», были самым обычным явлением среди союза швабской аристократии. Но борьба протекала не так, как хотелось бы этим господам: они терпели одно поражение за другим, одно позорнее другого.

Неудачи аристократии дали повод их собственным крестьянам поднять восстание. Гегау, Брегенцский лес, все Вальгау примкнули к швейцарцам, масса дворянских замков и крепостей была взята, разрушена и сожжена. Не будь швейцарцы пропитаны узким областным духом и мелочным эгоизмом,— недостатками, которые, конечно, об'ясняются неразвитостью общественных отношений и которые еще до сих пор не вполне исчезли, — они сумели бы сойтись с крестьянами соседних местностей, призвать их к восстанию и совершенно уничтожить господство дворян. Вместо этого они грабили и истребляли имущество дружески к ним настроенных княжеских крестьян, мстя за те опустошения, которые произвело дворянство при вторжении в их страну, и озлобили этих крестьян.

Такой мелочной эгоизм и узость швейцарцев сыграли при всех последующих крестьянских восстаниях гнусную роль; за деньги швейцарцы согласились даже помочь герцогу Ульриху, изгнанному из своей страны, вновь завоевать последнюю. Только с целью выяснить характер тогдашних швейцарцев коснулись мы этой войны, называемой ими швабской, а их противниками — швейцарской войной, так как, строго говоря, она не имеет никакого отношения к революционным движениям немецких крестьян того времени. При заключении мира, как уже раньше было указано, швейцарцы добились освобождения от подсудности высшему имперскому суду и от имперских матрикул.

Союз лаптя, разгромленный в Эльзасе, вновь образовался в 1502 г. в Унтергрумбахе в Брухрайне, вблизи от Брухсаля, принадлежавшего к епископству

Шпейер. В короткий промежуток времени в союз вступило более 7000 мужчин и около 400 женщин. Вообще женщины принимали во всех восстаниях самое живое и деятельное участие и часто своей отвагой и решительностью превосходили мужчин. Им приходилось переносить еще бо́льшие притеснения и приставания господ. Порочным наклонностям своих господ они должны были беспрекословно подчиняться; а если их мужьям приходилось сопровождать своего господина слугой на войну, или если их заключали за ничтожнейший проступок на недели и месяцы в крепость или наказывали каким-нибудь иным способом, то в это время на них лежал двойной гнет: им приходилось отбывать барщину и вообще исполнять все обязанности своих мужей по отношению к помещику.

Осторожность побудила союз создать лозунг, по которому участники его могли бы узнавать друг друга. «Угадайте, в чем заключается теперь главное зло?»— был вопрос, ответ на который гласил так: «Мы не можем никогда выздороветь при наличности попов и дворянства». Основные пункты союза заключали в себе следующие требования: отмена крепостного права; отказ от дальнейшей уплаты князьям, дворянству или попам всякого рода оброка, пошлин, налогов или десятины; свобода и доступность для всех охоты, рыбной ловли, пастбища и леса, конфискация всех имений духовенства, раздел их между народом; признание главой и господином только императора. Все единодушно сознавали, что свободы можно добиться только силой.

Было решено сделать нападение на город Брухсаль, большая половина жителей которого находилась в согласии с союзом, завладеть им и удержать его в своих руках в качестве опорного пункта. Главный отряд должен был втргнуться в маркграфство Баден и попытаться склонить мужское население всех местечек присоединиться к движению и примкнуть к отряду.

В крайнем случае решено было принуждать его к этому силой, но нигде не оставаться более 24 часов. Союз надеялся постепенно присоединить к себе всех крестьян и горожан.

Все уже было прекрасно приготовлено, как один из заговорщиков на исповеди неосторожно поделился со своим духовником планом восстания. Этот, конечно, передал его властям, а те поспешили принять меры пресечения. Император Максимилиан, извещенный о предположенном восстании, настолько испугался, что дал приказ затопить его в крови и не останавливаться перед самыми строгими преследованиями и наказаниями участников этого союза: конфисковать имущество каждого вступившего в заговор, изгнать из страны его жену и детей; если он попадется сам, то четвертовать его; если он принадлежит к главарям движения, то привязать его к хвосту лошади и притащить таким образом на место казни для четвертования. Таковы были приказания «рыцарского» Максимилиана, который однажды, еще не будучи на престоле, поклялся быть защитником народа.

В городе Шлетштадте собралось значительное число лиц, посланных князьями, властителями и городами, чтобы обсудить, каким образом лучше всего уничтожить союз. Эта медлительность позволила вождям союза во-время спастись бегством. Когда же, наконец, войско князей появилось в селениях, то все выдававшиеся своим живым участием в союзе уже исчезли. Часть членов союза подверглась пыткам, с целью вымучить у них признание, многие повешены. В остальном же господа решили не приводить в исполнение кровавых приказаний императора: они, может быть поняли, что эта кровь только подымет волну озлобления, а затем кто стал бы платит за участников движения пошлины, оброк и налоги, отбывать барщину, если бы они обезлюдили селения? К милосердию склоняло их и сознание победы.

Неудача, постигшая и второй заговор в связи с более бдительным отношением господ ко всем движениям среди крестьян, заставила последних успокоиться на некоторое время. Беглецы направились в Швейцарию — в Шварцвальд, Брейсгау и Вюртембергскую область. Всюду они нашли друзей и единомышленников, которые им помогали скрываться и с которыми они могли обсуждать выполнение своих планов в будущем.

Среди людей, которых не могло смутить никакое поражение, не могла запугать никакая грозящая опасность и которые неутомимо стремились к своей цели, выдавался Иос Фриц. Родом из Унтергрумбаха, он являлся главным основателем союза лаптя в Брухрайне; после провала этого союза он бежал. Иос Фриц был отважен, энергичен, ловок и хитер, заговорщик по натуре. Он умел привязывать к себе людей, приспособляться ко всяким обстоятельствам и извлекать выгоду из всего, что только могло принести пользу его делу. Привлекательная внешность, дар слова, которым он умело пользовался, чрезвычайно сильно облегчали его задачу. Как солдат, принимавший участие во многих походах и битвах, он отличался значительными военными познаниями, которые принесли движению большую пользу.

В продолжение многих лет он проживал около Боденского озера в Ленцкирке и Штокахе, где он и женился, а также в Баденском и Вюртембергском Шварцвальде, сея всюду семена недовольства и заводя связи. В 1512 г. он поселился в деревне Леген около Фрейбурга в Брейсгау. Здесь он получил место лесничего и начал свою агитаторскую деятельность с большим искусством и энергией, сохраняя в то же время полную тайну. Он умел говорить с людьми так безыскусственно, так увлекательно, что каждому казалось, что с этой минуты он уже стал богат и счастлив. «Как будто сам чорт совращал с пути истинного», гласит показание одного из

его сторонников, найденное в материалах следствия по этому делу.

Подготовив достаточно почву, он пригласил нескольких лиц на тайное собрание в уединенный луг по ту сторону р. Дрейзама. Здесь он повел речь в духе программы брухрайнского союза лаптя.

«Необходимо улучшить наше положение,— говорил он,— не нужны нам в будущем никакие помещики, никакие властители, кроме императора и папы; судьи должны допрашивать и судить каждого в месте его жительства, а не заставлять его ездить к себе, как бы далеко он ни жил. Ротвейльский суд должен быть уничтожен, церковному же суду должны быть подсудны только религиозные дела. Затем нужно обуздать злоупотребления духовенства в приходах, уменьшить пошлину и налоги, запретить раз навсегда все дворянские распри, установить постоянный мир для всего христианства, свободу для всякого простого человека, лес, пастбище, воду и охоту сделать общей собственностью, из монастырских богатств помочь бедному люду». Иос выступил здесь, сообразно с обстоятельствами, с большой осторожностью, но все-таки многим дело показалось сомнительным, когда он предложил основать союз лаптя. Крестьяне решили посоветоваться с их сельским оракулом, местным священником, отцом Иоганном. Этот уже давно был в тайном соглашении с Фрицем; он об'явил крестьянам, что дело, которое им предложено, дело не плохое; бог сам хочет этого; по священному же писанию выходит, что оно будет иметь успех. Это заявление имело решающее значение. То обстоятельство, что религия, учившая их до сих пор всегда только подчинению, как бы это им тяжело ни было, признала необходимость восстания, повлияло сильно на них и устранило последние сомнения.

Иос имел массу помощников, которые повсюду агитировали, набирали сторонников союза и знакомили их с основными его требованиями. Он же сам завязал

вновь все свои старые связи в епископстве Шпейер, по обеим сторонам Рейна, в Шварцвальде, маркграфстве Баден и Вюртемберге. В Вальдкирхе, в Шварцвальде вел пропаганду другой выдающийся деятель— Вельтлин, называемый еще Штоффель из Фрейбурга. Несколько человек из мелкого дворянства находились в союзе. Тайная организация постепенно распространилась по всему Эльзасу, Брейсгау, маркграфству Баден, Шварцвальду, Верхней Швабии, верхнему Крайхгау, где центром являлся город Бреттен, нижнему Крайхгау, или Брухрайну, где центром был Брухсаль. В Вюртембергской области у союза существовали связи, главным образом в долине реки Ремс и в Цабергау. Собрания происходили в уединенных трактирах или на постоялых дворах, на них присутствовали только члены союза отдельных областей. Для встреч и сборищ союз пользовался храмовыми праздниками и ярмарками. В виде тайного знака, по которому посвященные могли узнавать друг друга, они носили на грудном платке латинскую букву Н из черного сукна, пришитую к красному щитку; другие имели на рукаве правой руки три крестообразных прореза.

Тайный лозунг союза остался неизвестным.

Основные пункты, определявшие цели союза и принятые после долгих обсуждений, кратко сформулированные, гласили так: 1) никто не должен признавать иного господина, кроме бога, императора и папы; 2) никто не должен ездить на суд в какую-нибудь иную местность, кроме той, где он сам живет; Ротвейльский королевский суд должен быть уничтожен, церковный суд ограничен духовными делами; 3) проценты, уплаченные в таком размере, что в сумме они равняются занятому капиталу, должны считаться не подлежащими дальнейшей уплате и расписки—уничтожаться; 4) с процентами, где один гульден платится за капитал в 20 гульденов, должно поступить, как указывает и повелевает божественное право; 5) ловля рыбы и птиц, дрова,

лес и пастбище должны быть свободной общей собственностью бедняков и богачей; 6) священник должен иметь только один приход; 7) число монастырей должно быть ограничено, их излишнее богатство конфисковано и из него образована военная касса союза; 8) все несправедливые пошлины и налоги отменены; 9) всюду, где царствует христианство, должен быть провозглашен постоянный мир; кто нарушит это постановление — будет убит, кто непременно хочет воевать, того необходимо послать при первой возможности против турок и неверных; 10) кто принадлежит к союзу, тому должна быть обеспечена неприкосновенность личности и имущества; кто нарушит это постановление, должен быть наказан; 11) если удастся захватить в свои руки хороший город или крепость, то они должны послужить главным опорным пунктом всего предприятия; 12) каждый член союза должен уступить часть своего имущества в пользу союза, так как для выполнения его предначертаний необходимы средства; 13) как только соединятся отдельные отряды, необходимо известить его императорское величество о целях и требованиях восстания, и 14) если его императорское величество не удовлетворит эти требования, то обратиться за помощью к Швейцарскому союзу и попытаться заключить с ним договор.

Отсюда видно, что крестьяне знали, чего они хотели, только, как впоследствии оказалось, они ошибались в своих надеждах на поддержку со стороны Швейцарского союза, истинного характера которого они себе ясно не представляли.

Совершенно своеобразных сочленов нашел союз в лице профессиональных нищих и бродяг, которые в то время в большом количестве странствовали по всей Германии и, подобно другим профессиям, были организованы как бы в цехи, во главе которых стояли

выборные начальники, называемые королями нищих. Иос Фриц часто пользовался этими союзами нищих, посылая при помощи их известия и заставляя их шпионить. Но им предназначалась еще и иная роль в момент решительных действий.

Им предстояло в день ярмарки в Эльзас-Цаберне, находящемся вблизи Розена, собраться в количестве двух тысяч человек и завладеть городом. Одновременно они должны были произвести поджоги в маркграфстве Баден, Брейсгау и Эльзасе; возникшим отсюда всеобщим смятением хотели воспользоваться заговорщики. За 2000 гульденов вожди нищих согласились собрать свой народ и выполнить требуемые от них услуги. В Эльзас-Цаберне им были указаны различные заговорщики, как внутри, так и вне города, под команду которых они обязаны были стать в назначенный день.

Эльзасцам, членам союза, предстояло, как только вспыхнет восстание в Брейсгау, переправиться при Буркгейме через Рейн, на берегу которого должно было бы развеваться знамя союза. Для живших около Легена задача заключалась в том, чтобы найти союзников среди цехов города Фрейбурга и захватить его в свои руки. На случай, если бы это предприятие не удалось, спрятать знамя союза, которое считалось священным,— до более благоприятного момента за Альтфоглейном при Легене, спрятать так, чтобы каждую минуту его можно было найти.

После того, как все было весьма тщательно приготовлено, Иос Фриц отправился в путешествие, с целью найти кого-нибудь, кто бы нарисовал знамя союза— опасное предприятие, на которое не соглашался ни один живописец, и во время которого Фрицу не раз грозила опасность быть опознанным. В Гейльброне на реке Некаре удалось ему, наконец, склонить на это дело одного живописца. Но в то время, когда Иос Фриц находился уже на обратном пути, о заговоре узнал баденский

маркграф благодаря неудачной вербовке новых членов и двумя изменникам из союза. Маркграф поспешно известил совет Фрейбурга, послы быстро понеслись во все стороны, неся городам и господам предупреждения и указания. Между тем, и до заговорщиков донесся слух о грозящей им опасности. В ночь после измены Килиан Майер, один из вождей союза, созвал тайное собрание заговорщиков на лугу при Легене и сообщил им об измене. Было решено успокоиться и остановить все приготовления. Нужно было как можно скорее разойтись. Еще в ту же ночь 200 вооруженных горожан Фрейбурга вторглись в Леген, захватили альтфогта Ганса Эндерлина, его сына, жену Иоса Фрица и увезли их в Фрейбург. Килиан Майер и несколько других важных заговорщиков были схвачены во время бегства. Сам Фриц, предупрежденный во-время, спасся в Швейцарию; туда же бежали еще многие. Взятых в плен подвергли пыткам, с целью вырвать у них откровенное признание, но они оказались достаточно мужественными и или молчали, или сообщали то, что не могло скомпрометировать их союзников. Этим об'ясняется, что пострадали сравнительно немногие, но им пришлось тяжело поплатиться. Альтфогт Ганс Эндерлин, его сын и еще некоторые подверглись четвертованию, другие, между ними Килиан Майер, были обезглавлены, менее сильно замешанным отрубили указательный палец. Жену Иоса, державшуюся очень мужественно и отрицавшую всякое участие в этом деле, отпустили на волю после того как она дала клятвенное обещание не мстить за понесенное оскорбление и возместила расходы за свое содержание.

В Эльзасе же, где австрийскому правительству в Энзисгейме удалось узнать значительно большее число членов союза, дело приняло более кровавый оборот. Там колесовали и рубили головы, кровь лилась потоками; менее виновных пытали, калечили, сажали в крепость, изгоняли из страны или наказывали большим денежным штрафом.

Соседние швейцарские владетельные господа, не мешавшие до сих пор беглецам искать спасения в пределах своей страны,на этот раз приняли против них крайние меры. Они охотно оказывали полицейские услуги агентам императора и Фрейбурга, выслеживали и хватали тех беглецов, имена и признаки которых им были известны. При таких неблагоприятных условиях попались еще многие, и им пришлось испытать все прелести пыток; Иос Фриц, о присутствии которого донесли властям, все-таки опять успел скрыться. Он не успокоился. Прошли годы, и в Шварцвальде то тут то там находили следы его пребывания, но как только делались попытки схватить его, он исчезал так же неожиданно, как и появлялся.

Ревностные преследования, которым подвергались члены союза лаптя со стороны городских властей Швейцарии, были не без основания. Мы уже указывали, что в Швейцарии, за исключением трех лесных кантонов с демократическим строем, во всех остальных властью пользовались знатные городские роды, притеснявшие как сельское, так и городское население. Всевозможный произвол, гнет и обман пробудили среди бедного населения злобу к своим властителям. Летом 1513 г. брожение, наконец, вылилось наружу, следовательно, момент восстания в Швейцарии совпал с приготовлениями к решительным действиям союза лаптя во всей верхней Германии. Прежде всего поднялись крестьяне города Люцерна, затем Золотурна и, наконец, Берна. Бернские крестьяне воспользовались тем временем, когда их господа веселились, справляя храмовой праздник в Кюмице, ворвались толпами в город, захватили дома своих ненавистнейших и знатнейших врагов, разграбили и перепортили их имущество и все запасы. Бернские господа попытались отвлечь крестьян от разрушения своих домов, предприняв поход в деревни, но им не удалось одурачить озлобленных крестьян. Тогда остался только один выход—уступить.

Часть господ была лишена на публичном собрании своих должностей и почестей и предана уголовному следствию; их места заняли надежные лица, пользовавшиеся всеобщим доверием.

Двух советников казнили, других пытали и наказали лишением прав и имущества. Крестьяне добились уступок и свободы.

В местности, подвластной городу Люцерну, восстание началось в области Виллизау. Когда господа собрались ответить на это вооруженной силой, крестьяне созвали все сельские общины и заключили в Русвиле союз. Масса крестьян из Бернского и Золотурнского кантонов поспешила на помощь своим соседям. В количестве 6000 человек подошли они в день святого Ульриха к Люцерну. Они требовали отмены новых налогов, уничтожения договоров с чужими правительствами,—договоров, которых мы уже касались и в которых речь шла о поставке за хорошие деньги пушечного мяса; они стоили многим из крестьян потери своих братьев и сыновей, и вся страна была полна вдовами и сиротами; крестьяне требовали, чтобы некоторая часть денег, полученных от других государств, была отдана им за их службу; наконец, чтобы им выдали тех, кто виноват в произвольном управлении и в растрате общего имущества, именно городского старосту и его сына.

Властители Люцерна, казалось, решили вначале защищаться, но затем сочли лучшим обратиться за посредничеством к соседним кантонам. Эти добились соглашения, которое крестьяне приняли весьма неохотно. Их основные требования были удовлетворены, некоторое число советников смещено и предано суду, фогт Русвиля повешен.

Но едва только отступили крестьяне от Люцерна, как господа нарушили договор и оставили все по-прежнему.

Вновь взялись крестьяне за оружие и успокоились только тогда, когда получили достаточные гарантии в исполнении своих требований.

В Золотурнском кантоне крестьяне, собравшись в количестве 4000 человек, добились отмены всех стеснительных для них постановлений в сравнительно короткий промежуток времени и без особых усилий.

* * *

Союз лаптя, выступивший в 1503 г. в Брухрайне, проник между прочим и в Вюртембергскую область. Здесь более чем где-либо были налицо все основания соединиться крестьянам и горожанам, чтобы освободиться от правительства, которое сосало, как говорится, мозг из костей своего народа и позволяло себе такой произвол, который казался диким даже в то время.

В Вюртемберге тогда правил герцог Ульрих, вступивший на престол в 1503 г. мальчиком 16 лет, властитель, выделявшийся даже среди немецких князей того времени своей расточительностью, развратностью и деспотизмом, а это уже значит очень много.

Правление Ульриха достойно более подробного знакомства, тем более что правление других князей отличалось от него только несколько большей мягкостью.

Вся деятельность Ульриха ограничивалась устройством турниров, карнавалов, маскарадов, охот на медведей, военных походов и иногда блестящих путешествий, связанных со всевозможными удовольствиями. Певицы и танцовщицы выписывались им со всех концов Европы. Его охотники и сокольничие, его лошади и собаки — все возбуждало удивление. Роскошь и блеск его двора были настолько велики, что гораздо более могущественные князья не пытались с ним тягаться. В 1511 г. он женился на дочери герцога Баварского. На его свадьбе присутствовало до 7000 знатных гостей, которые пировали в продолжение четырнадцати дней; это пиршество стоило, конечно, громадных денег. При его дворе тот назначался на лучшие места, кто обладал

богатой фантазией в деле устройства дорогих удовольствий; богатейшие приходы перепадали священникам, лучше всех игравшим на музыкальных инструментах. Вся свора придворных не знала меры в расточении средств народа. Чужие и местные дворяне не останавливались ни перед каким насилием по отношению к народу; они безнаказанно убивали или калечили горожан и занимались уличным грабежом и насиловали женщин сколько душе угодно. Подвергался такой дворянин случайно какому-нибудь наказанию — герцог спешил его амнистировать.

Чиновники смотрели на свои должности как на средство для безнаказанного воровства и вымогательств; к тому же, они отличались невежеством, грубостью, надменностью и необузданным произволом. Часто занимались еще торговлей вином и хлебом или каким-либо иным прибыльным промыслом. Отчетов никаких не существовало. Противно закону, они были освобождены от всяких налогов и поборов. Двор и дворянство под влиянием минутной прихоти опустошали пашни и виноградники как крестьян, так и горожан, которым уже и так наносили неисчислимый вред стаи дичи и особенно стада диких свиней. Если собственник пытался осенью защищать свой виноградник от птиц, посевы и жатву своих полей от дичи, стреляя в них, тогда он подвергался самым жестоким наказаниям.

Суммы, предназначенные для помощи беднякам, присваивали себе чиновники. Сбор валежника, издревле неот'емлемое право бедняков, был запрещен им; этот валежник теперь продавали с аукциона лесники и вырученные деньги клали себе в карман. Сельские должности, которые община имела право замещать по свободному выбору, заняты были ставленниками высших чиновников и придворных; они пользовались для своих нужд общественными доходами и присваивали себе общественную собственность.

Ко всему этому злу присоединилось еще введение римского права. Это право необычайно удорожило судебное производство: там, где раньше достаточно было 10 пфенигов, теперь приходилось платить 10 гульденов. Мясо, мука и вино были обложены определенным налогом; с каждого центнера мяса полагалось вносить в кассу герцога три шиллинга, с каждого бочонка вина— шестую часть, с муки также определенную часть. Кроме того, в продолжение 12 лет с каждого гульдена приходилось выплачивать ежегодно один пфениг *). Меры об'ема и веса были уменьшены, чеканка монет ухудшена.

Список притеснений и способов присвоения народного богатства мы могли бы еще продолжить, но приведенного, я думаю, достаточно, чтобы составить себе представление о характере правления герцога Ульриха. Всех получаемых такими способами доходов нехватало для покрытия расходов двора. Ульрих кроме того сделал долгов на сумму один миллион гульденов.

У бедного человека в Вюртемберге не было недостатка в поводах, достаточных для того, чтобы ему опостылело тяготевшее над ним иго. И то, что он сделал попытку сбросить его, вполне естественно; нужно было бы удивляться, если бы дело приняло иной оборот.

С 1503 г. образовалось в долине реки Ремс у подножия Гогенштауфена отделение брухрайнского союза лаптя, называвшее себя «Бедный Конрад» или «Бедный Конц». Это название союз получил в честь одного из его веселых сочленов, имя которого было Конрад. Между шутками и смехом союзники ловко скрывали серьезные цели своего начинания.

В первые годы в братство принимались только голяки, круглые бедняки, жизнь которых действи-

*) Пфениг в то время стоил значительно дороже, чем теперь.

тельно была горька; более состоятельные, как, например, нищие и бродяги, были исключены из числа желательных членов. Ударив по рукам, принимал атаман вновь привлеченных в союз и наделял их в юмористической форме пашнями и виноградниками, находившимися во владении общества на «луне», на «полевом откосе», на «голодной горе», на «нищенской полосе», на «отсутствующей родине» и в других несуществующих местностях. На знамени союза выделялся крест на голубом фоне, перед которым стоял на коленях крестьянин, а внизу была надпись «Бедный Конрад».

Центром союза являлся Бейтельшпрах, где жил и атаман Петр Гейс. Самые влиятельные члены жили в Шорндорфе. Здесь в состав союза входили важные горожане; все они собирались в доме у Прецигеров. Там же помещалась канцелярия «Бедного Конрада», секретарем которой был стряпчий Ульрих Энкенмайер.

В несколько лет союз достиг значительной силы. То обстоятельство, что в 1514 г. была назначена новая подать, то возбуждение и недовольство, которое она создала, дали повод союзу выступить открыто. На большом собрании в открытом поле глава «Бедного Конрада», одетый в белую холщевую крестьянскую блузу, с войлочной шляпой на голове, взял лопату, очертил ею большой круг, стал в середину его и сказал:

Бедным Конрадом зовут меня,
Им я и останусь;
Кто не хочет заплатить новой гнусной дани,
Тот пусть вступит внутрь кольца.

Этому предложению тотчас же последовали до 2000 горожан и крестьян; восстание было провозглашено. Вскоре предстояло введение новых мер веса. Тогда Петр Гейс предложил с уменьшенными мерами веса произвести испытание водой: «поплывут они,— прав герцог, потонут — прав народ», говорил он. Оригинальное предложение было принято с восторгом.

15 апреля, в субботу, накануне пасхи, в день введения новых мер веса, предстояло произвести любопытное испытание. С барабанным боем и свистом отправилась толпа с вождем во главе к реке Ремс. Там Петр Гейс взял новые гири и бросил их в воду, воскликнув: «Правы крестьяне, — падайте на дно, прав герцог — плывите». Конечно, гири потонули, народ же ликовал: «Мы победили».

Из Бейтельшпраха толпа отправилась в Геппах и там произвела тот же опыт. Всюду по ее пути вниз по долине присоединялись к ней народные массы. Одновременно с этой ватагой, другая, во главе с Шлехтлин-Клаусом, двигалась вверх по долине реки Ремс и всюду производила то же испытание водой.

В тот же вечер крестьяне в количестве 3000 человек с оружием в руках подошли к Шорндорфу, чтобы побудить город к вступлению в союз. В этом городе штадтгальтер и фогт герцога пользовались любовью народа; они вышли к толпе, успокоили ее, напоили, накормили и затем убедили разойтись.

Герцога Ульриха не было в Штутгарте в момент этого движения; растерявшиеся советники поспешно вызвали его. Второго мая он сам явился в долину реки Ремса, но все уже успокоилось. Прибыв в Шорндорф, он счел нужным письменно обратиться к сельским властям, обещая отменить новый налог и рассмотреть жалобы населения на ландтаге.

Затем он призвал к себе всех должностных лиц. Часть их явилась и просила прощения, говоря, что они сами не знают, как и кем они были втянуты в движение. Ульрих простил их.

Наступившее затишье не остановило необыкновенно деятельной и энергичной работы заговорщиков; они продолжали раздувать пламя недовольства и недоверия к герцогу и его советникам, пытавшимся обмануть крестьян. Во все области страны были отправлены комиссары для приглашения всех единомышленников

на собрание 28 мая в Унтертюркгейм, где в этот день происходило всегда большое стечение народа по случаю храмового праздника. Туда явились представители следующих округов: Беблингена, Леонберга, Бакнанга, Виннендена, Морбаха, Маркгронингена, Ураха и даже из глухих мест Альп,—все они от имени крестьян обещали быть наготове для выступления с оружием в руках.

Конрад Гризингер и Зингерганс обязались собрать крестьян по сю сторону Альп в Гехингене и завладеть городами Урах и Мунзинген. Бантельганс из Деттингена обещал помощь крестьянам долин Эмса и Эцаха.

В течение восьми дней после храмового праздника в Тюрнгейме Бантельганс, состоятельный человек, служивший раньше долгое время в войсках, сумел склонить на свою сторону весь Деттинген, выбравший его старшиной. День и ночь раз'езжал он по Альпам и их долинам, всюду агитируя и возбуждая народ. Подобно ему действовал в Мунзингских Альпах Зингерганс и сумел найти друзей и единомышленников в городах Урахе и Мунзингене. При возвращении его из Мецингена, на него и Конрада Гризингера напал фогт Стефан Вейлер со своими конными наемниками. Гризингер бежал, Зингерганс был взят, посажен в тюрьму в Урахе и подвергнут мучительному допросу, но ни в чем не признался. Фогт, несмотря на это, не выпустил его на волю. Крестьяне, поднявшиеся при вести об его аресте, ничего не могли предпринять против хорошо охранявшегося города.

Между тем волнение народа в округах Бакнанге, Маркгренингене, Вайблингене, Бракkенгейме, Марбахе, Вейсберге, Леонберге и Блаубейрене в верхней части Цабергауса, на высотах Шварцвальда все увеличивалось и достигло ворот Штутгарта. Всюду работали заговорщики, прилагавшие все усилия к тому, чтобы сорганизовать народ и приготовить его к совместному выступлению.

Особенно деятельно шло движение в Леонгберском округе. Повстанцы устроили свою главную картиру на горе Леонберг. Там находились также представители долины реки Ремса и там ждали ответа герцога и ландтага на посланные им жалобы и обвинения.

Ульрих, убедившись в необходимости созвать ландтаг, назначил день открытия его на 25 июня. Он чувствовал себя неважно, видя, что движение разыгрывается не на шутку и является не следствием недовольства только отдельных лиц; он заметил, что все оно носит специфический характер союза лаптя. Это уже почуяли и многие другие. Так, ландфогт из Гохберга писал еще 14 февраля в совет города Фрейбурга в Брейсгау: «Сообщаю вам по долгу службы, что делаются попытки вновь вызвать к жизни союз лаптя; люди, поставившие себе эту задачу, рыщут по стране пешком и верхом; они появляются то под видом священника, сборщика на построение храма, продавца святых вещей, то, накрасив и намазав свое лицо, под видом нищенствующих монахов. Следует обратить серьезное внимание на такую опасную деятельность, чтобы предупредить грядущие события».

Прежде чем ландтаг успел собраться, представители городов Штутгарта и Тюбингена приложили немало усилий успокоить сельское население и вселить в него надежду на благой результат заседаний ландтага,— как известно, средство, которым еще и доселе умеют достигать хороших успехов. Часть крестьян действительно успокоилась, хотя ни у кого не было серьезного доверия к герцогу и к ландтагу; крестьяне требовали, чтобы и их представителей допустили на собрания ландтага, заявляя,— и вполне правильно,—что если ландтаг преследует цель помочь им, то при этом должны присутствовать и крестьяне; попы, дворянство и богачи-горожане, конечно, позаботятся только о себе. То было удивительно правильное понимание вещей, и можно только выразить пожелание, чтобы до такого

здравого понимания своих интересов доросло и наше современное крестьянство.

Открыто выраженному недоверию к ландтагу господа из Штутгарта и Тюбингена не могли противопоставить никаких серьезных доводов; они предложили крестьянам довести до сведения ландтага свои жалобы при помощи городов, если же у них есть жалобы и на последние, то, изложив их письменно, прислать с собственными послами. Но им никак не удавалось победить недоверие крестьян к городским господам. Леонбергский округ совершенно отказался от их посредничества: города Беблинген и Зиндельфинген, правда, выразили готовность ждать результатов ландтага, но сельские общины были не такого мнения и горячо обвиняли города за такое решение. Здесь сказалось различие интересов города и деревни. В мелких городах, где горожане хотя и испытывали тяжкий гнет, но сравнительно с сельским населением находились в сносном положении, всегда были готовы на уступки и посредничество. К тому же в городах пользовалась большим влиянием состоятельная и имевшая право на участие в совете часть городского сословия, и города, действительно, могли удовлетвориться уступками и облегчениями, которые для сельского населения по большей части оставались простым клочком бумаги. Сельское население находилось в такой зависимости, в таком порабощении, какого не знали города. Принцип «разделяй и властвуй» во все времена применяется очень умело врагами народа.

В Шорндорфе в начале июня вторично возникли беспорядки, повод к которым дали крестьяне из близлежащей долины реки Ремса. Но движение вскоре успокоилось. Даже в Тюбингене, самом лояльном городе страны, произошли волнения, и совет города не мог принять против них никаких мер: ему помешала сделать это выбранная общиной комиссия из 24 лиц.

В Штутгарте ко дню открытия ландтага, 21 июня, собрались 24 представителя городов.

Их обеспокоил слух о том, что будто по приказанию герцога на границы страны собирается войско соседних властителей для вторжения в его собственную страну. Они тотчас же сообщили об этом в пограничные поселения, просили их учредить строгий надзор за границей и при первом появлении вражеского войска сообщить об этом им. Вместе с представителями городов прибыли и представители крестьян, чтобы изложить жалобы и нужды крестьянского сословия. Прелаты еще не явились, рыцарство же, как выяснилось, не было и совсем приглашено: это обстоятельство заранее доказывало, что ландтаг созван только с целью обмануть народ.

Герцог потребовал от ландтага, во-первых, денег на покрытие своих долгов и, во-вторых, поддержки для борьбы против крестьян. На это ландтаг не согласился и сказал: пусть прежде герцог оставит свой беспорядочный образ жизни и прекратит ничего, кроме вреда, не приносящее хозяйничанье своих советников. Затем ландтаг решил пополнить совет герцога, состоявший из Лампартнера, Тумба и Лорхнера, «которые до сих пор очень плохо управляли», двенадцатью членами, избранными сословиями, а именно—четырьмя от дворянства, четырьмя от городов и четырьмя от деревень, и ограничить расходы герцога известной суммой.

Такой оборот дела совсем не понравился герцогу. В ночь с 20 на 21 июня он тайно уехал в Тюбинген и повелел ландтагу явиться туда же.

Что затем произошло, можно было предугадать. Представители городов изменили делу крестьян и последовали за герцогом в Тюбинген. Там ландтаг от имени страны принял на себя уплату долгов герцога в размере 910000 гульденов, крестьян же он попытался успокоить некоторыми жалкими подачками. Здесь уже не было

речи о праве и справедливости и об участии в управлении страной.

Как ни ничтожны были уступки, сделанные крестьянам, но дух покорности и послушания настолько глубоко гнездился в них, что большинство областей подчинилось решению ландтага. Даже леонбергцы, проявившие наибольшее упорство, наконец, уступили; их примеру последовали другие сельские округа. Но уступка леонбергцев во всяком случае не исходила из решения бросить борьбу; нет, просто они прослышали о приближении чужеземных вспомогательных войск герцога, часть которых достигла 26 июля уже Гейльбронна.

Иную картину представляло положение дел в долине реки Ремса и в Шорндорфской области, где возник «Бедный Конрад» и где он обладал самыми многочисленными и верными приверженцами. В то время как во всех других местностях в его распоряжении находились сравнительно незначительные группы, представлявшие меньшинство населения, в области реки Ремса и Шорндорфа он господствовал над массами. Итак, ремстальцы и шорндорфцы не подчинились, но так как эти округа принадлежали к числу самых старых родовых владений герцогства, то герцог счел нужным попытаться успокоить их лично,

Он велел собраться около города Шорндорфа крестьянству обеих областей, но только без оружия. Сам отправился в этот же город в сопровождении большой свиты. Крестьяне явились в количестве 7000 человек, но поголовно вооруженные. Они не верили в мирный исход переговоров. В свите герцога находились самые ненавистные народу чиновники,—канцлер Лампартнер, маршал Тумб и регистратор земского суда Лорхнер, которые от имени герцога выступили перед крестьянами. Самому ненавистному из этих трех, маршалу, было поручено прочесть условия договора, выработанные в Тюбингене.

Спустя несколько минут после начала чтения поднялся ропот недовольства, быстро перешедший в бурный протест. «Предатели, воры, вы умеете только строить себе прекрасные дома на средства народа»,— кричали крестьяне испуганным придворным. Они не щадили и герцога: «Из-за его распутства наши жены и дети должны голодать: знатные тунеядцы, толпы певцов и музыкантов, вымогательство и воровство его чиновников,— вот что обусловливает нашу нищету».

Герцогу, оставшемуся вначале в городе, донесли теперь о настроении крестьян; он тотчас же вскочил на лошадь и помчался в сопровождении своих рыцарей из города на поляну, где собрались крестьяне. Он представлял себе, что перед ним они задрожат, он выругал их и потребовал, чтоб они разошлись по домам и принялись за свою работу.

Маршалу показалось, что наступил момент, когда можно перетянуть крестьян на сторону герцога. Он сделал знак, что будет говорить и сказал: «Кто за герцога, пусть станет на его сторону». Тотчас же вся толпа, как один человек, с шумом и криком отступила назад; герцог остался один со своей свитой и то бледнел, то краснел от стыда и злобы. Затем крестьяне вновь начали выкрикивать свои обвинения против него и его придворной сволочи, в ушах герцога звенело от проклятий. Лучшее, что оставалось герцогу сделать, это— бежать; тогда один из крестьян схватил под уздцы его лошадь, а другой бросил в него копье, но сила и быстрота его лошади спасла его от позорного наказания, а может быть, от чего-нибудь и еще более худшего. «Подстрелите мошенника, не дайте ему ускакать»,— кричал Рупрехт из Бейтельшпаха к стрелкам. Но не успели еще последние приготовиться к стрельбе, как герцог успел счастливо скрыться вместе со своей свитой и направился в Штутгарт.

Едва только герцог уехал из города Шорндорфа, как там начались волнения. Одна партия хотела принять

Тюбингенский договор, на ее стороне находилось большинство жителей; меньшинство, вожди которого являлись членами «Бедного Конрада», стояло на точке зрения крестьян. Меньшинство призвало на помощь крестьян; эти толпами ворвались в город, заняли все посты и помогли своим друзьям сместить городской совет и суд. Затем было решено выбрать из среды крестьян и горожан по два предводителя и призвать все местечки, села и деревни прислать в Шорндорф от 4 до 8 уполномоченных, пропорционально количеству жителей. Сторонники герцога решили, что будет умнее подчиниться этим постановлениям. Крестьяне выбрали предводителями Ганса Формара из Бейтельшпаха и Фольмара Брауна из Урбаха, город же—Генриха Шертлина и Ганса Гиршмана. Оба последних были люди сомнительного образа мыслей, так как принадлежали к тем, которые хотели вступить в переговоры.

Воспользовавшись смотром, назначенным перед городом, заговорщики склонили собравшихся восстать с оружием в руках и призвать в свои ряды единомышленников всей страны. Горожане и их предводители воспротивились этим планам; в результате Генриху Шертлину, сброшенному во время спора еще несколько дней тому назад с лестницы ратгауза, пришлось бежать в церковь, чтобы спасти свою жизнь; Ганса Гиршмана же толпа принудила отправиться вместе с собой и заставила нести знамя «Бедного Конрада».

В количестве 600 человек двинулись они вниз по долине реки Ремса, к Капелленбергу (гора), называемому народом просто Каппельберг и лежащему вблизи Бейтельшпаха. Там они расположились лагерем. Со всех сторон к ним стал подходить народ, так что через короткий промежуток времени они уже насчитывали до 1500 человек. И все в большем и большем количестве собирались крестьяне, причем приходили даже из самых отдаленнейших областей. Провиант, необходимый для пропитания этой массы, они принудили

доставлять близлежащие богатые монастыри, в обращении с которыми вообще не стеснялись.

Требования, выставленные «Бедным Конрадом» и принятые здесь окончательно, гласили так: герцогство Вюртемберг и все окружающие его области должны быть свободны от ига князей, епископов, прелатов, дворянства и знатных горожан, все налоги, пошлины и барщина должны быть уничтожены; все жители становятся свободными людьми. Как только в распоряжении союза окажется 20000 вооруженных людей, он начнет борьбу против светских и духовных владык, конфискует имущества монастырей и господ и с их помощью облегчит долю бедного народа. Специальный пункт касался герцога и его советников. Из-за него возникли споры. Часть, и именно большинство, требовала взятия его в плен, меньшинство требовало его смерти. Наконец, все пришли к единодушному решению, что если он примет против них решительные меры и не остановится пред применением вооруженной силы, то, взяв его в плен, они его убьют.

Но крестьяне в дальнейшем сделали ошибку, необходимым следствием которой явилась в конце концов неудача восстания. Вместо того чтобы снять лагерь, отправиться дальше и, пользуясь настроением, увлечь за собой повсюду всех своих братьев крестьян, что им, без сомнения, удалось бы, и войско их сравнительно с предусмотренным числом удвоилось бы и даже утроилось, они довольствовались лагерной жизнью на Капелленберге и убивали время в еде, питье и спорах. Таким образом, дорогое время оказалось упущенным. Герцог без денег и без войска находился в большом затруднении и не знал, что предпринять. Двести человек, которых он собрал с большим трудом в Штутгарте для защиты области Вайблинген, остановились после получасового марша в Каннштадте, отказавшись итти без подкреплений дальше.

Часть из собравшихся на Каппелленберге во всяком случае ясно представляла себе положение дел и понимала, что им необходимо быстро двигаться вперед и вообще вести наступательный образ действий, пока герцогу не удалось собрать с помощью соседних князей необходимых военных сил. Это были сознательные члены «Бедного Конрада», действительно революционно настроенные, во главе с Гансом Фольмаром. Многие же другие заколебались, когда дело дошло до решительной борьбы; с своей стороны, герцог, подробно осведомленный шпионами о настроении крестьян, позаботился раздуть пламя раскола и довести его чуть не до рукопашной схватки между партиями. Уполномоченные городов, которые всегда играли предательскую роль по отношению к крестьянам, ибо в глубине души ненавидели их и мечтали о господстве над ними, явились в лагерь и обещали, что ландтаг, собравшийся в Штутгарте, облегчит их тяжелое положение. Сторонники «Бедного Конрада» не могли воспрепятствовать согласию массы на переговоры и отсрочку и должны были в конце концов радоваться, что им удалось провести постановление, согласно которому все дали клятвенное обещание защищать, в случае нужды, друг друга.

27 июля спустились предводители отряда, как уполномоченные, вниз в харчевню при Бейтельшпахе, где они и вступили в переговоры с Гансом Гайсбергом, представителем герцога. Крестьяне и герцог заключили мир до окончания только что собравшегося в Штутгарте ландтага, который имел целью облегчить их положение, и герцог обещал, кроме того, дать возможность свободно разойтись крестьянам и не принуждать их к исполнению Тюбингенского договора.

Рассмотрение и урегулирование всех спорных вопросов предстояло сделать ландтагу.

Крестьяне разошлись. Только наиболее сознательные среди них были осторожны и на всякий случай держа-

лись около границ страны. Их осторожность оказалась не излишней, так как весь договор своей двусмысленностью был рассчитан на то, чтобы обмануть крестьян.

Двадцать седьмого июня разошлись крестьяне, 28-го герцог уже окончательно утвердил договор и в то же время разослал тайный циркуляр своим чиновникам, раз'ясняя в нем, как следует исполнять этот договор. По пятам за послами герцога следовали 1800 конных наемников. Вайблингцы, пробиравшиеся к себе на родину, подверглись 31 июля утром неожиданному нападению. Сами они были взяты в плен, имущество их разграблено, жилища опустошены. То, что произошло здесь, произошло и в других местах. Ганс Фольмар, главный вождь союза, его слуга и знаменосец подверглись, в явное нарушение договора, нападению, были закованы в цепи и отправлены в Шорндорф. Часть конницы герцога совершенно неожиданно явилась перед Шорндорфом, завладела воротами и захватила в плен всех, кто только попался ей в руки. Многим участникам восстания удалось все-таки бежать через городскую стену. Как только прибыл герцог, тотчас же он дал знак к началу грабежа; весь город подвергся разгрому, женщин насиловали и оскорбляли, мужчин избивали, дома заговорщиков сравняли с землей.

Затем герцог велел созвать на второе августа на лугу перед городом всех способных носить оружие из Шорндорфского округа, из долины реки Ремс и из окружающих ее местностей. Явилось 3400 человек, по большей части невинных; виновные бежали. Толпа была окружена конницей герцога и принуждена выдать оружие. Ей было прочитано решение ландтага в Штутгарте, краткое содержание которого заключалось в следующем: беспрекословное подчинение договору Тюбингенскому; право герцога по своему усмотрению наказать тех, кто окажется виновным в серьезных преступлениях против него.

После этого по знаку герцога наемники выхватили из толпы 1600 человек, казавшихся подозрительными, и привязали их друг к другу веревками, как связывают собак. Затем всю толпу повели в тюрьмы города, но так как в последних далеко не хватило для всех места, то часть толпы заперли в общественные помещения. В страшной жаре, без питья и еды пришлось крестьянам просидеть в битком набитых помещениях до обеда следующего дня, когда часть толпы, не связанную вчера, вывели за город к реке Ремсу. Здесь ей пришлось долго ждать прибытия герцога; толпа под палящими лучами солнца изнывала от жажды. Эти муки были тем ужаснее, что вода находилась вблизи, но пользоваться ею не позволяли. Наконец, явился герцог. Крестьянам пришлось пасть на колени и просить прощения. Простояв полчаса в таком унизительном положении, толпа, наконец, услышала от канцлера, что, в виде особой милости, герцог дарует ей жизнь и обещает прощение, если она выдаст все оружие и поклянется свято блюсти Тюбингенский договор. Когда толпа исполнила последнее требование, ее отпустили.

Из числа 1600 человек выделили 46, как наиболее виновных, и предали их суду. Седьмого августа всю эту толпу вывели на лобное место, наиболее виновных — в цепях. Толпа упала в ноги герцогу и просила о прощении. Последнее ей было обещано, если она даст клятву подчинения и послушания. 46 человек не получили прощения. Толпа согласилась на такую клятву; она была отпущена на волю, но наказана большим денежным штрафом.

Из 46 человек на плахе сложили свои головы предводитель Ганс Фольмар, его слуга, знаменосец и еще семь человек. Часть остальных подверглась высылке из страны вместе с женами и детьми, другие подверглись клеймению на лбу и иным телесным наказаниям; им еще пришлось дать клятву не мстить за понесенные наказания. Только немногие отделались по-

терей гражданских прав и высокими денежными штрафами.

То, что произошло в Шорндорфе, произошло и в Штутгарте. Семь человек, взятых в плен и обвиненных в намерении предать город в руки крестьян, были повешены, головы двух главных виновников, Ганса Шмека из Вальденвуха и Петра Вольфа, посажены на крепостные башни. Другие подверглись тюремному заключению, выставлению у позорного столба и порке.

Ульрих, весьма нуждавшийся в деньгах, воспользовался этими событиями, чтобы пополнить свою кассу; он велел взыскать с многих тысяч участников этого движения большие денежные суммы.

На беглецов император Германии наложил опалу и потребовал от всех правительств их строгого преследования. С помощью пыток власть имущие добились имен еще многих других участников, которые считали себя уже в безопасности; они понесли по большей части денежные взыскания.

Был издан указ, запрещавший в будущем всякие общественные собрания, звон в колокола, с целью созыва народа, и требовавший еще раз выдачи всего оружия. Такими средствами власть имущие надеялись раз навсегда покончить с движением.

Но дворянство Швабии все-таки нашло необходимым собраться в Урахе и заключить союз о взаимной помощи на случай волнений и восстаний низших слоев населения, происходивших по всей стране.

Одновременно с появлением «Бедного Конрада» в Вюртембергской области, образовался союз такого же наименования, но только достигший меньшего значения, в Бюле в Ортенау в маркграфстве Баден.

Некто Гугель-Бастиан стал во главе его. Требования были те же, что и в других местностях. Поводом к образованию союза послужили новые пошлины на хлеб и вино, новый закон о наследовании, согласно которому в сословии крепостных муж не наследовал имущества

жены, а жена—имущества мужа, непомерная барщина и опустошения, чинимые дичью. Члены союза единодушно решили в случае нужды добиваться своих прав силою оружия, и уже на определенный день было назначено собрание в лесу близ деревни Онебах, под Ахерном, как маркграф пронюхал об этом плане, неожиданно появился с своими наемниками в Бюлерской долине и захватил в плен часть крестьян. Гугель-Бастиан, бежавший оттуда, был схвачен вблизи Фрейбурга в Брейсгау и казнен. На этом и покончилась попытка восстания.

1514 г. вообще оказался для власть имущих годом неспокойным и опасным. Весной этого года произошло большое крестьянское восстание в Венгрии. Там шла проповедь крестового похода против турок, не раз уже вторгавшихся в Венгрию и убивавших и опустошавших все на своем пути. Духовенство на этот раз призывало и крестьян к участию в этом походе, обещая им за это свободу. Под командой опытного военачальника, по имени Георгия Доза, собралось их до 60000 человек. Дворянство никак не могло согласиться на такой ущерб в своем живом инвентаре и пыталось силой остановить прилив крестьян в ряды армии. Это обстоятельство послужило поводом для взрыва давно уже тайно нараставшей злобы к дворянству. Духовенство с своей стороны из ненависти к дворянству еще более усиливало это возбуждение; и вместо крестового похода возникала настоящая революция. Крестьяне расположились лагерем на Ракошском поле при городе Пеште, откуда предпринимали набеги на близлежащие местности; дворян, попадавших в их руки, убивали, их укрепленные поместья и замки опустошали и сжигали.

Для исполнения своего плана — поднять восстание во всей Венгрии, Доза разделил свое войско на три части. Одна часть под командой горожанина города Пешта, по имени Амброса Салевеса, осталась на Ракошском поле, чтобы наблюдать за городом; другая напра-

вилась к Карпатам, чтобы завладеть горами и перебить дворянство этой местности; третья часть, под командой самого Доза, двинулась к Сегедину.

Между тем дворянство собралось в городе Пеште и двинулось вместе с горожанами обоих городов, Офена и Пешта, против крестьян, расположившихся на Ракошском поле. Дело дошло до кровавой битвы, во время которой крестьяне, преданные изменниками, были почти все перебиты. Сам предводитель, Амброс Салевес, оказался изменником: он перешел на сторону дворянства вместе с городскими элементами своего войска.

Большинство взятых в плен крестьян было казнено самым варварским образом, остальные, искалеченные, подверглись изгнанию. Вторую часть войска, двинувшуюся к Карпатам, постигла не лучшая участь: после многих жарких сражений она была разбита и рассеяна. Главное же войско под командой самого Доза не могло завладеть, как он надеялся, хорошо укрепленным Сегедином, но взамен этого одержало победу над приближавшимся к городу дворянским войском. Пленники, среди которых находился епископ и казначей, были казнены в отместку за зверство на Ракошском поле таким же зверским способом.

Затем Доза двинулся на город Чанад, завладел им и провозгласил республику. Оттуда он направился на Темешвар, где находилось разбитое им дворянское войско. Во время осады этого города подошел на помощь дворянству с громадным войском воевода Трансильвании; он напал на крестьян, разбил их и рассеял. Сам Георгий Доза попался в плен и был заживо поджарен на раскаленном железном троне, с раскаленной короной на голове. Дворяне заставили часть других вождей восстания отведать жареного мяс своего еще живого предводителя, за что им подарили жизнь. С одинаковой жестокостью зверствовало дворянство как против вождей, так и против их сторонников. Деревни опустошались и сжи-

гались, не щадили женщин и детей, мужчин же вешали и казнили тысячами, истязали на смерть или калечили. Число крестьян, погибших в сражениях и затем из мести убитых дворянами, достигло 60000; оставшиеся в живых подверглись ужасным притеснениям. Вслед за подавлением мятежа, дворянство решило 14 октября 1514 г. на рейхстаге в Офене, что отныне все свободные крестьяне становятся крепостными и теряют право на свободу передвижения, что сверх прежних налогов устанавливаются новые; кроме того, ни один крестьянин, под угрозой потери правой руки, не должен иметь оружия и никого из крестьянского сословия нельзя назначать на более или менее высокие духовные должности.

* * *

В том же году, когда образовался союз лаптя, в Брухрейне, а в Швабии и в долине реки Ремса появились первые следы «Бедного Конрада», начались крестьянские беспорядки и в альпийских местностях Австрии, именно: в Штирии, Каринтии и Крайне, в так называемой виндской марке *). Причины были те же, что и повсюду,—непрерывно возраставший гнет господ и дороговизна. Эти обстоятельства чувствовались здесь особенно сильно, несмотря на богатство и плодородие такой страны, как Крайна, тем более что эта местность подвергалась частым вторжениям и опустошениям со стороны турок, и жителям тогда приходилось начинать все свое хозяйство сначала.

В 1503 г. поднялись здесь крестьяне против своих светских и духовных владык, но их короткое сопротивление закончилось поражением. После этого неудачного восстания господа стали еще высокомернее и довели крестьян до отчаяния «ежедневными поборами

---

*) Виндами немцы называют словенцев, живущих в названных трех областях.

и притеснениями». Они вторично восстали в 1513 г., но и это движение, плохо подготовленное, закончилось без какого-либо результата.

Но не запуганные своими неудачами и возмущенные новыми и тяжелыми налогами, которыми мучили их дворяне и чиновники императора, поднялись в 1514 г., прежде всего в средней Крайне, немцы, так называемые готшейцы, и обратились к остальной стране с предложением последовать за ними. Все собрались в Райне, городке, лежащем на самой границе Кроации, и там выкинули военное знамя с надписью «Стара Права», т.-е. «старая справедливость». Их обращение к чиновникам императора о восстановлении их старых прав не только оказалось высокомерно отклоненным, но чиновники осмелились даже захватить несколько крестьян и повесить их. Это зажгло злобу в сердцах крестьян. Во всех трех областях в сравнительно короткий промежуток времени вооружились от 80 до 90 тысяч крестьян. Чиновники императора, испуганные такой силой, посоветовали крестьянам обратиться со своими жалобами к императору.

Были выбраны уполномоченные, отправившиеся в императорский лагерь при Аугсбурге, чтобы об'яснить императору, какой невыносимый гнет лежит на крестьянском сословии. Дворянство, с своей стороны, также отправило посольство к императору с целью настроить его враждебно против «высокомерия» и «наглости» восставшей крестьянской толпы.

Максимилиан принял оба посольства одновременно, выслушал, казалось, с сочувствием горькие трогательные жалобы крестьян, в присутствии последних потребовал от дворян в резкой форме об'яснения их поведения и обещал расследовать все по справедливости.

Полные радости, отправились послы крестьян к себе на родину и привезли ответ императора; он возбудил всеобщее ликование и побудил крестьян разойтись.

Но не таков был император Максимилиан, чтобы сдержать свое слово по отношению к крестьянам; и нельзя требовать от человека, который давал самые жестокие и кровавые приказания с целью уничтожить союз лаптя в Брухрайне, Брейсгау и Эльзасе, который подверг опале бежавших сторонников «Бедного Конрада», чтобы он поощрял те поступки крестьян своей собственной страны, за которые так жестоко карал крестьян чужих князей. К тому же, он был господин и император, а это об'ясняет все.

Чиновники императора и дворянство прекрасно знали своего повелителя, а потому не только не отказались от своей прежней системы угнетения и насилий, а пытались ее еще больше усовершенствовать и развить.

Терпение крестьян лопнуло. Весной 1515 г. они поднялись сразу под именем виндского союза во всех трех областях и стали сводить свои старые счеты с дворянством. Особенно выделялись крайнцы. Самые крепкие замки, искусно построенные на неприступных утесах, изобиловавших в этих местностях, не могли противостоять крестьянам,—они брали их, сжигали и разрушали до основания. Десятками гибли дворянские гнезда. Если же в руки крестьян попадали сами дворяне, то их убивали без милосердия, трупы же выкидывали за крепостные стены. Так погибли оба брата Мундорфа, Макс из Клиссы и шестнадцать других дворян.

Жажда мести настолько сильно охватила крестьян, что они не хотели оставить в живых ни одного потомка дворянского рода. Три месяца под ряд мстили крестьяне за свой вековой гнет, и их карающая рука проникала все дальше и дальше. Некому было остановить их, не было войска. Только в начале 1516 г. явился в область Каринтии императорский полководец, наместник Штирии, Зигмунд фон-Дитрихштейн с войском из рыцарей и наемников. К этому времени

большая часть крестьян, разрушив дворянские гнезда, разошлась на зиму по домам. Только небольшая кучка в несколько тысяч человек осаждала город Райн, которым вскоре и завладела. Дитрихштейн быстро подошел к городу и атаковал беспечных крестьян. Большая часть их пала под ударами рыцарей; остальные рассеялись. Теперь началась месть со стороны дворянства. Всех, принимавших участие в восстании, поскольку их только удавалось схватить, сажали в тюрьмы, подвергали пыткам, колесовали, сажали на кол, четвертовали, рубили им головы или вешали десятками на деревьях, как битую птицу. Немногие участники отделались розгами; у тех, кому удавалось бежать, сжигали дома и отнимали все имущество. На всю страну наложили контрибуцию; с каждой крестьянской хижины потребовали ежегодной уплаты одного гульдена. От такой мести дворян страна так обезлюдела и опустела, что потребовались многие годы, чтобы она достигла прежнего благосостояния. Этими опустошениями дворяне, конечно, повредили и себе, так как их доходы сильно уменьшились.

Таких ужасных поражений, какие потерпели крестьяне в промежуток времени от 1513 до 1515 г. в Швабии и Бадене, в австрийских странах и Венгрии, нельзя было скоро забыть. Сельское население нуждалось в некотором промежутке времени, чтобы оправиться. Но тайная пропаганда не останавливалась ни на одну минуту. Работали беглецы из Швабии, Вюртемберга и Брейсгау, спасшиеся в Швейцарии или державшиеся в лесах и потаенных местах на границе страны; там происходили у них собрания и обсуждались дела, и часто они посещали тайно свою родину, хотя за это им грозило тяжелое наказание. Власть имущие в городе и деревне не находили себе покоя, они дрожали ежеминутно перед новыми заговорами и восстаниями. Они хорошо знали, что причин для этого слишком много. Уже на имперский сейм (рейхстаг) в Гельнхаузене из

их среды открыто раздавались такие речи: «Простой человек настолько отягощен и притесняется барщиной, всевозможными повинностями, налогами, пошлинами, вымогательствами, церковным судом и другими поборами, что долго терпеть он не будет». Но дальше слов дело не пошло,— все осталось по-старому. Так как господствующие классы, привыкнув эксплоатировать подчиненных, усматривают во всякой попытке ограничить их грабеж преступление, достойное смертной казни, они обыкновенно соглашаются на уступки тогда, когда уже становится поздно.

Среди беглецов, рыскавших по всей стране и деятельно подготовлявших следующее восстание, выделялся Иос Фриц, глава бывшего союза лаптя в Легене, в Брейсгау. Его жена деятельно помогала ему. Летом 1517 г. они назначили собрание своих единомышленников в Книбесе, в Шварцвальде, но правительства были настороже, и эти собрания не состоялись. Многие из заговорщиков были взяты, подверглись мучительному допросу и были затем повешены. В сентябре того же года до правительств дошел слух, что Иос об'езжает опять области Шварцвальда и вновь агитирует. Против него началась всеобщая травля: его искали повсюду, но нигде не могли найти. С этого момента он исчез навсегда; вероятно, он вскоре умер.

IV

Положение дел перед началом реформации; Лютер, Мюнцер, Гуттен-Зикингенский бунт

В 1517 г. общее брожение достигло такого напряжения, что для взрыва требовался только внешний повод. Недовольство и неудовлетворенность охватили все слои народа. Каждый чувствовал, что живет накануне великого переворота. Те, в ком будущее будило надежду на человеческую жизнь, ждали его с

нетерпением и восторгом; те, кому оно несло ограничение прав и преимуществ, испытывали перед ним ужас.

Фактически имперская власть не обладала никакой силой. Император Максимилиан попытался было возродить ее могущество и авторитет, но очень скоро увидел, что по сравнению с интересами и силами, ставшими ему на пути к этой цели, он слишком слаб. Тогда он воспользовался своим положением императора, как это делали многие из его предшественников, чтобы усилить могущество своего собственного дома.

Бессилие и растерянность империи в то время были настолько велики, что верховный имперский суд, учрежденный в 1495 г. по постановлению Вормского сейма, в продолжение многих лет не мог приступить к деятельности, а затем несколько раз прерывал ее, так как недоставало денег, необходимых для уплаты жалованья судьям; этот суд заседал сперва в Шпейере, но в виду частых вторжений французов в Пфальц был переведен в 1690 г. в Вецлар.

Сам Максимилиан забыл настолько свой долг и присягу, что за деньги предлагал английскому королю Генриху VIII регентство над страной. После же смерти Максимилиана, по случаю новых выборов возникла в 1519 г. настоящая торговля германской короной. Генрих VIII, король английский, Франциск I, король французский и Карл V, король испанский и наследник габсбургских земель, одновременно добивались титула императора Германии и пытались подкупить голоса князей. Франциску I это домогательство обошлось в три миллиона золотых крон. Среди властителей, позарившихся на его деньги, находились Ульрих Вюртембергский, Франц фон-Зикинген и курфюрст Иоахим Бранденбургский из дома Гогенцоллернов.

В этом споре победил Карл V, отчасти потому, что хотя он родился и получил воспитание в Испании, в его жилах текла кровь габсбургского дома, отчасти

потому, что за него подал голос влиятельный курфюрст саксонский Фридрих Мудрый; корону предлагали и последнему, но он от нее отказался. Карлу V победа обошлась в 850000 гульденов; доказано, что из этой суммы архиепископ Майнцский получил 100000, архиепископ Кельнский — 53000, архиепископ Трирский — 40000, приближенные короля Богемии — 41000, курфюрст Пфальцский — 37000, маркграф Казимир фон-Аншпах, также из дома Гогенцоллернов, — такую же сумму. Остатки распределились между более мелкими властителями. Отвратительная продажность высших сфер государства достаточно обрисовывается этими фактами.

Светские и духовные владетельные князья направляли все свои помыслы к тому, как бы ослабить имперскую власть, округлить свои собственные земли, выжать из своих подданных возможно больше податей и налогов, чтобы спокойно предаваться роскоши и расточительству и быть в состоянии содержать возможно большее число наемников и чиновников. Правда, с ними делили власть так называемые земские чины, как с императором — имперские чины, но интересы этих земских чинов были тесно связаны с интересами княжеской власти. Прежде всего это относится к представителям дворянства и духовенства, и во многих случаях — и к представителям городов. Последние выбирались не всеми городскими жителями, а только патрициями, и выходили обыкновенно из среды высших чинов, магистрата и бургомистров. От составленного таким образом представительства бедному человеку не приходилось ждать чего-либо хорошего. Если представители третьего сословия, т.-е. городов, в которых обитало много бедного народа и интересы которых часто противоречили интересам дворянства и духовенства, иногда и защищали нужды бедного люда, то их подавляли голоса обоих других сословий. Во всяком случае владетельный князь мог всегда

рассчитывать на большинство голосов сословий при решении всех вопросов, направленных против интересов широких масс населения.

Мы видим, что те элементы, которые в средние века составляли народное представительство, в наше время скрылись в теперешнюю верхнюю палату и оттуда прилагают все свои усилия, чтобы задержать прогрессивные стремления своего времени; в палате народных представителей в этом стремлении их, более чем следовало бы, поддерживают своей половинчатостью и неопределенностью представители нашей либеральной буржуазии.

Земские чины прежде всего обладали правом вотировать налоги, и они охотно это делали, поскольку земские подати не уменьшали их собственных доходов, выжимавшихся из крепостных. Духовенство и дворянство были свободны от налогов, все тяготы они валили на крестьян и горожан. Эти тяготы росли с каждым днем не только вследствие расточительности и повсеместного хозяйничанья временщиков и любовниц, но также вследствие дальнейшего развития военного искусства. Изобретение огнестрельного оружия произвело в военном деле полную революцию. Всевозможные полевые и осадные орудия, стоившие сами по себе очень дорого, требовали к тому же особой, в то время очень дорогой прислуги,—пушкарей, которые за свое искусство брали хорошую плату. Все это поглощало громадные суммы, покрывавшиеся новыми налогами. Перевозка тяжелых орудий требовала большого количества лошадей, телег и человеческих рук и увеличивала, следовательно, барщину. Ружье, изобретенное около того времени, оказалось слишком хорошим оружием, чтобы не получить широкого распространения, оно также увеличило расходы. Ко всему выше перечисленному надо присоединить, наконец, жалованье и снаряжение наемных войск, которые в то время стали уже приобретать характер постоянной армии. Все эти

повинности и денежные расходы безусловно были непосильны для страны с незначительным развитием сельского хозяйства и промышленности. Что же касается неупорядоченности судопроизводства, злоупотребления мерами и весами,то об этом достаточно было уже сказано, когда мы касались положения дел в Вюртемберге; теперь мы только напоминаем об этом.

Затем не будет излишним, если мы укажем на те бесчисленные повинности крестьян того времени, которые они несли по отношению к помещикам, независимо от их обязанностей по отношению к владетельным князьям. Эти повинности вытекали отчасти из церковно-приходских, отчасти из общинных отношений, отчасти из отношений патроната, отчасти из особых прав, действующих в отдельных поместьях. Они взимались деньгами или натурой, как, например: скотом, шкурами, дичью, мясом, зерном, маслом, яйцами, вином, солодом, пивом, медом, воском, сыром, льном, пряжей, сеном и др. и назывались: mortuarium (налог за смертный случай, право на лучшую голову скота), поземельной податью, принимавшей различные имена, рентою, процентами, десятиной и пр. Попутно шла барщина. Если умирал крестьянин, то приходилось платить помещику налог за смертный случай, т.-е. лучшую одежду и лучшую голову скота или соответствующее их стоимости денежное вознаграждение. Наследник умершего или тот, в чьи руки переходило его имущество, обязан был при вступлении в свои права уплатить могарыч. Затем следовали подати. В знак своей принадлежности к крепостному сословию, крестьянин давал курицу, которая фигурировала под названиями: масленичная курица, шейная курица, лучшая курица, или он выплачивал денежную сумму под именем: крепостные деньги, крепостной шиллинг, крепостной пфениг, крепостная подать. Находившиеся под покровительством церкви вносили на алтарь ежегодную подать в виде известного количества воска;

находившиеся под покровительством светских владык платили подымную курицу, фогтскую и др. Брали кур под соответствующим наименованием за позволение собирать в лесу листву и хворост, за право пользования выгоном, за совершеннолетие сына и т. д. Кроме того, существовала большая десятина, т.-е. десятина со всего, что обрабатывалось при помощи плуга; к большой десятине причислялась также десятина вина и сена; затем шла малая десятина, которая требовалась со всех других плодов; десятина крови, которая взималась со всего принадлежавшего к имению скота и птицы, как то: жеребят, телят, ягнят, козлят, поросят, гусят, цыплят, утят и даже пчел. Некоторые имения в пользу церкви платили четвертую или шестую, другие только десятую часть, в пользу же владетельных князей — только девятую часть.

К этим налогам, произвольно возвышавшимся и увеличивавшимся, в зависимости от всяких чрезвычайных событий, присоединилась барщина, которая делилась на заранее определенную барщину, т.-е. регулярный, периодический, конечно, безвозмездный труд и на барщину случайную. К барщине относилась обработка городской пашни, обязанности, связанные с охотой, охраной леса, стройкою, караулом и т. д. Особый род барщины представляли из себя работы, направленные к поддержанию и ремонту крепостей и замков. Случалось помещику впадать в тяжелую распрю — он взимал с крестьян особую подать; попадал он в плен — крестьянам приходилось его выкупать; отдавал он замуж дочь или посвящал сына в рыцари — за все это платили крестьяне. Вообще, при всех семейных происшествиях, безразлично, радостного или печального характера, крестьянин являлся страдающей стороной. Отправлялся ли помещик в путешествие ко двору владетельного князя или императора, принимал ли гостей у себя дома, крестьянину опять приходилось выплачивать, кроме текущих податей, особый налог.

Когда граф Крафт VII фон-Гогенлоэ купил в 1472 г. замок и деревню Предельбах у Гоца фон-Адельгейм, в купчей крепости были помечены следующие ежегодные доходы: геллер и сырная подать в сумме 489 шиллинг-пфенигов; 211 летних кур по 4 пфенига; 27½ гусей по 14 пфенигов; 1110 яиц по одному пфенигу за 4 штуки; 68 масленичных кур по 8 пфенигов; 12 вязанок льна по 16 пфенигов; 17¼ секстария масла по 45 пфенигов; 9 рождественских кур по 8 пфенигов; 2 подымных курицы по 8 пфенигов; за навоз 2 шиллинга-пфенига; 41 мальтер 2½ зри ржи, каждые три мальтера по 2 флорина; 27 мальтеров 3½ зри ячменя, каждые 5 мальтеров по 2 флорина; 33 мальтера 3 зри овса, каждые 5 мальтеров по 2 флорина; 5 мальтеров полевого овса; 19 флоринов за виноделие и 20 флоринов за овцеводство*). К этому нужно прибавить еще барщину и случайные поборы. Таковы были ежегодные повинности одной маленькой деревушки. Притом необходимо принять во внимание высокую ценность денег того времени.

Параллельно с ростом могущества и значения князей, их независимости и произвола шла гибель мелкого дворянства. Большая часть последнего уже находилась в полной зависимости от князей, и только небольшая часть среднего дворянства оставалась в непосредственной зависимости от империи; но и их сила становилась все незначительнее.

Новое военное искусство сломило, как уже было замечено, могущество дворянства; пехота, снабженная огнестрельным оружием, вытеснила игравшую раньше столь важную роль тяжелую рыцарскую конницу; пушки уничтожили неприступность их замков; вечный земский мир, установленный в 1495 г. на сейме в Вормсе, отнявший у них под угрозой штрафа в 2000 марок золотом право внутренних войн и распрей, ли-

---

*) Меры весов и монеты того времени.

шил их вместе с тем и самых богатых источников дохода. Что оставалось им делать, если из их рук ускользали грабеж и поборы с купеческого имущества и контрибуции с городов? Конечно, рыцарство не посмотрело бы на имперские постановления, они ведь и существовали для того, чтобы их не исполнять. Но времена совершенно изменились, могущество князей и городов, огнестрельное оружие препятствовали им заниматься привычным для них ремеслом или во всяком случае ставили ему большие преграды. Другой причиной падения его могущества являлась незначительная стоимость земли сравнительно с все возраставшей дороговизной одежды, оружия, всех предметов роскоши и тех утонченных наслаждений, которые стали доступны богачам благодаря торговле и сношениям того времени, и которыми рыцари стремились пользоваться наравне с богатыми горожанами, так как сословная гордость запрещала им отставать в этом отношении от последних.

Земля, как известно, приносит гораздо меньше прибыли, чем торговля.

Плохое хозяйство и высокомерие, мешавшее рыцарям самим входить в управление своими именьями, значительно уменьшали и без того ничтожные доходы; дележ при наследстве вел к уменьшению поместий; введение римского права требовало ученых судей, но так как дворянство было слишком гордо и лениво, чтобы учиться, то оно потеряло те должности по государственному управлению, которые раньше замещались исключительно из его среды и приносили ему большие преимущества и доходы. Вследствие всего этого им по необходимости приходилось еще сильнее выжимать соки из крестьян. Теперь уже они не разбирали средств, стремясь только получить денег и иметь возможность вести привычную праздную и беспутную жизнь.

Но часто поборы с крестьян, как велики они ни были, не давали необходимых средств, и тогда дворяне

попадали в руки ростовщиков, которые — были ли то евреи, бюргеры, или монахи — взимали одинаково громадные проценты и тотчас же накладывали арест на имущество, как только дворяне оказывались несостоятельными. Насколько трудно приходилось дворянам, видно уже из того, что морген среднего качества земли стоил около 4 гульденов, а обыкновенное женское платье от 9 до 10 гульденов. О величине расходов на одни только женские наряды в среде состоятельных горожан говорит нам постановление магистрата в Регенсбурге, ограничивающее роскошь женских уборов. Оно гласит: ни одна женщина или девушка не должны иметь больше, чем две нити жемчуга для волос ценой 12 флоринов; один венчик из золота и жемчуга не дороже 5 флоринов; не более трех вуалей на человека ценой по 5 флоринов и в каждой не более унции золота; на платьях бахрому шелковую, а не жемчужную или золотую; колье из жемчуга не дороже 5 флоринов; один жемчужный нагрудник не дороже 12 флоринов; два ряда жемчуга вокруг рукавов по 5 флоринов за лот, одну золотую цепочку в 15 флоринов; одно ожерелье в 20 флоринов; колец, кроме обручального, на сумму не больше 24 флоринов; 3—4 четки по 10 флоринов; не больше 4 шелковых поясов по 4 флорина; не больше 8 платьев; не более шести длинных плащей; три бальных платья и только три рукава в крылатом платье. Все перечисленное касалось ограничения роскоши, направлено было только против одной стороны ее, и все-таки туалет женщины стоил не меньше 700 флоринов, что было равноценно имению в 180 моргенов. Мужчины из богатых городских слоев отличались, подобно женщинам, роскошью одежды; они носили пояса, ножи и мечи, украшенные серебром, одежду из бархата и атласа, меховые плащи и шубы, отороченные опять-таки дорогим мехом, шелковые рубашки, обшитые золотой каймой, костюмы, вышитые серебром, золотом и жемчугом. Большой роскошью

отличалась также и домашняя утварь; здесь особенно выделялась всевозможная серебряная посуда.

Разве могло мелкое дворянство тягаться с такой расточительностью? Прошло то золотое время, когда путем уличного грабежа оно присваивало себе часть имущества богатых горожан. И нет ничего удивительного, что дворянство от всей души ненавидело богатых горожан, оно считало себя по своему происхождению неизмеримо выше их, а между тем оно впадало все в большую нужду, а благосостояние тех все увеличивалось.

И насколько велика была эта нужда, переходившая подчас в нищету, могут засвидетельствовать документальные данные, собранные в 1525 г., когда герцоги баварские потребовали от дворянства своей страны поддержки для борьбы против крестьян. Среди этих данных значится: Освальд Гиршауер из Гердсдорфа, вдовец с тремя маленькими детьми, одержимый многими болезнями, получает только 14 флоринов ежегодного дохода.—Данкварт Кинпергер в Кинперге не владеет никаким имуществом, совершенно расслаблен; жена его вторично покинула. — Эразм Рейгер из Ланкварта просит Христа ради прислать ему, бедному дворянину, необходимые доспехи и оружие, сам приобрести их он не в состоянии; живет он на родине в крестьянской избе и с трудом кормится; на ежегодный доход в 25 флоринов должны жить: он, его беременная жена и еще три человека. — Ульрих фон-Гасланг из Гасланг-крейта болен уже в продолжение 5 лет, не имеет ни слуг, ни лошадей. — Лошади Уорг Шпанагласа из Кешинга ослепли, других же он не может достать. Вольфганг Ауер из Штраубинга владеет маленьким имением и ведет свое хозяйство сам с женою и детьми. Этот список можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно.

В совершенно ином положении сравнительно с низшим дворянством находилось духовенство. Оно

прекрасно сумело использовать в свою выгоду учение о ничтожности земных благ и все увеличивало свои богатства. Начиная с папы и кончая нищенствующими монахами, которые в то время расплодились, как саранча, и являлись истинным бичом страны, церковная иерархия умело пользовалась своим авторитетом для обирания народа.

В средние века Германия из всех остальных христианских земель пользовалась печальной славой самой доходной страны для папы и попов. Нигде число монастырей не достигало такого количества, нигде церкви и монастыри не были так хорошо обставлены, и ни в одной стране папа и кардиналы не пользовались такими богатыми доходами, как в Германии. Индульгенция, т.-е. отпущение грехов за деньги, существовала задолго до появления Лютера и приносила папскому двору ежегодно громадные суммы. Францисканец Самсон, главный торговец индульгенциями в Швейцарии, открыто хвастал, что в продолжение 18 лет добыл для папской кассы 1800000 дукатов. Только в одном городе Франкфурте и в продолжение только одного года деньги, вырученные за продажу индульгенций, плюс юбилейные деньги составили сумму в 1500 золотых гульденов.

Цезарь Борджиа, сын того чудовища, которое под именем Александра VI восседало на папском троне в конце XV столетия, обыкновенно говорил после ночи, проведенной в пьянстве и разврате: «Ба! я прожил только часть доходов с немецких грехов». Следует отметить для характеристики тогдашнего Рима, что во времена папы Юлия III там существовало до 40000 публичных женщин, которые платили папе определенный налог за право торговать своим телом и который на них же указывал своим любимцам и священникам как на источник доходов, которым они могут пользоваться. В Германии публичные дома также кое-где находились под контролем духовенства и были обязаны выплачивать ему известную сумму. В средние века самым обыч-

ным и характерным явлением жизни духовенства являлся тот факт, что оно открыто посещало публичные дома, обыкновенно содержимые городскими управлениями, так что, например, магистрату города Эйхштедт пришлось запретить священникам переступать порог этих учреждений позднее 8 часов вечера.

Другой важный источник доходов папского престола заключался в так называемом аннате, т.-е. в известной сумме денег, уплачиваемой епископом или аббатом при вступлении их в должность. Деньги эти они, конечно, платили не из собственного кармана и не из церковного имущества, а брали их со своих подданных. Такие аннаты исчислялись в 10000, 15000, 20000 флоринов, в зависимости от получаемого места; и часто случалось, что в сравнительно короткий промежуток времени их приходилось выплачивать несколько раз, так как духовные лица назначались на такие должности обыкновенно уже в преклонном возрасте и вскоре умирали. Так, Майнцское епископство в течение семи лет трижды выплачивало по 20000 гульденов, а епископство Пассау в продолжение восьми лет—трижды по 15000 гульденов.

В средние века по всей Германии ходил стишок, который так высмеивал жадность Рима к деньгам: «римское духовенство стрижет своих овец; кто может платить, тот может получить духовный сан; если же кто обеднеет, того выгоняют, он уходит ни с чем, потеряв все свое имущество».

Подобно папе действовали и его подчиненные. Дворы епископов считались самыми блестящими и роскошными из всех княжеских дворов; все, что только создали утонченная роскошь и мотовство того времени, все это можно было там найти. Карманы своих подданных они очищали часто даже с бо́льшим бесстыдством и жестокостью, чем светские князья. Примеру епископов следовали бесчисленные монастыри, пользовавшиеся всеми средствами и всем своим влиянием и зна-

чением, чтобы побудить массу на все новые и новые жертвы. Рядом с большой и малой десятиной существовали даяния за исповедь, паломничество, за чудотворные иконы, за избавление от чистилища, за панихиды, за свадебный звон, за посещения церкви роженицами и за прочие требы. Таким путем у верующего и запуганного народа крали последние гроши из кармана. Особым источником поповских доходов являлась фабрикация мощей, производимых в сотнях тысяч экземпляров и продаваемых по высоким ценам. Рука об руку с этим обманом шла массовая подделка документов. Невежество, с одной стороны, разнузданность и подлость, с другой, достигли в среде монахов того времени таких размеров, что возбудили всеобщее презрение и сделали их особенно ненавистными народу. Настоятель монастыря в Мехельне открыто заявлял: «Монах отважится на такое дело, при мысли о котором покраснеет и смутится сам чорт».

Разнузданность, бессовестность и распутство духовенства подорвали его прежнее влияние на народ и породили ненависть, которая тем сильнее охватывала массы, чем яснее для них становилось противоречие между учением церкви и образом жизни духовенства; его богатство будило злобу и зависть дворянства и даже князей; его невежество— естественное следствие для сословия, погрязшего в разврате и мотовстве, лишило его влияния на общественные дела; презрение к этому сословию росло параллельно росту общего образования и в связи с возникновением независимого сословия ученых, боровшегося против него самым действительным оружием и разрушавшего опору его могущества — порабощение умов.

Из всей массы духовенства, возбуждавшей ненависть и всеобщее осуждение, выделялась небольшая группа священников, исполнявших требы в городах и деревнях. Это были люди, материальное положение которых оста-

вляло желать многого и граничило подчас с бедностью; они, находясь, в постоянных сношениях со своими прихожанами, были знакомы с нуждами народа и часто являлись его советниками. Сравнивая свою деятельность, свой труд и свои доходы с праздной жизнью и излишествами прелатов, настоятелей и монахов, они переходили в ряды недовольных и сочувствующих угнетенному народу. Они как раз и были теми элементами, на которые сперва оперся Лютер, а затем и Мюнцер. Они стали во главе движения в городах и деревнях, сражались упорно и мужественно за свои убеждения и за дело народа; перенося тяжелые наказания и жестокие преследования, они доказали свою верность своим убеждениям; многие запечатлели ее своей смертью.

В городах, как было уже указано, власть находилась в руках знатных родов, или патрициев, даже и там, где остальным бюргерам удалось добиться права избрания части советников из своей среды. К тому же, во многих городах знатным родам при поддержке со стороны владетельных князей удалось опять вытеснить простых бюргеров из числа членов совета. Непрерывная растрата городского имущества, злоупотребления городскими доходами, произвол в управлении и суде, произвольное увеличение числа налогов и всяких поборов, уклонение от какой-либо отчетности непрерывно питали сильное недовольство бюргерства. Примером, как вели дела патриции, может послужить город Эрфурт, где совет, не спрашивая горожан, наделал долгов на 600000 гульденов, одна уплата процентов по которым требовала ежегодного расхода в 30000 гульденов. Такие злоупотребления выплыли на свет божий, когда прошел слух, что бюргермейстер (городской голова) заложил Саксонии местечко Каппендорф вместе с дворцом за 8000 гульденов, что и оказалось правдой. Но уж это было слишком. Горожане восстали и повесили городского голову, как главного преступника.

Оппозиционная партия в городах, состоявшая главным образом из бюргеров, подобно своим истым потомкам, современным либералам, шла недалеко в своих требованиях. До требования полного устранения всех преимуществ знатных родов она доросла только в немногих городах и там всегда встречала сильную оппозицию. Обыкновенно она ограничивалась требованием контроля со стороны городской общины над управлением города и пополнения совета выборными от цехов. Но и эти умеренные требования всюду упорно отвергались старыми городскими родами и их сторонниками, и если и случалось, что у них вырывали после упорной борьбы такие уступки, то при первой возможности они вновь отбирались обратно.

Другое явление городской жизни, возбуждавшее всюду сильное недовольство бюргерской оппозиции, заключалось в бесчисленном количестве монастырей. Вместе с праздной, роскошной и в корне испорченной жизнью их членов, возбуждавшей негодование горожан, которым часто приходилось платить за нее честью своих жен и дочерей, они считались еще свободными от всяких пошлин и налогов, судились своим особым судом, и нельзя было найти на них управы даже за самые серьезные преступления; кроме того, они торговали продуктами своих имений и десятины и составляли таким образом известной части горожан неприятную и убыточную конкуренцию. В силу всего этого, городская оппозиция относилась к духовенству не менее враждебно, чем дворянство, и искренно желала положить конец его паразитическому существованию. Понятно, что при таком настроении выступление Лютера могло встретить всеобщее и безраздельное сочувствие.

Рядом с этими людьми сытой добродетели и зажиточной морали, которые, как приличные горожане, желали только разделить господство с патрициями и, достигнув кормила правления, подобно им, торопились

свалить все тяготы с своих плеч на другие,— существовал третий слой городского населения, положение которого хотя и отличалось от положения крестьян, но с которыми его связывали одинаковые интересы по отношению к патрициям и бюргерству. Этот слой составляла бедная и нищая часть городских жителей, презираемая первыми двумя слоями, от которых ей не приходилось ждать ничего хорошего. Она состояла из бедных и обедневших бюргеров, из членов так называемых «нечестных» профессий и посадских людей, не пользовавшихся правами бюргеров, затем из подмастерьев, особенно тех, для которых по их бедности не существовало надежды стать когда-либо мастером и бюргером, из поденщиков и слуг, вообще из того подвижного населения, которое жило, за отсутствием постоянного заработка, случайными занятиями. Было бы сильно сказано, если бы кто-либо стал утверждать, что этот последний класс, сброд разнообразнейших элементов, обладал определенным классовым сознанием. Для этого общественные отношения были мало развиты и слишком первобытны. Без определенных целей и организации, эта третья часть, как истая плебейская масса, появлялась всюду и везде на первом плане, где дело шло о драке или мятеже. Конечно, в ее среде находились и подонки общества, мечтавшие только о грабежах и кратковременном довольстве. Люмпенпролетариат не является продуктом нашего времени; теперь он только особенно сильно развился. Весь этот низший слой городского населения, стоявший ближе всего к крестьянству, симпатизировал ему и являлся его главной опорой в городах. Во главе этой части городского населения стояли немногие лица из высших городских слоев, которые или надеялись восстановить с помощью ее и крестьян свое прежнее, теперь потерянное, положение, или, побуждаемые идеализмом, дерзали на попытку радикального переустройства всех общественных отношений.

Недовольство средних и низших классов городского населения находило, наконец, обильную пищу в спекуляции, которой промышляли богачи как с предметами первой необходимости, так и с иностранными товарами, сырыми материалами и т. п.

Большие торговые товарищества, во главе с Фуггерами из Аугсбурга, захватили в свои руки всю торговлю и диктовали цены на рынке. Последние поднялись на некоторые товары в продолжение нескольких лет более чем в три раза, так что то, что раньше стоило 18 крейцеров, теперь стоило гульден. Такому несоразмерному под'ему цен много способствовало падение ценности благородного металла вследствие большого подвоза его из только что открытой в конце предыдущего столетия Америки. Дороговизна тем сильнее давала себя чувствовать, чем заметнее становился в Германии упадок прежде цветущей промышленности.

Таким образом возбужденное настроение в городах благоприятствовало перевороту, но не было единодушия относительно способов и пределов этого переворота; здесь мнения делились соответственно общественному положению отдельных слоев населения.

Гораздо хуже положения необеспеченного человека в городе было положение крестьян в деревне. Все остальные классы опирались на них; они образовывали широкий фундамент для всей общественной постройки. Каждое из господствующих сословий пыталось опереться на крестьянина, сосать у него, что называется, кровь и за его счет пополнять свой кошелек.

Господствующие сословия не сомневались в том, что положение крестьян стало невыносимым, и что их недовольство и возмущение растет с каждым днем. Но вместо того чтобы уступить, они пустили в ход весь свой арсенал насильственных и строгих мер. Были изданы постановления, запрещавшие крестьянам

совместные обсуждения и собрания; древние права общин ограничивались или совершенно отнимались, народные увеселения, престольные праздники, праздники вольных стрелков, цеховые пиршества, празднование свадеб и т. п. собрания, где являлась возможность обмена мыслей, стеснялись узаконениями, а иногда совершенно не допускались. Как обыкновенно, такими смешными мерами надеялись пресечь рост революционного настроения, питавшегося духом времени и гнездившегося в глубине общественных отношений; на самом же деле они только еще более усилили озлобление. Как только пробил час, все запылало. И час этот пробил скоро; толчок был дан с той стороны, откуда его менее всего ждали и где не было ни малейшего желания вызвать те конечные результаты, к которым он привел.

Как ни разнообразны были интересы, представителями которых являлись недовольные элементы средневекового общества, как ни разнообразны были цели, которые они себе ставили,—одно чувство безусловно охватывало их всех: это—чувство ненависти к духовному сословию и его господству. Против духовенства выступало низшее дворянство, завидовавшее его богатству и зарившееся на его имущество; против него было озлоблено городское сословие, которое раздражал его образ жизни и которое в многочисленных церковных поборах усматривало ненужные тяготы, а в массе праздников и бесчисленных церковных предписаниях— препятствия торговой и промышленной жизни; наконец, против него был в высшей степени возбужден крестьянин, которого духовенство учило послушанию, покорности, самоотречению и воздержанию, в то время как само проводило в жизнь совершенно иные принципы и обдирало его, как липку. Итак, в борьбе против этого сословия были единодушны все недовольные элементы, но они в конечной цели, которую они себе ставили, существенно расходились. Дворянство и бюргерство

стремились духовенство реформировать, воспользоваться его богатствами, устранить вопиющие злоупотребления в церковных порядках, но само сословие, как таковое, они собирались оставить неприкосновенным и сохранить за ним в церковной области его господство и его привилегии. Совершенно иная картина рисовалась крестьянам и радикальной партии городов. Они требовали конфискации церковных имуществ в общую пользу, восстановления древнехристианского равенства, уничтожения всей барщины, податей, налогов и поборов не только по отношению к церкви, но также и по отношению к светским властителям. Следовательно, вполне материальные интересы восстановили все недовольные партии против духовенства и побудили их по данному сигналу принять участие в решительной схватке с ним.

Эта схватка была серьезно подготовлена сочинениями гуманистов, сатирической литературой, всюду проникавшей и читавшейся с жадностью, бесчисленными летучими листками, в которых с большой резкостью критиковался современный строй, наконец проповедями некоторых священников, захваченных всеобщим революционным движением, отважившихся усомниться в верности до сих пор неприкосновенных учений и требовавших коренной реформы церкви.

* * *

Ближайшим поводом к началу движения, направленного прежде всего против духовенства, послужило выступление папского комиссара, продавца индульгенций, Тецеля. В 1517 г. он появился в окрестностях Виттенберга, где, переезжая из одного города в другой, из одного местечка в другое, продавал за деньги от имени папы отпущение всех грехов. Лютер был в то время профессором в Виттенберге. Он, как и многие другие, уже в продолжение долгого периода времени занимался богословскими вопросами о сущности и

устройстве церкви; в результате этих занятий у него сложились убеждения, во многом расходившиеся с учением церкви. Во время путешествия в Рим, которое монах Лютер совершил по поручению августинского виттенбергского монастыря, он с ужасом увидел, каковы нравы и обычаи в центре христианства. Он возвратился назад, полный злобы и отвращения, но продолжал молчать, только еще серьезнее занялся научной работой. Скандальное выступление Тецеля заставило его заговорить. 31 октября 1517 г. он прибил к дверям дворцовой церкви в Виттенберге знаменитые 95 тезисов. В них он протестовал, притом в весьма сдержанных выражениях, не против отпущения грехов вообще, а против открытой торговли этим отпущением и против некоторых других злоупотреблений.

Этот поступок возбудил всеобщее внимание. Как профессора и студенты, так и бюргеры Виттенберга выражали Лютеру свое сочувствие. Даже курфюрст саксонский, князь, во владениях которого находился Виттенберг, принял сторону Лютера. Слепая злоба сторонников папы, направленная против Лютера, много способствовала дальнейшему развитию инцидента. Лютера принуждали к дальнейшим шагам. Его безрезультатные переговоры с папским легатом, кардиналом Каэтаном в 1518 г. в Аугсбурге, диспут между ним и Карлштадтом, с одной стороны, и доктором Эком, с другой, в 1519 г. в Лейпциге привели, наконец, к открытому разрыву с папством. Яростные нападки сторонников папы возбудили злобу Лютера, он накинулся на папство и монашество со всей необузданностью и грубостью своей натуры; оппозиционные элементы Германии, т.-е. большая часть нации, приветствовали его выступление шумным ликованием. «Так как все епископы и доктора молчали, и никто не хотел коснуться сущности вопроса, то должен был родиться доктор Лютер, который отважился на это дело», —

так писал он, полный чувства собственного достоинства. Со всех сторон к нему поступали сочувственные послания, поощряя его к дальнейшему выступлению; он мог смело рассчитывать на поддержку народа. В 1519 г. он писал: «Если неистовое злобствование римлян будет продолжаться в том же роде, то, мне кажется, нельзя здесь дать лучшего совета и указать лучшего средства, с целью положить предел такой деятельности, как то, чтобы короли и князья применили насилие, приготовились и схватили вредных людей, отравивших весь мир, и силой оружия, а не словами положили конец этой игре. Ведь наказываем мы воров виселицей, убийц — мечом, еретиков — огнем. Почему же мы не пользуемся всяким оружием против этих вредных учителей погибели, как папы, кардиналы, епископы и вообще все участники римского Содома, и почему мы не умываем руки в крови?» Это были весьма революционные речи, и часть сторонников Лютера поняла их не только в смысле обвинений, направленных исключительно против папства: она шла дальше и полагала, что то, что справедливо по отношению к папе, то должно быть тем более правильным по отношению к князьям и господам, которые в своей сфере поступают во всяком случае не лучше. Не таково было мнение Лютера. Он считал более разумным, ввиду поддержки, оказанной ему курфюрстом саксонским и ввиду большого количества приверженцев, найденных им среди дворянства и бюргерства, ограничить движение и придать ему характер чисто религиозной, даже специально церковной борьбы. Он понимал, что если он распространит свое учение на мирские дела, то простолюдин подымется против своих угнетателей. Поэтому Лютер заявил громко и решительно, что его учение не имеет никакого отношения к экономическому и политическому положению дел, что он не намерен касаться отношений подданных к своим господам. Такое заявление с его стороны

явилось отчасти результатом его ограниченности, отчасти результатом расчета. Последнее, вероятно, играло главную роль. Он чувствовал, что потеряет для своего дела поддержку князей, сочувствие дворянства и состоятельной части бюргерства с того самого момента, как расширит рамки религиозной борьбы и превратит эту борьбу в политическую и социальную. Он тогда не понимал, что религиозная борьба для названных сословий является борьбой исключительно политической и социальной, что они только потому поддерживают его, что рассчитывают достичь таким путем материальных выгод; да если бы он это и понял, то вряд ли поступил бы иначе. Глубоко консервативная натура Лютера не была способна выдвинуть что-либо кроме умеренной реформы, несмотря на его решительное и, казалось бы, революционное словесное выступление. Таким образом, для него не представлял трудности выбор, который ему пришлось сделать с момента выступления Мюнцера,— выбор между дворянством и бюргерством, с одной стороны, и массой народонаселения, с другой. Он перешел на сторону первых двух сословий.

Когда в следующем, 1520 г. папа отлучил его от церкви, особенно ясно выступила его склонность к движению вправо; он написал и выпустил обращение к дворянству германской нации, в котором призывал последнее на помощь в борьбе против папы и духовенства. Раз вступив на эту дорогу, он не знал уже удержу и быстро катился под гору. Он не только высказывался против всякого насильственного церковного переворота волею народа; он не только смотрел с явным недовольством на возбуждение, охватившее народ,— возбуждение, которое росло с каждым днем и в котором ясно намечалась тенденция превратить церковную реформу в политическую и социальную революцию: он об'явил себя врагом всякой насильственной попытки к церковной и государствен-

ной реформе со стороны низшего дворянства, руководимого Гуттеном и Зикингеном.

Своим выступлением в 1521 г. на сейме в Вормсе он достиг зенита своей славы; простой монах августинского монастыря добился такого влияния, что его расположения и поддержки добивались как высшие, так и низшие слои нации. Часть князей ясно поняла, какую пользу их кошельку и значению сулит церковная реформа в духе Лютера: такая реформа давала им возможность конфисковать богатства монастырей, на которые они давно уже поглядывали с аппетитом, конфисковать их под видом благого христианского дела. Лютер приобрел эту часть князей в число своих сторонников, и княжеская поддержка сделала его еще реакционнее.

Какую пользу надеялись извлечь из реформации даже духовные князья, показывают нам переговоры, начатые с Лютером несколько лет спустя архиепископом майнцским, Альбрехтом Бранденбургским, который, со свойственной Гогенцоллернам ловкостью, никогда не упускал случая, где можно, поудить рыбку в мутной воде; переговоры касались перехода его в новую веру в связи с возможностью преобразовать затем епископство в светское наследственное княжество. Этот план только потому не осуществился, что ему воспротивилась прекрасная любовница епископа, нежно им любимая. Любовница, женщина незнатного происхождения, боялась, что архиепископ, став светским князем, бросит ее и женится на другой.

В то время как сотни даровитых и горевших жаждой свободы людей сумели использовать громадное впечатление, произведенное выступлением Лютера на сейме в Вормсе, в то время как сочувствие, которое оно возбудило, подняло брожение до такой высоты, что больше не оставалось уже сомнений в близком наступлении насильственного переворота, — в это самое время тот, кто сообщил толчок всему движению,

Лютер, решил остановить революцию, чего бы это ни стоило.

Приговор об изгнании Лютера, который был принят в конце концов большинством рейхстага, дал повод курфюрсту саксонскому спрятать Лютера тайно в Вартбурге. Во время пребывания Лютера в этом замке его ближайшие друзья были захвачены общим потоком и увлечены дальше, чем это казалось удобным и целесообразным Лютеру, который считал себя уже непогрешимым. Тогда Лютер неожиданно покинул Вартбург и поспешил в Виттенберг, чтобы устранить грозящее несчастье. Здесь он выступил против своих собственных друзей и сторонников с беспощадностью и горячностью человека, изменяющего своим прежним убеждениям. Он не стеснялся в средствах борьбы со своими прежними товарищами; он клеветал и позорил; он пускал в ход все свое влияние, чтобы лишить их хлеба и заработка и толкнуть их, беспомощных, навстречу нужде. В течение многих лет сотням его прежних сторонников-священников пришлось испытать на себе его реакционную деятельность. Большинство из них стало верной опорой революции, они ездили из одного местечка в другое, распространяя свое учение и произнося повсюду проповеди. Лютер против своей воли оказал в этом отношении большую услугу революции.

Когда же, наконец, в 1523 г. Гуттен и Зикинген подняли восстание против князей, несмотря на советы Лютера не начинать этого дела, несмотря на происшедший у них с ним разрыв, и направили свой удар прежде всего против трирского архиепископа, смертельного врага Лютера, то он не только не выступил с порицанием названному предприятию, против которого он до сих пор боролся, но даже выразил ему свое сочувствие. Он писал: «Если духовные князья не хотят прислушаться к слову божию, но продолжают свирепствовать и пользоваться в своей борьбе такими средствами, как отлучение от церкви, сожжение и убий-

ство, то что может быть по отношению к ним справедливее, как не всеобщее восстание, которое сметет их с лица земли. Можно только радоваться, если это произойдет». И в конце концов он потребовал: «Каждый христианин должен помогать такому делу своим имуществом и своей жизнью; он должен с радостью отказываться от повиновения своему повелителю, как от повиновения нечистому, чтобы покончить с этой тиранией».

Следовательно, здесь Лютер вполне открыто выразил свое сочувствие восстанию, он даже призывал к нему, но как раз в то же самое время он совершенно иначе отнесся к выступлению Мюнцера; он даже не постыдился обратиться с предложением к своему злейшему врагу, герцогу Саксонскому, по его собственному признанию единственному князю, которого вместе с тогдашним курфюрстом бранденбургским он считал способным и готовым, попадись он к ним в руки, исполнить над ним приговор сейма об изгнании. Итак, он не постыдился обратиться к нему с предложением изгнать Мюнцера из своих владений, чего в конце концов и добился. Мы еще впоследствии коснемся этого факта. Тогдашнее поведение Лютера вполне соответствует тактике теперешних либералов. Они были революционерами, пока испытывали всевозможные гонения; затем, когда они получили доступ в законодательные палаты, они превратились в стоящих на законной почве противников правительства и защитников прав народа, поскольку правительство не плясало по их дудке; но теперь, когда власть в их руках и когда они видят, что рабочий народ не считает их государственный строй лучшим из всех возможных порядков и осмеливается иметь свой собственный идеал, тогда они становятся ярыми реакционерами и самыми обыкновенными угнетателями. Так же поступал и Лютер. Для себя и своих сторонников он требовал всевозмож-

ных прав и свобод и тотчас же выступал с протестом, когда кто-нибудь медлил исполнить его требование. Тогда из его уст сыпался дождь проклятий и ругательств. Но против тех, кто шел дальше его в своих требованиях, он звал на помощь полицию, грозил тюрьмой и отлучением, требовал преследований и уничтожения их сочинений. Цензура нашла своих горячих защитников в нем и Меланхтоне, причем, конечно, они требовали цензуры только по отношению к сочинениям своих врагов.

Злоба Лютера против демократического движения приняла форму настоящего пароксизма, когда он увидел, что, несмотря на все его проповеди и послания, движение все шире и глубже охватывает народные массы. Полный злобы, предпринял он в 1524 г. поездку в Тюрингию и Саксонию, чтобы своим личным влиянием и своей популярностью изгнать «нечестивый и мятежный дух». Но, к своему стыду и ужасу, он увидел, что его влияние сошло на-нет с тех пор, как он вступил на путь реакции. Его проповеди не встречали сочувствия, хотя и посещались массой народа; его давнишние горячие сторонники держали себя с ним очень холодно; в Орламюнде, где он когда-то возбудил всеобщее одушевление, его чуть не побили камнями, ему пришлось бежать, чтобы спастись от народного гнева.

Угнетенным крестьянам в то время он говорил: «Вы должны терпеть! Страдание, страдание, крест, крест и ничего более — такова доля христианина! Спасению души бедного человека много способствуют те лишения и та масса работы, которые лежат на его плечах, иначе он не знал бы удержу, иначе его жизнь исполнилась бы довольства». Так говорил сын бедного рудокопа, когда сделался жирным попом и важным господином, который умел хорошо попить и поесть, кухня и погреб которого постоянно отличались обилием. Он забыл, что некогда сам нищенствовал и

собирал хлеб по чужим домам. Ведь от него идет известный характерный стишок: «Кто не любит вина, женщин и пения, тот всю жизнь останется дураком». Он не только любил эту троицу, но обладал также возможностью пользоваться ею по своему желанию и по своим потребностям: его хорошие друзья не могли нахвалиться качеством вина и кухни доктора Мартина Лютера.

Вследствие своего реакционного политического направления, он все более обнажал реакционно-религиозную, т.-е. истинную природу христианства. Опираясь на Библию, он проповедывал со всей своей энергией учение о смирении, самопрезрении и самоунижении, о слепом повиновении богом установленным властям и ничуть не уступал опытному монаху-капуцину в своих громовых речах против проклятого блудника—разума, который является истинным источником мятежного духа.

Все дальше и дальше шел Лютер в реакционном направлении из страха перед восстанием крестьян и превратился, наконец, в истинного жреца учения об ограниченности ума и способностей подданных,—учения, столь удобного для княжеской власти. Если он иногда направлял свой гнев и против князей и указывал на них как на людей, «которых раньше называли мошенниками, а теперь приходится называть послушными христианскими князьями», то происходило это потому, что часть последних не разделяла его религиозных убеждений, не присоединялась к нему, а ради сохранения своих выгод оставалась верна старому учению. Учение, им проповедуемое, не могло возбудить протеста даже самой консервативной натуры. Оно гласило: дух, не делая ни малейшей попытки сопротивления, должен терпеливо переносить гнет и мучения: житейские дела не касаются его, он мученик на земле, а потому всякому, кто только хочет, он должен позволять грабить себя и обворовывать,

угнетать, мучить и насмехаться, об'едать и издеваться. Сердце христианина должно всегда быть полно радости, хотя бы ему по воле Христа приходилось претерпевать много несправедливостей по отношению к своему имуществу и своей чести. Истинное христианство всегда покупается ценой крови, и где нет ее, там нет истинных христиан. Христиане ведь не овцы, спокойно пасущиеся на пастбище, а овцы, предназначенные к закланию, которые должны гибнуть одна за другой. Таким образом, земная жизнь для христианина есть олицетворение слабости, греха и смерти. В другом месте своих сочинений он говорит: «Мы скажем открыто последователям Христа и Нового завета, что поскольку они довольны, когда их называют христианами, поскольку они гордятся этим именем и поскольку они хотят, чтобы их считали истинными христианами, они должны безропотно терпеть нарушения своих прав. Послушайте, христиане, каково ваше христианское право. Христос, ваш высший повелитель, имя которого вы носите, учит (от Матфия, 5): «А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. И кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудит тебя итти с ним одно поприще, иди с ним два». Так же говорит и святой апостол Павел в послании к римлянам, 12: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу божию». Там же восхваляет он коринфян за то, что они с радостью страдают, если их кто-нибудь бьет или грабит. В главе шестой первого послания к коринфянам он выговаривает им за то, что они ведут тяжбы из-за имущества и не терпят несправедливостей.

«Ну, теперь вы видите, как далеко от истины увлекли вас ложные пророки, и вы называетесь еще христианами; ведь вы стали хуже язычников. Ведь

из приведенных мест святого писания ребенок поймет, что христианин не должен сопротивляться злу, хвататься за меч, защищаться, мстить; нет, он должен отдать свою жизнь и свое имущество первому, кто хотел бы произвести над ним насилие, кто хотел бы его ограбить. Страдание, страдание, крест, крест — вот права христиан, и нет у них никаких иных прав». В своем собрании церковных произведений Лютер учит: «Правительство должно господствовать над чернью, над всем народом, должно бить, давить, вешать, жечь, рубить головы, колесовать, чтобы его боялись и чтобы оно могло держать народ в послушании».

Когда в 1525 г. крестьяне были готовы начать восстание и сформулировали свои требования в Двенадцати статьях, они послали их Лютеру для отзыва; они никак не могли примириться с мыслью, чтобы человек, выступивший столь мужественно против папы, а в Вормсе против императора и империи, сам сын народа, знавший его страдания, мог враждебно относиться к крестьянству. Лютер отверг все пункты. Он заметил, например, по отношению к пункту второму, который говорит об уничтожении десятины: «Десятина принадлежит власти по праву». По поводу пункта третьего, который требовал уничтожения крепостничества, он сказал: «Авраам также имел рабов». О пунктах начиная с четвертого и кончая одиннадцатым, касавшихся вопроса о привилегиях на охоту и рыбную ловлю, о праве на лес, об отмене уплаты процентов, о вознаграждении за труд, об упорядочении судопроизводства, о создании лучшего права и т. д., он заявил, что все эти вопросы не касаются его, так как это дело юристов. Когда крестьяне, несмотря на все

его попытки отклонить их от восстания, все-таки восстали, он опубликовал послание: «Против шаек убийц и разбойников-крестьян», в котором между прочим стояло: «Их нужно разгонять, душить и убивать, убивать тайно и открыто, кто как может, убивать, как бешеных собак». К князьям же он взывал, как будто они нуждались в подобном поощрении: «Поэтому, милые господа, теперь освобождайте, спасайте, помогайте, сжальтесь над бедными людьми. Теперь колите, рубите, уничтожайте, кто как может. Слава тем, кто погибнет при этом, повинуясь слову божию, исполняя его завет: более праведной смерти нигде не найти». И его друг, проныра Меланхтон, вторил ему фальцетом: «Это наглость и насилие, что крестьяне не хотят быть крепостными. Рабство не противоречит религии: Христос сам говорил только о духовной свободе, так что христианин должен с радостью нести крепостное иго». Когда Лютер услыхал о крестьянском суде мести в Вейнсберге, его охватил новый приступ злобы. Он писал тогда своему другу, доктору Рюлэ: «Нужно перебить всех крестьян. Невинных спасет бог: если он их не спасет, то они, конечно, не невинны, и во всяком случае они молча одобряли и сочувствовали» *).

«Cibus, onus et virga asinc» (ослу требуются пища, ноша и бич). «Набита их голова сеном, не слушают они слов, безрассудны они—пусть испытают бич и оружие; это им будет по заслугам. Пусть свищут пули среди них, а то они наделают еще в тысячу раз худших дел» **).

---

*) Лютер выразился здесь так же, как папский легат при захвате Безиера во время Альбигойских войн, когда ландскнехты его спросили, как можно отличить верующих от еретиков.

**) Если сравнить сервилизм и низкопоклонничество обоих «реформаторов» с тем, что говорили 70—80 лет спустя некоторые представители иезуитского ордена о правах под-

Отношение Лютера к революционным партиям об'ясняет нам, почему наша теперешняя буржуазия продолжает чтить Лютера как героя: она видит в нем своего предшественника и своего учителя. Лютер до тех пор проповедывал веротерпимость и свободу совести, пока он добился ее для себя и своих сторонников. Затем он превратился в ярого преследователя всех несогласно мыслящих; так же поступает в наше время

данных по отношению к своим тираническим государям и о суверенитете народа, то сравнение будет далеко не в пользу реформаторов. Иезуит Беллармин говорит: «Для того, чтобы человеческое общество было совершенно, все общество в целом должно иметь право само сохранять себя... Это зависит от соглашения, поставит ли оно над собой королей, или консулов, или другие власти. Отсюда следует, что, при наличии достаточного основания, толпа имеет право превращать королевство в аристократию или демократию, или, наоборот, как это делали римляне». Мариана рассматривает выгоды и невыгоды перехода по наследству княжеской власти и спрашивает: «Что может быть вреднее и ужаснее, как предоставить государство игре случая? Поставить во главе государства юношу плохого образа жизни или мальчика, который плачет в колыбели, и подчинить ему войска, провинции и сокровища?» Он продолжает: «Если не удается исправить князя с помощью хорошего воспитания, то, по моему мнению, его надо сместить и на его место посадить другого. Его следует застрелить, как дикого зверя, так как он стал бесчеловечным тираном». Далее он проповедует неограниченность народного суверенитета; воля народа является единственно решающей; воля и власть короля должны быть подчинены воле народа. «Народ имеет право принуждать короля исполнять те законы, которые он, народ, издал, и *имеет право, если это необходимо, свергнуть непокорного с престола и наказать его смертью*, согласно вышесказанному». Далее Мариана обсуждает вопрос: «Можно ли убивать тиранов?» И отвечает на вопрос следующим образом: «Государство вручило королю власть, следовательно, оно имеет право судить его. В Греции тираноубийцы считались достойными высшей похвалы. Предположим, что тиран подобен хищному и яростному зверю, который опустошает все, грабит, уничтожает и убивает, так неужели же надо проходить мимо этого? Не следует ли похвалить того, кто с опасностью для жизни спасает от него

наша буржуазия. Когда разразилась крестьянская революция, Лютер бросился в об'ятия реакции и князей и даже соединился со сторонниками папы. Перед ним стояла одна цель — подавить народное восстание; в этом же роде действуют в наше время наши либералы. В борьбе против пролетариата они соединились с попами и феодальной партией и попирают ногами основные положения своего учения, которые они не-

---

государство? Мы утверждаем, что все имеют право уничтожать тиранов, как ужасное чудовище, которое душит все кругом, пока не издохнет. Если ты видишь, что на твоих глазах дурно поступают с твоей матерью или супругой, и ты не спешишь им на помощь, то ты заслуживаешь упрека в позорной трусости и безбожии; так неужели мы должны позволить тирану мучить отечество, которому мы обязаны больше, чем своим родителям? Долой такие преступления, такую трусость». Он заканчивает следующим образом: «На самом деле человеческие дела обстояли бы превосходно, если бы существовало много мужественных людей, которые не побоялись бы отдать свою жизнь и счастье для спасенья отечества... И в действительности, было бы хорошо, если б князья убедились, что, в случае если они угнетают государство и делают себя невыносимыми в результате своих пороков и позорных действий, — то их убийство считается не только справедливым, но и достойно всяческих похвал». Вильгельм Райнольд, также иезуит, говорит на эту тему в подобных же выражениях: ни бог, ни природа не установили определенной формы правления, но она установлена волей, произволом или свободным соглашением народов. «Если некоторые захватывают власть против воли народа посредством насилия, хитрости и других ухищрений, вроде Пизистрата, Неарха, Дионисия и Гело и многих других, то философы-законодатели всегда осуждали их, как жестоких тиранов и насильников, и всяческими почестями и наградами побуждали граждан к тираноубийству. Рассматривая истинный источник власти или различные законные формы правления, *мы неизбежно приходим к мысли, что их настоящим и истинным источником является народ в целом*». Эти рассуждения диаметрально противоположны рассуждениям Лютера и Меланхтона; их ценность не уменьшается от того, что они высказаны иезуитами, у которых были свои причины, почему они выражались так радикально.

когда клялись свято чтить и защищать до последней капли крови. Партии нарушают основные свои принципы, как только последние становятся на пути осуществления их интересов; в этом заключается об'яснение бесхарактерности и столь частых измен данному обязательству с их стороны.

Считать Лютера защитником свободы научного исследования может только невежда или лжец; вся его жизнь, начиная с 1521 г., является непрерывной борьбой против свободы научного исследования, свободы мысли и свободы печати. И прав Себастиан Брандт, воскликнувший с негодованием: «Когда у нас господствовал папа, мы были свободнее»; и Людвиг Берне, безусловно, не ошибается, когда он говорит: «Так как до Лютера отличительной чертой немцев было холопство, то и Лютер не смог освободиться от холопского образа мыслей».

Если Лютер был представителем умеренных реформаторских стремлений благосостоятельных классов и другом дворянской партии, враждебно настроенной против папы, то Мюнцера можно считать истинным вождем революционных слоев народа, крестьян и низших классов городского населения.

Томас Мюнцер родился в зажиточной семье около 1490—1493 года в городе Штольберге в Гарце (год его рождения в точности не установлен). Существует предание, правда, не вполне достоверное, что отец Мюнцера был повешен графом Штольбергом за какое-то преступление, и будто бы желание отомстить за своего отца привело Мюнцера в ряды крайних партий. Для такой версии не существует никаких доказательств: никому Мюнцер не говорил о таком факте из его жизни, ни одна строчка его сочинений не подтверждает этого рассказа. О детстве и воспитании Мюнцера у нас нет никаких сведений; предполагают, что занимался он в университете Лейпцига или Виттенберга. Докторской степени достиг он в очень молодом возрасте;

считался горячим и глубоким знатоком св. писания, но его убеждения, как и убеждения многих его современников и товарищей по университету, находились в полном противоречии с учением господствующей церкви.

Едва достигнув 20 лет, он сделался учителем латинской школы в Ашерслебене, затем в Галле, где и основал направленный против умершего в 1513 г. архиепископа майнцского Эрнста II, примаса Германии, тайный союз, с целью реформировать христианство. Уже этот факт говорит о его революционном направлении и решительном характере. Из Галле он попал в 1515 г. протоиереем в женский монастырь во Фрозу вблизи Ашерслебена, в 1517 г. он уже перешел учителем в гимназию св. Мартина в Брауншвейге. Но и отсюда он скоро ушел по причине «своего неспокойного духа» и поселился на некоторое время у своего друга в Ашерслебене, а затем погостил у своей матери в Штольберге. «В последнем городе он,— как пишет один из его современников,— произнес не одну дивную, прекрасную проповедь в христианском духе, в которых нельзя было осудить ни одного слова, но под конец своего пребывания там, в вербное воскресенье, он произнес речь, которая рассудительных людей навела на всевозможные мысли». В начале 1519 г. мы вновь встречаемся с ним в Лейпциге у бухгалтера Кристейна; оттуда он обратился к одному из своих друзей с просьбой подыскать ему какое-нибудь место.

Кажется, он присутствовал в Лейпциге во время диспута Карлштадта и Лютера с доктором Эком, что вытекает из одного места его опубликованной в 1524 г. речи против Лютера. Еще в том же 1519 г. он получил место духовника бернардинских монашенок в монастыре Бейтиц под Вейсенфельсом. О его тамошнем пребывании Лютер пишет: «Когда ему приходилось по утрам служить монашенкам раннюю обедню, часто он выражал свое недовольство тем, что выпускал слова

пресуществления и просто давал им хлеба и вина: притом он считал свой поступок вполне правильным и хвалился даже в Альтштедте, что сожрал таких неосвященных причастий во всяком случае не менее 200 штук».

В 1520 г. Мюнцер получил место проповедника в церкви св. Марии в Цвикау, где с самого начала настолько резко выступил против поповского сословия и живших там богатых нищенствующих монахов, что все они без исключения стали его врагами, и между ним и ими загорелась яростная борьба. В своей первой проповеди в день вознесения господня он сказал: «Монахи отличаются такой пастью, что если бы можно было от нее отрезать добрую половину, то и тогда у них сохранились бы достаточно большие рты». Дальше он говорил: «Лицемеры за кусок хлеба воскрешают души, которые умерли, и пожирают своими длинными вилами дома вдов. Они не стремятся пробудить веру у умирающих, а бьют на удовлетворение ненасытного честолюбия». Нищенствующие монахи изрыгали пламя против Мюнцера, они бегали из дому в дом и пытались возбудить против него население. Один из монахов, брат Тибуртий фон-Вейсенфельс, произнес такую проповедь против Мюнцера: «Новые проповедники основываются только на Евангелии, но это не выдерживает ни малейшей критики, так как тогда они вступают в противоречие с людскими законами, на которые следует обратить особое внимание. Новый завет необходимо дополнить во многих отношениях: нельзя же жить только по указаниям Нового завета; если бы бедность вытекала из учения Евангелия, то тогда короли и князья не могли бы владеть богатствами мира, а скорее должны были бы жить в бедности, как нищие или пастыри духовные». Мюнцеру, конечно, нетрудно было справиться с такими противниками.

Некоторое время между Мюнцером и Лютером царило полное согласие; еще живя в Цвикау, Мюн-

цер переписывался с Лютером. Но вскоре Мюнцером овладел дух сомнения. Лютер твердо держался за учение церкви и Библии, Мюнцер шел дальше; он считал Библию произведением рук человеческих, которое нужно толковать с помощью разума. «Непосредственное божественное прозрение каждого с помощью веры,—вот в чем заключается истина. Разве мы не можем ошибиться, считая Христа сыном бога, а апостолов — осененными божьей благодатью, основываясь только на их собственном утверждении, что они таковы, и на тех чудесах, которые они рассказывают друг о друге? Разве мы не можем ошибиться, считая эти рассказы правдивыми по божественности их рассказчиков, которая как раз вытекает из этих рассказов? Ведь турки также имеют книгу, в которой, как они убеждены, находится слово божие, где приведена масса чудес, в которые они так же глубоко верят, как мы в чудеса Нового завета. Где же доказательства, что наша вера истинная, а их—ложная?» Так спрашивал он. О Лютере он говорил: «Бороться против власти папы, не признавать отпущения грехов, чистилища, панихид и других злоупотреблений, значит — проводить реформу только наполовину. Лютер неважный реформатор: он нерешителен, он подкладывает подушки нежному телу, слишком превозносит веру и мало значения придает поступкам».

Мюнцер рано увлекся мистикой, которая так соответствовала его поэтически-эксцентричной натуре. Он с жаром изучал сочинения аббата Иоахима, жившего в Италии в XII столетии и считавшегося пророком, и сочинения Таулера, учившего в середине четырнадцатого столетия в Страсбурге. Из их учения вытекала ненужность всего церковного строя, ненужность поповского сословия и необходимость для всякого, кого осенит божья благодать, стать проповедником. Они говорили, что наступит время господства духа, а вместе с ним воцарятся любовь, радость и свобода. Еван-

гелие буквы является чем-то временным, формы, порожденные им, преходящими и исчезающими; откровение духа — вот истинное евангелие. Сыновья духа не нуждаются в посредничестве священников и ученого сословия, дух — их учитель; внутреннее прозрение заменяет для них внешний авторитет.

В соответствии с этим, Мюнцер учил: «Христос никогда не указывал избранным на писание, он на него указывал только фарисеям; избранные могут обладать истинной верой, хотя бы никогда и ничего не слыхали о Библии, даже если бы были рождены и воспитаны среди язычников». О крещении детей он заявлял вполне определенно: «Старая церковь детей не крестила, Христос и апостолы — тоже. Если бы спасение душ зависело от крещения, то при наличности такого непонимания нам лучше было воспринимать сладчайшего Иисуса и обливать себя при крещении хорошей мальвазией и вином, вместо воды. Истинного, настоящего крещения у нас нет, поэтому вступление в христианство выродилось в скотское обезьянство... Я прошу всех христиан-буквоедов, чтобы они мне указали, где написано святыми буквами, что был крещен несовершеннолетний ребенок...» Несомненно, это учение Мюнцера дало повод причислить его к анабаптистам и считать его их главой. Но нет фактов, что он действительно принадлежал к этой секте или крестил взрослых. Дух времени увлекал его все больше и больше в область политической агитации.

Все мистики и утописты христианства с момента его возникновения обосновывали свое учение ссылками на пророков Ветхого завета, особенно Иеремию, и на откровения Иоанна в Новом завете. Утопические учения мистиков быстро завладели огненным темпераментом Мюнцера. Ему казалось, что дух революционного брожения, охвативший его столетие и пропитавший всю общественную атмосферу, создает условия, необходимые для коренного переустройства всего обществен-

ного строя, и дает возможность осуществить на земле царство божие, основанное на свободе и равенстве.

Спор Мюнцера в Цвикау с монахами осложнился его спором с проповедником Эгранусом, убежденным сторонником Лютера. Этот спор ускорил его разрыв с виттенбергцами. Эта борьба сблизила Мюнцера с сектой анабаптистов, которая в то время основалась в окрестностях Цвикау и нашла там большое число сторонников.

В лице анабаптистов как бы воскресли, только в иной форме, фанатические секты, тайно существовавшие со времени поражения гуситов в соседней Богемии, Франконии, Тюрингии и Саксонии. Бичеватели, или крестовые братья, как их раньше называли, подвергались в продолжение многих десятилетий яростным преследованиям за свои религиозные убеждения и тесно связанное с ними социальное и политическое учение. Многие из них умерли на кострах в Нордгаузене, Ашерслебене, Зангергаузене и в других местах. Казалось, народ забыл их учение, но это только казалось; как только началась реформация, и повсюду пробудился свободный дух, тотчас же старые утопические учения всплыли наружу. Во главе секты анабаптистов в Цвикау стояли два суконщика — Никлас Шторх и Макс Томэ и ученый Макс Штюбнер из Элстерберга, изучавший науки в Виттенберге. На своих собраниях, которые посещались преимущественно ткачами, суконщиками и рудокопами, они говорили о скорой гибели мира, о приближении страшного суда, который уничтожит всех нечестивых и неверующих, очистит мир кровью, оставит в живых только благочестивых и верующих; тогда воцарится царство божие на земле, и будут одно крещение и одна вера. Как религиозные фанатики, они придавали большое значение видениям и снам, впадали в судороги, прорицали и об'ясняли сновидения. «Пророкам» анабаптистов не удалось

завербовать Мюнцера, но он воспользовался ими как прекрасным орудием, как отважными, смелыми людьми, одушевленными своими убеждениями и готовыми присоединиться к нему и бороться вместе с ним. Так как многие пункты его учения соответствовали положениям, провозглашенным ими, Мюнцер открыто выступил в защиту их пророка Никласа Шторха и восхвалял его, говоря, что он лучше понимает Библию, чем все попы, и что его действительно осенил святой дух. Покровительство анабаптистам и непрерывная борьба с духовным сословием породили отрицательное отношение к Мюнцеру со стороны совета города Цвикау. Когда же ему удалось возбудить против одного из священников недовольство народа, то председатель духовного суда в Цейсе назначил над ним следствие. Бунт, поднятый рудокопами в одном из угловых домов крепостной улицы и подавленный советом, поставили опять-таки ему в вину, хотя и совершенно несправедливо. Тогда он оставил Цвикау и отправился в Прагу. Здесь, в прежней столице гуситов он надеялся найти хорошую почву для своего учения и своей деятельности. Его жизнь в Цвикау, дальнейшее знакомство с тяжелым положением угнетенного народа, которое он основательно изучил в Цвикау путем непосредственного общения с самим народом, еще сильнее разожгли его ненависть к светским и духовным властям. В поповском сословии он видел возрождение старой тирании, которая терзает мир от имени Христа, как терзала раньше с помощью языческих суеверий. Князья и светские владыки являлись для него высокомерными тиранами, считавшими себя выше остальных людей; они олицетворяли те враждебные силы, которые противились и задерживали наступление царства божия на земле, наступление вечного блаженства и спасения, которые приносили человечество в жертву своему корыстолюбию, своему сладострастию, своим настроениям, которые злоупо-

требляли терпением народа, препятствовали всестороннему развитию его сил, мешали ему жить человеческой жизнью.

Прибыв в Прагу, он выпустил памфлет против папистов, начинавшийся словами: «Я, Томас Мюнцер из Штольберга, который, подобно желанному и выдающемуся бойцу христову, Иоанну Гусу, собираюсь наполнить звонкие трубы новыми напевами... я говорю и исповедую, что я старательно изучал всех моих современников, пока не удостоился достигнуть более полного и редкого познания непобедимой, святой христианской веры...» Затем он развивал свое учение и выступал с резкими нападками против священников, которые «свое учение выкрали из Библии, как ловкие воры и жестокие разбойники... Они (попы) должны бы были крепкой стеной защищать народ бога от богохульников. Но как раз они сами и являются источником этой мерзости, живут в ней, изрыгают ее... Поэтому в наказание за народ они предназначены своему отцу чорту, который, подобно им, не понимает живого слова божия. Так как они идолопоклонники, то нисколько не отличаются от чорта. Скажу я кратко,— они проклятые люди». Ничто столь не претит святому духу, как «ненужное» христианское духовенство. Учение о св. матери церкви утверждает открытое распутство душ. Папский и дурацкий римский епископ делает постановление в своем вавилонском доме терпимости. При таких условиях наши противники становятся еще ожесточеннее. Церковь,— говорил он,— осталась чистой девой после смерти апостолов, но вероломные попы своей деятельностью осквернили и опозорили ее. Затем он призывал своих «любезных богемских братьев» присоединиться к нему против своих священников, говоря, что вместе с ним они добьются в той же мере чести и славы, в какой со сторонниками Рима — позора и ненависти. Церковь молится не немому богу, а говорящему и живому. «Если я лгу живым

божественным словом, которое сегодня исходит из моих уст, то я готов нести наказание Иеремии и готов сам предать себя мукам земной и вечной смерти».

Безусловно, надо было обладать отвагой, чтобы выступить с подобным заявлением против духовенства и церкви в стране, где католическая религия вновь достигла неограниченного господства. Выступление Мюнцера в Богемии лучше всего опровергает обвинение его в трусости. Мюнцер не встретил сочувствия своему учению. Пробыв в Богемии более или менее продолжительное время и произведя целый ряд безрезультатных попыток, он вынужден был под давлением властей покинуть страну. В конце 1522 г. прибыл он в Альтштедт в Тюрингию и занял там место проповедника. Здесь он тотчас же предпринял коренную реформу богослужения. Латинский язык был изгнан, все книги Библии читались народу и на прочитанное произносились проповеди. Его проповеди возбуждали такое сочувствие, что на них собирались в большом количестве жители Мансфельда, Зангергаузена, Франкенгаузена, Кверфурта, Галле, Ашерслебена и других мест. Лютера страшно злило большое стечение народа на проповедях Мюнцера. Не менее досадовал он на то обстоятельство, что Мюнцер предупредил его с реформой богослужения. С ребяческим упрямством он заявил: «Хотя я и намеревался произвести такую же реформу, но на-зло фантазеру я подожду... Лучше я стану с завтрашнего дня строгим монахом, лучше я стану вновь исполнять все монастырские предписания, как я их исполнял некогда, чем уступлю хотя бы на один волос или на один момент этому душегубу». Едва ли возможно быть ограниченнее и упрямее.

В начале своей деятельности в Альтштедте Мюнцер убеждал и саксонских князей поддержать его учение. Но у них не оказалось охоты последовать его призыву; тогда еще горячее стала раздаваться его проповедь к народу.

В Альтштедте он основал тайный союз, программа которого заключалась в восстановлении царства божия на основе братства, равенства и свободы. Все церковные учреждения, не согласные с учением первоначального христианства, должны быть устранены, как, например, все духовное сословие; всякому господству должен быть положен конец; имущество поступает в общее пользование; все работы исполняются общими силами, и каждый из участников получает свою часть в зависимости от его нужды и наличности продуктов. На борьбу за основание такого государства необходимо призывать всю Германию, все христианство, не исключая князей и властителей; если последние уклонятся, их необходимо изгнать или убить.

Чтобы увеличить силы своего союза, Мюнцер разослал повсюду посланцев, обязанность которых заключалась в завязывании связей и вербовке единомышленников. Сам он произносил проповеди в духе своей революционной программы и пытался также проводить свои идеи печатным словом. В Эйленбурге он содержал в лице Николая Видемара своего собственного наборщика.

Первыми результатами его проповедей явилось сожжение его сторонниками часовни в Меллербахе, пункте паломничества, лежащем вблизи Альтштедта. Герцог Саксонский Иоанн, после донесения ему об этом со стороны его казначея, потребовал к ответу в Веймар власти Альтштедта. Последние не исполнили этого требования, а защищались письмом, написанным Мюнцером, в котором заявили: «то, что сделано в Меллербахе против диавола, они считают правильным и соответствующим Евангелию; они готовы перенести любые наказания, к каким бы их ни присудили, как телесные, так и денежные, но не будут молиться диаволу в Меллербахе и не выдадут тех, кто его разрушил. Вскоре после этого события Мюнцер произнес проповедь перед князьями саксонскими во дворце в Альтштедте,

куда они прибыли, чтобы лично познакомиться с положением дел и успокоить мятеж. В своей речи он между прочим сказал: «Князья обязаны с корнем вырвать идолопоклонство и силой ввести Евангелие». В подтверждение правильности своего воззрения о необходимости убивать неверующих правителей и особенно священников и монахов, которые считают святое Евангелие еретической книгой, он сослался на слова Иисуса (Лука, XIX; Матф., XVIII) и на апостола Павла. Неверующие не имеют права жить, поскольку праведники не оказывают им попустительства. Где князья не уничтожат неверующих, там господь бог лишит их меча. Вся община имеет право наказывать смертью, и тогда управлять будет тот, кому принадлежит вся власть на небе и на земле. Все углы полны тщеславными лицемерами, и нет никого столь отважного, кто решился бы сказать истинную правду. «Главное ядро ростовщиков, воров и разбойников составляют наши князья, они присваивают себе все живые существа, все должно принадлежать им: рыбы в воде, птицы в воздухе и вся растительность на земле (Ис., V). Затем они создают божественные законы и распространяют их среди бедного народа и говорят: бог повелел — не укради. Их же эти законы не касаются. Они как раз и создают возможность обирать и обдирать бедного земледельца и ремесленника и все живущее (Мих., III). Если же бедняк украдет хотя бы самые пустяки, то его должно повесить. А доктор Люгнер (т.-е. обманщик; намек на Лютера) говорит на все: аминь!»

«Господа сами пробуждают к себе вражду бедного человека. Они не хотят устранить причины мятежа; каким же образом может наступить продолжительное спокойствие? Я говорю, я и останусь мятежником. Вы, дражайшие и любимые правители, прислушайтесь внимательно к вашему приговору из уст бога и не допускайте, чтобы вас обманывали лицемерные попы и удерживали вас прославленным терпением и милосердием»...

Опубликование Мюнцером этой проповеди послужило поводом для Лютера выступить против Мюнцера с горячим посланием «Письмо к князьям саксонским о мятежном духе» и потребовать от князей немедленного изгнания его из страны. В результате такого обращения был выслан наборщик Мюнцера, и запрещено Мюнцеру печатать что-либо. Он горячо протестовал против такого решения в письме к князьям. Вскоре после этого один из членов союза предал все предприятие: Мюнцера пригласили во дворец в Веймар для допроса. Прежде чем исполнить последнее требование, он издал в Мюльгаузене резкое послание против князей и попов, озаглавленное: «Томас Мюнцер с молотом». В нем он писал: «Дорогие товарищи, пробьем пошире окно, чтобы весь мир мог видеть и ощущать, сколь велики те глупцы, которые кощунственно превратили бога в размалеванного человечка...

Железная стена воздвигнута между королями, князьями и попами, с одной стороны, и народом, с другой. Они могут спорить, но победа чудесным образом склоняется на погибель сильных, безбожных тиранов...

Весь мир должен пережить громадный переворот, произойдет катастрофа: безбожники полетят со своих тронов, незнатные мира сего вознесутся высоко».

Мюнцер мужественно защищался против обвинений, пред'явленных ему в Веймарском замке. Доктору Штраусу и монахам, которые вели с ним в присутствии князей диспут, он прямо заявил: «Если лютеране не хотят предпринять ничего иного, как только помучить попов и монахов, то лучше будет им остановиться сейчас на половине дороги». Такой ответ и сейчас годится многим любителям церковных споров. В результате допроса Мюнцер был изгнан из страны. 15 августа переселился он в Мюльгаузен, оставив свою жену и ребенка (Мюнцер женился в Альтштедте, и от

этого брака у него родился сын) на некоторое время у своих хороших друзей. Как только Лютер узнал об этом переселении, то, полный провокаторского пыла, он написал к совету города Мюльгаузена: «Серьезно предостерегаю советников против Мюнцера и его учения. Последний уже доказал во многих местах, особенно в Цвикау, а за последнее время в Альтштедте, что от его деятельности нельзя ожидать иных плодов, кроме убийства, восстания и кровопролития». Ненависть Лютера против Мюнцера, находившая себе исход в злобном доносе, показывает, насколько он боялся Мюнцера. Революционная энергия Мюнцера, отвага, с которой он защищал и пропагандировал свои убеждения, рвение, с которым он день и ночь боролся за дело народа, сверкающие краски, которыми он в своих проповедях рисовал насилие властителей как светского, так и духовного сословия,— все это создавало ему громадную популярность у простого народа. К Лютеру почти ежедневно поступали сведения из различнейших местностей о том, как растет влияние Мюнцера, как часть его собственных вернейших сторонников, которые принадлежат к народным слоям, отпадает от него и переходит на сторону Мюнцера; влиятельные лица отдельных местностей, особенно из среды духовенства, отступили от Лютера и присоединились к Мюнцеру, как только определилась реакционная нетерпимость Лютера.

Мюнцер не оставался в долгу у Лютера. На его ядовитые нападки и доносы он отвечал письмами и проповедями, в которых безжалостно бичевал «сладкоживущий в Виттенберге кусок мяса», как он любил называть Лютера; он пускал в ход самые грубые и резкие выражения, которыми отличалось то время, не привыкшее к изысканным оборотам речи.

Когда Мюнцер прибыл в Мюльгаузен, возбуждение народа достигло там уже известной высоты. Это было в конце августа 1524 г. Брожение в Германии уже

дошло почти до высшей точки напряжения. У бюргеров Мюльгаузена, подобно бюргерам других народов, накопилось достаточное количество недовольства как против деятельности духовенства, так и против совета, который состоял исключительно из патрициев. В Мюльгаузене еще год тому назад выступил монах по имени Генрих Пфейфер — богато одаренная личность. Однажды в воскресенье он стал на улице на тумбу и начал проповедь против церковного причта, монахов и монахинь. Его проповедь нашла большое сочувствие. Народ собрался в громадном количестве. Совет испугался за спокойствие города и свои привилегии и потребовал Пфейфера к ответу. По окончании проповеди Пфейфер последовал этому требованию, но собравшаяся масса народа отправилась вместе с ним, и это обстоятельство настолько запугало совет, что он не осмелился предпринять что-либо против Пфейфера. Пфейфер стал смелее; он продолжал проповедывать со своей каменной кафедры, и скопление народа становилось все больше и больше. Совет вторично вызвал его. Пфейфер потребовал гарантии своей неприкосновенности; совет отказал ему. Тогда Пфейфер после новой проповеди заставил тысячную толпу поклясться на верность Евангелию и потребовал, чтобы она, захватив оружие, собралась на площади св. Марии. Народ последовал его призыву, собрался с оружием в руках в указанном месте и выбрал там из своей среды восемь человек, которые должны были потребовать от совета свободного пропуска Пфейферу.

Совет находился в затруднительном положении; большая часть бюргерства сочувствовала реформам, она имела на это основание. Из многих тысяч горожан можно было назвать только 96 человек, которые действительно пользовались свободой. Это были члены совета, состоявшего исключительно из патрицев. Совет царствовал неограниченно, бюргерству оставалось только одно право — повиноваться. Это обстоятельство

заставляло совет опасаться религиозного возбуждения. Он лицемерно уступил, с целью успокоить массы. Но вскоре после этого ему удалось изгнать Пфейфера из внутренней части города; он поселился в предместьи св. Николая. Теперь Пфейфер открыто выступил на арену политической агитации, но требования, выставленные им, отличались еще большой умеренностью. Но совет изгнал его совершенно. Пфейферу в конце 1523 г. с помощью своих сторонников из бюргерства удалось вторично поселиться в городе; он вновь начал свою агитаторскую деятельность. Тогда, в августе 1524 г., ему пришлось вторично покинуть город. Это побудило его изменить свою тактику. До сих пор он защищал интересы бюргерства; но так как последнее дважды бросило его на произвол судьбы и доказало этим свою ненадежность, то он выступил теперь представителем интересов жителей предместий и крестьян. Когда совет во время восстания жителей предместий обратился за помощью к крестьянам многочисленных деревень, принадлежавших городу, то они не только не откликнулись на этот призыв, а присоединились к восставшим. Они пред'явили совету свои требования, изложенные в 12 статьях Пфейфером. Содержание этих статей утеряно, но по всей вероятности оно не отличалось от содержания тех 12 статей, которые вынесли крестьяне, собравшиеся под предводительством Мюнцера в 1525 г. около Франкенгаузена и которые послужили, по всем данным, прообразом знаменитых 12 статей верхнегерманских крестьян, с которыми мы познакомимся впоследствии.

Бюргерская партия Пфейфера одержала победу во внутренней части города в конце августа 1524 г., но уже через месяц восстали вновь сторонники совета. Такой поворот произвело, по всем данным, появление Мюнцера. Мюнцер обратился со своей проповедью к низшим слоям населения, к беднякам. Этот факт толкнул большую часть сторонников Пфейфера, сте-

пенных бюргеров, в об'ятия совета. Чинные горожане не хотели ничего слышать о революционных посягательствах Мюнцера, они готовы были скорее заключить союз с реакцией. Картина получается та же, что и в наше время. Совет победил. Мюнцер, едва успев прожить в городе пять недель, был изгнан; вскоре затем та же участь уже в третий раз постигла и Пфейфера.

Тогда Пфейфер и Мюнцер отправились в южную Германию, прежде всего в Нюрнберг. В Нюрнберге, а также и во всей Франконии новые идеи успели пустить уже глубокие корни. Возбуждение среди народа стало всеобщим. В Форхгейме—городе, лежащем вблизи Нюрнберга, дело уже почти дошло до открытого восстания; в Нюрнберге шло брожение. Мюнцер нашел почву в Нюрнберге уже подготовленной своими сторонниками. Там у него уже были приверженцы. Единомышленники призывали его начать свою проповедь в городе, но он отказался. О причинах такого решения он высказал в письме к своим друзьям в Альтштедте следующее: «Я мог сыграть с нюрнбергцами хорошую штуку, если бы я стремился поднять восстание, в чем меня обвиняет лживый свет; но я хочу настолько разбить своих противников на словах, чтобы они не могли уже скрыть этого. Многие из нюрнбергцев уговаривали меня начинать проповедь, но я ответил: «Я пришел не с этой целью, мне нужно прежде ответить печатным словом». Когда до господ донеслась весть о таких речах, они обрадовались, полагая, что для них наступила масленица; пот ремесленников им нравится, но он родит горькую злобу. Здесь не помогут никакие уловки, никакой обман, правда должна выплыть наружу». В том же письме он просит о материальной поддержке: «Что будет, то будет. Но если письмо вас рассердит, то мне не нужно ни одного геллера». Сочинение, о котором он упоминает в письме и которое он собирался напечатать в Нюрнберге, было направлено

против Лютера и озаглавлено так: «Защитительная речь, вызванная важными причинами, в ответ бездушному сладко живущему куску мяса в Виттенберге, который уже указанным способом—передергиванием священного писания — совершенно загрязнил несчастное христианство». Это сочинение, безусловно, самое несдержанное из всех сочинений Мюнцера. Он был озлоблен против Лютера и имел на это достаточно оснований, так как последний непрерывными оговорами его перед князьями саксонскими добился изгнания Мюнцера и его наборщика и продолжал преследовать его повсюду. Мюнцер и обвинял его в этом. В то же время он защищался в этой статье против сделанного ему Лютером упрека, что у него не хватает мужества открыто выступить с диспутом против Лютера и защищать свое учение. Лютер как-то раньше предложил Мюнцеру приехать к нему на дом в Виттенберг и там защищать свое учение. Конечно, Мюнцер не согласился на такое предложение и ответил: «Он готов перед всем народом защищать свое дело против Лютера, но не в его квартире в Виттенберге».

Лютер в письме к князьям саксонским таким образом обосновал свое обвинение Мюнцера в трусости: «Ваша княжеская милость, я предлагаю себя к вашим услугам. Если необходимо, то я открыто заявлю о результатах моего диспута в моей комнате с этим человеком, из чего ваша княжеская милость и весь мир увидят и поймут, что этот человек, безусловно, лживый, плохой чорт. Он не хочет отвечать в уголке двоим или троим. Что же это за человек, который боится двоих или троих и не выносит несогласного с ним общества? Я вам об'ясню. В моем монастыре в Виттенберге ему уже досталось раз или два от меня, он помнит это, его воротит от такого обеда, и ему не хочется выступать не перед своими единомышленниками, которые всегда согласны с его красноречивыми речами». На утверждение Лютера, что они будто бы встречались, Мюнцер в своей

защитительной речи отвечает следующее: «Поскольку ты утверждаешь, что справился со мной в диспуте, постольку ты говоришь неправду. Да, ты лжешь на свою собственную голову. Я ведь не был у тебя уже 6 или 7 лет». Лютер, следовательно, писал неправду.

В упомянутом нюрнбергском послании Мюнцер набрасывается на Лютера с отборной руганью: он называет его честолюбивейшим и лживым книжником, надменным дураком, заучившимся мальчишкой, бесстыдным монахом, доктором Люгнером, доктором порока, льстивым виттенбергским плутом, виттенбергским папой, важным, надутым предательским драконом, Мартином-красной девицей, целомудренной вавилонской женой, главным канцлером чорта и т. д. Намекая на одно место в письме Лютера к саксонским князьям, где тот говорит о высылке Мюнцера, Мюнцер отвечает: «Лютер пишет: не нужно запрещать ему проповеди, но нужно следить, чтобы у альтштедтского привидения были связаны руки. Меня удивляет, что бесстыдный монах, упивающийся мальвазией и роскошествующий, как блудница, терпит такие нападки с моей стороны. Они не препятствуют мне говорить проповеди, но запрещают мне писать для печати».

«Ты знаешь, над кем ты можешь издеваться; бедные монахи, попы и купцы не могут защитить себя, поэтому тебе сподручно их ругать. Но безбожных правителей никому не подобает, по-твоему, осуждать, хотя бы они топтали Христа ногами... Нет! Ты должен ругать твоих князей в лицо, они скорее заслужили это, чем многие другие: разве они отказываются от процентов, или ослабляют свои притеснения? Но то, что ты напортишь, понося своих князей, ты можешь исправить,—ты, новый папа, подарив им монастыри и церкви; тогда они вновь будут довольны».

Лютер в своем письме хвалился также тем, что он открыто выступил против своих противников в Лейпциге, Аугсбурге и Вормсе и обвинял Мюнцера, говоря,

что он прячется в угол. На это последний ответил: «В конце ты рассказываешь, как ты выступал в Лейпциге против весьма опасного общества. Ты хочешь обмануть народ. Ты чувствовал себя прекрасно в Лейпциге: ведь ты выехал оттуда с терновым венцом и пил прекрасное вино у Мельхиора Лотера. Твое пребывание в Аугсбурге не представляло для тебя никакой опасности, оракул Штаупиц *) стоял около тебя и помогал тебе.

За то, что ты стоял в Вормсе против империи, благодари германское дворянство, которому ты так ловко намазал рот медом, так как оно полагало, что силой твоих проповедей ты наградишь их богемскими подарками, монастырями, которые ты теперь обещаешь князьям. Если бы ты заколебался в Вормсе, то дворянство скорее закололо бы тебя, чем выпустило,—это знает всякий». О пленении Лютера в Тюрингенском лесу курфюрстом саксонским Мюнцер выразился так: Ты посоветовал взять тебя в плен, а представился вполне невинным. Кто не постиг твоей хитрости, тот готов поклясться всеми святыми, что ты скромный Мартин. Спи сладко, милое мясо! Но я уже чую, какой ты запах будешь издавать в жареном виде, и во что превратится твое упрямство, когда гнев божий положит тебя на огонь в горшке или на сковородке, ибо дьявол будет есть тебя в твоем собственном соку. Ты, ослиное мясо, не скоро будешь готов для еды, и милостивый суд ждет того, кто сожрет тебя украдкой». Мюнцер разбирает в своем памфлете и учение Лютера: «Ты слеп и, слепой, хочешь быть руководителем мира, хочешь убедить бога, что с твоим гаденьким смирением

*) Намек на ученого Иоанна фон-Штаупица, главного викария августинского ордена и покровителя Лютера. Утверждали, что Штаупиц энергично поддерживал Лютера советами и указаниями и руководил им. Поэтому Мюнцер и называл Штаупица оракулом Лютера. Штаупиц умер в 1524 г. на службе у архиепископа Зальцбургского.

ты — бедный грешник и ядовитый червячок. До этого ты дошел своим взбалмошным умом, основываясь на Августине, поистине позорное отношение к свободной воле, наглое презрение к людям. Своей ложной верой ты смутил все христианство и не можешь руководить им, когда это необходимо. Поэтому ты лицемеришь теперь с князьями. Ты думаешь, что все благополучно, раз ты добился такой известности?..» В конце написано: «О, доктор лжи, ты, предательская лиса, ты своей ложью опечалил сердца праведников, которых сам господь не опечалил, и укрепил безбожных злодеев и дал им силу остаться на своей старой дороге. Поэтому с тобой произойдет то же, что с пойманной лисой. Народ освободится, и бог будет один властвовать над ним».

В этом сочинении Мюнцер весьма правильно и очень ясно вскрыл положение, занятое Лютером по отношению к князьям и дворянству; его двуличное поведение по отношению к народу он обрисовал правильнее, чем это делают многие из наших современных историков. Это сочинение, несомненно, было неудобно не только для Лютера, но и для всех его друзей, многие из которых заседали в совете города Нюрнберга или находились в числе местного бюргерства; то были люди влиятельные. Совет Нюрнберга поспешил конфисковать сочинение, захватил почти все экземпляры, за исключением немногих, которые проскользнули у него между рук и попали в публику. Кроме того, он посадил в темницу наборщика Мюнцера, самого же Мюнцера изгнал из города вместе с его сторонником Генрихом Швердфишем (под этим именем там, наверное, скрывался Пфейфер) и Мартином Рейхардом, проповедником, изгнанным Лютером из Иены, который незадолго до этого прибыл в город вместе с женой и ребенком.

Из Нюрнберга Мюнцер отправился к верховьям Рейна; он был в Базеле, где открыто выступал с своими проповедями; в Клетгау, где остановился на несколько

недель в селе Гризен, в Гегау, в маркграфстве Штюлинген, в Цюрихской области и Эльзасе; об'ехал Шварцвальд и верхнюю Швабию, заводя всюду связи и раздувая искру восстания. Мюнцер пробыл в верхней Германии до трех месяцев. С временем его пребывания там совпадают первые известия о Двенадцати статьях, составителем которых он считался долго, но совершенно неправильно. На обратном пути в Мюльгаузен его схватили в Фульдской области вместе со многими из крестьян, среди которых он вел пропаганду, и посадили в крепость города Фульды. Но вскоре опять выпустили, так как не могли установить, что это он. Прибыв обратно в Мюльгаузен, куда еще раньше возвратился Пфейфер, он был принят своими сторонниками очень радушно. Настроение стало благоприятно, и он со свежими силами вместе с Пфейфером принялся за дело, за которым мы его впоследствии опять встретим.

* * *

Крестьянской революции предшествовало движение, которое мы в заголовке этой главы назвали Гуттен-Зиккингенским бунтом; это движение с полным правом можно считать дворянской революцией. Средневековое общество таило в себе столь различные, строго обособленные, сословные интересы, что не приходится удивляться, если каждое сословие пыталось использовать в своих интересах революционное движение, охватившее страну в первую четверть XVI столетия. После того как разрозненные крестьянские восстания были подавлены до начала Реформации, низшее дворянство, впервые после появления Лютера, выступило на авансцену и, подняв восстание против князей, последовало примеру швабских и верхнегерманских крестьян, несколько лет тому назад возмутившихся против дворянства, духовенства и князей. Такой поступок со стороны крестьян оно считало за оскорбление величества и за государственную измену и энер-

гично содействовало кровавому подавлению крестьянского бунта; на свое же собственное восстание оно смотрело как на прекрасный героический поступок. Каждый класс считает благородным и прекрасным то, что приносит ему пользу.

Положение, которое занимало в Германии низшее дворянство во время Реформации, уже было обрисовано раньше. Могущество территориальных князей, светских и духовных, подорвало его силу: его авторитет и его влияние падали все глубже и глубже. Но могущество князей одновременно ослабило власть государства и низвело последнее на степень пустой формы. Если дворянство хотело восстановить свое прежнее положение, то оно могло это сделать только восстановив сильную имперскую власть. Для достижения последнего требовалось устранение князей. Задача была не из легких и вряд ли достижима даже в союзе с имперской властью, которая сама владела в то время громадными княжескими имениями и находилась в руках могущественнейшего княжеского дома.

Императорами с момента основания государства почти всегда избирались члены могущественнейших княжеских фамилий, которые по большей части усматривали свою главную задачу в том, чтобы воспользоваться императорской властью для усиления могущества своего дома. Главная причина подобного стремления заключалась в факте избрания императора. Так как ни у кого не было уверенности, что его потомки наследуют императорскую корону, то понятно, что интересы дома у всех преобладали над интересами империи. Отсюда ясно, что ни один император не стал бы содействовать ослаблению или даже уничтожению князей в интересах имперской власти, раз к нему не переходила в наследственное владение императорская корона. В последнем случае Германия должна была бы превратиться в государство, подобное Фран-

ции и Англии, т.-е. в единую централизованную монархию во главе с единым властителем. Основание же наследственной монархии не совпадало с желаниями и интересами дворянства, потому что тогда императоры или короли очень скоро поставили бы дворянство в такую же зависимость от себя, в какой последнее находилось по отношению к князьям. Полная независимость и равенство всех членов сословия, т.-е. дворянская республика,—вот каков был идеал дворянства. Император должен был быть орудием в руках дворянства.

У дворянства нехватало сил для такого шага; ему приходилось подумать о союзниках. В союзниках нуждались и города. Но между городами и дворянством лежали многие столетия споров и междоусобиц. Дворянство являлось истинным представителем феодального принципа; жизнь городов покоилась на принципе свободного бюргерского развития. Это были противоположности, взаимно исключавшие друг друга. Одно сословие защищало реакцию, другое — прогресс; положение дел исключало возможность какого-либо соглашения. Но когда началась Реформация, то стало казаться, что между этими сословиями все-таки возможны договор и совместная деятельность. Дворянство и бюргерство были одинаково заинтересованы в борьбе против духовенства, перед ними стояла одна и та же цель — уничтожить влияние папы в Германии и подорвать могущество и влияние поповского сословия. Дворянство зарилось на богатства духовенства; бюргерство стремилось не платить ему больше податей, низвергнуть его как господствующее сословие и уничтожить праздную монастырскую жизнь. Подобно дворянству, интересам городов отвечала единая имперская власть, так как самым страстным стремлением князей являлось желание подчинить себе города. Но, с другой стороны, городам нельзя было допустить усиления дворянства путем создания новой политической

организации: дворянство тотчас же воспользовалось бы своей силой для ослабления городов. Дворянство ненавидело города; последние прекрасно знали это, так как испытали на себе дворянскую ненависть. Таковы были непримиримые контрасты, и течение дворянской революции против князей показывает, что она погибла от такой противоположности интересов.

Человек, которого нужно считать духовным носителем стремлений дворянства в идеальном смысле этого слова, который горячо и искренне работал над примирением обоих сословий — дворянства и бюргерства, и с гениальной находчивостью пытался довести до благополучного конца дворянское движение,— этот человек был Ульрих фон-Гуттен. Гуттен происходил из богатого и знатного дворянского рода Франконии, находившегося в непосредственной зависимости от имперской власти. Предназначенный своим отцом в духовное сословие, он бежал в 1504 г. 16-летним юношей из монастыря, чем и спасся от ненавистной ему духовной карьеры. Такой поступок заставил отца отречься от Ульриха. В течение многих лет юноша странствовал по всей Германии, жил к Кёльне, затем в Эрфурте, Готе, Вене, а в 1511 г. отправился в Италию. И хотя он и вел в высшей степени легкомысленный, чтобы не сказать — гениально-беспутный образ жизни, вследствие чего и заразился опасной болезнью, он, несмотря на это, с громадным рвением накинулся на изучение гуманистов. Еще до Лютера в горячем памфлете он протестовал против отпущения грехов и взяточничества при папском дворе. Выступлению Лютера в 1517 г. он не придал вначале большого значения и считал его спор с церковью за обыкновенные поповские дрязги, которые легко и полюбовно улаживаются. Но уже в следующем году он изменил свое мнение и на сейме в Аугсбурге в 1518 г. открыто перешел на сторону Лютера; выступлению Лютера он придавал большое значение для политического переворота, с идеей которого

сам носился. В следующем, 1519 г. умер его отец; к нему переходило отцовское наследство, но он отказался от него, чтобы, оставшись свободным человеком, всецело посвятить себя своим планам политической реформы. В том же самом году он принял участие в походе Швабского союза и нескольких других князей и властителей против герцога Ульриха Вюртембергского, который несколько лет тому назад предательски под ничтожным предлогом,—будто бы его жена изменила ему с братом Гуттена,—убил брата Гуттена. Во время этого похода он познакомился с Францем фон-Зикингеном, в котором Гуттен, как ему казалось, нашел прекрасного военного руководителя и борца за свои планы. Зикинген был рыцарь настоящего старинного закала; отважный и смелый, он выделялся как прекрасный полководец; своей храбростью и своими талантами военачальника он прославился на всю Германию; его боялись; он был полководцем на службе у императора. Гуттен и Зикинген быстро поняли друг друга. Гуттен поселился в Эбернбурге, близ Крейцнаха, в резиденции Зикингена; здесь возникли у него планы реорганизации государства и восстановления дворянского могущества. Там была устроена печатня, орудийный и пороховой заводы— три учреждения, без которых не приходилось думать об осуществлении указанных планов.

Программа Ульриха фон-Гуттен заключалась в следующем: единое германское государство во главе с императором; уничтожение господства князей и духовенства; конфискация духовных имений; отделение церкви от Рима и основание германской национальной церкви; устранение римского права. Дворянство должно, как и в старину, находиться только в непосредственной зависимости от императорской власти, считаться основной ее опорой и представителем национального могущества. Одного из числа представителей дворянства необходимо избрать и поставить во главе империи;

таким человеком мог быть и должен был быть только Франц фон-Зикинген.

Последний пункт, безусловно, возник не с самого начала; его пришлось внести, когда выяснилось, что император Карл V не имеет ни малейшего желания выступить защитником какой-либо реформы как в церковной, так и в политической области. План не был опубликован, его знали только самые близкие люди, и они имели много оснований хранить его в тайне. Опубликование плана, безусловно, повело бы за собой как со стороны городов, так и со стороны крестьян, на которых в конце концов дворянство все-таки рассчитывало, враждебное отношение ко всему предприятию, так как Зикинген со многими своими товарищами-дворянами еще несколько лет тому назад пользовался кулачным правом, вопреки провозглашению вечного внутреннего мира и вопреки постановлению Швабского союза. Несмотря на всю его популярность как полководца, он не мог быть желанным императором для бюргерства и крестьян.

Низшее дворянство сумело в полной тайне сорганизоваться в громадный союз, почти достигший Богемии и признававший Зикингена своим главой. Между тем Ульрих фон-Гуттен наводнял страну из Эбернбурга брошюрами, в которых развивал свои планы и планы своих друзей. Он прекрасно использовал ненависть к церковным порядкам, которая давно уже охватила все его существо; у него не было недостатка в ярких красках, когда приходилось касаться печального положения Германии, ее бессилия, ее распада. Ему казалось очень важным получить одобрение Лютера. В 1520 г. он впервые написал ему письмо, в котором ободрял его и обратился к нему с таким призывом: «Будем бороться за общую свободу, освободим угнетенную родину!»

Партии и классы, добивающиеся господства, всегда утверждают, что их интересы олицетворяют интересы

всего народа, что их требования есть требования всего народа. Такой же характер носили заявления Гуттена и его друзей. В то время как они правдиво рисовали хозяйничанье духовенства, гнет князей и полный распад империи, они не касались вопроса об уничтожении крепостного права и совершенно не выясняли, какое положение займет в будущей республике бюргерство. Последнему не приходилось надеяться на улучшение своего положения при помощи дворянства; крестьяне же хорошо понимали, что в случае удачи дворянского предприятия они только получат новых господ. И как хорошо ни были составлены брошюры Гуттена, они не пробудили сочувствия к начинаниям дворянства среди других сословий. На сейме в Вормсе в 1521 г., когда враги Лютера носились с планом тотчас же после об'явления имперской опалы захватить его и лишить его возможности вредить им, Гуттен велел прибить на стене заявление, которое гласило, что 400 рыцарей и 8000 крестьян поклялись защищать Лютера, и заканчивалось грозным по своему содержанию возгласом: «Союз лаптя, союз лаптя, союз лаптя!». Как раз на этот факт и указывал Мюнцер в своей «защитительной речи» против Лютера. Пустая угроза возымела свое действие.

В следующем году Гуттен издал памфлет под заглавием «Новый Карстганс» *), с прибавлением символа веры, «придерживаться которого беспрекословно поклялись дворянин Гельфрих, рыцарь Гейнц и Карстганс, сотоварищи».

Этот памфлет изображал весьма популярно и в горячих выражениях гнет князей и попов по отношению к крестьянам и должен был склонить последних к союзу с низшим дворянством. Он не достиг своей цели. Крестьянину нравились нападки на князей и

*) Карстганс (Иван-Мотыга) — одна из кличек крестьянина. *Прим. пер.*

попов, он наслаждался ими, но он слишком хорошо знал, что дворянство ничем не отличается от первых двух. Между тем, многих дворян отпугнул такой призыв к крестьянам: их мучила мысль, что они дают крестьянам пример восстания, которому крестьяне могут последовать, поднявшись уже против них самих. Гуттен пытался и в Лютере найти защитника дворянского дела, но Лютер отверг все предложения и поручил Меланхтону составить письменный отказ от имени их обоих. В августе 1522 г. дворяне, посвященные в дела союза, собрались в Ландау и подписали союзный договор. Они решили начать поход против архиепископа Трирского, надеясь таким путем обмануть светских князей и придать всей предстоявшей борьбе характер борьбы, направленной исключительно против духовных князей. Лютера удалось обмануть такой уловкой; он, еще недавно ничего не желавший знать об этом движении, очень обрадовался, когда увидел, что первый удар направлен против одного из его смертельных врагов. С каким призывом он обратился тогда к народу, мы уже знаем.

Воспользовавшись каким-то ничтожным поводом, Франц фон-Зикинген, по обычаю рыцарей-разбойников, послал письмо с об'явлением войны князю и архиепископу Трирскому и затем, в начале сентября 1522 г., вторгся в область архиепископа с 5000 пехоты, 1500 человек конницы и большим количеством орудий. Город Вендель был взят штурмом. 7 сентября Зикинген появился перед Триром. Он рассчитывал на содействие части городского населения и надеялся воодушевить свои войска и привязать их к себе, пообещав разделить между ними богатства монастыря святого Максима; но архиепископ предугадал его планы и сжег указанный монастырь. Затем архиепископ быстро занял со своей конницей город Трир. Его наемники разместились на городских стенах и башнях, готовые защищать город от нападения; присутствие наемников сдержи-

вало сторонников Зикингена, проживавших в городе, от активных действий. Зикингену пришлось приступить к осаде города, что совсем не входило в его планы.

Затем выяснилось также, что и князья прекрасно понимали характер движения. Уже 8 сентября баварский канцлер Эк писал своему герцогу: «Зикинген поднимет народное восстание. Ежедневно поступают известия, что дело пахнет союзом лаптя. Если это действительно так и если простолюдины победят, то прежде всего достанется князьям рейнским, затем остальным князьям, потом низшему дворянству».

Едва распространился слух о поступке Зикингена, как князья поднялись. Архиепископ кёльнский не дал возможности дворянству нижнего Рейна отправиться на помощь Зикингену; ландграф Гессенский произвел нападение на отряд брауншвейгских рыцарей и их конных наемников, захватил в плен предводителей и убедил наемников поступить к нему на службу. Курфюрст же Пфальцский, бывший друг и покровитель Зикингена, выступил против него с большим войском. Зикинген принужден был отступить перед таким превосходством сил; он попытался занять Кайзерслаутерн, но когда это не удалось, распустил большую часть своего войска и заперся в своих замках. Тогда союзные князья, располагавшие войском более чем в 30000 человек, двинулись прежде всего против его союзников и взяли их замки. Архиепископу Майнцскому, который из ненависти против архиепископа Трирского оказал Зикингену поддержку, пришлось заплатить контрибуцию в размере 25000 гульденов.

Неудачное начало всего предприятия запугало союзное рыцарство Франконии, Тюрингии и Швабии. Большинство сочло благоразумным не поднимать восстания, а спокойно сидеть по своим замкам. 8 октября Зикинген был об'явлен в имперской опале; в апреле следующего года князья подступили с своим войском к его замку Ландштуль в Пфальце, который он хорошо

укрепил и в котором он надеялся продержаться до прибытия с помощью Гуттена, поспешившего в верхнюю Швабию и Швейцарию. Началась осада, стены оказали плохое сопротивление тяжелым орудиям князей. Зикинген был смертельно ранен: снаряд разрушил укрепление, на которое он опирался, и отбросил его на заостренную балку. 7 мая он был принужден сдать Ландштуль. Когда князья вступили в его комнату, он лежал на смертном одре и умер несколько мгновений спустя. Характерно для ландграфа Гессенского, впоследствии главного защитника протестантизма, что у него хватило бесстыдства обратиться к умирающему с вопросом: «Где спрятал ты свои богатства?» Он получил подобающий ответ.

Ульрих фон-Гуттен, жалкий и разбитый, мучимый своей болезнью, бродил в Швейцарии из одного места в другое, пока не умер несколько месяцев спустя, 35 лет, на острове Уфнау на Цюрихском озере. Все его наследство заключалось в одном пере.

Таким образом разбилась попытка дворянства перестроить империю на новых основах, соответствовавших их интересам. Но дворянству недолго пришлось горевать о своем поражении, так как все грознее и грознее становились признаки бури, которая ставила вопрос о всем его существовании, и, чтобы избежать полного уничтожения, дворянству пришлось вступить в тесный союз с теми, кого оно только что пыталось низвергнуть.

V

Возникновение и течение крестьянской войны

Особенность всякого революционного движения заключается в том, что, раньше чем дело доходит до могучего взрыва, проявляется всеобщее духовное возбуждение, захватывающее в революционных слоях всякого и возвышающее его до известной степени над самим собой. Отсюда происходит, что в каждой революции внезапно, как из-под земли, вырастает масса

выдающихся сил и даровитых деятелей, о которых раньше никто и не подозревал. Причина этого та, что цепи, которые до тех пор под гнетом повседневной будничной жизни сковывали умы, внезапно разрываются, и всякие соображения, раньше мешавшие и связывавшие, отбрасываются в сторону. Человек развертывается во всем величии своих способностей, вдохновение осеняет его, и он борется бодро и неустрашимо против всякой силы, которая ему противостоит, имея перед глазами только свою идеальную цель. Ничто ему не кажется слишком трудным, ничто — невозможным; все трезвые выкладки, которые так тщательно некогда взвешивались им для достижения высокой цели, кажутся ему мелочными и недостойными; смело дерзать и выиграть все, либо все потерять — лишь это он находит достойным себя. Такой высокий полет лучших умов не остается без влияния и на людей холодных и бесстрастных, на людей, погрязших в борьбе за повседневные нужды; они подхватываются и увлекаются водоворотом движения, в котором решается судьба целой эпохи.

Совершенно противоположно поведение тех, против которых движение направлено. Высокомерные и заносчивые, они подавляли посредством грубой силы с злобными насмешками и издевательствами даже самое ничтожное выступление, предпринимавшееся против них; они отклоняли малейшие уступки и подавляли в себе всякую искру справедливости и сочувствия; теперь же они стоят, как окаменелые, совершенно потеряв голову при приближении вызванной ими грозы. Высокомерие уступает место трусости, прежнее вызывающее поведение — пресмыкательству, грубость — покорности и раболепству. Покорно переносят они все и, жалкие и презренные, своим ничтожеством обезоруживают народ, который думал, что борется с мужественным врагом, а нашел жалких трусов, умоляющих о пощаде и милосердии. Всегда доверчивый, добродушный и благородный

народ прощает их, заменяет правосудие милостью и думает, что оказываемым великодушием он примирит с собою своих смертельных недругов и расположит их в пользу своих стремлений. Но покорность и пресмыкательство его врагов были только кажущимися и предательскими. Кипя от злобы, способные на всякую подлость, они ждут лишь того момента, когда активность народа будет парализована или когда он, не привыкший руководить собой, совершит какую-либо ошибку, чтобы ловко воспользоваться ею на его пагубу. Все в союзе против народа, хитрые и коварные, опытные во всяких кознях и не останавливающиеся ни перед какими бессовестными приемами, они пользуются всякой его слабостью, чтобы в известный момент его предать, поработить себе опять, наложить на него старое ярмо и тогда уже с изысканной жестокостью отомстить за свое минутное поражение.

Картину эту как в хорошем, так и в дурном смысле, представляют нам также и крестьянские войны. Духовное возбуждение, охватившее с появлением Лютера все слои нации до глубоких низов, было таково, подобного которому Германия еще никогда не видела, а с тех пор видела один только раз, в 1848 г. Как буря раздувает пламя и перебрасывает его с места на место, так внезапно прорвалось и вспыхнуло таившееся десятилетиями народное недовольство и брожение. Все классы и слои общества были вовлечены в движение, и каждый старался использовать это движение по-своему и в своих интересах. Впереди всех были так долго угнетаемые и порабощенные низшие слои народа, крестьяне и бедные городские жители, которые теперь восстали, чтобы завоевать себе человеческие права.

Отсталость эпохи была причиной того, что как революционное движение крестьян и городской бедноты, так и реформаторское движение буржуазии выступило под религиозным покровом. Некультурность и невежество, естественные последствия той эпохи, были

так велики, что даже самые просвещенные люди того времени не могли отделаться от религии и не осмелились бы на то. Требовать свободы и равенства во имя природы разума — подобная идея была совершенно чужда той эпохе; она получила свое выражение только через 265 лет при Великой французской революции. Государственные и общественные учреждения защищались религиозными учениями, религия считалась самым высоким в мире, она пользовалась безусловным авторитетом; и было, следовательно, необходимо всякую реформу, как и революцию, производить во имя религии и религией ее оправдать. Этим об'ясняется, почему Мюнцер так ревностно защищал свои социальные и политические требования цитатами из Библии, и что все, которые, как и он, выступали за дело угнетенного народа, были духовными лицами или выступали как таковые. При этом оказалось необходимым противопоставить учению Нового завета, рассчитанному на молчаливое терпение и рабское послушание, в частности учению апост. Павла,— проповеди пророков Ветхого завета, пылающие мщением, призывающие к кровавой борьбе, беспощадному истреблению врагов и угнетателей. Лютер, признавший равноценными, одинаковым словом божиим оба завета, столь противоречивые по своим тенденциям, расставил сам себе сети, в которые и попался. На каждую цитату из Библии, которую Лютер приводил против революционеров, они имели возможность привести две цитаты в свою пользу. В конце концов, совершенно естественно было, что при полном незнакомстве с законами экономического и общественного развития и открывшемся широком просторе для воображения рисовали себе христианские мистически-фантастические узоры будущего общественного строя, образцом для которого служило откровение Иоанна. Как можно было в то время требовать большего в Германии, когда в гораздо более развитой тогда социально и политически Англии, в самом фокусе этой

страны, в Лондоне, такой глубоко образованный человек, как лорд канцлер Томас Моор, нарисовал план будущего общественного устройства, который он же не мог охарактеризовать иначе как «Утопия».

Лютер, как это уже было указано, действовал помимо своей воли еще и в другом отношении на-руку революционерам. Его поповская нетерпимость и претензии на папскую непогрешимость привели к обострению его отношений с друзьями и заставили их уйти в противный лагерь. Ученики Лютера, которые дальше развили его взгляды, как, например, Карльштадт, дошли до насильственного уничтожения статуй и икон, присутствие которых в церкви они находили противоречащим евангельскому учению. Лютер был возмущен, и дело дошло до враждебных столкновений и окончательного разрыва.

Между прочим следует заметить, что и новейшие писатели сильно нападают на эти разрушения и отмечают их как варварство и поношение искусства. Мы не можем согласиться с ними в этих осуждениях. Произведенные разрушения, по обыкновению историков из господствующих классов всех времен, были сильно преувеличены; для угнетенных же, как общее правило, защитников не находится. Искусство в то время, по крайней мере поскольку речь идет о живописи, было еще очень мало развито. Живопись достигла расцвета только в эпоху Реформации, благодаря таким мастерам, как Альбрехт Дюрер, Гольбейн, Лука Кранах и другие. Не одобряя, конечно, произведенных разрушений, которые явились, однако, неизбежным следствием невежества, в котором господа держали народные массы, и результатом системы бесчеловечной эксплоатации и угнетения, вызвавшей месть и ярость народа, следует все-таки признать, что искусство при этом не слишком пострадало. Если и было уничтожено несколько дюжин или даже сотен тех безобразных изображений Христа, святых и кающихся монахов и

монахинь, которые и теперь еще так часто встречаются в музеях, где они едва на минуту останавливают на себе взор посетителя и большей частью производят отталкивающее впечатление, то мы не видим особенной причины для огорчения.

Не следует также забывать, что ярые приверженцы реформации и новых идей видели в церковных картинах символ позора и угнетения, как парижские коммунары наших дней в Вандомской колонне. Революции не совершаются посредством розового масла и духов лаванды; и партии, борющиеся за свое существование, не отличаются пиететом.

Всякая новая эпоха борется против старых богов, но никогда еще искусство и культура не терпели такого ущерба, как в эпоху возникновения христианства. Это не мешало бы помнить тем, которые так охотно болтают о «христианской» культуре и просвещении.

Не только в религиозных вопросах многие из духовенства пошли дальше Лютера, но значительная часть их не была согласна с положением, занятым им по отношению к политическому движению. Но Лютер не терпел никаких различий во мнениях и никаких противоречий. Он боролся с теми, которые ему не подчинялись, с таким же ожесточением и нетерпимостью, как римская церковь против иноверцев. Много священников лишилось должности и хлеба. Часто, нищие, без гроша в кармане, они брались за посох и, иногда сопровождаемые женами и детьми, бродили, проповедуя, по Франконии, Швабии, Зальцбургу, Боденскому озеру, Тиролю, Швейцарии, верхнему Рейну и Эльзасу. Все эти области были в период от 1522 до 1525 г. пройдены по всем направлениям кочующими проповедниками, проповедывавшими новое евангелие и сеявшими в умах учение о свободе и возмущении всех угнетенных.

Другим чрезвычайно важным элементом революционного движения были анабаптистские предиканты. Предикантами они назывались потому, что не были

профессиональными проповедниками. То были большей частью ремесленники, отчасти крестьяне, по собственному стремлению научившиеся читать, ознакомившиеся с Библией и современными писаниями; побуждаемые вдохновением, они кочевали с места на место, воодушевляя и увлекая массы своим внутренним духовным пылом. Вышедшие из низших слоев народа, знакомые с его страданиями по собственному опыту, разделявшие его чувства и говорившие с ним на его языке, они являлись особенно ценными орудиями революции. Мюнцер привлек их к себе, потому что он понял их ценность.

Агитация и устройство собраний были в ту пору во многих отношениях легче, чем теперь. Когда проповедник или предикант являлся в какое-нибудь место, где он хотел говорить, он становился на первый попавшийся камень, на каменную скамью у какого-либо дома или под липой и звал всех прохожих слушать его. Весть об этом разносилась быстро, как огонь, и стар и млад, мужчины и женщины стекались отовсюду, чтобы послушать проповедника. Разрешения полиции, полицейский надзор, воспрещение женщинам и малолетним присутствовать на собраниях — все эти меры были тогда неизвестны: все это изобретения более культурного времени.

Собрав круг своих слушателей, предикант со сверкающими глазами и оживленными жестами начинал излагать свое учение в огненных, проникающих в душу словах. Он не щадил резких и сильных выражений, и бедный, прозябающий в голоде и нужде народ напряженно слушал и жадно глотал предсказания о лучших временах. Воодушевленные возвращались они в свои убогие жилища, готовые бороться за свое освобождение, когда настанет подходящий момент. Не проходило ни одного воскресного или праздничного дня, чтобы проповедники не собирали вокруг себя тысячи народа, которые их слушали. Многие, которые раньше придер-

живались учения Лютера, перешли теперь в их лагерь. После одной такой проповеди в С.-Галлене, крестьянин, обращаясь к другому, сказал: «Вот, вот, это настоящее евангелие. Смотри, как старые попы лгали и фальшиво проповедывали; следовало бы убить всех тех негодяев, которые нас так обманывали и надували».

Дух возмущения проникал все дальше. Со всех концов приходили известия о брожении среди крестьян, о том, что они отказываются платить старые подати, десятину и исполнять повинности. Главным образом в южной и средней Германии и до Рейна мятежное брожение стало принимать весьма серьезные и опасные для господ размеры. Восток Германии, по ту сторону Эльбы, так же, как и север, был только слегка затронут. Восток находился еще в глубоком невежестве, города были очень редки, а дворянство слишком сильно. Земля, отвоеванная еще немного столетий перед тем у славянских племен, значительно отстала в своем экономическом развитии. На севере же Германии сохранилось еще много свободных крестьянских общин, у которых было меньше основания для борьбы, либо же население было так редко и рассеяно по широким и местами совершенно бесплодным равнинам, что не было никакой возможности действовать сообща против могущественного дворянства. Гарц и Брауншвейг образовали северную, а Эльба — восточную границу движения. Даже в монастыри местами проник дух недовольства... Не все монахи и монахини находили удовольствие в созерцательной жизни, и, по мере того как симпатии населения к старой церкви падали, участились случаи бегства монахов и монахинь от своего начальства, которые нередко заканчивались браком.

Восстание в Мюльгаузене, о котором мы говорили при описании жизни Мюнцера, было первой серьезной прелюдией нового движения. Примеру Мюльгаузена последовала часть Франконии. В мае 1524 г., еще раньше чем Мюнцер приехал в Нюрнберг, в принадле-

жащем епископу Бамбергскому городе Форхгейме произошло восстание в день праздника тела христова. Жители овладели магистратом, жена и дети бежавшего старшины были задержаны в качестве заложников и призваны на помощь окрестные крестьяне. 500 вооруженных с двумя знаменами явились на помощь горожанам. Крестьяне и бюргеры были единодушны в своих требованиях. Вода, леса и дичь должны быть свободны для общего пользования, епископ вместо десятины получает каждый тридцатый сноп, а каноники — ничего. Крестьяне Нюрнбергской и других областей также пришли в брожение. Маркграф Казимир фон-Аншпах из Гогенцоллернского дома, с которым нам еще часто придется встречаться, собрал небольшое войско, чтобы рассеять крестьян. Раньше еще, чем дело дошло до открытого столкновения, крестьяне разошлись. Были получены секретные указания, что время еще не настало для взрыва, и они не чувствовали себя пока достаточно сильными для борьбы с маркграфом. Нюрнбергскому магистрату удалось угрозами и увещаниями успокоить крестьян, но два городских жителя, пытавшихся поднять восстание также и в городе, были 5 июля казнены.

Эти первые опыты восстания нагнали такой страх на господ города Франконии, что они на июльском конгрессе в Китцингене заключили между собой тесный союз.

Форхгеймское движение было только с виду подавлено; мятежный дух остался и стал проявляться очень осязательно. Епископ Бамбергский принужден был назначить премию в 50 флоринов за указание каждого крестьянина, который мог бы быть уличен в поджоге, так как ночью был подожжен целый ряд его амбаров, в которых собиралась десятина. В Нюрнберге, как и в Бамберге, была в поле сожжена десятина духовных и светских владельцев, а поджигатели, несмотря на все принятые меры, не были открыты. Насилия

производились также в верхней Швабии, в Шварцвальде и Альгау. Крестьяне мархтальского аббата отказались платить подати и исполнять конную барщину; подданные богатого аббатства Стен-Блазиен в Шварцвальде об'явили всякие крепостные обязанности упраздненными; население местечка Штейнгем, как заявил бургомистр Меллингейский на собрании городских представителей в Ульме, отказалось платить как большую, так и малую десятину.

В провинции Штюлинген, у Боденского озера, дело обстояло еще серьезнее. Там была жива память о Фрице, и дух его обитал среди населения. В день Иоанна Крестителя восстали крестьяне Штюлингенской провинции и значительное число деревень других владельцев и отказались выполнять барщинные обязанности, платить пошлину в случае смерти и нести охотничьи и ленные повинности. В течение нескольких дней под оружием собралось до 600 человек. Начальником своим они избрали Ганса Мюллера из Бульгенбаха, который был знаком с военным искусством и принимал участие в нескольких походах; своим знаменем они избрали флаг черно-красно-желтого цвета.

В день храмового праздника Вальдсгутской церкви, 24 августа 1524 г. крестьяне в количестве 1200 человек, под начальством Ганса Мюллера из Бульгенбаха, направились в Вальдсгут, который вел тогда спор с австрийскими владетелями из-за своего проповедника Губмейера. Губмейер еще раньше примкнул к реформации; ко времени появления Лютера он состоял пастором в Регенсбурге, где, однако, симпатией не пользовался. Он направился в Вальдсгут. Его выступление там создало ему всеобщее уважение и привлекло многих друзей; он вступил в дружбу с Цвингли, который руководил тогда реформацией в Швейцарии, в Цюрихе. Зато тем враждебнее выступили против него австрийские власти в Энзисгейме. Летом 1524 г. они потребовали его выдачи. Губмейер бежал в Шафгаузен. Правительство

выступило тогда с угрозами и репрессиями против народа и запретило новое учение, в котором усматривало зародыш всех беспорядков. Результатом этого явилось то, что город стал склоняться на сторону крестьян и в упомянутый день храмового праздника заключил с ними союз, который они назвали Евангелическим братством. Союз отправил тайных послов в Брейсгау, Гегау, Швабию, Эльзас и вниз по Рейну до Мозеля, во Франконию и Тюрингию с извещением: «Они больше не желают повиноваться своим владельцам, не признают над собой никакого господина, кроме императора, которому они будут вносить его налоги, но он не должен им мешать; они хотят разрушить все церкви и монастыри и все то, что носит церковное название».

Австрийское правительство преследовало новое учение с особенной яростью. В числе многих других был выслан также проповедник города Кинцингена—Отто. Многие жители провожали его далеко за город; когда они возвращались домой, дорога оказалась оцепленной, а город окружен войсками; они переправились через Рейн на судах в Страсбург. Войско вступило в город и арестовало наиболее подозрительных. Городской писарь и пятнадцать других жителей были казнены. Подобное средство не могло успокоить возбуждения.

В то время как благородные господа из Шварцвальда предприняли строгое расследование о злоумышленниках, которые, по их мнению, взбунтовали против них крестьян, австрийские власти в Энзисгейме делали приготовления, чтобы наказать мятежный Вальдсгут. Цюрих и Шафгаузен напрасно старались установить мир; в результате 300 цюрихских жителей на собственный страх отправились на помощь Вальдсгуту. Одновременно Губмейер вернулся из Шафгаузена в Вальдсгут и был встречен с большим ликованием. К тому же времени Мюнцер также прибыл в те края из путешествия по верхней Германии, вступил в сношения с Губмейером и другими главарями движения. В Клеттгау также

стало неспокойно, но крестьяне не могли решиться там на восстание против своего владельца, графа фон-Зульца. Они обратились за посредничеством в Цюрих и тем удалось пока установить мир.

Все разраставшиеся беспорядки заставили князей-владельцев и города Швабского союза задуматься над принятием предупредительных мер; состоялось несколько собраний союзного совета, и было решено немедленно оказать, в случае надобности, помощь тем владетельным особам, которым будет угрожать опасность со стороны их подданных.

Граф фон-Люпфен, крестьяне которого принимали особенно видное участие в походе на Вальдсгут, обратился к своему сюзерену, эрцгерцогу Фердинанду Австрийскому за помощью. Последний предложил крестьянам представить и обсудить их жалобы в комиссию в Рудольфцелле. Комиссия состояла исключительно из дворян и врагов крестьян; приглашение поэтому осталось приглашением, а крестьяне продолжали оставаться вооруженными. Помещики старались новыми предложениями о посредничестве удержать крестьян, чтобы выиграть время для снаряжения, но те не обращали на это внимания и продолжали свои домогательства. Они покинули Вальдсгут, достигли 1 октября через Ленцкирх, Нейштадт и Урах Браунлингена. Через короткое время толпа увеличилась до 3500 человек, но большей частью была вооружена только вилами, косами и топорами. По этой причине, когда стало известно, что господа находятся в пути с 800 пеших ратников и 200 всадников, Ганс Мюллер с своей ватагой удалился в укрепленное и безопасное место. Масса крестьян удерживала господ от наступления; Шафгаузен, с своей стороны, энергично протестовал против всякой войны, так как у него по близости были большие владения, которые могли при этом пострадать. Возможность толкнуть Шафгаузен на сторону крестьян и позднее время года, не позволявшее распо-

ложиться лагерем в поле, заставили господ искать посредничества. Сошлись на том, что земский суд в Штокахе рассмотрит жалобы крестьян; крестьяне тем временем должны держаться спокойно, а господское войско будет отозвано. Когда последнее было сделано, крестьяне разошлись.

Волнения на Боденском озере и верхнем Рейне заразили также и швейцарских крестьян. Там тоже далеко не все обстояло как следует. Владельцы городов очень сильно угнетали крестьян, и когда в окрестных местностях началось восстание, швейцарские крестьяне также заявили, как выражается один старинный источник, что: «проценты, десятина и другие повинности упраздняются, и все должно быть общим». В Тюргау движение было особенно сильно, и жившие там монастырские владельцы находились в большом страхе. Швейцарский союз был страшно озлоблен против предикантов и издал строгие приказы об их задержании и привлечении к ответственности.

Многие общины заключили между собой оборонительно-наступательный союз. Когда ланфогт Амберг напал в ночь на 17 июля с войсками на пасторат в бурге у Штейна и арестовал проповедника Ганса Эксле, дело дошло до восстания. На крики пленного о помощи поспешили прибежать соседи, стали бить в набат в Штейне и выстрелами оповещать деревни; но было уже поздно, и, когда вооруженные люди подоспели ему на помощь, он был уже увезен во Фрауенфельд. Тем временем набат и выстрелы собрали 4000 крестьян, и они двинулись на ближайший картезианский монастырь Иллинген. Сломав ворота, они прогнали монахов, поделили меж собой одежду и церковную утварь, расхитили все запасы, а затем, разложив огонь из церковных книг, приготовили на нем рыбу и, угостившись монастырским вином, подожгли монастырь и удалились.

Узнав о происшествиях в монастыре, ландфогт из Фрауенберга велел в свою очередь созывать народ,

но крестьяне медленно собирались; зато дворяне очень охотно откликнулись на призыв. Вмешательство жителей Цюриха и Шафгаузена предупредило войну. Тем не менее, многие из вожаков, хотя они и противились поджогу монастыря, были арестованы и за участие в восстании казнены 24 сентября. Ганс Эксле был освобожден после того как с него было взято клятвенное обещание не мстить за понесенное оскорбление.

Большим преимуществом для крестьян являлось то, что в течение 1524 и первой четверти 1525 г. император Карл V вел ожесточенную войну с Франциском I французским в Италии; это не только мешало императору самому заботиться о положении дел в Германии, но и заставило наместника, эрцгерцога Фердинанда, все имевшиеся в его распоряжении войска и деньги отправлять в Италию. Осенью 1524 г. решалась судьба войны между обоими противниками, и необходимо было каждого свободного солдата направлять туда. Вся тактика эрцгерцога, как и дворян, сводилась к тому, чтобы удержать и успокоить крестьян. Трухзесу (стольнику) Георгу фон-Вальдбург, главнокомандующему Швабского союза, эрцгерцог писал: «Надо вести мирные переговоры с крестьянами, пока удастся собрать войско». Подобным же образом высказался несколько позднее баварский канцлер Эк в письме к своему господину: речь шла о назначении конвоя крестьянам, чтобы те спокойно могли прислать депутатов для ведения переговоров. «Если они на это пойдут, то мы этих негодяев задержим до прибытия наших войск. Тогда можно будет на них напасть и строго с ними разделаться». Он страшно возмущался также трусостью и малодушием дворян, что, впрочем, ему было легко, так как ему-то непосредственно крестьяне не угрожали. Он об этом, между прочим, пишет своему господину: «Дворяне— настоящие старые бабы, чуть не мертвые от страха в тех местах, где крестьяне восстали; они дрожат за свои дома,

и никто не хочет предпринять ничего решительного, пока не соберется союзное войско».

В Виллингенской области крестьяне также восстали в ноябре 1524 г. В окрестностях Тутлингена расположились лагерем 300 человек. Ганс Мюллер из Бульгенбаха стянул их к себе, чтобы совершить нападение на Виллинген и Гюфинген; с ним было до 6000 человек. Неприятель, которому был выдан этот план, предупредил его и осадил оба города; поэтому Ганс Мюллер распустил крестьян по домам, удержав возле себя только небольшую кучку ратников и крестьян.

В Гегау Трухзес Георг фон-Вальдбург вел переговоры с крестьянами, которых там собралось около тысячи. Он старался овладеть ими посредством хитрости, для чего на их глазах напал на деревню Мюльгаузен и угнал оттуда весь скот, надеясь выманить тем крестьян из занятой ими превосходной позиции, чтобы затем на них напасть. Крестьяне поняли его намерение и отступили, так как им угрожала опасность быть обойденными также и с другой стороны. Они разделились на две партии: одна отправилась домой, а другая в Гауенштейн, где они разграбили и опустошили монастыри св. Штрудперта и Сент-Блазиен и побудили гауенштейнцев к восстанию.

27 декабря в Штокахе должно было, наконец, состояться судебное разбирательство между крестьянами и господами. Когда прибыли представители крестьян, они увидели, что земский суд состоит исключительно из дворян. Они заявили против этого протест. Им указали, что суд составлен согласно закону. Тогда крестьяне потребовали назначить срок, чтобы ответить на доводы господ; требование их было удовлетворено, и был назначен день праздника трех волхвов в 1525 г. Когда крестьяне вторично явились в назначенный день, господ там не оказалось, почему первые и отказались от всяких переговоров. Решено было через месяц снова сойтись.

В январе 1525 г. Трухзесу удалось устроить соглашение между подданными города Виллингена и аббатства св. Георгия и их господами; попытки же его в том же направлении у жителей Гегау кончились неудачей. Последние не доверяли ему. Население Штюллингена, Баара и Клеттгау также не соглашалось ни на какое посредничество; они выработали 16 пунктов требований, которые должны были быть признаны владельцами.

В то время как в Штокахе был назначен новый срок для переговоров с крестьянами, эрцгерцог Фердинанд разослал своим местным комиссарам письма, в которых вполне обнаруживаются вся подлость и коварство господ: «Всадники должны совершать набеги на взбунтовавшихся, непокорных крестьян и подданных, брать их в плен, где только они будут застигнуты, под пыткой или иным образом допрашивать их, кто их начальники, представители и вожди, каковы силы и планы и против кого они намереваются действовать. После допроса же пленных следует заколоть, задушить или вообще строго наказать без всякой пощады. Прежде всего следует самым усердным образом разведать о коноводах, а именно вождях, вестниках, знаменщиках и других предводителях крестьян, выследить их главное местопребывание и ночью напасть на них, вместе или в одиночку, в их убежищах или домах и без всякой пощады и предупреждения уничтожить их так, как это представится наиболее удобным. У тех же, которые до того, как их удалось задержать, успели бежать в леса и другие безопасные места, дом, имущество и все добро должно быть разрушено, уничтожено и сожжено без всякой пощады и милосердия; у бежавших же вожаков не только дом и имущество должны быть уничтожены, но и жены и дети изгнаны из страны». Вот то неприкрытое зверство, которое проповедывалось потомком Габсбургов, и его указания

выполнялись впоследствии слишком добросовестно. Тем временем хитрый Трухзес Георг фон-Вальдбург продолжал с крестьянами свои попытки посредничества. Так как Энген грозил перейти на их сторону, то он 15 февраля осадил город и попробовал дикими угрозами добиться у Гегауских крестьян того, чего он не мог достичь добром. Он заявил крестьянам, что если они немедленно не подчинятся его требованиям, то он поступит с ними как с мятежниками и нарушителями государственного порядка и расправится огнем и мечом. Гегаусцы вместо того, чтобы покориться, подтянули к себе подкрепления со всей окрестности; крестьяне из Клеттгау также двинулись с бело-синим знаменем в Вальдсгут, который был сборным пунктом для всех жителей Шварцвальда.

В то же самое время владельцы были сильно обеспокоены другим известием. Стало известно, что изгнанный Швабским союзом в 1519 г. из своей страны герцог Ульрих Вюртембергский старается войти в сношения с крестьянами, раздает вальдсгутцам и другим повстанцам деньги и желает при их помощи снова возвратиться в свое герцогство. За Ульрихом числилось много провинностей, которые вооружили против него его владетельных двоюродных братьев. Разумеется, что причиной тому не были его неслыханные истязания крестьян и распутная жизнь; подобный образ жизни мог только располагать к нему людей его сословия; но он дурно обращался с своей женой, баварской принцессой, предательски убил одного из своих приятелей Ганса фон-Гуттена, брата Ульриха фон-Гуттена — о причине было уже упомянуто выше — и тем восстановил против себя все швабское и франкское дворянство; наконец, он напал на имперский город Рейтлинген, который состоял в Швабском союзе, и захотел его подчинить своему господству.

Вследствие этого все его противники предприняли в 1519 г. поход против него; он был разбит, должен

был бежать, его страна была у него отобрана и за денежное вознаграждение передана во владение австрийскому дому. Ульрих, изгнанный из своей страны, блуждал теперь по Швейцарии, как те беглецы «Бедного Конрада», которых он несколько лет перед тем изгнал из своей родины, или же находился в своем эльзасском владении, Мемпельгарде. В 1522 г. он приобрел у владельца право пользования горной крепостью Гогентвиль, расположенной в Гегау в Шварцвальде, возле Зингена, и с тех пор часто жил там, стараясь войти в сношения с крестьянами,— о чем его враги были хорошо осведомлены,— чтобы с их помощью вновь овладеть своим герцогством. Хотя враги и упрекали его в том, что он желает вновь создать «союз лаптя, нового Бедного Конрада», против которого он некогда боролся, но это его нимало не огорчало: «цель оправдывает средства» — вот правило, которому великие мира сего следовали гораздо раньше, чем появились иезуиты, его формулировавшие. Но верхнегерманские крестьяне слишком хорошо знали господина Ульриха, чтобы дать себя провести; они встретили его с явным недоверием. Его дипломатическому советнику, бывшему пфальцскому министру Фуксштейнеру, лучше удалось втереться в доверие некоторой части крестьян. Он воспользовался вспыхнувшей в Кауфбейрене борьбой между дворянством и горожанами, поддержал последних советами, чем приобрел их доверие, выступал даже в церкви проповедником нового учения и составил целому ряду крестьянских обществ их исковые требования.

Вследствие неудачного гуттен-зикингенского предприятия множество франконских и других дворян вынуждено было бежать; они были подвергнуты опале, и их имения конфискованы. Дворяне эти находились частью в Швейцарии, частью в Богемии, и хотя все они воевали раньше с герцогом Ульрихом, но теперь помирились и заключили с ним союз. План их состоял в том, чтобы напасть с двух сторон, одновременно из Богемии

и Швабии, на баварского герцога, как на наиболее могущественного противника. Крестьяне должны были им в этом помочь. План же крестьян заключался в том, чтобы образовать всеобщий военный союз крестьян Швабии, верхней Баварии, Тироля, Зальцбурга, верхней и нижней Австрии и в назначенный день подняться по всей линии. Из верхней Баварии должен был исходить сигнал о начале действий.

Отношение Швабского союза к крестьянскому движению было далеко не одинаково. Часть членов союза впала в отчаяние, когда брожение приняло значительные размеры; другие же, главным образом города, желали мирным путем уладить дело с крестьянами. Недостаток войска и оружия заставил уступить, по крайней мере с виду, также и князей и дворян, чтобы тем временем продолжать втайне свои приготовления. Только баварский канцлер Эк настаивал на наступлении.

Тем временем, крестьяне ревностно продолжали вооружаться. В Кемптене владетельный аббат вел уже долгие годы борьбу с своими подданными, и последние старались воспользоваться теперь благоприятным моментом, чтобы закончить борьбу в свою пользу. Приглашение явиться в день праздника трех волхвов в 1525 г. на третейский суд для улажения спора между обеими сторонами осталось без результата; аббат высокомерно отклонил это предложение, надеясь, очевидно, на помощь Швабского союза. Крестьянские депутаты решили поэтому ничего не предпринимать, не опросив всего населения.

В понедельник 21 января в городе Луибасе, месте старых судебных собраний, состоялось народное собрание всех двадцати семи приходов, относящихся к кемптенской церкви. Собрались тысячи народа. После того как уполномоченные познакомили их с результатом гюнцбургских переговоров, было принято решение судебным порядком добиться осуществления своих прав. После этого разошлись, условившись, что в слу-

чае, если против какой-либо общины будет употреблено насилие, немедленно созвать народ и пойти ей на помощь. 25 января была избрана комиссия из представителей всех общин, которая должна была начать дело против владетельного аббата. Во главе комиссии стоял Ерг Шмидт из Луибаса, названный за свой маленький рост Кнопфом (пуговица). Комиссия составила прошение в Швабский союз и императору. Кнопф из Луибаса был послан в Тюбинген, чтобы там посоветоваться с одним знаменитым ученым юристом.

Между тем, положение быстро изменялось. Со всех сторон получались известия, что Швабский союз энергично готовится к походу, и крестьяне должны ожидать нападения. Эти угрожающие слухи быстро подняли на ноги всех крестьян в Альгау, верхней и нижней Швабии. В начале февраля на болотистой низменности у Лаупгейма, между Ульмом и Бибербахом, собралось около 2000 человек, которые расположились там лагерем, а в скором времени число их возросло до 12000. Они назвали себя «Бальтрингенским отрядом», так как первый план мобилизации был выработан в трактире в Бальтрингене. Как знамя союза, над их лагерем развевался красный флаг; своим начальником они выбрали Ганса Ваннера из Вартгаузена.

В Оберальгау в конце февраля собрались крестьяне из провинций Теттнанг, Райтенау, Лангенарген и подданные графа фон-Монфор. Они разослали гонцов во все области вокруг Боденского озера и в непродолжительном времени созвали до 7000 человек. Войско это было названо «озерным отрядом», начальником их был Эйтель Ганс Цигенмюллер из Нижнего Тейрингена, а их главная квартира находилась в Берматингене.

Когда до кемптенских крестьян дошли слухи о том, что происходит вокруг них, они вновь назначили народное собрание на 27 февраля в Луибасе. Настроение крестьян было на сей раз менее миролюбиво, а поведение владетельного аббата и его советников еще более спо-

собствовало тому, чтобы недовольство достигло крайнего напряжения. Один из этих советников, Ганс фон-Фрейндсберг, определенно заявил крестьянам: «Никаких прав давать вам мы не желаем, а будем действовать против вас мечом; ваши жены будут превращены во вдов, ваши дети — в сирот, и наши копья будут вашим кладбищем». Вместо ответа крестьяне решили созвать 5 марта союзный совет всего альгауского крестьянского населения, в городе Кемптене. Был послан гонец за Кнопфом из Луибаса в Тюбинген. «Пусть он больше не сидит в Тюбингене: в тех местах народ уже достаточно силен, чтобы не нуждаться больше в защите закона»,— гласил приказ.

Крестьяне верхнего Альгау соединились теперь в одну армию, названную верхнеальгауским отрядом. 5 марта их начальники отправились в Кемптен на союзный совет; там было постановлено силою включить в союз всю окрестную страну. Войско к тому времени в лагере в Оберндорфе, между Фюссен и Кауфбейреном, состояло из 8000 человек, в том числе было также много подданных аугсбургского епископа. Оппозиционные священники также входили в значительном количестве в состав верхнеальгауского войска.

Городам Меммингену и Кауфбейрену удалось путем значительных уступок удержать в спокойствии своих крестьян; так, между прочим, меммингенский городской совет высказался за отмену крепостного права.

В нижнем Альгау в конце февраля также возникло движение. Здесь находились владения Трухзеса Георга фон-Вальдбург. Удивительнее всего, что крестьяне не были им недовольны. Соседние крестьяне должны были поэтому прибегнуть к угрозе, что если они к ним не присоединятся, то будет поступлено с ними как с врагами. Тогда подданные Трухзеса потребовали, чтобы

он явился к ним для переговоров; Трухзес отклонил их требование, ссылаясь на свои военные служебные обязанности у эрцгерцога и Швабского союза. Когда же после этого восставшие крестьяне, согласно своей угрозе, вторглись в область Трухзеса, то его подданные примкнули к ним. Нижнеальгауский отряд, как они себя назвали, насчитывал около 5000 человек под начальством Флориана Грейзеля, Айхштеттенского пастора, известного под именем «поп Флориан».

В начале марта из крестьян Иллерталя, Ротталя и Бибергаля и всех мест между Ульмом, Аугсбургом и Донаувертом образовалось новое войско в 5000 человек, названное лейпгеймским отрядом, по имени местечка Лейпгейм, возле Ульма, где находилась их главная квартира. Лейпгеймский пастор, Ганс Якоб Веге, был всей душою предан народному делу, считался одним из самых ярых последователей Мюнцера и своими проповедями приобрел себе горячие симпатии всего окрестного населения. Когда он в 1524 г., в день праздника тела христова с кафедры заявил, что больше в своей жизни не будет служить ни одной обедни, прибавив: «если бы это не противоречило духу братской любви, он предпочел бы, чтобы им было убито столько врагов, сколько обеден он отслужил», и сошел с кафедры, то весь народ затянул благодарственный молебен.

* * *

Бальтрингенский, верхне- и нижнеальгауские и озерный отряды заключили между собой 7 марта оборонительно-наступательный союз. Сборным пунктом для бальтрингенского отряда была назначена болотистая низменность у Бибербаха, для верхнеальгауского — Луибас, для нижнеальгауского — Рейтенау, а для озерного — Берматинген. Каждый приход, присягнувший союзу, имел своего начальника, советников и сборный пункт, куда войско собиралось по приказанию началь-

ника. При начальниках и советниках состояли выборные судьи, которые должны были разбирать всякие споры. От времени до времени происходили собрания начальников, а иногда главный начальник созывал всех должностных лиц на главную квартиру. Было постановлено, что ни в одной церкви или часовне нельзя звонить в большой колокол, и он должен служить исключительно для набата; всякий под присягой обязался при звоне колокола явиться на сборный пункт с оружием в руках и повиноваться всем распоряжениям. Наконец, был принят еще целый ряд решений относительно доставки провианта, орудий, о том, как поступать по отношению к монастырям и господам, и вообще о мерах поддержания порядка.

Между тем члены Швабского союза, а именно совет в Ульме, был сильно озабочен тем, как бы успокоить крестьян и удержать их заманчивыми обещаниями. Высокопоставленные господа ездили во все лагери крестьян, очень любезно обращались с ними, уверяя, что будет сделано все возможное для благоприятного разрешения крестьянских требований. Втайне же они очень энергично готовились к войне и напрягали все усилия, чтобы выступить против крестьян с превосходными силами. Как обстояло дело у Швабского союза, видно из письма канцлера Эка баварскому герцогу, в котором говорится: «Мы в скором времени примем такие решительные меры против крестьян, что проклятый евангелизм будет окончательно задушен; наивные и добрые люди из Эслингенского городского управления серьезно желали бы, чтобы мы уступили крестьянам, но мы этого не сделаем,—мы бы только лишились тем своей репутации. Братская любовь крестьян мне нимало не улыбается. Я не особенно охотно делился с своими родными и братьями и сестрами, тем менее я пожелал бы сделать это с чужими мне крестьянами».

Крестьяне на самом деле пустились в переговоры, и от отдельных отрядов были отправлены послы в Ульм

для учреждения третейского суда. Уполномоченные от крестьян предложили некоторых бургомистров и членов совета, к которым они питали доверие, как третейских судей. Ульмские бароны отклонили это предложение под предлогом, что оно могло слишком затянуть дело. Внесено было новое предложение, состоявшее в том, что господа и крестьяне каждой отдельной местности выбирают по двое третейских судей. Все четверо сообща выбирают пятого как председателя, и этот суд выслушает обе стороны и вынесет решение. Во время переговоров военные действия с обеих сторон должны быть прекращены, крестьянские отряды распущены и освобождены от присяги, и все они должны разойтись по домам. Предложения эти были приняты обеими сторонами и должны были вступить в силу в восьмидневный срок. В воскресенье 2 апреля крестьяне должны были дать ответ в Ульме. Напрасно наиболее дальновидные из них ратовали против принятия этого предложения; большинство согласилось с ним на свою же погибель.

То, что дворянам удалось сдержать крестьян, избавило их от страшного затруднения. Герцог Ульрих Вюртембергский, который предполагал начать военные действия против баварского герцога, вынужден был отказаться от этого плана за отсутствием средств. В конце февраля он двинулся прямо на свое герцогство через Шпайхинген и Балинген с несколькими тысячами завербованных швейцарцев и несколькими отрядами крестьян, под начальством Ганса Мюллера из Бульгенбаха, всего с 6000 пеших и 200 конных солдат и несколькими орудиями. Трухзес следовал за ним с 300 всадников и 700 пеших ратников. В дороге ему удалось напасть в окрестностях Балингена на отряд гегауских крестьян в 60 человек и истребить его. Утром 1 марта ему также посчастливилось застичь врасплох в деревне Вейльгейм 300 человек швейцарцев и крестьян из армии Ульриха и изрубить из них

133 человека. Сам же он потерял только 15 лошадей. Вскоре после этого Ганс Мюллер из Бульгенбаха со своими крестьянами оставил Ульриха, ввиду того, что настроение в Вюртемберге оказалось не таким, каким представлял его герцог. Ульрих форсированным маршем двинулся к Штутгарту, надеясь, что в своей стране численность его войска скорее возрастет, так как австрийские власти были всем ненавистны. Трухзес следовал непосредственно за ним и, благодаря полученным сильным подкреплениям, имел уже у Тюбингена в своем распоряжении 700 конных и 14000 пеших солдат. У Герренберга завязалось сражение, исход которого оказался неопределенным, так как призванное австрийским правительством вюртембергское ополчение отказалось сражаться под начальством Трухзеса. Ульрих, вместо того чтобы быстро двинуться теперь на Штутгарт, нашел выгодным остаться несколько дней в Зиндельфингене. Трухзес воспользовался этим, чтобы осадить Штутгарт. Когда герцог пожелал вступить в город, оказалось, что нужно сперва его завоевать. Это решило его поражение. В то время как Ульрих находился перед Штутгартом, швейцарцы внезапно отозвали свои войска. Они получили известие, что союзник Ульриха король Франциск I французский был разбит и взят в плен императором Карлом V в сражении при Павии, и швейцарские владельцы опасались навлечь на себя месть императора. В Вюртемберге только несколько местечек высказались за Ульриха, и он не был в состоянии после ухода швейцарцев держаться против хорошо защищенного Штутгарта и войска Трухзеса. С ним чуть не приключилось еще большее несчастье. Швейцарцы не только приняли у австрийского эрцгерцога жалованье, которое не уплатил им Ульрих, но были готовы за деньги предать его самого в руки врагов. Герцогу стал известен этот план, и ему удалось, хотя и с большим трудом, избежать позора попасть в плен к своим собственным солдатам.

* * *

Удачное устранение Ульриха развязало Швабскому союзу руки по отношению к крестьянам. То, что последние дали себя таким непростительным образом удержать, вполне об'ясняется характером народа, неспособным усмотреть предательство и обман за льстивыми речами, заверениями и прекрасными обещаниями своих смертельных врагов. Кто знаком с тем, с какой доверчивостью народ в 1848 и 1849 годах повсеместно принимал обещания королей, чтобы немедленно же испытать горькое разочарование, не будет удивляться, что прямодушные и честные или невежественные и ограниченные крестьяне XVI века дали своим господам обмануть себя. Не следует упускать из виду и то, что во всяком революционном лагере обычно имеются две партии: одна, ставящая себе широкие задачи и желающая добиться всего, которая поэтому понимает, что не должна вступать ни в какие компромиссы с своими врагами, и другая, интересы которой не требуют столь решительных выступлений и склоняют ее к миролюбивым соглашениям. Первая партия состоит всегда из дальновидных идеалистов, примкнувших к движению без всякого личного интереса и стремящихся к полному достижению своей цели. На их стороне низшие и беднейшие слои народа, интересы которого могут быть удовлетворены только полной, а не половинчатой революцией. Вторую партию образуют умеренные от природы элементы и те, чье более высокое социальное и материальное положение заставляет их опасаться, как бы, зайдя слишком далеко, не повредить самим себе; это те «благоразумные и рассудительные» люди, которые желают лишь воспользоваться массой для достижения своих целей, а когда движение принимает размеры, выходящие за желательные им пределы, то они непрочь изменить ему, либо вступив в соглашение со своим недавним врагом, либо

посеяв недоверие и уныние в рядах самих революционеров.

Так как вторая партия состоит обыкновенно из людей состоятельных, пользующихся, благодаря своему социальному положению, большим влиянием на бедных и угнетенных, то она всегда возьмет верх, если только события не вызовут сильного возбуждения страстей и развития самосознания масс. В частности же ее перевес обеспечивается характером наиболее угнетенных слоев. Последние до того привыкли в своем рабском положении довольствоваться малым, что их очень легко удовлетворить. А страдания, которые они всю свою жизнь терпели, делают их особенно восприимчивыми к чужим страданиям и склонными к кротости и уступчивости, часто во вред самим себе.

К последовательному и энергичному выступлению против своих врагов народ еще не дошел ни в одной революции, за исключением Великой французской революции; все же россказни о жестокости и мстительности народного характера — ложь и клевета.

Историки господствующих классов могут, правда, утверждать противное, но доказать это они не в состоянии. При всех революциях народ с удивительной умеренностью обращался со своими врагами, хотя и имел сотни оснований проявить месть в самых широких размерах. Народ вообще должен быть уже доведен до крайности, чтобы решиться употребить силу против силы. Только под влиянием самого сильного возбуждения страстей и доведенный до бешенства, он может дать себя увлечь на такие поступки, которые могли бы быть названы жестокими. И эти жестокости едва ли могут сравниться с теми, которые ему пришлось претерпеть, раньше чем прибегнуть к самопомощи. Когда же, наоборот, побеждают враги революции, тогда их месть не знает границ: они беспощадно свирепствуют и сокрушают все, что осмелилось стать на пути их властным и эксплоататорским аппетитам.

В крестьянской войне также существовали две партии — умеренная и крайняя, которые постоянно боролись между собой, и, смотря по положению дел, то одна то другая брала верх. Между предводителями было немало таких, которые примкнули к движению с целью отомстить за личные обиды и завоевать утерянное положение, либо же такие, которые рассчитывали, хотя и без корыстных соображений, использовать движение не для полного уничтожения существующего строя, а для создания такого, при котором положение отдельных классов было бы несколько улучшено. При таких скромных стремлениях на долю бедняков должно было прийтись меньше всего, а в дальнейшем ходе войны выяснится, до каких пределов простирались эти умеренные и отсталые стремления. К упомянутым здесь предводителям примыкали в первую голову присоединившиеся к крестьянам городские элементы. В городах гнет никогда не был так силен, как в деревне, горожан поэтому легче было удовлетворить. Далее, к той же партии принадлежали те из крестьян, которые находились не в личной крепостной зависимости от господ, а в вассальной или оброчной. Число их было довольно значительно и, благодаря своему влиянию и союзу с городским элементом, они приобрели преобладающее значение. Строго революционный элемент, представленный предикантами, находился в меньшинстве, и ему удалось только тогда привлечь на свою сторону колеблющихся и провести свой взгляд о необходимости энергичных и решительных действий, когда враги своим поведением заставили массу убедиться, что другой путь невозможен.

В крестьянском лагере не было недостатка также и во всяком сброде, особенно из городов, который присоединился к походу только в надежде на добычу и роскошную жизнь и часто выделялся самым неприятным образом. Расхищение многих замков, а главным образом монастырей с их богатыми запасами, привело к тому,

что крестьяне были деморализованы и теряли повсюду гораздо больше драгоценного времени, чем это требовалось обстоятельствами и было полезно для их предприятия. Как бы ни порицали нередко бесполезные грабежи и разрушения, как бы ни резонировали противники крестьян по поводу многочисленных поджогов замков и монастырей,— упрекнуть крестьян в жестоком обращении с людьми удается только в единичных случаях. Правда, они часто потешались и дразнили своих пленных врагов, а некоторые из пленных, именно у Вейнсберга, были прогнаны сквозь строй; но первое было совершенно безобидно и говорит скорее об умеренности крестьян, а второе было вызвано исключительно предательским поведением самих пленных. Последних также не замучили до смерти, как то делали впоследствии господа со своими врагами, но приговор был быстро приведен в исполнение по военному обычаю.

Большим недостатком являлась неудовлетворительная организация продовольственного дела и то, что продукты распределялись не по потребностям. Вследствие этого, продовольствование масс было крайне нерегулярно и, естественно, вызывало чрезмерное потребление в те дни, когда запасы имелись в изобилии, в то время как не было уверенности, что на следующий день будут располагать хоть самым необходимым. Еще два существенных условия привели к гибели крестьян: недостаток в орудиях, снарядах к ним и кавалерии. Возможно, что артиллерию удалось бы приобрести в достаточном количестве, если бы высшее начальство позаботилось об этом, энергично потребовав поставки таковой у владельцев и городов, присоединившихся из страха к крестьянам. Но проклятая рассудительность помешала сделать это. Хотя всякому должно было быть ясно, что все те благородные господа, которые так поспешно вступали в союз с крестьянами, когда сила была на стороне последних, немедленно же покинут их, как только крестьяне потерпят первое поражение, тем не

менее у них требовали только самого необходимого, причем и тут господам часто удавалось еще многое выторговать. Так, все многочисленные форты и крепости сохранили в изобилии орудия, которых так недоставало крестьянам. Сильная артиллерия уравновесила бы недостаток конницы, которая составляла главную силу неприятеля. Конница вполне основательно была названа «крестьянской смертью»: крестьяне с своими алебардами и копьями не могли противостоять ей, при недостатке огнестрельного оружия.

Дальнейшим злом являлся недостаток денег. Несомненно, что взятых в церквах золотой и серебряной утвари, денег из церковных кружек и всех тех наличных денег, которые вообще можно было найти у господ и монастырей, хватило бы на покрытие необходимых расходов, так и было решено поступать; но недоставало должной организации. Добытые деньги и ценности поступали не в общую военную кассу, а чаще всего распределялись между отдельными маленькими отрядами, растаскивались отдельными людьми, а церковная утварь большей частью сбывалась за гроши следовавшим всегда в большом количестве за отрядами евреям, которые и пожинали здесь обильную жатву.

* * *

Крестьяне повсеместно выработали определенные пункты требований к своим господам, которые несколько видоизменялись сообразно местным условиям, но вполне сходились в основном. Известные главные требования встречались во всех жалобах. Как мюльгаузенские крестьяне представили совету через Пфейфера 16 пунктов требований, так же поступили в начале 1525 г. и крестьяне ландграфства Штюлинген и других владений, и надо полагать, что это не обошлось без участия Мюнцера и Пфейфера, которые в то время находились в верхней Германии. В конце февраля и начале марта требования эти, формулированные в 12

статьях, появились, как общий манифест крестьян, прежде всего в Швабии, а оттуда уже с быстротой молнии распространились по всей Германии. Заглавие гласило: «Основные и правильные требования всех крестьянских обществ, подданных духовных и светских владений, за осуществление которых они клятвенно обязались стоять». После длинного вступления, направленного против упрека в том, что новое евангелие является причиной восстания, послание гласит:

«Пункт 1. Во-первых, наша смиренная просьба и желание, как равно воля и мнение всех нас, чтобы впредь приход имел право и власть сам избирать себе священника, а также и отказать ему, если поведение его будет признано недостойным. Избранный священник должен ясно и точно проповедывать нам Евангелие без всяких людских прибавлений к нему, толкований и указаний. Мы лишены истинной веры, и это побуждает нас молить бога о милости ниспослать и утвердить нас в живой вере. Ибо если милость его в нас не внедрится, то мы вечно останемся лишь плотью и кровью и не можем надеяться тогда, как ясно сказано в писании, обратиться к богу через истинную веру и обрести блаженство по его милосердию. Поэтому нам необходим подобный представитель и пастор, и из этих соображений выставляется нами настоящее требование.

Пункт 2. Во-вторых, хотя десятина, установленная Ветхим заветом, и отменена Новым, мы тем не менее будем вносить справедливую хлебную десятину, как это положено. Она должна быть принесена богу и его служителям. Так как десятина полагается священнику, который учит нас слову божию, то мы постановляем: наши пробсты, назначенные всем приходом, получают и собирают десятину, из которой священнику, избранному всем обществом, выдается содержание, достаточное для существования его и семьи, по определению всего прихода; то, что останется, должно быть выдано проживающим в деревне беднякам, со-

гласно обстоятельствам дела и сведениям, имеющимся у общины. Излишек же сохраняется на случай войны и общественной нужды; для того чтобы не налагать никаких податей на бедняков, таковые выплачиваются из этого излишка. Если бы оказалось, что одна или несколько деревень продали из нужды право на десятину, то откупщик, приобревший это право у всей деревни, не лишается его без вознаграждения, но мы входим с ним в соглашение соответственно с положением дела об обратном выкупе у него этого права в известный срок. Но тому, кто этого права не откупил у всей деревни, мы больше ничего давать не желаем и не будем, мы ничего ему больше не должны, а как выше сказано, будем содержать наших, избранных пасторов и распределять между нуждающимися сельчанами. Малой же десятины мы вовсе давать не желаем ни духовным, ни светским властям. Господь бог сотворил скот на свободное пользование человека. Десятину эту мы считаем незаконной, измышленной людьми; поэтому мы не желаем больше давать ее.

Пункт 3. В-третьих, до сих пор принято было считать нас жалкими крепостными, а Христос избавил и искупил своей пролитой драгоценной кровью всех нас, последнего пастуха точно так же, как и самого высокопоставленного господина, без всякого исключения. Поэтому в писании говорится, что мы свободны, и мы хотим быть свободными. Не то чтобы быть совершенно свободными, без всякой власти над собой, этому бог нас не учил; мы должны в законе жить, а не в плотском своеволии, любить бога как повелителя нашего, почитать его в ближнем своем и охотно будем исполнять все, как господь повелел на тайной вечере. Поэтому мы и должны жить согласно его заповедям. Заповеди эти не говорят нам, чтобы мы не повиновались властям. Мы должны смиряться не только перед властями, но и перед всяким человеком. Мы будем охотно повиноваться избранным нами и назначенным властям, как то

Богом установлено во всех законных и истинно христианских распоряжениях; мы, в свою очередь, не сомневаемся, что вы, как истые христиане, освободите нас от крепостной зависимости, либо же докажете нам из Евангелия, что мы должны быть крепостными.

Пункт 4. В-четвертых, бедняк не имел до сих пор права охотиться на дичь, птицу или удить рыбу в реках, что нам кажется совсем незаконным и несоответствующим братской любви, а своекорыстным и противным слову божию. Во многих местах власти оберегают дичь на зло и в великий ущерб нам. Мы вынуждены терпеть, как наше добро, то, что бог вырастил на пользу человеку, бесполезно пожирается неразумными зверями, и на это противное богу и ближним дело мы должны молча смотреть. Ибо когда бог сотворил человека, он вручил ему власть над всеми зверьми, над птицами в воздухе и рыбой в воде. Поэтому мы желаем: когда вода находится в чьем-либо владении, то владелец обязан документально доказать, что она приобретена им путем купли; подобное владение мы не будем отбирать силой, но рассудим дело согласно христианскому воззрению, в духе братской любви. Тот же, кто не в состоянии представить достаточных доказательств, должен возвратить ее общине.

Пункт 5. В-пятых, мы затруднены также в пользовании деревом, так как наши господа присвоили себе все леса, а если бедняку что-либо понадобится, он вынужден покупать по двойной цене. Наше мнение, что леса, принадлежащие духовным или светским лицам, должны вновь сделаться достоянием всего общества, и всякий член общины должен иметь право брать себе на дом, сколько необходимо для его потребностей, а равно безвозмездно получать в случае надобности лес для плотничных поделок, но с ведома избранных общиной для этой цели лиц, чем будет предохранено истребление лесов. В тех же местах, где нет других лесов, кроме честно приобретенных частными лицами, сле-

дует по-братски и по-христиански притти к соглашению с владельцами. В тех же случаях, где кто-либо раньше присвоил себе имение, а затем уже продал, равным образом притти к соглашению с купившим сообразно с положением дела и требованиями братской любви и священного писания.

Пункт 6. В-шестых, на нас лежит тяжелое бремя барщинной службы, которое день ото дня становится все больше и больше. Мы желаем, чтобы на это было обращено должное внимание и нас не обременяли чрезмерной службой, но, милостиво войдя в наше положение, позволили бы нам служить, как служили наши родители, согласно слову божию.

Пункт 7. В-седьмых, мы требуем, чтобы господа не обременяли нас поборами сверх положенного, и всякий должен пользоваться своими правами, как они определены по соглашению господина с крестьянами. Владелец не имеет права налагать на них новых тягот, ни требовать большой службы или чего-либо иного, дабы крестьянин имел возможность пользоваться своим добром спокойно и легко. Когда же владельцу очень понадобится работа крестьян, тогда последние должны добровольно выполнить ее в первую очередь, но в такое время, когда работа не убыточна для них и за приличное вознаграждение.

Пункт 8. В-восьмых, многие из нас, имеющие землю, обременены еще непосильным оброком, которого не может выносить их земля. Поэтому крестьянам часто приходится терять свое имущество или мириться с его обесценением. Мы желаем, чтобы владельцы этих имений назначили честных людей для их осмотра, и чтобы оброк взимался по настоящей ценности земли, дабы весь труд крестьянина не пропадал даром; ибо каждый работник достоин своего пропитания.

Пункт 9. В-девятых, мы жалуемся на великое беззаконие, так как нас постоянно подвергают все более тяжелым наказаниям не сообразно с нашей виной, а

по злобе или по пристрастию к противной стороне. Наше мнение, что судить нас должно по старым писаным законам, беспристрастно, соответственно совершенному проступку.

Пункт 10. В-десятых, мы жалуемся, что частные лица присвоили себе луга и пашни, принадлежащие общинам. Подобные земли должны поступить обратно в руки общины, если они приобретены нечестным путем; если же земли приобретены справедливым путем, то следует, сообразно с обстоятельствами, миролюбиво и братски уладить между собой это дело.

Пункт 11. В-одиннадцатых, мы желаем совершенно уничтожить обычай, называемый посмертной пошлиной, и не станем больше терпеть и позволять, чтобы вдовы и сироты так постыдно, противно богу и чести, ограблялись и лишались своего достояния, как это в различных местах и под разными видами происходит. То, что господа должны оберегать и защищать, они расхищают и грабят, и если бы имели малейшую возможность, то совсем забрали бы все себе. Бог этого больше терпеть не хочет, и это должно быть совершенно отменено: никто в случае смерти не обязан ничего давать, будь то много или мало.

Пункт 12. В-двенадцатых, наше решение и окончательное постановление, что если одна или многие из выработанных статей не находятся в соответствии со словом божиим, то мы откажемся от них, когда нам будет доказано, что та или иная статья не подлежит удовлетворению по священному писанию. И если бы некоторые требования, которые сейчас будут удовлетворены, впоследствии оказались несправедливыми, то с того самого момента они считаются отмененными и более не действительными. Точно так же, если бы в нашем прошении оказались пункты, противные богу или в тягость ближним, то мы решили отказаться от них и жить, укрепляясь и утверждаясь в христианском учении, и молить господа нашего, который один только и может испол-

нить наши просьбы и никто кроме него. Благодать христова да будет с нами».

Никто не станет утверждать, что в этих статьях заключались невыполнимые требования: наоборот, они были очень скромны, и если бы у господ дело шло о справедливости, то они с радостью восстановили бы мир на этих основах. Но добровольный отказ от своих привилегий противоречил бы характеру господствующего класса: современные буржуа так же жестоки и глухи к добру, как и средневековые феодалы.

Настоящий автор Двенадцати статей неизвестен; вероятно, многие принимали в их выработке участие. Мюнцер, которому они приписывались, под пыткой перед смертью показал: «В Гегау и Клеттгау я составил на основании евангельского текста несколько статей о том, как должно править, а из этого другие позднее выработали пункты требований». На вопрос о том, кто были авторы, он ответил: «Автор некоторых статей, которые произвели большое впечатление на братьев, мне неизвестен; впоследствии из них уже получились 12 статей требований шварцвальдских и других крестьян». И это вполне вероятно, так как Мюнцер сам формулировал бы требования более резко и не столь дипломатически. На ряду с Мюнцером автором Двенадцати статей называют также священника Шаппелера из Меммингена, который позже оспаривал это; даже Фуксштейнер, заседавший в Кауфбейрене в совете христианского братства, принимал в этом участие. Как бы то ни было, требования считались программой всех крестьян и, как таковые, признавались во всех отрядах и распространялись по всей Германии.

Если предшествующая редакция Двенадцати статей ни в коем случае не исходит от Мюнцера, то, несомненно, его произведением является другое «письмо с пунктами», появившееся одновременно с Двенадцатью статьями и распространенное по всему Шварц-

вальду. Мюнцер в то же время распространил одно из своих самых революционных произведений, в котором он противопоставлял управление господ тому, как управлять должно: он доказывал в нем тринадцатью цитатами из Библии, что народ имеет право удалять дурных правителей. «Только не медлить. Все господа, которые вводят новые ограничения по произволу и собственной прихоти, не говоря уже о налогах, пошлинах, акцизах, являются настоящими разбойниками и от'явленными врагами своей собственной страны. Свергнуть подобного Моава, Агага, Ахава, Фалариса и Нерона с их тронов — истинно богоугодное дело». Он призывал крестьян к стойкости и рисовал картину того, что им предстоит, если они не доведут дела до благополучного конца. «Если вы оглянетесь на всю эту игру,— восклицает он,— то ничего впереди себя не увидите, кроме горя, беды и ужасных убийств, которые постигнут вас и все крестьянство. Горе и беда вашим детям, которым вы оставите такое несчастное наследство; если вы теперь обязаны выполнять барщину с киркой, мотыгой и лошадьми, то ваших детей будут самих запрягать в бороны; если до сих пор вы вынуждены были огораживать ваши поля от диких зверей, то теперь они останутся неогороженными; если до сих пор вам выкалывали глаза, то впредь вас самих будут закалывать. Если до сих пор вы уплачивали подушную подать и были крепостными, то теперь вы станете настоящими рабами, лишенными всякого права над собой, над своим добром; вас будут, совсем как в Турции, продавать, словно скот, лошадей и волов. Если только кто осмелится поморщиться, то вас будут пытать и мучить, и истязаниям и проклятьям не будет конца; тогда вас, изменников, мигом затащат в первую башню, и одна пытка последует за другой: будут сечь розгами, прожигать щеки, рубить пальцы, рвать языки, четвертовать, рубить головы». Мюнцер знал своих врагов, и то, что он предсказал, сбылось в точности.

* * *

Когда вторжение герцога Ульриха в свое герцогство окончилось неудачей, Швабский союз отдал Трухзесу приказ двинуться против крестьян на Дунай. Последнее произошло еще в то время, когда переговоры о соглашении были в полном ходу, и раньше чем началось установленное 25 марта перемирие. Когда ополченцам стало известно, что их отправляют против крестьян, они отказались повиноваться. Трухзес был вынужден обратиться к ним с умоляющей речью, но безрезультатно. Только постепенно удалось переубедить отдельные отряды, жители же Констанца отказались от службы и разошлись по домам.

Весть о коварном поведении Швабского союза и о наступлении Трухзеса очень скоро дошла до крестьян через бежавших ополченцев и вызвала у них сильнейшее негодование. Во всех деревнях стали бить в набат и трубить в рог, призывая крестьян к оружию. В последних числах марта и начале апреля крестьяне поднялись не только в Альгау, на Дунае и в верхней Швабии, но и в Тироле, Шварцвальде, Брейсгау, в вюртембергских Альпах, в области Гейльбронна и немецкого ордена, в Оденвальде, округе Гогенлоэ, Франконии и Тюрингии.

Бальтрингенский отряд открыл враждебные действия 26 марта тем, что разрушил и сжег несколько замков, принадлежавших самым ярым врагам крестьян. Так как последнее произошло близ владений Трухзеса, то он решил начать наступление на верхнюю Швабию, вместо предположенного похода на Лейпгейм. 30 марта он попытался было двинуться с 7800 пеших и 2000 конных солдат через Дунай, навстречу крестьянам, которые расположились на правом берегу Дуная, в болоте. Но мост не мог выдержать орудий, а кавалерию нельзя было употребить на болотистой почве. Несколькими днями позже у Дельменфингена

произошла небольшая стычка, в которой крестьянами было убито свыше ста солдат и несколько взяты в плен.

Ввиду того что позиция крестьян в болоте была неприступна, Трухзес переговорами старался выманить их оттуда, а попутно произвести также разведки в их лагере. Крестьяне поняли его план, прервали всякие переговоры, а когда стемнело, сняли свой лагерь, разбитый в близлежащем лесу. Трухзес в свою очередь только случайно избежал больших потерь; ночью в его лагере должен был вспыхнуть бунт среди ополченцев. Бунт был предупрежден тем, что барабанщик, посланный для переговоров с крестьянами, боясь, чтобы последние не напали на него в темноте, забил в барабан. Это вызвало ложную тревогу и подняло на ноги весь лагерь, так что бунт не мог вспыхнуть. Крестьяне же, услышав тревогу, обеспокоились, заподозрили измену и отошли обратно через Дунай к Альпам, куда войско не могло бы последовать за ними.

Первого апреля крестьянские отряды у Лангенау, Лейпгейма и Иллертиссена также открыли враждебные действия; последний отряд состоял из 6000 человек, и оба первых вместе — из 9000. Яков Веге двинулся во главе лейпгеймского отряда на Вейсенборн, чтобы взять его. Городское население защищало город. После перестрелки в течение часа, без особых потерь с обеих сторон, наступила ночь, и сражение прекратилось. На следующее утро крестьяне двинулись на богатый монастырь Роггенбург и разграбили его. Главным образом старались уничтожить документы и акты, в которые были занесены условия аренды и повинности крестьян. Прием этот сделался обычным при всех нападениях на монастыри во все время войны.

Часть лейпгеймского отряда хитростью овладела городом Гюнцбургом. В это время Яков Веге узнал, что Трухзес следует за ним по пятам. Веге послал ему письмо с целью вновь завязать переговоры и выиграть

время, пока удастся стянуть отдельные отряды, но безуспешно. Колонна в 1200 человек из лянгенауского отряда была настигнута неприятельскими всадниками у леса при Геппингене, при чем 50 человек было убито, часть сброшена в Дунай, из которых многие утонули, а 250 человек взяты в плен и увезены в Ульм.

Лейпгеймский отряд быстро привел себя в оборонительное состояние. Перед Лейпгеймом дело дошло до сражения. Так как превосходство было на стороне Трухзеса, то крестьяне вынуждены были отступить; последнее было ими очень ловко выполнено, и они забрали с собой убитых и раненых. Но коннице Трухзеса удалось после больших трудностей, связанных с неблагоприятными условиями почвы, зайти крестьянам в тыл и отрезать им отступление. Произошла кровавая схватка, при чем 500 крестьян было убито, а 400 утонуло в Дунае; 2000 удалось различными путями спастись и достичь Лейпгейма.

Вслед за этим Трухзес приступил к штурму Лейпгейма. Было ясно, что город не может удержаться, и он решил просить милости. Трухзес потребовал, чтобы они сдались на милость победителя и выдали своего проповедника. Город сдался. Яков Веге бежал из города вместе с одним из своих доверенных друзей по тайной дороге и скрылся в пещере на берегу Дуная. Собака, открывшая беглецов, стала лаять у пещеры и привлекла к тому месту нескольких сновавших в окрестностях солдат, которые взяли беглецов в плен и привели их к Трухзесу. Яков Веге, один священник из Гюнцбурга, который тем временем также был захвачен, и еще шестеро других были приговорены к смертной казни, и 5 апреля вечером они должны были быть казнены в поле; казнь была приведена в исполнение над Яковом Веге и четырьмя другими, но наступившая ночь спасла жизнь остальным, в том числе и священнику из Гюнцбурга. В Лянгенау двое также были казнены. Совет в Ульме равным образом вынес много смерт-

ных приговоров, другие же подверглись под пыткой допросу. На всех же вообще участников восстания, попадавших в руки неприятеля, накладывались тяжелые денежные штрафы.

В воскресенье 2 апреля верхнеальгауский отряд двинулся на замок Либентан, куда скрылся владетельный аббат из Кемптена, и осадил его. Прежде всего был основательно разграблен монастырь в Кемптене, и все документы уничтожены. За монастырем последовал целый ряд замков, которые были сожжены. Крестьяне принялись за дело систематически.

Часть верхнеальгаусцев под начальством Вальтера Баха подступила к городу Фюссену, принадлежавшему епископу Аугсбургскому, чтобы захватить его; враждебное им городское население взялось за оружие. Так как епископ Аугсбургский не мог оказать им помощи, то они обратились к эрцгерцогу Фердинанду, который заранее предвидел этот случай, так как предводитель крестьян Вальтер Бах был им предварительно подкуплен; он обещал городу помощь только в том случае, если он подчинится ему, как владельцу. Он надеялся навсегда удержать его за собой. Нужда заставила фюссенцев согласиться на это. Крестьяне не хотели признать этот договор с Австрией действительным и об'явили его обманом; тем не менее Вальтеру Баху удалось настоять на отступлении. Но его игра была понята, он был сменен, и на его место избран Павел, пробст из Оберндорфа. Своеобразное отношение герцога к крестьянам имело свои основания. С того момента, как крестьяне повсюду поднялись, эрцгерцог усмотрел в восстании средство увеличить свои владения. Как ему удалось прибрать к рукам Вюртемберг, подобным же образом он надеялся завладеть верхней Швабией, Зальцбургом и другими областями. Он действовал в данном случае так, как действовали другие князья, именно Гогенцоллерны, которые пользовались затруднениями мелких владельцев, чтобы поживиться

на их счет. В конечном счете последних главным образом и погубила крестьянская война.

Часть врехнеальгауского отряда, осаждавшая замок Либентан, действовала весьма успешно. Владетельный аббат вынужден был уступить, так как всякие переговоры о более выгодных условиях встречали отпор со стороны Кнопфа из Луибаса. Крестьяне даровали аббату и его советникам жизнь, несмотря на то, что он с ними жестоко обращался и сильно их прижимал, и разрешили ему даже оставить за собой двух лошадей, десять серебряных чаш, свою кровать и триста гульденов. Аббат и его советники отправились в Кемптен. Совет города Кемптена не преминул воспользоваться их растерянностью и отсутствием средств, чтобы приобрести за 32000 гульденов у епископа все привилегии, которыми аббатство владело в городе.

Тем временем нижнеальгауский отряд осаждал принадлежавшие Трухзесу замки Вальдзе и Вольфег. В первом находились его жена и дети. Озерный отряд под командой Эйтель-Ганса Цигенмюллера взял богатый монастырь Залем и включил в союз Маркдорф и Мерсбург. Замок Мерсбург вынужден был сдаться, уплатить большую контрибуцию и предоставить в распоряжение крестьян все свои орудия.

11 апреля Трухзес двинулся из Лейпгейма и Гюнцбурга на верхнюю Швабию. У Бальтрингена ему удалось застичь врасплох двести крестьян, которые потеряли при этом 100 человек. На следующий день он опять напал на отряд в 600 человек в окрестностях своего замка Грюнентана, из которых 20 человек были убиты, а двести взято в плен. Следующая стычка произошла за Эссендорфом с 800 крестьян, и они вновь вынуждены были отступить перед превосходными силами Трухзеса и потеряли 141 человек пленными.

За Вурцахской часовней 8000 войска Трухзеса столкнулись с 7-тыс. нижнеальгауским отрядом, выстроенным в боевом порядке под начальством попа Флориана.

Флориан попробовал завязать переговоры, надеясь тем временем стянуть остальные отряды; и действительно, в это время к нему подоспело 1500 человек подкрепления. Трухзес не вступил ни в какие переговоры, а приказал действовать против крестьян артиллерией, что не причинило им, однако, особого вреда. Флориан, своевременно проведавший, что конница Трухзеса старается его обойти, отступил. В перестрелке у крестьян убито только сорок человек; болотистая почва делала наступление кавалерии невозможным. При отступлении же несколько сот крестьян было изрублено, около ста потонуло во рвах у города Вурцаха, а 400 человек попали в плен и все перебиты.

В стране распространился слух, очевидно, умышленно раздуваемый владельцами, что число погибших достигает 7000, и это обстоятельство побудило крестьян отомстить владельцам при взятии Вейнсберга.

В то время как происходило сражение у Вурцаха, озерный отряд, состоявший из 10000 человек под начальством Эйтель-Ганса Цигенмюллера, спешил туда на помощь форсированным маршем и встретился в пути с отступавшим нижнеальгауским отрядом. В страстную субботу Трухзес напал у Гайсбейрена на оба соединившихся отряда, насчитывавшие теперь 17000 человек. Крестьяне удачно расположились на возвышенности, впереди которой простиралось болото, так что доступ неприятельской кавалерии был невозможен. В три часа пополудни началась орудийная стрельба. Артиллерия крестьян была хорошо расположена и причиняла большой вред неприятельскому лагерю; кроме этого, они взяли также деревню Гайсбейрен и укрепились в ней. Наступивший вечер временно положил конец сражению. Ночью трое слуг Трухзеса подожгли Гайсбейрен. Крестьяне, расположенные там, предполагали совершить нападение на лагерь Трухзеса, и теперь, считая, что им изменили, поспешно отступили к Вейнгартену. Ввиду слуха о том, что на подкрепление к

крестьянам идут 8000 человек из верхнего Альгау и 4000 из Гегау, Трухзес счел благоразумным вступить в переговоры. Он надеялся перехитрить крестьян, напасть на них раньше, чем подоспеют подкрепления и рассеять их. Но крестьяне разгадали его план, и он не удался. Они заняли перед Вейнгартеном необыкновенно сильную позицию. После нескольких выстрелов, Трухзес прекратил битву и начал переговоры о мире. Некоторые подкупленные предводители крестьян уговорили склонное к соглашению большинство принять его предложение. Был заключен договор, по которому шесть незаинтересованных городов образуют третейский суд и выносят решения по всем спорным между крестьянами и владельцами пунктам, которому обе стороны должны безусловно подчиниться. Если одна из сторон не пожелает подчиниться, тогда города силою заставят ее выполнить решение; далее крестьяне обязуются прервать сношения с отстальными отрядами и вернуть все завоеванное до сих пор; все совершенные несправедивости должны быть взаимно прощены и забыты. Договор этот, заключенный 17 апреля, был 22-го подписан. Настоящее соглашение имело решающее влияние на весь дальнейший ход войны. Крестьяне должны были понять, что Трухзес никогда бы не согласился на подобный договор, если бы он не являлся для него громадным преимуществом. Крестьяне верхней Германии далеко превосходили числом его войско. Они были самыми воинственными среди всех своих германских братьев,—недаром они насчитывали в своей среде несколько тысяч горных стрелков,—и если бы Трухзес потерпел поражение, то бодрость духа князей и владельцев, которая и без того не была слишком велика, упала бы еще больше, и в той же степени поднялся бы дух крестьян.

И не только это. В то время как верхнешвабские крестьяне, согласно договору, разошлись по домам, у Трухзеса оказались развязанными руки, и он мог на-

править силы против их братьев, а затем, нарушив договор с ними самими, осилить также и их. Здесь, как позже в других местах, сказался тот гибельный, не выходящий за узкие пределы своей области, партикуляризм, который нанес движению смертельный удар. Вслед за заключением договора с нижнеальгауским и озерным отрядами, Трухзес узнал, что верхнеальгаусцы близки. Он быстро двинул свое войско между обоими отрядами, чтобы отрезать их друг от друга и сделать невозможными всякие соглашения, и заставил также и их принять договор. На следующий день верхнеальгаусцы повернули обратно.

Из Вейнгартена Трухзес направился в Гегау и атаковал гегаусцев и шварцвальдцев. С ними он также повел переговоры, но, не доведя их до конца, быстро двинулся на Гогентвиль, чтобы прогнать оттуда герцога Ульриха. В это время был прислан из Ульма приказ, по которому он должен был против своей воли немедленно отправиться в Вюртемберг. Ловкими маневрами ему удалось удержать гегаусцев от преследования. В то время как Трухзес направился в Вюртемберг, у Роттвейля, где собралось до 8000 человек, шли споры между герцогом Ульрихом и Гансом Мюллером из Бульгенбаха. Последний не хотел подчиняться герцогу и делить с ним командование войсками. Многие из крестьян также не желали сражаться под начальством герцога, так как они, по их словам, стремятся низложить владельцев, а не насаждать новых. В результате, Ганс Мюллер отделился от герцога и ушел с своим отрядом в Брейсгау. Этим был нанесен сильный ущерб вюртембергскому отряду, который очень нуждался в его помощи и через курьеров просил о поддержке.

* * *

В так называемом Ризе, на севере от Дуная, крестьяне также восстали; там в начале апреля около 8000 человек расположились лагерем у Дейнингена.

И в городе Нердлингене стало также неспокойно. Здесь во главе недовольных находился второй бургомистр, Антон Форнер. Брошенный из совета прямо в тюрьму, он был освобожден оттуда своей женой и частью горожан. Жена Форнера принимала очень деятельное участие в движении; в Лангенау, Лейпгейме и других местах женщины точно так же были очень революционны.

Городское население Нердлингена свергло прежний совет и выбрало Форнера своим первым бургомистром; в этой своей должности он оказывал крестьянам всевозможную поддержку. Но он недолго занимал этот пост, и через неделю настроение в городе уже переменилось, так как часть горожан была подкуплена духовными владельцами. Бесхарактерность мещанства ясно выступила здесь наружу.

На севере от Дуная восстание распространилось по всей Франконии. Здесь не было ни одной местности, не охваченной им. Владельцы повсюду были в большом страхе и не знали, что предпринять. В аншпахской области образовались два отряда — в Вейтлингене и Гессельберге. В княжествах Аншпах и Байрейт правили маркграф Казимир и его брат Георг, но в действительности правил только первый. Характерно, каким путем он этого достиг. Отец его, старик, впал в меланхолию. На масляной в 1515 г. он со своими двумя младшими братьями напал на слабого старика, заставил его подписать отречение и посадил его пленником в башню в Плассенбурге, где он томился уже 10 лет совершенно одинокий, отрезанный от мира и лишенный самых необходимых удобств. Через монахов он распространил слух, что отец его слабоумен и вреден для страны; но этому слуху мало кто верил.

Соединившись с графом фон-Эттингеном, Казимир напал на крестьян у Гессельберга. Часть была перебита, остальные — рассеяны. Недовольство, однако, не улеглось и ждало только более благоприятных условий, чтобы прорваться наружу.

В Бамберге, где два предиканта уже долгое время проповедывали при большом стечении народа, вспыхнуло 11 апреля восстание, так как стало известно, что епископ назначил в Бамберге сбор рыцарей всего епископства. Епископ, вместе с канониками своего капитула, бежал в близлежащий Альтенбург, который, однако, совершенно не был приспособлен для гостей и столь же мало мог выдержать осаду. По предложению города, крестьяне массами поспешили туда. Не имея помощи и поддержки извне, епископ должен был подчиниться требованию города и крестьян и явиться в ратушу. Выборные от народа заявили ему, что он и впредь будет считаться властелином, но все имения дворян и духовенства должны быть конфискованы в пользу страны, а их замки разрушены. Епископ не хотел согласиться на эти требования. Тогда народ сам принялся приводить их в исполнение. Разграбление монастырей и домов духовенства в городе продолжалось целых два дня, при чем все регистры и акты, которые попали в руки, были разорваны и сожжены. Когда епископ увидел, что народ не в шутку затеял дело, он уступил, и 20 апреля был заключен договор, по которому оброк и десятина отменяются, капитул упраздняется, и править должен один только епископ.

В области имперского города Ротенбурга на Таубере движение началось очень рано, с конца 1524 г.; как в городе, так и в окрестных деревнях предиканты проповедывали там в строго революционном духе. Карльштадт, изгнанный Лютером из Саксонии, также нашел там приют. То обстоятельство, что его бывший друг осмелился пойти дальше его в своих религиозных воззрениях, так обозлило против него Лютера, что он провозгласил его самым опасным революционером. И хотя Карльштадт при встрече с Лютером в Иене заставил последнего отказаться от возведенных на него обвинений, тем не менее Лютер снова выдвинул их. Разрушение икон, до которого Карльштадта довел его

религиозный фанатизм, придавало известную реальность обвинениям Лютера и возбудило против него, как и против Мюнцера, ненависть всех духовных и светских господ. Это было очень несправедливо. Карльштадт ничего и слышать не хотел о политическом движении, он стоял совершенно вдали от него, и если не выступил против него, как Лютер, то только потому, что его самого преследовали, и лишь у политических радикалов он находил защиту и помощь. Как только Карльштадт прибыл в Ротенбург, городской совет, который был, как вообще во всех городах, враждебен революционному движению, запретил ему остаться в городе как опасному, якобы, человеку. Но некоторые городские жители попеременно скрывали его в своих домах, пока бюргерам не удалось получить в свои руки господство в городе. Тогда ему стало возможно выступать открыто со своими проповедями, и разрушение икон и церквей началось также в Ротенбурге. В революционном же движении Карльштадт не играл никакой роли.

В конце марта 1525 г. в Оренбахе собрались все способные носить оружие мужчины из десяти местечек Ротенбургской области и избрали депутатов. На следующий день в Бретгейме также состоялось собрание, куда сошлось свыше 800 вооруженных крестьян. Оба отряда соединились вместе. Эти собрания были особенно опасны для владельцев городов, потому что крестьяне собственно и составляли городское войско, почему они и назывались ротенбургским ополчением. По понятиям того времени, они были хорошо вооружены, ловко владели оружием и даже имели в своих рядах некоторое количество всадников и ружейных стрелков. Выступление крестьян в деревнях придало также мужества оппозиции в городах. Один из городских жителей, юнкер Стефан фон-Менцинген воспользовался случаем, чтобы вызвать возмущение против дворян. Менцинген действовал не из чистых побуждений. Раньше он состоял на службе у бранденбургского маркграфа, затем

поступил к герцогу Ульриху Вюртембергскому и считался влиятельным любимцем последнего до самого его изгнания. Вероятно, по его поручению он и старался поднять восстание во Франконии, как это делали Фуксштейнер в Альгау, а сам герцог в Шварцвальде. Но Менцинген вступил в соглашение также с маркграфом Казимиром аншпахским, который желал овладеть Ротенбургом, как австрийский эрцгерцог Фюссеном. Всегда имелись бесчестные люди, действовавшие из личной корысти.

Население города Ротенбурга, во главе с Менцингеном, добилось новых выборов так называемой внешней комиссии в 48 человек из своей среды, которая вскоре совершенно оттеснила городской совет. 26 марта крестьяне подали городскому совету жалобу, составленную несколькими священниками. После многодневных препирательств между внутренним и внешним советами, последнему удалось настоять на посылке комиссии для улажения спора с крестьянами. Признать полную справедливость требований крестьян не была склонна даже городская оппозиция. Когда посредники выехали, они узнали, что крестьяне, число которых возросло до 4000 человек, уже открыли действия. Две тысячи человек двинулись в Таубергрунд на соединение с оденвальдцами, а остальные расположились лагерем в трех четвертях часа ходьбы от города и отправили 32 предводителя и советника для переговоров с последним. Когда через несколько дней соглашение не было достигнуто,— город, который главным образом получал доходы из деревень, столь же мало был склонен удовлетворить крестьянские требования, как и духовные и светские владельцы,— крестьяне прервали переговоры и двинулись в соседний Мергентгеймский округ. Это произошло в воскресенье 2 апреля,— в то воскресенье, которое было назначено для повсеместного восстания тайным союзом, образованным руководителями движения по всей Германии.

Город Мергентгейм был резиденцией областного капитула Немецкого ордена, господство которого было особенно ненавистно, благодаря распутному и скандальному образу жизни рыцарей этого ордена. Ордену удалось накопить несметные богатства. Когда ротенбургское ополчение вторглось в орденскую область, много местечек примкнуло к нему. В самом городе Мергентгейме также говорили: «следует прогнать к чертям Тевтонский орден и сделать наш город свободным имперским городом». В лагере Шафтерсгейме крестьяне Ротенбурга и Тевтонского ордена совместно избрали своими начальниками большого Лиенгарда из Шварценбронна у Ротенбурга и Фрица Бюттнера из Мергентгейма и назвали себя тауберским отрядом.

Прежде всего они двинулись в город Мергентгейм, где население предупредительно открыло им ворота. Богатые подвалы и сундуки Тевтонского ордена были опустошены, и все найденное оружие и порох крестьяне забрали. В средине апреля силы отряда возросли до 8000 человек вследствие подкреплений, прибывших из гогенлоэнских волостей Лангенбурга, Шиллингсфюрста и Якстберга.

В пятницу на страстной неделе, 14 апреля, тауберский отряд двинулся отдельными колоннами через Оксенфурт к месту своей ближайшей цели, к Вюрцбургу. По пути отряд без сопротивления овладел двумя вюртембергскими местечками, Лаудой и Аубом, разрушил целый ряд замков, причем некоторые владельцы были взяты в плен, и разграбил попавшиеся ему в дороге монастыри. Те из дворян, которые нашли более выгодным для себя присоединиться к крестьянам, были приняты в союз, как «братья». Каждый вновь вступавший в союз должен был принести присягу, которая гласила: «Вступая в собрание крестьян, я обязуюсь не вносить впредь ни духовным, ни светским владельцам пошлин, оброка, податей и десятины до окончания и

решения спора и признавать только единого бога и единого короля; да помогут мне бог и святое Евангелие. Во имя всемогущего». Присяга швабских крестьян была составлена подобным же образом, и только слова «единого короля» были заменены там «императорским римским величеством».

2000 человек ротенбургского ополчения, отделившиеся от своих товарищей, которые вместе с крестьянами Тевтонского ордена образовали вышеупомянутый тауберский отряд, направились вниз по Тауберу, мимо замка Гибельштадт, где к ним присоединился человек, сыгравший в начинающейся войне выдающуюся, геройскую роль и кровью запечатлевший свое участие в ней. Человек этот был Флориан Гейер, отпрыск старинного дворянского рода Гейеров из Гейерсберга. Флориан Гейер, о предшествовавшей жизни которого ничего почти неизвестно (знают только, что он долгое время служил при императорском дворе), принимал участие во многих походах, где он отличился,—душою и телом отдался делу крестьян. Он принадлежал к строго революционным членам союза; он не питал, как то бывало с другими предводителями, никаких симпатий к дворянству, отпрыском которого он сам являлся; он требовал, чтобы дворянство было лишено всех своих привилегий и во всем уравнено в правах с бедным народом. «Nulla crux, nulla corona»,— ни креста, ни короны,— таков был его девиз, вырезанный также на его командирской печати. Он считал столь же важным разрушение укреплений и разбойничьих гнезд дворян, как и уничтожение монастырей, и надо отдать ему справедливость, он сделал в этом направлении все, что было в его силах.

Флориан Гейер, который тут же был поставлен во главе ротенбургского ополчения, образовал из этих воинственных людей отряд, впоследствии прославившийся и внушавший страх, под названием «черный отряд», и отличавшийся перед всеми другими отрядами

своей дисциплиной, воинской выправкой и мужеством. 26 апреля он двинулся с 2000 ротенбургского ополчения и теми подкреплениями, которые он сам им привел в Шиферскую лощину, цветущую долину Оденвальда, назначенную сборным пунктом отрядов всех соседних областей.

* * *

У самой границы области Тевтонского ордена Мергентгейма находились владения графа Гогенлоэ с главным городом Эринген. Еще во времена «Бедного Конрада» настроение против графов было очень враждебное вследствие их дурного управления, а с тех пор положение подданных не изменилось к лучшему. Семя восстания нашло здесь благоприятную почву. Человеком, который ловкой рукой сеял его, пользовался большим весом и сыграл в крестьянской войне одну из самых влиятельных, а быть может, и наиболее влиятельную роль, был Вендель Гиплер.

В ту пору Вендель Гиплер имел около 60 лет от роду. Человек большого ума, он был хитер, осмотрителен и честолюбив в лучшем смысле этого слова, обладал неутомимой работоспособностью и выдающимся организаторским и административным талантом. В молодости он поступил на службу секретарем к графу Гогенлоэ и оставался на этой должности от 1490 до 1515 г. Враги обвиняют его в алчности и указывают на это как на причину споров с графом Гогенлоэ и ухода его впоследствии с должности. По уверениям его противников, Гиплер выстроил в Эрингене сукновальню и, пользуясь своим служебным положением, вынуждал суконщиков валять сукно у него. Если рассказ о заводе верен, то, надо полагать, суконщики были им вполне довольны, так как именно в Эрингене он начал в 1525 г. заговор и привлек все население на свою сторону. Главной причиной спора с графом послужило то, что Гиплер владел большой земельной собственностью и многими озерами, которые он искусно

запрудил, так что вода выступила из берегов, затопила соседние луга и скрыла совершенно межевые знаки. Далее он провел старые каналы к своим озерам и не позволял строить новых, удерживал графские арендные деньги, и многое другое. Вследствие этого у него возникли тяжбы с графом и населением многих деревень, которые были разрешены третейским судом таким образом, что графы Гогенлоэ получают за 2000 флоринов все имения Гиплера, и все требования и претензии этим уничтожаются. До уплаты всей суммы графы Гогенлоэ обязались ежегодно выдавать Гиплеру по 100 флоринов, половину золотом, половину медной монетой. Судя по всему, решение третейского суда было крайне невыгодно для Гиплера. Кроме того на следующий же год графы нарушили договор и перестали выдавать ему ежегодные взносы, а кажется, что и покупная сумма также не была уплачена. Это ожесточило его против графов. Вскоре после заключения договора в 1515 г. он отправился к своим родственникам в Вимпфен, а затем поступил на службу в качестве земского писаря к пфальцграфу в Нейштадте на Гаардте. В 1524 г. он снова оказывается в Вимпфене, где ведет многочисленные процессы графских подданных, из чего следует заключить, что он пользовался их доверием; упрек же в алчности также, как видно из рассказа, падает не на него, а на графов Гогенлоэ.

Вендель Гиплер не принадлежал в крестьянской войне к радикальной партии; планы и воззрения Мюнцера, как и Флориана Гейера, были ему чужды. Социальное положение Гиплера делало его склонным к соглашениям, а его ум и знание дела сильно способствовали этому. План его заключался в установлении такого государственного порядка, при котором все классы, за исключением духовенства, были бы соответственным образом представлены. Духовенство должно было стать жертвой, которую дворяне и князья вынуждены принести крестьянам. Поэтому он старался

отвлечь гнев крестьян от дворянства и склонить дворян и города к союзу с крестьянами. Главным образом благодаря его влиянию столько дворян было принято в Евангелическое братство; он также настоял, чтобы Гец фон-Берлихинген, шурин Зикингена и один из соучастников его заговора против князей, был назначен главным предводителем крестьян. В этой роли посредника с Гиплером произошло то, что обыкновенно происходит с людьми компромисса; они невольно отклоняются вправо и для достижения союза вынуждены делать такие уступки, о которых сами раньше и не думали. Это сказалось тотчас же, как только Гец был назначен главнокомандующим, а некоторые другие лица, принадлежащие к господствующим кругам, как, например, Гейльброннский советник Берле *), получили доступ в крестьянский совет. Хотя Гиплер с самого начала состоял членом тайного союза, руководившего всем движением, и дал, следовательно, свое согласие на известные Двенадцать статей, он, тем не менее, одобрил так называемую декларацию, отменявшую главные требования крестьян, и тем дал последним полное право кричать об измене. Несмотря на такую уступчивость, ему пришлось дожить до того, как человек, которому он дольше всего доверял, а именно Гец фон-Берлихинген, самым беспощадным образом его обманул. Остальные дворяне были столь же мало склонны, как и Гец, держаться присяги, данной ими крестьянам при вступлении в их братство, несмотря на всю предупредительность Гиплера и его друзей. Как только крестьяне начали терпеть поражения, они не только поспешили оставить их в беде, но и самым усердным образом помогали опять наложить на крестьян прежнее ярмо.

---

*) Циммерман постоянно называет гейльброннского советника Берлином; у Экследи, в его «Очерках по истории крестьянской войны в пограничных со Швабией землях», последний именуется Берле, что нам кажется более соответствующим для Швабии, родины носителя этого имени.

Это было вполне понятно. Требовалась вся блаженная доверчивость посредника, чтобы желать помирить безнадежно противоположные интересы. Гиплер, очевидно, тоже чувствовал это, и поэтому он предложил совету крестьян принуждать дворян принять участие в крестьянском походе; предложение это не было принято. Да и что бы оно дало? Каждый дворянин, которого силою таскали бы с собой, был бы шпионом, а в моменты сражения — предателем. Гиплер своим желанием примирить резкие противоположности, как и еще в одном отношении, очень походил на наших конституционалистов и собственно должен считаться их отцом, родившимся на 300 лет с лишком раньше. В самом разгаре войны, когда еще решительно ничего не выяснилось, была, по его предложению, учреждена комиссия в Гейльбронне, в которую входили он и еще некоторые, для обсуждения вопроса о государственной реформе. Кому здесь не приходят на ум наши парламентарии 1848 г., которые спокойно заседали в Франкфурте в то время, как революция свирепствовала вокруг и троны качались под напором народа, и которые вырабатывали законы о государственных учреждениях, как будто в Германии ничего не происходило. Когда законы были готовы, их дело было уже также готово, т.-е. князья к тому времени снова получили верх, и господа сочинители могли свое тонко раздушенное произведение продавать в разнос. Проект закона, составленный в 1525 г. Гиплером и его товарищами, богатый материал для которого был доставлен Келлером Вейгандом из Мильтенберга, бывшим, как и Гиплер, интеллигентным и тонким дипломатом, был, правда, очень хорош на бумаге; он заключал даже почти все то, чего мы добились только теперь, спустя 350 лет, но он имел тот недостаток, что был неосуществим, так как требовал от князей и дворянства того, на что, как следовало предвидеть, они никогда не могли добровольно согласиться, по крайней мере раньше, чем

будут окончательно разбиты и подавлены. А этого-то как раз и не было.

Через довольно продолжительное время после того, как Вендель Гиплер завязал сношения в гогенлоэнском графстве, там также вспыхнуло восстание в воскресенье 2 апреля. Вечером упомянутого дня заговорщики, в том числе и Гиплер, собрались в Эрингене, в доме мясника Клауса Сальва, и сговорились о способе действий. На собрании присутствовало также много видных горожан, примкнувших к восстанию главным образом из личных мотивов. Эрингенцы особенно жаловались на городских каноников, которые систематически соблазняли их жен и дочерей и надменно вели себя. Восстание произошло таким образом. На следующее утро заговорщики отобрали в городе всю муку у владельцев и испекли из нее хлеб. Вечером они напали на келлера и старшину, забрали у них ключи от города, а их самих заперли в свиной хлев. Затем стали бить в набат и разослали гонцов во все деревни, призывая крестьян явиться в город. На следующее утро множество крестьян прибыло туда. Крестьяне и горожане составили, каждые отдельно, прошения, которые были отправлены графам для отмены указанных в них стеснений. Сначала последние ответили очень высокомерно, но затем, заметив, какие размеры приняло восстание, одумались и вступили в переговоры; они обещали сделать все то, что будет сделано другими владельцами и вообще заговорили очень умеренным и примирительным тоном; только о Двенадцати статьях они и слышать не хотели. Горожане были этим удовлетворены, но крестьяне нет. Они собрались в одно место и двинулись 8-тысячным отрядом, собравшимся в Шипферской лощине, к замку Нейенштейн, где находился граф Альбрехт. Замок был взят ими без сопротивления, при чем в плен попала жена графа, сам же он бежал в Лангенбург. Все запасы, хранившиеся в замке, были забраны и, под угрозой сжечь

замок и местечко Нейенштейн, графы вынуждены были поехать на следующий день в крестьянский лагерь и присягнуть там христианскому братству и Двенадцати статьям. Отряд был так обрадован легкой победой и смирением графов, что ознаменовал это событие 2000 ружейных выстрелов,— расточительность бесполезная и неумная, так как у крестьян было очень немного пороха. Когда вскоре после этого крестьяне потребовали у графов орудий и пороха, последние отказали, так как в договоре ничего об этом не было упомянуто. Только когда до них дошла весть о мести у Вейнсберга, графы поспешили исполнить их желание, но прислали всего два боченка и полцентнера пороху. После того как графы присягнули союзу, они чувствовали себя гораздо более уверенно и давали только то, что они безусловно обязаны были давать. Крестьяне, в свою очередь, были вынуждены щадить их как членов союза, и таким образом они, как друзья, были более опасны, чем могли бы быть, оставаясь врагами. С многими другими дворянами дело обстояло не лучше. Последствия не замедлили показать себя.

* * *

В области лимпургского виноделия, центром которого являлся Гайльдорф, также ярко вспыхнуло пламя восстания. Во всех деревнях происходили собрания, на которых крестьяне призывались примкнуть к об'единенным отрядам в Шиперской долине. Не соглашавшихся добровольно силою вынуждали присоединяться. В Гайльдорфском отряде было много отчаянных парней, и за свою враждебность к дворянам он пользовался у последних дурной славой.

В средине марта восстали также крестьяне имперского города Галля. Сначала совету удалось их успокоить, но это продолжалось недолго. В ночь с 2 на 3 апреля вспыхнуло восстание, а на следующий день вожди насчитывали уже в своих рядах 3000 чело-

век. Галльские крестьяне отличались от других, главным образом ротенбургских, полнейшей неопытностью в военном деле и обращении с оружием. Вообще они очень добродушно смотрели на революцию. Главным образом их интересовала очистка поповских шкатулок и сундуков, и они принялись за это дело с примерным усердием. Ружья же были свалены, как поленья, на телегу, которая следовала позади отряда, а выставлять часовых они считали вообще лишним или неудобным занятием. Беззаботность эта была причиной одной из самых комических сцен в этой войне, вообще столь богатой разными трагическими происшествиями. В понедельник ночью, 3 апреля, крестьяне расположились у самого Галля с тем, чтобы на следующее утро разграбить богатые сокровища, хранившиеся в галльском «Саду роз» в Вестгейме. Под утро, когда все было погружено в глубокий сон, над лагерем внезапно раздался выстрел, за которым быстро следовали несколько других. Уже при первом выстреле «среди крестьян поднялся трепет, как в муравейнике, и гоготанье, как будто то было стадо гусей». Один кричит: бегите! спасайтесь! другой — стойте, собирайтесь вместе! но когда вслед за тем молния снова прорезала темноту, все сразу повалились на землю. «Здесь падают шесть, там десять, в третьем месте еще больше, и можно было думать, что все перебиты». После этого началось повальное бегство. Через несколько минут все рассеялись в различные стороны, и в руки маленькой кучки галльцев, наугад произведшей несколько выстрелов и, в свою очередь, пораженной происшедшим замешательством, достался весь лагерь с шестью повозками провианта и аммуниции, фруктами, мукой, вином, хлебом, курами, мясом и т. д. «Стефан-заяц, — рассказывает очевидец этой комической сцены, — еще недавно так радостно настроенный, бежал первым, равно как и остальные предводители отряда. Ни один крестьянин не был ранен, так как пули летели очень высоко. Только

несколько стариков, которым не удалось достаточно быстро удрать, были взяты в плен. В жизни я не видал большего чуда и более стремительного бегства: ни один не был ранен, хромые выпрямились, старики помолодели, и все дружно вместе бросились изо всех сил удирать».

Участвовавшие в походе по принуждению просили и получили на следующий день прощение у городского совета, остальные бежали и присоединились к различным отрядам в соседних областях.

В нижней долине Некара крестьяне также не отстали от своих братьев. Там поднял восстание и руководил им Яков Рорбах, на швабском диалекте Еклейн Рорбах, трактирщик в Бекингене в недалеком расстоянии от Гейльбронна. Рорбах происходил из старинного вольного имперского рода, был в то время еще молодым человеком, интеллигентным, мужественным и отважным; он был известен во всем округе своими постоянными спорами с попами и властями и пользовался, благодаря этому, большим уважением среди крестьян. Рорбах был одним из членов тайного союза, и его трактир являлся сборным пунктом всех недовольных. Он основал во многих местностях нижненекарской долины тайные общества, слепо повиновавшиеся всем его приказаниям. С Венделем Гиплером Еклейн был знаком уже давно, так как Гиплер, живший с 1524 г. невдалеке оттуда, в Вимпфене, часто посещал по делам Гейльбронн.

Не только в деревне, но и в городе было много недовольных. Дом булочника Вольфа Лепгайма, содержавшего, как и Рорбах, трактир, был постоянным местом собраний недовольных горожан и приезжавших в город крестьян. Все планы здесь же совместно обсуждались.

Личный спор Рорбаха с монастырским викарием в Вимпфене из-за арендной недоимки послужил первым внешним поводом к возмущению. Для разбора

тяжбы между ними в Бекингене был назначен суд, на который викарий должен был лично явиться. Но он своевременно был предупрежден, что дело его обстоит плохо и вся деревня на стороне Рорбаха. Викарий обратился поэтому с жалобой в совет в Гейльбронне. Последний решил отправить советника Берле в Бекинген в помощь фогту. Берле нашел деревню занятой вооруженными людьми и вынужден был отступить, не исполнив поручения. После этого декан монастыря попытался взять на себя посредничество между викарием и Рорбахом, но получил грубый ответ: «Пусть он и все капелланы целуют его зад, и чем скорее, тем лучше; он их скоро посетит, и тогда уже он признает только тот договор, который монастырь заключит с крестьянами».

В ночь на 2 апреля, в воскресенье, Еклейн отправился в соседнее селение и дал сигнал к восстанию. Восемьсот крестьян и заговорщики из Гейльбронна сошлись вместе и устроили народное собрание. Собрание прошло очень бурно, при чем особенно сильные угрозы раздавались по адресу рыцарей Немецкого ордена в Гейльбронне, «этих безбожных людей, чьи дома являются притонами разврата». Еклейн был избран начальником крестьян некарской долины. Вечером того же дня он вступил с 300 крестьян в Бекинген и разослал оттуда гонцов за подкреплением во все окрестности, главным образом в Зонтгейм. Деревни, не желавшие примкнуть, угрозами вынуждались к присоединению. По просьбе эрингцев, он явился к ним на помощь с 1500 людьми, а оттуда направился в общий сборный пункт, в Шипферскую долину в Оденвальде.

В отряде Рорбаха находилась женщина, пользовавшаяся широкой известностью под именем Черной Гофманши; она питала фанатическую ненависть к дворянству и старалась возбудить ее также и в других. Черная Гофманша была доверенным другом и совет-

чиком Еклейна, была посвящена во все его планы, знала все его связи и постоянно была занята завязыванием новых. Ее влияние было очень сильно; все считали ее волшебницей и ясновидящей; она сама делала вид, что находится в сношениях с высшими силами и действует по их внушению, и народ верил ей. Она принимала деятельное участие в движении еще во времена «Бедного Конрада» и говорила тогда крестьянам: «Так оно и будет, так оно и должно быть, ибо бог этого хочет».

Когда теперь отряд Еклейна вступил в Эринген, оттуда двинулся к Шенталю в Шипферской долине, Черная Гофманша с юношеской силой выступала впереди отряда и своими возгласами воодушевляла крестьян: «Будьте смелы,— восклицала она, — будьте бодры: я вас благословила, и вас не коснутся ни копье, ни алебарда, ни пуля».

Тем временем в Шипферской долине образовался сильный отряд, назвавший себя «евангелическим войском» или «отрядом ясного света». Главным начальником отряда был Георг Метцлер, трактирщик из Балленберга около Краутгейма. Как трактир Еклейна являлся местом сбора для заговорщиков некарской долины, точно так же заведение Метцлера было сборным пунктом для всех заговорщиков Оденвальда. Метцлер пользовался большим почетом во всем крае, вследствие чего он и был выбран главным начальником, что было, несомненно, большой ошибкой, ибо он совершенно не обладал никакими воинскими способностями. Повидимому, Метцлер согласился занять этот пост только по соглашению с Венделем Гиплером, у которого был план: поставить на место Метцлера Геца фон-Берлихенгена, — план, к которому склонялся также Метцлер и который во всяком случае должен был помешать Флориану Гейеру стать главнокомандующим.

Георг Метцлер издал письменное распоряжение об общем собрании на 4 апреля в Шентале, богатом ци-

стерцианском монастыре в долине Якст, и все крестьянские и городские общины приглашались примкнуть к «евангелическому войску». Монастырю при этом пришлось очень плохо. Все запасы, в том числе двадцать один воз вина, были увезены, и церковь совершенно разрушена. Но напрасно крестьяне искали там арендные книги: хитрые монахи заблаговременно отправили их во Франкфурт. Последнее так озлобило крестьян, что они хотели было совсем сжечь монастырь.

В Шентале на общем собрании начальников и советников был выработан план кампании, и Вендель Гиплер назначен канцлером союза. Часть отряда, согласно принятому решению, двинулась во Франконию, а главный отряд, в том числе Флориан Гейер со своей черной бандой и Еклейн Рорбах с некарцами направился в находящийся в стороне от Вейнсберга в двух часах расстояния от него Некарсульм, который постановлено было взять.

В то время как 6000 крестьян вступили в Некарсульм, австрийские власти в Штутгарте спешно двинули в укрепленный Вейнсберг графа Людвига фон-Гельфенштейна с 70 всадниками. Прибыв туда 12 апреля, Гельфенштейн тотчас же написал, что не в состоянии ничего поделать с крестьянами, если немедленно не получит подкрепления. За этим письмом последовало много других, одно настойчивее другого. Чтобы выиграть время, граф завязал переговоры с крестьянами, при чем был настолько бессовестен, что во время переговоров разослал по окрестностям своих всадников, которые убивали всякого крестьянина, попадавшего в их руки. Подобный образ действий привел крестьян в ярость.

Поступившие одновременно известия о поражении их братьев на Дунае, о том, как Трухзес обращается с пленными, как он все опустошает огнем и мечом, как он казнил Якова Веге из Лейпгейма и других и о прочих его бесчеловечных жестокостях, вызвали

среди крестьян еще большее возбуждение. Дворяне умышленно преувеличивали число убитых и распустили слух, что при Вурцахе число павших достигло 7000 человек, надеясь этим запугать и устрашить крестьян. В действительности же это привело к совершенно противоположным результатам.

В страстную пятницу крестьяне потребовали у графа Гельфенштейна сдачи города, но тот дерзко и высокомерно отклонил их требование. Крестьяне решили поэтому приступить к штурму. От жены одного вейнсбергского жителя, которой удалось выбраться из города, крестьяне узнали, что могут рассчитывать на часть городского населения. Находившийся в плену в крепости и бежавший оттуда Земмельганс из Нейенштейна сообщил им, что гарнизон замка состоит всего из восьми человек, все же остальные расположены в городе.

В пасхальное воскресенье 8-тысячное крестьянское войско подступило к городу. Гельфенштейн был предупрежден одним гейльброннским обывателем о намерении крестьян и принял все возможные меры. Он увеличил на 13 человек состав защитников замка, в котором находились его жена с ребенком и все его сокровища; он вообще считал взятие замка крестьянами невозможным.

В девять часов утра крестьяне заняли Шемельский холм, расположенный против Вейнсберга, и послали оттуда двух парламентеров в город с требованием в последний раз сдаться, угрожая в противном случае штурмовать город и замок и не пощадить никого из находящихся внутри. Вопреки всем обычаям войны, Дитрих фон-Вейлер встретил парламентеров выстрелами, которыми один из них был тяжело ранен. Надменность рыцарей была еще до того велика, что они не допускали мысли о серьезности намерений крестьян.

Выстрелы в парламентеров послужили сигналом к приступу. Флориан Гейер с своей черной бандой отделился от отряда и повел атаку крепости. Аван-

гард крестьян двинулся прямой дорогой в город, а за ним беглым маршем следовали главные силы. Черная Гофманша, шествуя, как всегда, впереди крестьян, воодушевляла их к борьбе предсказаниями и пророчествами: «Неприятельские ружья не причинят вам вреда»,— восклицала она, производя своей палкой какие-то знаки в воздухе.

Еклейн Рорбах атаковал нижние ворота и попытался их разбить; защитники на стенах крепости отчаянно оборонялись и нанесли крестьянам значительный урон, что вызвало еще большую ярость последних. Между тем как здесь старались проникнуть в нижние ворота и из трех дверей две уже были выбиты, Флориану Гейеру с его черной бандой, при поддержке гейльброннцев, удалось взять приступом замок, и оттуда в знак победы развевались уже крестьянские знамена. В то время крестьяне и горожане снаружи и изнутри старались проломать маленькую боковую дверь, и когда последняя упала, крестьяне из замка ворвались через нее, а одновременно и через нижние ворота, в город. «Ступайте по домам с женами и детьми, и с вами ничего не приключится»,— кричали крестьяне городским жителям, и те повиновались. Тем хуже пришлось рыцарям и всадникам. Кто из них только попадался в руки, того убивали; более всего жестоко расправлялись крестьяне из Бекингена и Вейнсбергской долины. Часть рыцарей и всадников заперлась в церкви, а некоторые из них, в том числе и Дитрих фон-Вейлер, взобрались на башню. Крестьяне разбили церковные двери и перерезали всех, кого там нашли, а затем ринулись вверх по лестнице на башню. Дитрих фон-Вейлер взобрался на карниз башни и заявил оттуда, что сдается в плен и согласен уплатить 30000 гульденов. Вместо ответа он был смертельно ранен пулей в шею, а взобравшиеся за ним на башню крестьяне столкнули его, еще хрипевшего, вниз на церковный двор.

Георг Метцлер и Андрей Реми из Циммерна поспешили туда и отдали приказ не убивать больше ни одного рыцаря или всадника, благодаря чему граф фон-Гельфенштейн и небольшое количество всадников попали в плен. В десять часов утра штурм был кончен, атака города не продолжалась и часа. Крестьяне разграбили город и замок и в последнем — огромную массу драгоценностей; после того как он был совершенно опустошен, они его подожгли. Тем временем Андрей Реми с товарищами держали совет на мельнице, как поступить с пленниками. Было постановлено прогнать их сквозь строй; наказание это считалось позорным и применялось только у ландскнехтов. Было немедленно приступлено к делу.

Людвиг фон-Гельфенштейн с другими тринадцатью дворянами и некоторыми слугами были выведены на луг у нижних ворот, и там об'явлен им приговор. Графиня фон-Гельфенштейн, внебрачная дочь покойного императора Максимилиана, которая присутствовала при этом со своим двухлетним ребенком на руках, услышав приговор, упала перед Еклейном на колени, простирала к нему своего ребенка и со слезами умоляла сохранить жизнь графу. Но Еклейн и его товарищи были неумолимы. Зверства Трухзеса и предательские нападения графа на крестьян, которые он еще всего за несколько дней перед тем совершал, слишком глубоко врезались им в сердце, и они жаждали крови и мщения. Напрасно граф предлагал выкуп в 30000 гульденов. «Если бы ты нам дал даже две тонны золота, ты все же должен бы умереть», — был ответ Рорбаха.

По приказанию Еклейна крестьяне стали в две шеренги, а Ганс Вальднер из Некаргартаха забил в барабан; крестьяне выставили вперед копья. Первым пал один ратник, за ним его господин, затем пришла очередь графа Гельфенштейна. Исповедавшись и попрощавшись с женой и ребенком, он стал у шеренги. Мельхиор Ноннемахер, часто перед тем игравший у

графа за столом, снял у него с головы шляпу с пером и надел ее на себя, восклицая: «Ты уже довольно долго ее носил, я тоже хочу хоть раз быть графом». И со словами: «Я уже достаточно играл у тебя за столом и за танцами, теперь я хочу наконец сыграть тебе настоящий танец», он проводил его, играя в рожок, до самой шеренги. После третьего шага граф был уже трупом. Остальных постигла та же участь, и только один рыцарь был освобожден. Черная Гофманша, присутствовавшая при этой страшной драме, воткнула графу нож в живот, пихнула его ногой и обозвала канальей. Реми из Циммерна воткнул перья из графского шлема себе в шляпу, а Еклейн Рорбах надел его воротник и плащ из дамасской ткани и насмешливо обратился к графине: «Сударыня, как я нравлюсь вам теперь в дамасском плаще?» У убитой горем графини забрали все ее украшения, сорвали с нее драгоценные платья, усадили ее с ребенком и горничной на навозной телеге и отправили в Гейльбронн, напутствуя ее следующими словами: «В золотой карете ты в'ехала в Вейнсберг, а в навозной телеге ты выезжаешь из него». Большая часть крестьянского войска и начальников узнала о происшествии с пленными только после того как оно уже совершилось.

В то время как Еклейн Рорбах и другие выполняли над пленными описанные экзекуции, начальники держали военный совет. В совете Флориан Гейер выставил требование *не связываться с дворянами*, а обращаться с ними так же, как с попами. *Все укрепленные замки должны быть сожжены, и дворяне, как и попы, уравнены в правах с крестьянами.* Дворянин не должен иметь больше одной двери, наравне с крестьянином. Поэтому все поместья, духовные и светские, разрушаются, и устанавливается только одно единственное сословие — сословие свободных граждан. Эта революционная точка зрения встретила в

совете сильный отпор, особенно со стороны Венделя Гиплера. Большинство начальников желало только низложить духовенство; с дворянством же, которое, по их мнению, имеет те же основания быть недовольным князьями, что и крестьяне, возможны соглашения. Здесь опять всплыла мысль, высказанная уже в Шентале: поставить во главе Геца фон-Берлихингена, так как он сможет привлечь на их сторону дворян. Это было таким образом в сущности новым изданием Гуттен-Зикингенского плана, с той разницей, что на сей раз крестьяне должны были выгребать каштаны из огня, в то время как там дворянство соглашалось взять главную работу на себя.

Резкое принципиальное разногласие между Флорианом Гейером, с одной стороны, и Венделем Гиплером и большинством крестьянского совета, с другой, послужило также причиной назначения первого на низшую должность по командованию армией. Что крестьяне не могли найти лучшего военачальника и более честного человека, чем Флориан Гейер, должно было быть ясно всем, так как он это достаточно доказал. Почему же в таком случае во главе был поставлен Георг Метцлер, человек не обладавший никакими военными познаниями? Почему старались заместить его, так как его негодность была очевидна, не Флорианом Гейером, а Гецом фон-Берлихингеном, к которому сами вожди не питали достаточно доверия, а масса относилась даже враждебно? Ответ: потому что Флориан Гейер заходил в своих планах слишком далеко, дальше, чем то было желательно руководителям и главным образом Венделю Гиплеру. Георг Метцлер был только орудием в руках Гиплера, а с Гецом фон-Берлихингеном последний уже долгие годы находился в дружбе и сходился с ним в своих стремлениях. Флориан же Гейер обладал независимым, энергичным характером, не давал ослепить себя дипломатическими уловками и не желал ничего знать ни о каком посредничестве.

Так как Флориан Гейер убедился, что он не может действовать совместно с Гиплером, а еще менее с Гецом, то он предпочел отделиться от «евангелического войска» и присоединиться к отряду во Франконии. Таким образом «ясный отряд» потерял превосходного вождя и заменил его начальником сомнительным, ставшим впоследствии изменником.

Из Вейнсберга «отряд ясного света» направился в Гейльбронн. Этот город должен был, по расчетам предводителей, стать главным опорным пунктом движения в южной Германии. Предводители надеялись, что удастся включить его в союз, хотя совет, составленный наполовину из представителей знатных родов, наполовину из представителей цехов, меньше всего мог считаться дружественным крестьянам. Кроме того город состоял членом Швабского союза и как таковой имел своего посланника в Ульме. Возмущение крестьян вокруг и недовольство части городского населения затрудняло деятельность совета и давало надежду предводителям крестьян найти в Гейльбронне желательный и необходимый опорный пункт для движения.

Из Некарсульма крестьяне, направляясь в город, предъявили ему пять требований: 1) позволить им (крестьянам) наказать в городе духовных, причем главным образом имелись в виду рыцари Немецкого ордена, владевшие в городе богатым орденским домом и убившие многих крестьян; 2) снабдить их пушками; 3) оказать им поддержку; 4) не принимать в город никого, враждебного им (крестьянам), и 5) признать Двенадцать статей.

Капитул ордена, которому угрожала серьезная опасность, в страхе обратился к городскому совету, и последний созвал общественный сход. Горожане заявили, что не желают заступаться ни за капитул с его канониками, ни за монахов, попов и монахинь; далее они заявили совету, что будут бороться против крестьян, если те выставят несправедливые требования,

с своей же стороны совет должен их обо всем извещать и присягнуть действовать всегда только в согласии с обществом.

После некоторых проволочек и переговоров совет вынужден был исполнить желания горожан. Капитул счел благоразумным тайно убраться в Гейдельберг, не передав дома Немецкого ордена городу и не приняв никаких мер для охраны орденского имущества.

Когда отдельные отряды крестьян появились вблизи города, то совет попытался побудить бюргеров к вылазке; те заявили, что не желают выступить против крестьян; раздавались даже голоса: «Было бы хорошо сбросить советников с здания ратуши и прогнать господ сквозь строй, как в Вейнсберге». Были также бурные выходки против совета, и волнение все возрастало по мере того как приближались крестьяне. Беспокойнее всех были многочисленные виноделы; некоторые выходили навстречу крестьянам и приглашали их вступить в город.

Совет запер все ворота и выставил на стенах артиллерию. На стенах возник крупный спор между партией совета и крестьянской. Отказывались стрелять, заряжали ружья бумагой, лили воду в порох, а жена Клауса Креслина совсем столкнула вниз со стены одного сторонника совета. Одному советнику, который приказал охранять ворота, женщины кричали: «мы предпочитаем помогать крестьянам», а курьера совета они грозили убить. Тем временем совет узнал, что крестьяне злобно настроены против города и угрожают все разрушить, если им не откроют ворот. Это побудило его выслать гонцов навстречу крестьянам для переговоров.

Крестьяне подступили совсем близко. Во главе опять выступала Черная Гофманша; она произнесла проклятье над городом и обозвала советников «злодеями и мошенниками». Подступив к городу, Георг Метцлер потребовал провианта; после некоторого проме-

дления совет согласился доставить его. Тогда Георг Метцлер потребовал впустить их в город. Совет отказался, но общество, частью запуганное, частью симпатизировавшее крестьянам, высказалось за это. Таким образом ворота были открыты, и крестьяне вступили в город.

Последствием этого вступления было, что город принял Двенадцать статей и присоединился к крестьянскому союзу. Монастыри и дома духовенства были обложены тяжелой контрибуцией, а дом Немецкого ордена совершенно разграблен. К последнему Еклейн прибил извещение и оповестил также по городу, что вся добыча продается. Сбежались стар и млад, мужчины и женщины и растаскали по домам дешевые приобретения. Впоследствии Немецкий орден оценил свои убытки в 20700 гульденов. В субботу 22 апреля «ясный отряд» из Гейльбронна вновь выступил. Город принужден был дать ему в подмогу небольшой отряд, во главе которого стоял Ганс Флюкс. Много вооруженных женщин присоединилось к нему. Рорбах и Реми из Циммерна, виновники вейнсбергской кровавой расправы, отделились с своими отрядами при вступлении из Гейльбронна от «ясного отряда» и направились в Крайхгау, чтобы присоединиться к вюртембергскому отряду.

Причиной этого отделения был раскол, возникший между Рорбахом и Венделем Гиплером и его партией из-за вейнсбергского происшествия. В планах Венделя Гиплера — поддержать с дворянством по возможности дружественные отношения и стараться расположить к себе — беспощадный поступок Рорбаха являлся грубым диссонансом. Пока Еклейн находился в отряде, Гиплер не мог мечтать об осуществлении своего плана, так как происшествие в Вейнсберге привело в ужас все дворянство, и Гецу фон-Берлихингену было столь же немыслимо оставаться рядом с Рорбахом, как раньше вместе с Флорианом Гейером. В совещаниях,

происходивших в крестьянском военном совете в Вейнсберге и Некарсульме, раскол обнаружился вполне и вызвал отделение Еклейна.

Совещания начальников и советников «ясного отряда» продолжались в Гундерсгейме, куда он теперь прибыл. Для установления лучшего порядка в отряде и чтобы иметь всегда в распоряжении дельных солдат, Вендель Гиплер внес два очень разумных предложения. Крестьяне после четырехнедельной службы не должны расходиться по домам, как это было до тех пор, но остаются в отряде до окончания войны. Далее, все ландскнехты, которые будут предлагать свои услуги как опытные солдаты, должны приниматься за жалованье на службу. Военный совет принял эти предложения, но община не согласилась. Крестьяне ненавидели ландскнехтов, так как много от них претерпели и кроме того опасались, что сократится их доля в добыче. Второе же предложение не нравилось им потому, что им таким образом приходилось бросать на произвол судьбы семью, дом и поле, а затем они полагали, что с них достаточно, если они расправились с собственным владельцем. Их близорукость и местный партикуляризм мешали им понять, что этим еще ничего не сделано, что как владельцы во всей Германии взаимно поддерживают друг друга, точно так же следует поступать и им. Напрасно Вендель Гиплер доказывал это крестьянам: его предложения были отклонены.

Зато ему удалось, хотя и после сильного противодействия, провести другой, давно лелеемый им план, а именно назначить Геца фон-Берлихингена предводителем «евангелического войска».

Гец фон-Берлихинген был одним из наиболее отважных рыцарей-разбойников своего времени. В одной из многочисленных стычек он потерял руку и носил железную. Будучи шурином Франца фон-Зикингена, он был замешан в его предприятиях про-

тив князей. Швабскому союзу он должен был дать клятву не мстить за обиды; союз был ему ненавистен потому, что главнейшей задачей союза было сохранить имперский мир и положить конец разбойничьему промыслу дворян. Благодаря своим многочисленным распрям и походам, Гец создал себе известность, и так как у него с некоторым внешним благородством совмещалось стремление стать на сторону угнетенных в тех случаях, когда это могло ему дать повод к распре с ненавистным ему человеком, то он пользовался даже некоторой симпатией неимущего народа.

Нет сомнения, что Вендель Гиплер и Гец давно уже состояли меж собой в тесных сношениях, и у них втайне существовал готовый план. Зикингенское предприятие должно было возродиться в новом виде. Что само дворянство не в состоянии провести этот план, доказал уже Зикингенский поход, и крестьянское восстание должно было быть использовано для достижения этой цели.

Еще в Шентале в Шипферской долине Гец побывал у крестьян с целью добиться того, чтобы оставили в покое его брата, жившего вблизи Шенталя в замке Якстгаузен, и подданные которого присоединились к крестьянам.

При помощи Венделя Гиплера ему это удалось. Гец и здесь выразился в том смысле, что будет помогать крестьянам против князей и желает и может привлечь дворян на их сторону. Дело шло о том, чтобы подготовить почву для своего плана. Вскоре после этого он пригласил франконских дворян на собрание, чтобы сговориться с ними об отношении к крестьянам. Происшествия в Вейнсберге помешали осуществиться этому плану. Дворянство было сильно напугано и, в противоположность плану Геца, решило стать на сторону князей. Повидимому, Гец сделал то же самое. Он предложил курфюрсту пфальцскому свои услуги и просил отправить под охраной в Гейдельберг его иму-

щество и запасы. Но это было только для виду, чтобы на всякий случай обеспечить себе тыл; и когда курфюрст прислал провожатого, в лице Вильгельма фон-Габерна, с некоторым количеством всадников, чтобы исполнить желание Геца, его не оказалось дома, жена его лежала в родах и ни о чем не знала, почему и не позволила увезти домашнее имущество. Габерн таким образом принужден был вернуться обратно ни с чем. Точно так же Гец утверждал, что не получил письма курфюрста, в котором тот принимает предложение Геца поступить к нему на службу, по той будто бы причине, что письмо это попало в руки его тещи, и та, усмотрев из него, что он желает покинуть семью, дом и поместье, по соглашению с его женой уничтожила письмо. Это тоже кажется пустой уловкой. Если бы Гец желал отправить свое имущество и запасы в Гейдельберг, то он не мог бы оставить в пустом замке жену и ребенка, тем более тогда, когда он собирался поступить на службу к курфюрсту, врагу крестьян. Это значило бы принести свою семью в жертву крестьянской мести. Гец вынужден был поступать осторожно, когда он увидел, как мало склонно дворянство пойти навстречу его желаниям, и должен был считаться с возможностью поражения крестьян, и поэтому он не мог ограничиться упомянутыми уже шагами у курфюрста пфальцского; впоследствии он сознался, что когда ему стало известно в Шентале, что крестьяне думают предпринять поход против Вюрцбурга, он послал гонца с предупреждением вюрцбургскому епископу, но гонец по странной случайности почему-то также не прибыл туда. Гец вел двойственную игру и старался на всякий случай обеспечить себе отступление.

24 апреля в Гундерсгейме Гец был принят в «евангелическое братство» и принес установленную присягу. Через короткое время Вендель Гиплер и дружный с ним и с Гецом Ганс Рейтер из Бирингена провели

в крестьянском совете свое предложение об избрании Геца главнокомандующим. Было также постановлено обратиться к дворянам за помощью и поддержкой.

Когда крестьянский совет выступил перед отрядом с обоими предложениями, поднялся большой крик и шум. «У нас крестьянская война, зачем нам дворяне? Зачем Геца главнокомандующим? Он нам добра не желает. Отчего не повесить его на первом дереве?» Такие и тому подобные восклицания раздавались в отряде. Напрасно убеждал их Вендель Гиплер, его слова не встречали сочувствия; только Ергу Метцлеру и Гансу Рейтеру удалось добиться согласия большинства. После этого к Гецу была отправлена депутация, чтобы оповестить его об избрании и побудить принять его. Гец слыхал о противодействии, которое встретило его избрание. Он сперва под различными предлогами отказывался от назначения: отчасти он действительно колебался, отчасти, чтобы сделать вид, что крестьяне против его воли навязали ему свое решение. Но в конце концов только после сильного протеста согласился принять его.

Подлинная рыцарски-разбойничья натура Геца тотчас проявилась наружу. Он предложил крестьянскому совету вместо предположенного похода на Вюрцбург взять сначала имперский город Галль. Он так же ненавидел богатое бюргерство, как и князей, и смирить бюргерскую сволочь было особенно любезно его разбойничье-рыцарскому сердцу. Но его предложение не встретило сочувствия среди крестьянского совета. С другой стороны, Гец восставал против осады Вюрцбургского замка, и был совершенно прав. «К врагу надо обращаться грудью, а не спиной»,—говорил он, имея этим в виду Швабский союз. Вместо того, чтобы двинуться на Вюрцбург и потерять время на осаду укрепленного замка Фрауенштейн, крестьяне должны были направиться против Швабского союза, единственного в то время врага, выставившего против них

организованное войско, соединиться с вюртембергским отрядом, притянуть к себе отряды из Шварцвальда, верхней Швабии и Альгау и попытаться разбить войско Трухзеса раньше, чем ему удалось соединиться с другими князьями, главным образом с графом Пфальцским, который заканчивал уже тогда свое снаряжение, и получить, таким образом, превосходство над крестьянами.

Непонятно, почему мысль эта не нашла сочувствия среди крестьян и был решен поход против Вюрцбюрга.

В новой должности Гец сейчас же постарался использовать свое влияние, чтобы добиться некоторых мероприятий, встречавших сильное противодействие. Он усердно стремился именно охранить замки и дома дворян от повреждений и разрушения. Дома эти должны были остаться неприкосновенными; зато он ничего не имел против того, чтобы крестьяне совершали нашествия на монастыри, и он сам не стеснялся получать свою долю в добыче и приобретать за бесценок у крестьян награбленное монастырское добро. Крестьяне совершенно не были согласны с его отношением к дворянским замкам и поместьям, и неоднократно отказывались исполнять распоряжение Геца, при чем дело доходило между ними до бурных сцен.

Раскол, происшедший между оденвальдским и неккартальским «ясным отрядом» и франконским войском, вернее сказать, между Венделем Гиплером и Гецом фон-Берлихингеном, с одной стороны, и Флорианом Гейером, с другой, также стал давать чувствовать себя. По пути через майнцский Оберштифт в Бухен «ясный отряд» прибыл в область, где незадолго перед тем проходил Флориан Гейер и заставил все деревни присягнуть франконскому отряду. «Ясный отряд» не захотел признать этот договор и в свою очередь вынудил их вновь присягнуть себе. Это еще больше углубило раскол и привело к открытой вражде.

С Еклейном Рорбахом дело равным образом дошло до досадного разрыва. Последний созвал повстанцев из Ца-

бергау и Крайхгау и расположился лагерем в монастыре в Маульбронне; на многочисленные жалобы своих бекингенцев на мероприятие гейльброннского совета он обратился к последнему с письмом, в котором оспаривал его распоряжения как противоречащие договору. Присутствовавшему в ясном отряде члену гейльброннского совета Гансу Берле удалось добиться, чтобы Гец фон-Берлихинген и Ерг Метцлер, как высшие начальники, сделали Еклейну резкое внушение, в заключении которого говорилось: «Если бы ты вновь подобным образом поступил (т.-е. действовал бы против их договоров), то мы вынуждены были бы выступить против тебя, чего мы предпочли бы избегнуть; прими это к руководству».

После выступления «ясного отряда» из Бухена, он избрал главной квартирой богатейший монастырь в Оденвальде, Аморбах. Вендель Гиплер, как и Гец фон-Берлихинген, давно уже желали сделать по возможности безвредными двенадцать статей и облегчить всем дворянам вступление в союз. Но Вендель Гиплер не смел думать об этом, а еще менее оно было возможно для Геца. Даже предводители, выбравшие его, относились к нему с таким недоверием, что решили самым тщательным образом следить за каждым его шагом. Ганс Берле, член гейльброннского совета, слывший ловким дипломатом, пришелся им как нельзя более кстати; ему было поручено это щекотливое дело и в вознаграждение за его услуги послано Еклейну упомянутое уже письмо.

Берле, Гиплер, Гец и Генрих Малер из Вимпфена образовали комиссию. Изменения заключались главным образом в следующем: шестой, седьмой, восьмой и десятый пункты, трактующие о барщине, земельных налогах, оброке и поместном владении, т.-е. самые важные пункты, совершенно в ы б р а с ы в а ю т с я. Второй, четвертый, пятый и одиннадцатый получили гораздо более м я г к у ю формулировку. Не удовольствовавшись этим, решено было сделать следующее прибавление:

во-первых, никто, под страхом телесного наказания, не имеет права без общего постановления грабить, ни принуждать кого-либо присоединяться к отряду. Во-вторых, оброк, подати и долги должны беспрекословно вноситься впредь до государственной реформы; в-третьих, никто не смеет наносить ущерб поместьям духовных и светских властей, а имения духовенства должны поступить в распоряжение деревенских властей (секвестр); в-четвертых, нельзя наносить оскорбление какому-либо духовному или светскому владельцу; в-пятых, каждый должен повиноваться городским, деревенским и сельским властям, подчиняться заслуженным наказаниям и содействовать правосудию против своеволия и насилий.

Этими изменениями, названными декларацией, совершенно почти упразднялись Двенадцать статей и уничтожалась та программа, которой они сами присягнули. Крестьяне, таким образом, должны были быть лишены плодов своей борьбы благодаря своим же собственным предводителям.

Составители декларации предчувствовали, какую бурю вызовет их произведение, когда оно станет известным. Поэтому, после того как большинство предводителей высказалось за изменение, Ганс Берле был послан в позади лежащие местности, чтобы заставить их раньше принять декларацию, а затем уже, надеялись, легче будет справиться с отрядом. Когда Ганс Берле прибыл со своей миссией в Бекинген, ему пришлось очень плохо. Черная Гофманша выступила ему навстречу: «Это проделки гейльброннца,— воскликнула она.— Клянусь страстями господними! Берле желает вас обмануть, вас надувают и обманывают; я сама воткну ему нож, и кто со мной согласен, пусть присоединяется ко мне, я начну первая». Ганс Берле поспешно ретировался.

Многие общины отправили гонцов в лагерь с заявлением: «Им кажется странным, что они теперь уже,

едва только успев свободно вздохнуть, вновь должны наложить на себя старое ярмо. Они полагали, что ведут войну за свою свободу; теперь же им пишут и предлагают оставаться в том же положении, что и раньше». Тогда только в лагере стало известно про декларацию, и буря разыгралась. Гец, Берле и Гиплер предусмотрительно отсутствовали. Отряд требовал, чтобы дом Геца был сожжен, а он сам убит. Другие обвиняли гейльброннский совет и хотели вернуться обратно и расправиться с ним. Часть оденвальдцев со злости вернулась и разрушила замки Вильденберг и Лимпах, которые были раньше пощажены ими по настоянию Геца. Другие опять-таки предлагали убивать на-зло Гиплеру и Гецу всех князей, попов и господ, которые откажутся присягнуть Двенадцати статьям. Гейльброннский и некоторые другие отряды совершенно отделились от войска и стали действовать на собственный страх и риск.

Когда Гец вернулся в лагерь, начальникам с большим трудом удалось защитить его от насилия, но ему пришлось все-таки выслушать много угроз и ругательств.

Начальники «ясного отряда» обещали, что впредь каждый граф или владелец, который на их дальнейшем пути в Вюрцбах вступит в союз, одновременно должен будет признать для себя обязательными Двенадцать статей и декларацию. Массы дали себя успокоить этим компромиссом, на который начальникам очень легко было согласиться.

* * *

По мере того как движение распространилось по верхней Швабии, Шварцвальду, княжеству Гогенлоэ, нижненеккарской долине и Оденвальду, не могло оставаться спокойным находящееся посредине Вюртембергское герцогство. Ненавистное владычество явилось лишним поводом к восстанию. Жители Ураха,

Мунзинга и Блаубейрских Альп были первыми, среди которых началось движение. 6 апреля у Перуллингена собралось до 1000 крестьян, и они вынудили город открыть им ворота.

Полная дезорганизация, в которую австрийское управление повергло Вюртембергскую область, благоприятствовала восстанию. Многочисленные замки и крепости, которыми была усеяна страна, стояли большей частью без гарнизона, орудий и амуниции. Все то, что удавалось добыть по части средств и войска, отправлялось в Италию. Правительство в Штутгарте получало со всех сторон от наместников жалбоы и требования денег, людей и других подкреплений. Правительство было в отчаянии. Вести о происшествиях в Вейнсберге окончательно его поразили.

В пасхальное воскресенье, 16 апреля, в день, когда «ясный» отряд Неккарталя и Оденвальда взял Вейнсберг, жители Боттвартской долины, среди которых еще живы были воспоминания о «Бедном Конраде», тысячами устремились к Вунненштейну и разбили там свой лагерь. Маттерн Фейербахер, уважаемый и любимый трактирщик из Боттварталя, трактир которого посещался даже дворянами, был, вопреки своему желанию, избран предводителем. Он предпочел бы остаться дома, но крестьяне не отпустили его. Подобным же образом и одновременно с боттвартальцами на Гейхельберге собрались жители многочисленных и населенных деревень Цаубергау и выбрали своим начальником Ганса Вундерера из Пфаффенгофа. Факелы и сторожевые огни, бросавшие в течение многих ночей с обоих холмов свет далеко по всей стране, проникавший в многочисленные окрестные дворянские поместья, вселил в них ужас и страх. Они должны были казаться дворянству могильными факелами, освещавшими путь к их гибели; то были грозные предзнаменования, что порабощенный и угнетенный народ устал носить свое ярмо и выступил, наконец, за свои человеческие права.

Правительство в Штутгарте, до которого дошли слухи о собраниях, поспешно отправило гонцов в Вунненштейн, чтобы удержать крестьян при помощи старого испытанного средства о переговорах. Последние не пустились в переговоры, а изложив свои жалобы, отослали их с гонцами в Штутгарт, вместе с требованием о признании Двенадцати статей. Отряд, возросший в несколько дней до 3000 человек, двинулся из Вунненштейна в Лауфен; чтобы устроить там свою главную квартиру. По пути туда между Маттерном Фейербахером и отрядом возникли пререкания, которые привели к его смещению на короткое время. Он упорно противился разграблению многих замков, и это вызвало такое возмущение со стороны отряда, что большинство потребовало его смещения; но на следующий день в лагере в Лауфене он вновь был избран.

Тем временем штутгартские послы снова вернулись в лагерь и предложили крестьянам созвать ландтаг для разбора их жалоб. Предложение было решительно отклонено, и послы должны были убраться ни с чем.

В лагере при Лауфене находились и цаубергауцы, и к ним присоединился также и Еклейн Рорбах. Соединившись вместе, около 6000 человек, они назвали себя «ясным христианским отрядом». Комитет из 32 выборных лиц был приставлен к Маттерну Фейербахеру, как к главнокомандующему, но все важные вопросы должны были решаться общим собранием отряда. Были разосланы гонцы во все стороны, призывая деревни и города присоединиться и примкнуть к отряду. После этого отряд двинулся к Штутгарту. Это послужило сигналом к бегству для членов правительства; они поспешили в Тюбинген.

После бегства правительства из Штутгарта, городской совет созвал собрание граждан на базарной площади и предложил выбрать из своей среды комиссию в 27 человек. Имелось в виду призвать на помощь против мятежников все соседние волости. Была также

отправлена депутация в крестьянский лагерь в Битигейм, чтобы вновь попытаться склонить их к созыву ландтага, указав им, что в подобном случае они могут рассчитывать на поддержку города. Матвей Гербер был оратором депутации. Фейербахер отклонил эти предложения и требовал, чтобы город признал Двенадцать статей как основу для «христианской реформации».

На следующий день, 23 апреля, крестьяне послали городу ультиматум и дали 36 часов на размышление. Им стало известно, что совет хочет их удержать, пока подоспеет находящееся в пути войско Трухзеса. 25 апреля крестьяне подступили к городу. Город поспешно выслал им навстречу Матвея Гербера с просьбой избавить их от расквартирования войск. Разыгравшаяся гроза заставила крестьян предпочесть расположиться в городе немедленно, и отряд во главе с Маттерном Фейербахером и в сопровождении Рорбаха и других столь страшных вейнсбергцев вступил в город.

Крестьяне обошлись с Штутгартом очень милостиво; только находившийся вблизи монастырь Бебенгаузен поплатился своими запасами и винным погребом. Штутгартские попы уплатили всего 400 гульденов контрибуции. После двухдневного пребывания в городе отряд выступил из Штутгарта по направлению к Ремской и Фильцской долинам, чтобы воспрепятствовать гайльдорфскому отряду вторгнуться в Вюртембергское герцогство.

Гайльдорфский отряд, сначала рекрутировавшийся из местностей лимпургского винодельческого района и имперского города Галля, а впоследствии присоединивший к себе деревенское население имперского города Гмюнда, внушал своими грабежами страх не одним только дворянам и попам. Между прочим, он разграбил богатый старинный монастырь Мурргарт и не менее богатый монастырь Лорх, а последний вдобавок сжег. Участь Лорха постигла также и знаменитый императорский замок Гогенштауфен, на который

напал гмюнденский отряд и в течение одной ночи взял и превратил в кучу пепла. Пожар замка Гогенштауфен, который виден был далеко по всей Швабии, произвел такое ужасное впечатление на все дворянство, что многие из них поспешили вступить в товарищество с отрядом и спасти тем свои замки от подобной участи; даже лимпургские князья последовали этому примеру.

Гайльдорфский отряд, который в отличие от других назывался крестьянским «ясным отрядом», направился к Шорндорфу и потребовал у города вступления в союз. Шорндорфский совет вместе с наместником, безрезультатно обращавшиеся за помощью к властям в Тюбингене и Швабскому союзу, чтобы избавиться от гайльдорфского отряда, призвали в город Маттерна Фейербахера с его отрядом, который и занял его. 29 апреля гайльдорфский отряд встретился с «ясным христианским отрядом» Маттерна в Шорндорфе. Маттерн потребовал у гайльдорфцев оставить Вюртемберг, «так как вюртембергцы сами могут очистить свои монастыри и их сундуки». Таким образом, и здесь сказался узкий партикуляризм, и в такой момент, когда вюртембергцам предстояло вскоре сражение с войсками Трухзеса. Эта партикуляристская черта красной нитью проходит сквозь всю крестьянскую войну; жители одной местности рассматривали всех остальных как «чужие нации» — так буквально они их называли, и это мешало всяким правильным совместным действиям, что было особенно необходимо ввиду сплочения их неприятеля.

«Ясный христианский» и гайльдорфский отряды разделились. Последний отправился на присоединение к франконскому войску, которое между тем приняло название «черный отряд». «Ясный христианский», или вюртембергский отряд, после того, как он принял в братство еще целый ряд местечек, в том числе и Геппинген, двинулся в Кирхгейм, Гогеннейфен и Урах.

Матвей Гербер, который присоединился к ясному христианскому отряду с небольшим отрядом, взял Кирхгейм. Вопреки категорическому приказанию Фейербахера, Вундерер, второй по чину, распорядился сжечь замок Тек. Происходили равным образом и грабежи, и Фейербахер не имел возможности препятствовать этому. Крестьяне не имели никакого желания оставить во владении господ те запасы, которые они пóтом-кровью накопили.

3 мая Маттерн Фейербахер разослал из нюртингенского лагеря срочные письма отрядам в Альгау, у Боденского озера и в Шварцвальде с требованием немедленно двинуться на подкрепление, так как Трухзес с войсками Швабского союза быстро приближался к нему.

В тот же день Маттерн Фейербахер получил письмо от герцога Ульриха, в котором тот спрашивает, как относится к нему отряд. После своего поражения в феврале Ульрих вновь пытался завязать сношения с крестьянами, но те долгое время уклонялись. Наконец, 21 апреля, ему удалось получить доступ в одну часть гегауского отряда под начальством Ганса Блейклера, и он принес присягу «евангелическому братству». По предложению Матвея Гербера, «ясный христианский» отряд решил дать герцогу уклончивый ответ.

К концу апреля движение в Вюртемберге до того усилилось, что в Нюртингенский лагерь ежедневно прибывало много нового народу. Благодаря этому уверенность крестьян значительно возросла.

В Гау (область, которая тянется у подошвы вюртембергского Шварцвальда) восстание было в полном разгаре. Беблингенская и Леонбергская волости также были вовлечены в движение, и в непродолжительном времени собралось 3000 человек, которые выступили 5 мая в Нюртингенский лагерь.

В вюртембергском Шварцвальде, в окрестностях Зульца, Ротвейля и Тутлингена собрался большой

отряд под начальством Майера из Фогельсберга. Отряд отдельными колоннами прорезал весь вюртембергский Шварцвальд, включая в союз города и деревни добровольно или силою. Каждое местечко, сообразно с количеством населения, должно было поставить известный контингент солдат в отряд. В начале мая собралось 8000 человек, с которыми Томас Майер двинулся на Зульц и взял город. В этот момент прибыли гонцы от Маттерна Фейербахера, который взял их в Нюртинген, и они тотчас же тронулись в путь, чтобы явиться на призыв.

В то время как «ясный христианский отряд» расположился лагерем у Нюртингена, чтобы подготовиться к сражению с Трухзесом, Еклейн Рорбах отправился созвать массы в Цабергау и окрестности Асперга. С той же целью явился Антон Эйзенгут в Крайхгау и Брухрайн, принадлежавший курфюрсту пфальцскому. В короткое время он собрал 1200 человек, с которыми двинулся в Гейдельсгейм, между Брухзалом и Бреттеном, и взял его, а затем покорил также и Зинсгейм. Курфюрст пфальцский своими добровольными уступками внес раскол у Эйзенгута; он подписал общую амнистию и дал твердое обещание рассмотреть жалобы крестьян на ближайшем ландтаге. Эйзенгут и крестьяне согласились на это. Позже мы увидим, как граф пфальцский сдержал свое обещание.

* * *

Дух революции охватывал все новые и новые области. В Вормсе бюргеры восстали против епископа, заставили капитул выдать им все документы, разорвали их и бросили в грязь. Епископ покинул город, и вследствие этого крестьяне обратились за просредничеством к пфальцграфу.

Серьезнее происходило дело во Франкфурте. В воскресенье 10 апреля там собралось 600 бюргеров из Нейштадта и Заксенгаузена, чтобы протестовать про-

тив нового налога в геллер на приезжавшие на ярмарки телеги. Бургомистры, поспешившие туда, чтобы успокоить народ, не достигли цели, и им пришлось вместо этого выслушать целый ряд жалоб. Пример шестисот подействовал заразительно на других. Через несколько дней после описанного происшествия большая часть бюргеров собралась с оружием в руках на конный рынок и выработала пункты своих жалоб, числом не меньше 46, из которых целых 13 против попов. Совет старался ставить им всевозможные затруднения; он до сих пор пользовался всеми привилегиями и набивал собственные карманы общественными деньгами, словом, управлял с чисто патрицианским произволом. Попы также подняли вопль. Но бюргеры не уступали; они угрожали силою отстоять свои права, и собравшиеся тысячи вооруженного народа указывали владельцам, что угрозы эти серьезны. Они поэтому с сокрушением сердечным покорились и 22 апреля издали грамоту, в которой они принимают требования «за себя и за своих наследников на вечные времена». Бюргерами была утверждена выборная комиссия по одному от десяти человек, которая должна была наблюдать за выполнением условия. Последняя, между прочим, ходила из дома в дом к священникам и приказывала, чтобы те отпустили своих содержанок.

В Майнце вечером 25 апреля собралась толпа вооруженных бюргеров и освободила из тюрьмы четырех проповедников нового учения. На следующее утро они призвали все население к восстанию против архиепископа и капитула. Бюргеры сбежались на призыв, заперли ворота, стащили орудия с валов на базарную площадь и грозили расстрелять все дома духовенства, если капитул не удовлетворит их требования, состоящие из 31 пункта. Архиепископ при начале движения бежал из города, и испуганный капитул немедленно принял все требования бюргеров.

Ниже по Рейну все также находилось в восстании. 23 апреля крестьяне Рейнской области двинулись к Мюцелау у св. Варфоломея, изложили свои жалобы и требования и представили их майнцскому капитулу. Всего ими пред'явлен был 31 пункт, в которых они, между прочим, требовали: свободного изучения Евангелия; установления тридцатой доли вместо десятины, чтобы поместья духовных и светских лиц вносили беду *) и выполняли общественные повинности наравне с бюргерами; чтобы каждый привлекался к суду только по месту своего жительства; чтобы братства были упразднены и не получали впредь ни аренды, ни оброка; чтобы всякие земельные налоги были отменены; чтобы ни один еврей, нищенствующий монах и сборщик на храм не был впредь терпим в Рейнской области; чтобы монастыри были упразднены и сборы на паломничество уничтожены; чтобы вода, пастбища и дичь были свободны, и каждый бюргер или крестьянин получал, по мере надобности, топливо и строительный лес и т. д. Капитул просил три или четыре дня на размышление. Часть хотела согласиться на это, но большинство потребовало немедленного решения, так как им стало известно, что население Майнца уже 25 апреля добилось всех своих требований.

Недовольные отправились на так называемое Вахгольдерское поле, без малого час ходьбы от Рейна, и призывали рыцарей явиться к ним и поддержать их требования. Рыцари, как и в других местах, очень враждебно настроенные против попов и надеявшиеся извлечь также и для себя выгоды от союза с бюргерами и крестьянами, явились туда и присягнули вместе с отрядом. Заступающий место архиепископа епископ Страсбургский явился по приглашению крестьян на Вахгольдерское поле и вынужден был подписать все их требования.

*) Беда — имперский налог. *Прим. пер.*

Точно так же, как во Франкфурте и Майнце, весною 1525 года движение распространилось почти по всем городам вдоль по Рейну и Мозелю и в Вестфалии. Глубокое недовольство городским и сельским управлением создало особенно благоприятную почву для движения в Рейнской области. Беспорядки начались в Поппарте, Кобленце, Бонне, Трире, Кельне, Везеле, Дюссельдорфе, Клеве, Мюнстере и других городах, и народ выступил за осуществление своих прав. Нигде все-таки дело не дошло там до серьезного и могучего взрыва.

От Вормса вниз по Рейну брожение происходило главным образом в городах, а вверх по Рейну — наоборот. В Пфальце — епископстве Шпейере, в верхнем и нижнем маркграфстве Бадене, — повсюду собирались многочисленные отряды крестьян. Было захвачено и разграблено, а местами также разрушено, множество монастырей и замков. Курфюрст пфальцский, которому удалось уже раз успокоить восставших в Брухрайне под предводительством Эйзенгута, заключив с последним договор, согласно которому об'являлась общая амнистия и созывался ландтаг для разбора и решения всех крестьянских жалоб, продолжал успешно действовать тем же путем по отношению к другим повстанческим отрядам своего княжества. У одного только Вохенгейма у Винцингена собралось 8000 человек, с которыми ему удалось заключить мир указанным уже образом, и чтобы показать, что намерения его искренни, он тотчас же созвал ландтаг на троицу в Гейдельберге и предписал всем владельцам и должностным лицам своего княжества «ни в чем не отступать от договора». В действительности же все это было сделано только для виду, и он решил тотчас же нарушить договор, как только это окажется возможным.

В епископстве Шпейер число вооруженных крестьян возросло до 5000—6000. Богатые монастыри епи-

скопства особенно сильно поплатились: крестьяне ходили от монастыря к монастырю и устраивались там в свое удовольствие. Так как в Шпейере брожение также было очень сильно и можно было опасаться восстания, то епископ счел благоразумным явиться по требованию крестьян в их лагерь из Гейдельберга, куда раньше он бежал, и заключить с ними договор. Договор был заключен, и чтобы побудить крестьян скорей отступить, епископ отправил им в лагерь из Рейнгаузена 200 мальтеров хлеба, 25 возов вина и на 100 флоринов мяса. Отряд разошелся по домам, а начальники с канцелярией устроились в Брухзале, чтобы быть под рукой в случае надобности.

Маркграфу Филиппу Баденскому удалось точно так же, как пфальцграфу и епископу Шпейерскому, потушить восстание, вспыхнувшее в его владениях, в нижней части маркграфства. Двадцать второго мая в Ренхене состоялся договор, по которому крестьяне получают удовлетворение своих главнейших требований: свободное проповедывание Евангелия, отмена малой десятины, понижение десятины с сена и конопли до одной двадцатой, отмена платы за требы, свобода передвижения, неограниченная свобода брака, свобода охоты, возврат общественных владений (альменда), отмена налога в пользу владельца при переходе имущества к наследникам и целый ряд других, менее важных, уступок и облегчений. Маркграф был единственным владельцем, который не нарушил договора с крестьянами после несчастного окончания войны.

В Брейсгау дело не обошлось так мирно. Ганс Мюллер из Бульгенбаха, который, как уже выше указано, отделился от герцога Ульриха, решил захватить главный город Брейсгау, Фрейбург, куда бежало множество духовных и светских владельцев со своим имуществом, и заставить город присоединиться к евангелическому братству. Подобно другим полководцам, он принуждал следовать за собой способных носить ору-

жие жителей тех мест, по которым проходил, если они не соглашались добровольно, и его отряд поэтому сильно разросся. При походе на Фрейбург всякий отдельный отряд считал своим долгом по возможности разграбить монастыри и дворянские замки. Особенно сильно поплатился монастырь Сент-Блазиен, известный далеко по всей стране своим богатством. Гауенштейнцы, подданные этого самого аббатства, провели шесть дней в монастыре и пировали там на-славу. Все что только можно они унесли затем с собой. Оловянные рамы они употребили для ружейных пуль, а из монастырских колоколов были отлиты орудийные снаряды.

11 мая отряд Ганса Мюллера тронулся в путь а 13-го он прибыл в окрестность Фрейбурга. Постепенно стекались туда и другие отряды, образовавшиеся в верхней части баденского маркграфства и в Брейсгау. Здесь находился отряд, составившийся в окрестностях Кайзерштуля, между Фрейбургом и Рейном, а к нему присоединился также отряд мунцингенского фогта. Оба отряда двинулись к Кенцингену, где к ним примкнул третий, составленный из сельских жителей в Ортенау, под начальством Георга Гейда. Все три отряда насчитывали вместе 12000 человек. Четвертый отряд образовался в верхней части маркграфства, в области Баденвейлер; он разгромил несколько замков маркграфа Эрнста, когда тот отказался признать Двенадцать статей, и бежал в Фрейбург. Наконец, пятый отряд образовался у Гохберга и разграбил монастырь Тенненбах, который впоследствии оценил свои убытки в 30000 гульденов.

17 мая все отряды сконцентрировались у Фрейбурга. С городских башен можно было насчитать в крестьянском лагере двадцать различных знамен. Главнокомандующим был Ганс Мюллер из Бульгенбаха. 15 мая он предложил городу сдаться, а 16-го вторично писал и требовал присылки в лагерь для переговоров шести

членов совета и шести представителей общины, в противном же случае будет приступлено к штурму города.

Так как совет не дал ответа, то войско подступило ближе к городу и так тесно обложило его, что никто не мог ни войти, ни выйти. Крестьянам хитростью удалось овладеть блокгаузом на Шлосберге перед городом. В течение ночи они при помощи веревок подняли наверх орудия, окружили их шанцами и на следующее утро стали очень метко обстреливать город. Дворянская молодежь попробовала сделать вылазку, но была отбита. Цехи, созванные для защиты города, были ненадежны, и совету осталось только капитулировать. 23 мая город сдался и вступил в крестьянский союз; он был обложен контрибуцией в 3000 гульденов, которую должны были доставить скрывшиеся там дворяне и священники. 24 мая крестьяне отступили уже от Фрейбурга; к ним экстренно обратились за помощью их братья в верхней Швабии и у озера.

* * *

Восстание в Брейсгау перекинулось также в Базель и его область. Здесь, как и во всем Обергейме и Эльзасе, предиканты разжигали пламя мятежа. 3 мая значительная толпа крестьян из деревень, прилегающих к Базелю, подступила к городу. Желая отклонить бюргеров от союза с крестьянами, совет обратился к цехам с торжественным обещанием дать удовлетворительное решение по всем жалобам, поступающим на его управление. Под влиянием угроз крестьян действовать силой, совет счел нужным вступить с ними в переговоры. Посредниками явились уполномоченные от Цюриха, Берна, Люцерна и Золотурна. Большая часть крестьян удовлетворилась этим и вернулась домой, заручившись обещанием отмены малой десятины, пошлины на случай смерти, крепостного права и дарования свободы передвижения, сокращения барщины и пр. Довольно внушительная толпа базельских крестьян во

главе с вожаками направилась к Эльзасу, об'ятому пламенем. Эльзас в те времена состоял из множества различных владений, самым могущественным из которых было австрийское, с главным городом Энзисхеймом. Область Мемпельгард принадлежала герцогу Вюртембергскому; большие поместья находились во владении епископа Страсбургского. Многие имперские города владели многочисленными деревнями; кроме этого оставалась еще масса владений, принадлежащих духовным и светским лицам.

Эльзасские крестьяне выработали свои собственные 12 статей, отличавшиеся от требований крестьян по эту сторону Рейна своим лаконизмом и большею определенностью. По этим статьям они требовали: 1) свободы правильного толкования Библии, 2) уничтожения большой и малой десятины, 3) уничтожения оброков и поборов; при долге в 20 фл. должно выплачиваться по гульдену в год, до полного его погашения, 4) свободного пользования водами, 5) свободного пользования лесами и дровами, 6) свободной охоты за дичью, 7) уничтожения крепостного права, 8) низложения князей и правителей, не пользующихся расположением народа, 9) восстановления суда и прав, существовавших в старину, 10) назначения хотя бы одного чиновника по усмотрению крестьян, 11) отмены поборов на случай смерти, 12) возвращения альменды, а также лугов и полей общинам.

Восстание началось в Зундгау и в графстве Мемпельгард. Зундгауцы получили подкрепление в лице 3000 швейцарцев, перешедших границу вопреки запрещению своих городских властей. В Энзисхейме была паника. Здесь, как и везде, правительство тоже ощущало нужду в войске и вооружении. Город этот служил убежищем для многих дворян, монахов и монахинь. Ландфогт эрцгерцога, некий Рапольтштейн, растерялся. Крестьяне же легкомысленно отказались от своего намерения обложить город, счи-

тая его сильнее, чем он был в самом деле, и двинулись к Зульцу и Гебвейлеру, которые 10 и 12 мая были взяты и присоединены к союзу.

В Страсбургском епископстве в аббатстве Альтдорф уже на пасхе собрался отряд численностью в 1100 человек. Второй отряд образовался в Дампахе; третий — в Эберсхейме — Мюнстере, а четвертый — в Виллертале. Все они разместились по монастырям. Жители деревень Миттельмейера, Беблена и Зигольсхейма, собравшись толпой, напали на монастырь Букс. На увещания фогта Рейхенвейера крестьяне сказали: «Поверьте, лучше, если это мы сделаем, а то придут чужие и сделают то же самое». Это была обычная логика в продолжение всей войны. При ограблении любого замка или монастыря можно было с уверенностью сказать, что самыми деятельными участниками в этом деле являлись собственные подданные феодального владельца, чего, в сущности, и нельзя было ставить в вину, так как на их обязанности лежала доставка местных припасов, и вполне естественно, что они не хотели уступить их чужим.

В Барре также собралась банда. Все перечисленные здесь отряды соединились под именем альтдорфских, или нижних отрядов. Ради привлечения возможно большего числа деревень к союзу, весь отряд был разделен на части. 10 мая по призыву их главного полководца, Эрасмуса Гербера, все отряды сошлись вместе, числом 14000 человек, и обложили Беркен, который немедленно же сдался.

В сильно укрепленном Раппольсвейлере находился в то время Ульрих фон-Раппольштейн, тщетно старавшийся успокоить взволнованное население. Бюргеры завладели воротами города и, таким образом, как бы взяли землевладельцев в плен. Комитет из 150 человек пред'явил Ульриху свои жалобы, которые он отослал своему отцу. Последний посоветовал уступить и принять требования. Но это не успокоило населения. Когда,

13 мая, часть крестьян подошла к городу, бюргеры, несмотря на данное им Ульриху фон-Раппольштейну обещание, открыли ворота и впустили крестьян в город. Какому-то крупному землевладельцу, сидевшему в это время за стаканом вина в одном доме, начертили мелом на ставне виселицу.

14 мая крестьяне вышли из Раппольсвейлера в Рейхенвейр, который также немедленно сдался, узнав, что ни Бреттен, ни Раппольсвейлер не оказали сопротивления. Эти три города принесли присягу союзу и дали обязательство доставить известное количество людей.

В конце апреля главный отряд, расположенный у Альтдорфа, пошел на Страсбург, чтобы, застигнув врасплох, завоевать его. Несколько бюргеров готовы были открыть ворота, но предложение их было отвергнуто. Отсюда отряд в 20000 человек направился к Эльзас-Цаберну, резиденции страсбургского епископа.

Дворяне и духовенство послали депутацию к герцогу Лотарингскому с предложением занять город, но бюргеры воспротивились этому, и 13 мая открыли ворота крестьянам и присягнули союзу.

Между тем в это время в Лотарингии у Сааргемюнда образовался отряд в 4000 человек; а к другому большому отряду, стоявшему лагерем у Нейбурга, около лесной дачи Хагенауер, присоединился в качестве аванпоста кольбенский, а близ монастыря Штюрцельбрунн и так называемый бешорненский и наконец у Вейсенбурга к нему примкнул и клейбургский. Весь Эльзас и часть Лотарингии представляли громадный крестьянский лагерь, и страх перед этим крестьянским движением был так велик, что являлись даже опасения за вторжение крестьян во Францию.

Местные феодалы чувствовали себя бессильными устоять перед этой могучей крестьянской массой и обратились с мольбой о помощи к герцогу Антону Лотарингскому, родом из известного дома Гизов.

Этот кровожадный и мстительный человек откликнулся на их призыв; он привлек к себе 30000 человек из всех феодальных владений, во главе которых двинулся против крестьян. В состав его войска входило, между прочим, около 2000 итальянских стрелков и несколько маленьких отрядов нидерландских ратников, очень много разбойников из Оверни и Бургони, людей способных на какое угодно преступление и пользовавшихся дурной славой далеко кругом. Наконец были еще албанцы, греческие стратиоты и пьемонтцы.

6 мая герцог выступил из Нанси в Эльзас. Как только узнал об этом Эрасмус Гербер, он послал с вестовым письмо герцогу, в котором убеждал его вступить в евангелическое братство и обещал за это неприкосновенность его земель. В ответ на это посол был казнен за «оскорбление величества», несколько дней спустя крестьяне взяли в плен одного из его мелких начальников, рыцаря фон-Браунбаха, но, не причинив ему никакого вреда, выпустили за 2000 гульденов. Часть лотарингского войска направилась из Ааргемюнда. При его приближении крестьяне, находившиеся за окопами, отступили. Герцог сделал перевал через Вогезы и пошел на Цаберн. Эрасмус Гербер, несмотря на горький опыт, послал второе письмо с просьбой о свидании для переговоров. Но герцог отклонил это предложение, считая его политическим маневром.

Этому способствовал слух о приближении банды в 30000 человек на помощь цабернскому отряду; кроме того, герцог был уже осведомлен о вступлении 4000 человек в Люпфштейн.

Против них-то он и послал отряд с огнестрельными орудиями. Загорелся бой. Крестьяне проявили много мужества. Чтобы принудить их к отступлению, герцог Гиз дал приказ обстрелять обоз, за которым крестьяне укрепились. И действительно, они отступили, мужественно оказывая сопротивление. Только после дол-

гого и упорного боя конница прорвалась в деревню. Крестьяне бросились тогда в церковь и в дома, но решительно отклонили предложение о сдаче. После этого, по распоряжению неприятельских полководцев, деревня была с четырех сторон подожжена, и все погибли в пламени. Пытавшиеся бежать были заколоты.

При первой же вести о наступлении лотарингца Эрасмус Гербер немедленно разослал гонцов во все стороны за помощью. 18 мая призыв Гербера дошел до Вольфа Вагнера, полководца небольшого отряда, расположенного у Аммерсвейлера. Часть отряда из'явила готовность немедленно же выступить, но другая часть воспротивилась этому из опасения, что их собственная родина останется без защиты и подвергнется опасности. Ударили в набат, и даже те, которые готовы были откликнуться на зов Гербера, принуждены были теперь остаться. Весь отряд, численностью в 12000 человек, окружил Кайзерберг, в то время как их братья около Цаберна испытывали позорное поражение.

Нужда в продовольствии, боязнь разгрома отдельных отрядов, благодаря превосходству сил герцога, наконец упадок духа, наступивший в крестьянском войске после поражения в Луперштейне, побудили Гербера вступить в малодушные переговоры с герцогом об условиях свободного отступления.

Условия герцога заключались в требовании сложения оружия, доставке 100 заложников и возвращении крестьян на родину. Условия эти были приняты. 17 мая граф фон-Зальм вошел в город и занял его. В это время вестники с письмами Гербера попали в руки герцога. В этих письмах он убеждал своих союзников по ту сторону Рейна дожидаться его прихода, наготовить оружия и продовольствия, чтобы потом двинуться в Эльзас и заново начать борьбу.

Разоблачения эти явились желанным предлогом для герцога к расторжению договора. Во время прохождения безоружных крестьян мимо выстроенных в ряды

ратников один из них вступил в спор с крестьянином. От слов скоро перешли к драке, послужившей сигналом к всеобщему нападению на безоружных.

Крестьяне ринулись в город за своим оружием, за ними последовали ратники, к которым присоединился и гарнизон, и началась страшная резня, жертвами которой пали 10000—18000 человек. Город был разгромлен лотарингскими бандами, женщины и девушки обесчещены на глазах мужей и отцов; мужчины частью изувечены, частью убиты.

Весть о победе лотарингцев доставила большую радость Трухзесу. Однако, его совет стянуть лотарингцев по эту сторону Рейна и двинуть их в Альгау был отклонен эрцгерцогом, но не из чувства человеколюбия, а в силу веских политических соображений. Дело в том, что лотарингцев, особенно после одержанной победы, не так-то легко было вывести вновь из родины.

Весть о цабернском поражении вызвала раскаяние, к сожалению, слишком поздно, в отряде, стоявшем под Кайзербергом; они все выражали теперь готовность дружно итти на врага. Так называемый Ландграбен был выбран пунктом для встречи с неприятелем. Нижне-эльзасцы, вследствие ли недоразумения, или из лишнего усердия прошли через Ландграбен до самых окрестностей Шлетштадта, и понятно, что на другой день верхне-эльзасцы не нашли их в условленном месте.

Нижне-эльзасцы столкнулись с лотарингским войском под Шерзейлером. Тотчас же крестьяне укрепились в прекрасной позиции и выстроились в боевом порядке; многочисленные орудия, привезенные с ними, были также хорошо установлены. Но участие дворян в союзе и назначение их в некоторых местах полководцами имело свое роковое значение. Дворяне в решительную минуту оказались изменниками. Некоторые из них, пользуясь своею властью

полководца, располагали отряд таким образом, что он утрачивал все преимущества своей позиции. У верхнеэльзасцев измена проявилась в другом виде. Как только они узнали через своих послов о нападении на своих братьев, они немедленно же поспешили к ним через Ландграбен на помощь, несмотря на то, что представляли незначительную силу в 1800 человек.

Крестьяне на этот раз не поддались на удочку прискакавшего фогта из Рейхенвейера, пытавшегося пустой болтовней как-нибудь удержать крестьян; напротив, они разоблачили его он вынужден был бежать, спасая свою жизнь. Когда крестьяне подошли, бой был уже во всем разгаре. Он начался с 7 часов вечера. Лотарингцы, незнакомые с местностью и видя сильную позицию неприятеля, не решились сначала на наступление. Но тут пришли им на помощь ренхенвейерский фогт и другие изменники из дворян и убеждали их обойти крестьян. Все старания лотарингцев взять штурмом проход Шервейлер не увенчались успехом, при чем подожгли деревню, чтобы осветить себе бой. Штурм был дважды отбит, несмотря на то, что плохие орудия мало причиняли вреда неприятелю. В то время как ландскнехты штурмовали проход спереди, неприятельская конница обошла крестьян и напала на них с тылу. Это вызвало страшную панику; в темноте крестьяне давили друг друга. Сражаясь, они отступили и скрылись за своим обозом. Итальянцы, между тем, пробрались в лотарингское войско, подползли под телеги и приподняли их на своих спинах в воздухе, облегчая таким образом наступление конницы. После трехчасового упорного боя поражение крестьян было явно, несмотря на всю проявленную ими ярость. Превосходство сил неприятеля было уже слишком значительно. На расстоянии сажени друг от друга лежали целые кучи трупов крестьян. Число убитых простиралось до 5000 человек, из которых 3000 было перебито войском герцога. 2000 крестьян удалось-таки прорваться. Таким

образом 7000 крестьян оказали геройское сопротивление 30000 лотарингцев, и только уж слишком неравное соотношение сил было причиной такого поражения.

В продолжение всей ночи конница не сходила с лошадей в ожидании нападения. Герцог, испуганный оказанным ему сопротивлением и громадными потерями, прискакал на следующий день, казнив предварительно в цабернском лагере 300 человек. Только растерянностью крестьян после пережитого поражения можно об'яснить тот факт, что они не воспользовались возможностью совершить нападение на герцога в вогезском проходе и совершенно уничтожить его со всем его войском. Возможность подобной перспективы нагнала сильный страх на герцога. Упавшие духом, вследствие этих страшных неудач, верхний Эльзас и Зундгау отдали себя во власть австрийского правительства в Энзисхеме. По договору, зачинщики предавались беспристрастному суду, а крестьянам были гарантированы слабые наказания. Но договор был нарушен правительством, и начались многочисленные казни и пытки. Дворянство, выказавшее сначала такую трусость, теперь обрушилось на крестьян всей силой своего гнета. Эти притеснения были причиной нового восстания в Зундгау. Швейцарцы в громадном количестве примкнули к этому восстанию, и осада Энзисхейма была уже решена, но благодаря вмешательству союзников и маркграфа Филиппа Баденского был заключен новый договор.

* * *

Мюнцер вернулся в начале марта 1525 г. в Мюльгаузен, куда еще несколькими месяцами ранее прибыл Пфейфер. Мюнцер, выступая теперь в качестве народного проповедника в городе и за пределами его, разоблачал при этом самым энергичным образом князей и дворян. Сельское население своими постоянными передвижениями из деревни в город и обратно прихо-

дило в соприкосновение с бюргерством и вызывало в нем сильное брожение. Тщетны были все обращения совета о содействии к эрцгерцогу Австрийскому и союзным городам Эрфурту, Гослар и Нордгау; ответом на них были только пустые обещания и пожимание плечами. 17 марта бюргеры собрались в полном вооружении и свергли старый совет. Его заменил новый совет, известный под названием «вечного», получивший это наименование вследствие того, что он составлял единую коллегию, в противоположность старому совету, состоявшему из 4 сменявшихся членов. Ни Мюнцер, ни Пфейфер не участвовали в этом новом совете, хотя оказывали громадное давление на его решения. Пфейфер остался проповедником при церкви св. Николая, Мюнцер—при церкви Марии. Мюнцер вместе с молодой женой и ребенком переселился в подворье Ионнитов и тут обосновался. Здесь он имел возможность быть в постоянных сношениях с вожаками движения всей Германии. Это был центр, откуда и куда присылались и отсылались во все стороны гонцы с письмами и поручениями. Мюнцер проявлял действительно лихорадочную деятельность. Своей ближайшей целью он ставил организацию, руководство и усиление революционного движения средней Германии, охватившего Гессен, Тюрингию и Саксонию до Эльбы. Отлично понимая, что исход зависит не только от настроения масс, но и от хорошего вооружения, он устроил при францисканском монастыре в Мюльгаузене литейную мастерскую, где изготовлялись орудия самых больших калибров. Пфейфер, между тем, обучал крестьян военному искусству и делал набеги на поместья окрестных феодалов и соседние монастыри.

Положение в средней Германии было таково. В Фульдской области Бухене, в местности, пересекаемой отрогами Гарца, покрытой прекрасными буками, откуда она и получила свое название, даже в Гессене в окрестностях Фаха, Фридвальда и Херсфель-

да всего насчитывалось в различных группах 10000 крестьян. В Фульдском округе главным полководцем отряда, как он себя величал, был Ганс Дольхопт, или Дольхофер, часовых дел мастер. Настоятель монастыря Фульда, коадьютор Иоанн, один из сыновей графа фон-Хейнеберга, вступил в братство. Бюргеры Фульда примкнули к крестьянам и вместе с ними разрушили и разграбили монастыри в городе и его окрестностях. Банда в 5000 человек окружила Херцфельд, завоевала и заставила его вступить в союз; а затем с подобным же требованием обратилась и ко всем гессенским городам. Филипп Гессенский прислал крестьянам гонца с требованием разойтись, но они категорически отказались исполнить это требование и в свою очередь настаивали на его вступлении в братство. Часть фульдского отряда двинулась в Фах на Верре, к нему примкнули крестьяне из местечек Зальцунген, Брейтенбах, Герстунген, Крейцбург и окрестностей Эйзенаха. Этот отряд в 8000 человек пошел вдоль Верры, разрушая и грабя попадавшиеся ему на пути монастыри и замки. У Ихтерсгаузена в Готском округе стоял другой отряд, в 4000 человек. Бюргеры Вальтерсхаузена соединились еще на фоминой неделе с крестьянами прилегающих к городу деревень, напали и совершенно разрушили богатое аббатство Рейнхардсборн, опустошили семейный склеп тюрингенских ландграфов и сожгли библиотеку монастыря со всеми документами. Другой крестьянский отряд, в 8000—9000 человек, стоял у монастыря Ильмен в Шварцбурге.

28 апреля 4000 эйхсфельдских крестьян подошли к Эрфурту, принадлежавшему майнцскому архиепископству, и потребовали пропуск, который и был им дан, благодаря тому что часть бюргеров перешла на их сторону. Монастырям и домам священников приходилось плохо, майнцские гербы всюду срывались, суд и таможня были разрушены. Мюнцер разослал своих гонцов в Фойгтланд, в округ Цвикау и в Рудные

горы, и везде старания его увенчались успехом. В Плауене присоединилось 8000 человек. У Ольтерлейн 1500 крестьян и горцев совершили набег на поместья грюнхайнского аббата. Анасберг был взят, а замок разрушен. Другой отряд из окрестностей Цвикау напал на монастырь Ауэ и совершенно разграбил его, уничтожив даже церковь. Крестьяне окрестностей Волькенштейна, Мариенберга и Анасберга составили особый отряд, который доставил много хлопот духовенству и дворянству.

У Геры и Ронненберга собрался отряд в 4000 крестьян, другой отряд, в 2000 человек,—у Зальфельда, и третий, в 3000,—у Нейштадта и Посспека. Как и всюду, эти отряды направляли свою деятельность против поместий духовных и светских феодалов. В кобургском округе всего за несколько недель было сожжено более 24 монастырей и замков.

Вблизи Мюльгаузена, в графстве Гогенштейн, Шварцбургском, Клеттенбургском и Мансфельдском округах,— всюду крестьяне были охвачены восстанием; туда же, где дело не совсем ладилось, Мюнцер посылал своих послов с письмами и подстрекал к восстанию. Горным жителям Мансфельдского округа, находившимся под влиянием своего господина, он послал со своим другом письмо, в котором, между прочим, писал: «Не будьте слабы, не льстите более сумасшедшим фантазиям, безбожным злодеям. Вступайте же впредь в борьбу с дворянами. Давно уже пришла пора. Не позволяйте же своим братьям издеваться над божескими законами, иначе им предстоит гибель. Вся Германия, Франция и Швейцария об'яты восстанием. Господь поднял карающую десницу, и злодеи должны погибнуть. В Фульде они разрушили на пасхе много монастырских церквей. В Клеттгау, в Хегау, в Шварцвальде восстали 30000 крестьян, и с каждым днем увеличивается эта армия, но я очень боюсь, как бы глупые люди не заключили новогоднего договора, так как они не понимают

еще вреда... *) Только вперед, вперед, вперед!.. Настало время. Злодеи приуныли, как собаки. Повлияйте же на своих братьев, чтобы они действовали дружнее и чтобы оставались верны данной клятве. Чаша переполнена. Вперед, вперед, вперед! Есть много, с чего вам нужно брать пример. Вперед, вперед, вперед! Настало время. Бальтасар и Бартель, Крум Фельтен и епископ, придите скорее!

Это письмо передайте горцам. Я бы сам хотел внушить братьям, чтобы сердца их стали обширнее всех замков и орудий безбожных злодеев на земле. Вперед, вперед, вперед!—огонь еще горяч. Не давайте мечам вашим остыть от крови; куйте молотом наковальню Нимврода, разрушьте его твердыню. Пока они живы—вы не избавитесь от страха».

Когда Лютер увидел, что движение вокруг все усиливается, он решился сам выступить. Он об'ездил Штольберг, Нордхейлен, Эрфурт, Веймар, Орламюнде, Калу, Иену и другие места, всюду громя «пророков, призывающих к убийству».

Но он должен был скоро со страхом убедиться, что влияние его исчезло. Ему пришлось услышать много горьких слов: в Орламюнде, где его встречали с восторгом еще несколько лет тому назад, теперь его забросали грязью, и ему пришлось бежать.

План Мюнцера заключался в том, чтобы отложить выступление, пока не удастся хорошо вооружиться и перетянуть на свою сторону опытных в военном деле горцев Мансфельда. Тюрингенские, как и франконские, швабские и эльзасские крестьяне совершенно не умели обращаться с оружием; нужно было хоть немного обучить их этому. Наконец, чувствовался недостаток в порохе, и Мюнцер послал за этим в Нюрнберг гонца с

---

*) Этот намек относится к договору, о котором мы уже упоминали, заключенному в Вейнгартене между верхне-швабскими и алльгаускими крестьянами и Трухзесом.

900 гульденами, но последний в решительную минуту не явился. Против воли пришлось Мюнцеру выступить раньше, чем он предполагал, и виной этому был Пфейфер. Последний находился в таком возбуждении, что утратил способность рассуждать, и при таких условиях дальнейшее выжидание было ему совершенно невмоготу. Доводы Мюнцера не действовали на него; Пфейфер прямо заявил ему, что если он помешает ему выступить, то он сам пойдет против него. Пфейфер своей горячностью привлек к себе массу приверженцев, которые только и ждали момента, чтобы ринуться на замки и монастыри, уничтожить и разграбить их. Таким образом Мюнцер вынужден был уступить, вопреки своему глубокому убеждению. Пфейфер пошел в Эйхсфельд, где было очень много монастырей и дворянских поместий, и вскоре вернулся оттуда с добычей. Мюнцер же с 400 крестьянами направился в Лангензальцу, оттуда в Хейлигенштадт, который был принят им в союз, и, наконец, в Дудерштадт, также примкнувший к союзу. Пфейфер же, между тем, опять двинулся в обратную сторону, где завладел несколькими замками, которые были тут же разрушены. После 12 мая не было уже ни одного монастыря от Гарца до впадения Унштрут в Заале, который остался бы нетронутым крестьянами.

В это время двадцатилетний ландграф, Филипп Гессенский, преданный друг Лютера и Меланхтона, отправил своих людей в Альсфельд и оттуда во главе прекрасного войска пошел в Херсфельд. При его приближении крестьяне отступили к Фульде. 3 мая ландграф подошел к городу, крестьяне между тем расположились лагерем на Франценберге. Они приняли оборонительное положение, но сильный огонь неприятеля заставил их опять отступить в город, где они оказали храброе сопротивление. Однако, разрушения нескольких домов по приказанию ландграфа было достаточно, чтобы привести в уныние бюргеров, и они по-

спешили открыть ему ворота. Большая часть крестьян бежала. 1500 человек бросились в замковые рвы, где они были по приказанию ландграфа заперты и оставлены без пищи и воды в продолжение 2 дней. Только на третий день их освободили, причем они так проголодались, что вступили в драку в замковой кухне из-за помоев. Их главный полководец, Ганс Дольхонт, и еще несколько вожаков были пойманы и казнены, а головы их посажены на колья у ворот. Остальные, обессиленные голодом, отпущены домой. Епископство Фульда приговорено было к уплате 4000 гульденов золотом контрибуции и 15000 на военные расходы; все подданные были обложены тяжелым денежным штрафом и у всех отобран скот. Кроме того, монастырь должен был признать себя вассалом ландграфа.

Ландграф, проявивший такую жестокость, получил в истории имя «Великодушного». Он очень любил блеснуть и похвастать своим знанием Библии. Очень характерен для него и для его друзей, Лютера и Меланхтона, следующий факт. Когда он при жизни своей первой жены пожелал вступить в брак с более молодой женщиной и обратился за разрешением на этот союз, реформаторы не представили никаких препятствий этому двоеженству. Едва ли даже непогрешимый папа обошелся бы более бесцеремонно с заповедями Евангелия, чем поступили в данном случае реформаторы. Но правда, религия существует только для народа, богатым же классам она служит только средством для достижения известных целей.

Поражение при Фульде опять выставило в истинном свете всю ограниченность и недальновидность крестьян. Во время разгрома фульдских крестьян на расстоянии всего лишь нескольких часов от них, на Гогенрене собрались 4000 человек, которые даже и не двинулись на помощь своим братьям; а в Нейштадте, в 6—7 милях расстояния, происходило в то время совещание верхне-франкских крестьян.

Из Фульды ландграф отправился в Эйзенах, где он соединился с герцогом Брауншвейгским. Оба сообща взяли город и казнили на рыночной площади 24 бюргера и крестьян, в том числе одного священника. Затем наступила очередь Лангензальца; здесь Георгом Саксонским было казнено 41 человек и наложено 7000 гульденов штрафу.

Поражения в Фульде, Эйзенахе и Лангензальце навели ужас на всю Тюрингию. Графу Альбрехту Мансфельдскому удавалось до сих пор с помощью всевозможных обещаний удержать рудокопов от союза с Мюнцером, что ставило последнего в очень затруднительное положение. Его приготовления были далеко не закончены, чтобы думать об удачном столкновении с таким хорошо вооруженным противником. Сам он лично не имел понятия о военном искусстве; вдобавок в его распоряжении не было ни одного знакомого с этим делом человека, которому можно было бы поручить руководство. Мюнцер заранее предвидел поражение и поэтому, разумеется, находился в сильном раздражении, которое особенно ярко выступает в его письмах к графам Альбрехту и Эрнсту Мансфельдским, написанных за несколько дней до решительной битвы. Он сознательно старался ввести себя в заблуждение относительно собственного положения и, отдаваясь порывам в некотором роде безумного гнева, думал этим увлечь окружающих. Одно место в письме к графу Эрнсту Мансфельдскому подтверждает это: «Под гарантией неприкосновенности личности, ты должен предстать перед нами, чтобы оправдаться от обвинения в открытой тирании. Если же ты не явишься, то погибнешь. Если ты не смиришься перед малым, то, говорю тебе по велению животворящего бога, ты будешь свергнут данной нам силой со своего трона. Ты не нужен христианской церкви — ты являешься только вредной метлой для друзей бога. О тебе и подобных тебе бог сказал, что гнездо твое должно быть разорено и уничтожено...» При

данных обстоятельствах это был язык человека, старающегося по адресу своего врага заменить крепким словцом недостающую ему реальную силу.

Отряд, организованный в Фахе, пошел на Франкенгаузен. Туда же отправлены были Мюнцером те силы, которые ему удалось собрать второпях. Таким образом, у него набралось едва 8000 человек, большею частью плохо вооруженных и недисциплинированных, между тем надвигающееся войско союзных князей состояло из 2600 всадников, 6000 пехотинцев и соответствующего числа орудий. Кроме того, под предводительством Иоанна Саксонского приближалось более 800 всадников и 2400 пехотинцев. Это была сила, с которой не мог бы справиться самый хорошо вооруженный и дисциплинированный крестьянский отряд, даже несравненно более сильный, чем отряд Мюнцера.

Мюнцер занял своим отрядом высоты у Франкенгаузена, с тех пор получившие название Шляхтберг, (гора сражения) и укрепился с сильным отрядом в глубоких окопах.

Князья, расположив свои войска в боевом порядке, обратились к крестьянам с требованием выдать вожаков во главе с Мюнцером и взамен этого обещали помилование. Страшное войско князей вызвало такую панику у большинства крестьян, что некоторые готовы были уже согласиться на это требование. Несколько дворян, по принуждению вступивших в отряд Мюнцера, старались теперь по мере возможности поддержать это настроение. Под их давлением была послана депутация в княжеский лагерь с просьбой о помиловании всех без исключения. Князья, успевшие во время переговоров окружить своей конницей весь крестьянский лагерь, требовали уже теперь сдачи на гнев и милость победителя, обещая по возможности смягченные наказания всем, за исключением Мюнцера и его приближенных. Дано было 3 часа на размышление. Тогда крестьяне послали вторую депутацию, ходатайство-

вавшую о помиловании и Мюнцера, но князья категорически отклонили эту просьбу и пригрозили немедленным наступлением. В результате крестьяне пришли в такое возбуждение и колебание, что один дворянин и один священник осмелились даже открыто призывать к измене, за что, по приказанию Мюнцера, оба были немедленно казнены. Тут же Мюнцер выступил с горячей речью, чтобы ободрить массу и воодушевить ее к бою. В это время, очень кстати для него, появилась на небе радуга — знак, который был на его знамени, и он воспользовался этим, чтобы указать на нее как на предзнаменование божьей помощи и благоволения к крестьянам.

В это время и ландграф Филипп ораторствовал перед своими ландскнехтами, уснащая свою речь библейскими текстами. Она заключала в себе очень интересные места: «Бог велит почитать начальство, и его нужно особенно почитать потому, что оно особенно нуждается в почитании. Оно особенно нуждается в почитании, когда на него клевещут или же когда оно само клевещет, и обязанность подданных помочь правительству нести свой позор с честью и прикрывать его, как сделал это Сим по отношению к злому Ною... Что же делают эти злодеи? Они не только не стараются замять наши ошибки, но, напротив, выводят их на чистую воду и вдобавок еще клевещут. Это ложь и клевета, что суд бездействует, что не предпринимается никаких мер к предупреждению убийств и грабежей в стране. Напротив, мы сильно озабочены восстановить мир в стране. Бремя, лежащее на наших подданых в виде податей и налогов, ничтожно в сравнении с трудами и заботами, выпадающими на нашу долю. Но всякий склонен считать свой крест самым тяжелым». Как видно, и ландграф — ученик Лютера, а что касается

его рассуждений, что труды и заботы подданных ничтожны в сравнении с тяжелой долей князей, то оно сильно напоминает уверения наших буржуа, ежедневно доказывающих, что рабочие ведут райскую жизнь в сравнении с ними.

Но еще до истечения условленного трехчасового срока княжеские войска окружили крестьянский обоз и сейчас же открыли огонь из всех орудий. Это произвело такую панику среди крестьян, что многие с перепугу повалились на землю; другие же так оторопели, что и не знали, на что решиться — итти в бой или бежать. Неприятельскому войску не стоило никакого труда прорваться через обоз, и тут произошла страшная кровавая бойня. Часть крестьян отступила к Франкенгаузену, часть убежала в соседний лес, и только незначительная часть приняла оборонительное положение и оказала отчаянное сопротивление. Княжеские всадники пустились в погоню за убегавшими в город крестьянами, и в монастырях, церквах и домах началась форменная резня. Протекающий в городе ручей сделался совершенно кровавым. 5000 крестьян было убито, 300 пленных были отведены к ратуше, где без всякого суда должны были быть казнены. Женщинам, хлопотавшим о помиловании их мужей, взятых в плен, один всадник крикнул: «Ваши мужья могли бы быть пощажены, если бы только согласились убить старого священника вместе с его капелланом, находящихся среди них». Этого было достаточно, и несчастные женщины бросились с дубинами исполнить это приказание. 300 пленных, за исключением тех, за которых хлопотали их жены, были казнены.

Мюнцер был также в числе бежавших в город. Здесь он скрылся на чердаке одного дома, где лег в кровать, обвязав себе голову платком, как тяжелобольной. Его нашел слуга одного рыцаря, также остановившегося в этом самом доме, и на вопрос его, кто он, Мюнцер ответил: «Больной человек, давно страдающий

лихорадкой». К несчастью, слуга нашел в его кармане письма графа Альбрехта Мансфельдского, и таким образом личность Мюнцера была установлена, и его препроводили к князьям. Здесь, после целого ряда издевательств, он был подвергнут пытке, а затем отдан во власть своего смертельного врага — графа Эрнста Мансфельдского, который велел приковать его к телеге и отправил в свой замок Хельдрунген, где заточил его в башне. Здесь была повторена пытка, с целью добиться от него признаний. Но его показания никому не принесли вреда. Даже из своего подземелья он нашел возможность написать своим мюльгаузенским друзьям, умоляя их прекратить дальнейшее кровопролитие и сдать город. В том же письме он умоляет их вернуть его жене безвозмездно принадлежащее ей именьице и все его книги и одежду. Лютер и его приверженцы распускали про Мюнцера слух, что он присвоил себе денежную добычу, благодаря чему разбогател.

После поражения при Франкенгаузене мюльгаузенцы сейчас же обратились ко всем тюрингенским отрядам за немедленной помощью. Но крестьяне, поглощенные спорами о второстепенных вопросах, не откликнулись на этот призыв и не пришли на помощь мюльгаузенцам. 19 мая началась осада города. После первой же бреши большинство бюргеров, не видя ниоткуда помощи, склонялось к сдаче. Князья же гарантировали им целость города при условии немедленной сдачи и выдачи зачинщиков. При таких условиях Пфейферу ничего не оставалось как бежать. В ночь с 24 на 25 мая он бежал в сопровождении 400 человек, в надежде прорваться в верхнюю Франконию. Это привело в смущение бюргеров, и они на следующее же утро послали в княжеский лагерь 600 женщин босиком, в изорванных одеждах, и 500 девушек с венками на голове — ходатайствовать о помиловании. Князья приняли этих челобитчиц довольно благосклонно, но заявили, что требуют прихода самих

мужей. В полдень того же дня отправились и сами бюргеры босиком, с непокрытыми головами и с белыми посохами в руках. Они прибыли в княжеский лагерь и передали ключи от города, при чем трижды преклонили колени перед князьями. Но князья, как видно, иначе понимали великодушие, чем бюргеры. Сделавшись господами положения, они приступили к репрессиям — предали смерти бургомистра и нескольких бюргеров, обезоружили население, опустошили казначейство, совершенно срыли наружные укрепления города и низвели имперский город до положения города, находящегося под покровительством князей. Кроме ежегодной контрибуции в 300 гульденов в пользу каждого из 7 союзных князей, взыскали еще 40000 гульденов золотом за причиненное разрушение и, сверх того, в возмещение убытков дворянам Эйхсфельда и Шварцбурга. По тем временам это была страшная, невероятная кара.

При взятии города один дворянин позволил себе недостойную бестактность — он оскорбил жену Мюнцера позорным предложением. Лютер, на свидетельство которого в данном случае можно вполне положиться, пишет по этому поводу: «Я узнал, что в Мюльгаузене один дворянин из знатного дома призвал к себе бедную жену Томаса Мюнцера, оставшуюся теперь вдовой и вдобавок беременной, и преклонил перед нею колени со словами: «Дорогая женщина, позволь мне наглядеться на тебя». Какой рыцарский, какой благородный поступок по отношению к несчастной, покинутой, беременной женщине! Вот это действительно смелый поступок, достойный рыцаря».

Мюнцер был переведен из башни замка Хельдрунген в лагерь Мюльгаузена и тут же у телеги, к которой он был прикован, казнен в присутствии самих князей. Даже в последние его минуты князья сочли уместным вызвать его на религиозный диспут, ввиду его религиозных воззрений. Но Мюнцер остался непоколебим и

21*

спокойно встретил смерть. Голова его была посажена на кол на Шадсберге, а тело поднято на колья. Одновременно с ним пала и голова Пфейфера, который в Эйзенахе был ранен и взят в плен с 92 союзниками. Голова Пфейфера была посажена на кол и выставлена по дороге в Больштедт. Смерть Мюнцера доставила большое удовлетворение Лютеру; таким образом его ненавистный враг был, наконец, устранен.

Так погиб в лице Мюнцера самый смелый, самый революционный деятель крестьянской войны. Достигнутые им результаты погибли благодаря неподготовленности эпохи, но его идеи не умерли, они продолжают жить и даже находятся на пути к своему осуществлению.

Ложь и клевета преследовали его и за могилой; Лютер и его друзья продолжали обливать его помоями и после смерти. Им-то главным образом обязан Мюнцер репутацией жалкого безумца в глазах людей, знающих его лишь по имени и по истечении многих столетий. Смешение с грязью памяти борцов за свободу народа, людей, всем пожертвовавших для него, унижение их только потому, что они не победили, свойственно не только нашему времени, но, как видно, не чуждо и прошлым векам. Реакция грязнит память людей, которых она имела основание бояться, а народ, лишенный правильного руководства, и по невежеству, в котором его искусственно держат, к сожалению, слишком часто верит своим притеснителям и подражает им. Судьба Мюнцера, его унижение, клевета на него дали повод сказать одному правдивому историку, Хаммерсдорферу, еще в прошлом столетии: «Если бы счастье улыбнулось Мюнцеру, то имя его стояло бы теперь на ряду с именами Штауффахера и Телля. Счастье изменило ему, и он пал от руки палача. Если бы Лютеру не повезло, то мы, конечно, не видели бы его теперь в том ореоле, в котором он является по крайней мере в глазах Европы. Воистину,

приходится часто стыдиться звания историка».

Почувствовав за собой силу, князья, как это всегда бывает, сейчас же стали мстить, и начался целый ряд казней. В Гермерском лагере было казнено 26 человек, в Тунгедском — 50, в Зангергаузене — 12, а в Лейпциге — 8, 15 наказаны розгами и изгнаны из города и 300 человек брошены в тюрьму. В Цвикау было также несколько казней. Один из местных священников хлопотал у курфюрста саксонского о помиловании крестьян из отряда Мюнцера; Лютер, узнав об этом, был вне себя. В Арнштадте, кроме 9 казней, 44 человека были заключены в тюрьму; город потерял все свои вольности и был приговорен к уплате 4000 флоринов, а ближайшие окрестности — к 15000 флоринов штрафу. В Мейссинском округе и вдоль Эльбы население было обложено тяжелым денежным штрафом, а в Рудных горах — именно в Аннаберге и Грюнхайне, по личному усмотрению дворян, крестьян обезглавливали, вешали, наказывали розгами, сажали в тюрьму и изгоняли из города. У многих конфисковали имения, других штрафовали на большие суммы. То же самое повторялось в каждом городе, до которого только достигала рука победившего князя.

* * *

Вся Франкония, как к югу, так и к северу от Майнца, была охвачена восстанием. В середине апреля бюргеры Мюнерштадта и окрестные крестьяне расположились сильным лагерем близ бильдхаузенского монастыря. Ганс Шнабель из Мюнерштадта и Ганс Шаар из Бурглаура были выбраны полководцами. В Ашахе и Киссингене сорганизовались меньшие отряды, которые, как и бильдхаузенский, совершали частые набеги на монастыри.

Епископ Вюрцбургский, чувствуя себя не в безопасности благодаря восстанию, охватившему всю страну,

созвал с'езд князей и дворян в Вюрцбурге 6 апреля. Явились не все. Среди отсутствовавших находился граф фон-Хеннеберг, наследственный маршал соборного капитула. Он должен был также приехать в Вюрцбург в пятницу после пасхи, но в назначенный день он не явился, несмотря на данные им обещания. На вопрос, как ему живется, он ответил, что страдает от безденежья, что никто не хочет итти к нему в услужение, и что сейчас очень нуждается в 4000 гульденов. Эта сумма была ему послана епископом, и она прибыла 27 апреля в Шлейзинген, где он жил. Но графа в это время не было дома, и деньги эти приняла его жена после некоторого колебания. В это время Хеннеберг находился в бильдхаузенском лагере и вел переговоры с крестьянами, а 3 мая он вступил в союз. Но в данном случае им руководила не симпатия к движению, а эгоистический расчет. Граф фон-Хеннеберг был вассалом епископа Вюрцбургского, и он теперь спекулировал на его низвержении, надеясь с помощью крестьян сделаться независимым имперским князем. Он последовал примеру маркграфа Казимира фон-Аншпаха, эрцгерцога Фердинанда Австрийского и им подобных,— он постарался использовать крестьянскую революцию для своих целей.

Даже в самом Вюрцбурге было совершено в короткое время несколько набегов под предводительством Ганса Берметера и других; это и побудило епископа запастись провиантом и перебраться в находящуюся за городом крепость со всем своим капитулом и со своими советниками. Посредничество командированного им посла Ротенхана и пущенные им в ход угрозы не привели ни к чему. Разгневанные бюргеры поспешили занять ворота города, завладели орудиями и воспользовались с'естными припасами из хорошо набитых погребов духовенства.

Перепуганный этим, епископ поспешил созвать на 30 апреля ландтаг, который должен был заняться вопросом об уничтожении повинностей. 2 мая он сам прискакал в город в сопровождении советников, сделав предварительно все необходимые распоряжения для защиты Фрауенберга. Все представители власти, числом 13, были представлены в ландтаге. Епископ принужден был привлечь также крестьян к участию в ландтаге, но на его приглашение получился следующий ответ от предводителей тауберского отряда: «Некогда заниматься совещаниями: отряд вскоре сам вступит в Вюрцбург». Одновременно с этим и бильдхаузенцы получили приказ итти на Вюрцбург. Таким образом, ландтаг не состоялся. Бюргеры гарантировали епископу неприкосновенность личности для возвращения в его замок. Когда узнали об этом женщины, они пришли в ярость и воскликнули: «Если бы мы только знали, что наши мужья будут настолько глупы, чтобы отпустить епископа в свой замок, мы сами собрались бы и взяли бы его в плен». 5 мая епископ тайно уехал из Фрауенберга, передав замок с 244 чел. гарнизона в распоряжение Ротенхана.

Поход различных отрядов на Вюрцбург навел крестьян маркграфства Аншпах Эйхштадтского округа, в окрестностях Нюрнберга, на серьезные размышления. В Эйхштадтском округе сошлись 5000 крестьян, но герцог Баварский очень скоро рассеял их. Маркграф же Казимир не так легко справился со своими крестьянами. Хитрый и бессовестный, он и тут пустился на хитрость: чтобы только как-нибудь успокоить крестьян, он в ландтаге обещал им всевозможные уступки. Но не все попались на эту удочку. В нижнем Айше, к северу от Швабаха, сорганизовался отряд в 3000 человек, который на пути своем частью разрушил, частью сжег несколько десятков монастырей и усадеб. В Остхо-

вене так же сорганизовался отряд в 1500 человек. Восстание охватило также округа Бейрейт, Вунзидель и Хов. Под давлением этих обстоятельств, маркграф вступил в мирные переговоры с руководителями вюрцбургского отряда. Он сделал вид, что желает вступить в союз. Таким приемом он надеялся скорее справиться с восставшими.

Такую же политику повел и нюрнбергский совет. Расточая во все стороны хорошие слова, он поспешил облегчить главные повинности бюргеров, обещал и крестьянам некоторые облегчения; таким образом он сумел предупредить открытое восстание.

В Бамбергском округе крестьяне расправлялись очень энергично с монастырями и замками. В продолжение недели они разрушили одних только замков не менее 70; они не пощадили также ни одного монастыря во всем епископстве. В Бамбергском округе крестьяне сорганизовались в 4 различных отряда. Один расположился у Альтенберга, близ Бамберга, другой — у Гохштетта на Айше, третий — у Эберманнштадта и Кирхеренбаха, четвертый — у Лихтенфельса на Майне.

Тауберский отряд, известный еще под названием «франконского войска», вышел 28 апреля из Оксенфурта. С неслыханной до сих пор суровостью нападали теперь крестьяне на замки и монастыри и уничтожали их. Руководил этими нападениями Флориан Гейер. Каждую ночь небо обагрялось заревом от горящих замков и монастырей. 6 мая Флориан Гейер вступил во главе франконского войска в Вюрцбург. За ним последовал на другой день «ясный отряд» из Неккарталя и Оденвальда под предводительством Геца фон-Берлихингена и Георга Мецлера. Из Киссингена и его окрестностей также двинулась банда в 2000 человек.

В тот же самый день, когда Флориан Гейер и франконское войско подходили к Вюрцбургу, бильдхау-

зенский отряд на совещании в Нейштадте 6 мая высказался за поход на Вюрцбург. Мейнингенцы звали его на помощь. Курфюрст саксонский вышел из Франкенхаузена и во главе своего войска пошел на Кобург через Эйзенах и Мейнинген. В Кобург с'ехались изменившие епископу Вюрцбургскому дворяне, между которыми был и Хеннеберг. Как только до него долетела весть о поражении крестьян, и планам его стала угрожать серьезная опасность, этот вероломный дворянин поспешил перейти на сторону епископа. Но пока что ему удалось скрыть свою измену от крестьян. Бильдхаузенский отряд из 7000 человек, ничего не предчувствуя, двинулся к Мейнингену, послав вперед обоз с небольшим прикрытием, но у Дрейсигакера на него врасплох напал граф фон-Хеннеберг, забрал его, при чем убил 40 человек прикрытия. Тогда отряд отступил к Бильдштейну, но не успел он еще окопаться, как ему пришлось выдержать нападение со стороны войска курфюрста. Крестьяне вернулись в Мейнинген, потеряв несколько сот человек и несколько орудий, но трусливые мейнингенцы изменили теперь крестьянам и вступили в переговоры с курфюрстом о сдаче города. Когда об этом узнал Ганс Шнабель, предводитель отряда, он решил бежать. Но благодаря полученному подкреплению, мейнингенцам удалось его арестовать, и он был отдан курфюрсту, который, в свою очередь, передал его Хеннебергу, а этот заключил его в тюрьму. Взятие в плен полководца повлекло за собой распадение отряда. Крестьяне бросили на произвол судьбы орудия и поспешили домой. Таким образом победа дворян очень облегчилась.

Гарнизон Франценберга в Вюрцбурге об'явил крестьянским главарям через посредников, что он ничего не имеет против принятия их 12 статей крестьянских требований, но предварительно просит дать ему время для переговоров с епископом. Вюрцбургские бюргеры и слышать об этом не хотели. Они настаивали на раз-

рушении замка и превращении своего города в свободный имперский город. Флориан Гейер также стоял за разрушение замка. Напротив, Гец фон-Берлихинген, питавший личную ненависть против епископа Бамбергского и против нюрнбергцев как против горожан, богатство которых, вероятно, соблазняло его, был за принятие предложения, что и было сделано — вероятно, благодаря ему. Но он, впрочем, не настаивал на своем. Гарнизон же нашел другой исход. Единомыслие, чтобы не сказать — соглашение, между Гецем фон-Берлихингеном и гарнизоном было вне всякого сомнения. Находящийся в крестьянском лагере граф Вертхейм вполне разделял взгляд Геца. С графом Вертхеймом и вступил в сношения соборный протоиерей в Фрауенберге, добившийся в конце концов отделения оденвальдского отряда от франконского. Он предложил главарям оденвальдского отряда 3000 гульденов и полумесячную плату каждому крестьянину, с условием оказать защиту крепости и этим повлиять на епископа против принятия 12 статей крестьянских требований. Легкость, с которой вступили дворяне в крестьянский союз, доказывает, как мало придавалось ими значения этой формальности; они рассуждали: и с своей точки зрения вполне правильно, что вступая в союз, который обеспечивал им неприкосновенность их собственности, они всегда найдут возможность и выступить из него. И чем их было больше, тем большую опасность представляли они для крестьянского движения. Благодаря положению, они постоянно приобретали большое влияние, а близкое знакомство с положением крестьянского войска давало им возможность оказывать ценные услуги своим товарищам по сословию и предательством погубить движение. Таков был расчет и фрауенбергских дворян.

Попытка к подкупу вскоре дошла до всеобщего сведения и вызвала страшное возмущение. Здесь-то во всей силе обнаружилось несогласие между Гецом

фон-Берлихингеном и Флорианом Гейером, и разногласия между двумя предводителями не прошли бесследно и для крестьян. Во избежание бунта в крестьянском войске, Гец и его сторонники должны были отклонить повторенное предложение фрауенбергского гарнизона.

Крестьяне между тем укрепились за окопами на Никласберге, напротив Фрауенберга, и 14 мая открыли огонь. Но расстояние оказалось слишком большим, а орудия — недальнобойными и недостаточно тяжелыми, чтобы принести существенный вред замку. Он более пострадал от обстреливания из города с башен Блейентурн и из августинского монастыря; но зато, в свою очередь, и находившиеся в замке имели возможность свободно обстреливать город.

Вечером 15 мая между 9—10 часами кучка крестьян с топорами, веревками и всякого рода разрушительными снарядами напала на замок и, не сделав еще ни одной бреши, решилась взять его штурмом. Самое деятельное участие принимали в этой атаке люди из черного отряда Флориана Гейера. Произошел страшный бой. Осажденные обсыпали с замка нападавших паклею, пропитанной смолой и серой, метательными снарядами, начиненными порохом и камнями, и обстреливали их со всех сторон. Штурм был отбит. Второй штурм был так же неудачен. К двум часам ночи все уже было кончено. В замковых склепах и шанцах лежало 400 убитых или тяжелораненых; лежащие за шанцами поволокли за собой штурмовавших. На другое утро явились из лагеря гонцы с предложением перемирия до 2 часов пополудни, чтобы извлечь раненых из глубоких ям и похоронить убитых. Гарнизон же требовал перемирия до полуночи, с условием, чтобы крестьяне не подходили близко к замковым рвам. Но условия эти были отклонены, и, таким образом, раненые обрекались на страшные страдания и смерть.

Штурм такого крепкого замка до пробития бреши был безумием и кончился так, как должен был кончиться. На ком лежит ответственность? История умалчивает об этом. Но факт тот, что Флориан Гейер не принимал участия в этом деле. Он, напротив, понимая невозможность справиться с замком без тяжелых орудий, предложил послать в Ротенбург за двумя прекрасными орудиями этого города. Поручение это возложено было на самого Флориана и старосту Оксенфурта. Вернулись они не только с орудиями и со всеми необходимыми снарядами, но с подкреплением в 600 человек. В отсутствие Флориана Гейера и начался этот бессмысленный штурм, деятельными участниками которого явились его собственные люди. Гец находился во главе отрядов под Вюрцбургом; без его согласия этот штурм не мог состояться, и как опытный в войне человек он отлично понимал его бесполезность, но ввиду его известной симпатии к фрауенбергцам, вполне понятно, что он счел лишним помешать. Напротив, при известных шансах на успех, в его интересах было бы не допустить штурма. Факт тот, что этого не случилось, и что штурм произошел в отсутствие Флориана Гейера, что его люди, лучшие во всем войске, были посланы на это дело, не оставляет никакого сомнения в том, что поступками Геца руководило чувство мести к Гейеру и желание подавить крестьянское движение. Он рассчитывал на гибель черного отряда во время штурма и на панику в крестьянском лагере вследствие тяжелых потерь, чтобы доказать свою правоту, когда он утверждал, что осада Фрауенберга—безумие, что целесообразнее было бы принять условия гарнизона и итти затем на Нюрнберг и Бамберг. Но для проведения этого плана нужно было предварительно удалить Флориана Гейера, и этого удалось достигнуть, отослав его в Ротенбург.

На другой день после штурма, 16 мая, вернулся в лагерь Флориан Гейер с орудиями и с 600 ротен-

бургцами. Ему устроили здесь восторженную встречу. 18 числа орудия были уже установлены, и вскоре большая часть стены была выбита. Но в это время прибыл из Гейльбронна Вендель Гиплер с очень печальными известиями, и весь план должен был измениться.

* * *

Еще во время похода на Вюрцбург аморбахский отряд принял решение созвать комитет депутатов от всех крестьянских отрядов для обсуждения «имперской реформы». Еще до достижения каких-либо реальных успехов задавались такими планами. Гейльбронн, местожительство Ганса Берле, был избран местом для комитета. Вендель Гиплер, Лохер из Рюльсхейма и Ганс Шикнер из Вейсленбурга составили «ученый крестьянский совет», который должен был заняться выработкой «писаной конституции». Курмайнцский келлер Вейганд в Мильтенберге доставил массу ценного материала — он прислал целые груды документов с проектами. Кроме того, комитет был завален массой вопросов со стороны крестьянских вожаков об организации войска, ведении войны, составе отрядов и т. д., на которые нужно было дать ответ. Игнорируя все происходящие вокруг события, крестьянские советы приступили к составлению проекта имперской реформы, которая заключала в себе 14 пунктов:

1) Преобразование духовного сословия как высшего, так и низшего звания, при оставлении ему необходимых средств к существованию. Все поместья духовенства конфискуются в общую пользу.

2) Преобразование феодального сословия, с целью лишить его возможности свыше меры, прикрываясь христианской свободой, эксплоатировать бедняков. Одинаковые права как для высших, так и для низших сословий. Князья и дворяне обязаны защищать бедняков и оказывать им братскую помощь, довольствуясь скромными доходами от них.

3) Преобразование всех городов и общин, согласно божескому и естественному праву и христианской свободе. Все земельные оброки должны подлежать выкупу.

4) Доктора римского права не имеют права заседать в суде или княжеском совете. В каждом университете допускаются только 3 доктора имперского права.

5) Духовные лица высшего или низшего ранга не имеют права заседать в имперском совете или отправлять обязанность судьи по назначению князей или общин; они не имеют права занимать светских должностей.

6) До сих пор действующее светское право отменяется; остается в силе только божеское и естественное право, по которому богатый и бедный равны. В государстве учреждаются 64 свободных суда, 16 земских судов, 6 надворных судов, 1 имперский высший суд, который должен составляться из заседателей от всех 4 сословий, но таким образом, чтобы народ был представлен на 4 голоса более остальных сословий.

7) Уничтожение всех пошлин и конвойных денег, за исключением налогов с мостов, дорог и тропинок.

8) Все дороги свободны. Акцизы отменяются.

9) Один только налог—имперский налог, который взимается один раз через каждые 10 лет.

10) Один образец монет в государстве.

11) Одинаковые мера и вес в государстве.

12) Ограничение процентов в больших банкирских домах.

13) Право выхода дворян из духовного феодального союза.

14) Уничтожение всех союзов князей, дворян и городов: король—единый защитник и заступник.

Это не была, конечно, республиканская конституция, за которую боролись Мюнцер и Флориан Гейер. Князья, дворяне и духовенство теряли свои привилегии—доходы и независимость—с собственного согла-

сия. Многие крестьяне оказались умнее ученых господ, полагая: «Нельзя надеть на волка овечью шкуру. Природа препятствует соединению коршуна с голубкой». Это и теперь неоспоримая истина, которую многие не хотят понять, хотя с тех пор прошло 350 лет.

Но как раз во время совещания в Гейльбронне пришла печальная весть о страшном разгроме вюртембергского отряда у Беблингена. Ее привез один бежавший полководец. Вендель Гиплер и другие участники совещания немедленно же вскочили на своих коней, проявив при этом такую поспешность, что забыли даже седла. Они бежали в Вейнсберг. Отсюда же Гиплер дал знать в Вюрцбург, а затем в Орингеп, в Якcталь, Кохерталь и во все окрестные местечки, требуя немедленной помощи. Он также обратился к графу фон-Гогенлоэ с просьбой доставить ему скорее орудия и военные снаряды. Но граф не исполнил его просьбы, так как уже было понятно, с какой стороны подул ветер. Из Вейнсберга Гиплер поехал в Лайфен, предполагая устроить там сборный пункт для разбитого вюртембергского отряда и свежих подкреплений, но в конце концов пришлось остановиться на Вейнсберге, так как выяснилось, что города во главе с Гейльбронном уже принесли повинную Трухзесу. Получив точные известия о поражении под Беблингеном, комитет немедленно же командировал Ганса Берле, так недавно еще заседавшего в этом комитете, в сопровождении другого заседателя к Трухзесу для переговоров. Вот новое доказательство, что либерально-буржуазная беспринципность не есть явление только новейшего времени. Сделав все нужные распоряжения в Вейнсберге, Гиплер уехал в Вюрцбург, надеясь найти там подкрепление. Приехал он сюда, как было уже сказано, 18 мая.

* * *

Мы расстались с Трухзесом в тот момент, когда он, по заключении вейнгартенского договора с верхне-

швабцами и озерным отрядом, собрался двинуться против герцога Ульриха; но вследствие полученных вестей от Швабского союза в Ульме он переменил свое намерение и немедленно же пошел в вюртембергский округ, где, как нам известно, стоял лагерем у Нюртингена Маттерн Фейербахер во главе «ясного христианского отряда» и энергично хлопотал о подкреплении.

Трухзес форсированным маршем пошел в Вюртембергский округ и расположился у Вурмлингерской горы между Ротенбургом и Тюбингеном. Здесь его задержал целых три дня бунт среди ландскнехтов. Задержка их месячного жалованья в связи с последним походом форсированным маршем озлобила их. Вюртембергский отряд, между тем, двинулся из Нюртингена в Герренберг через Дегерлох. Среди вожаков был разлад. Маттерн Фейербахер, который никогда не был всецело предан делу и чувствовал большое тяготение к дворянам, настаивал, как и Теус Герберг, на необходимости вступления в переговоры с Трухзесом; последний же, под давлением бунта своих ландскнехтов, и сам непрочь был от этого. Но благодаря энергичному протесту Ганса Вундерера фон-Штонсберг переговоры не состоялись. Вундерер перевел отряд на Герренберг, чтобы облегчить себе соединение с шварцвальдцами. К нему здесь примкнули также вюртембергские шварцвальдцы с Томасом Мейером во главе. Герренберг, не хотевший сдаться крестьянам, был взят после 6-часового боя. Узнав о штурме Герренберга, Трухзес пошел 9 мая с большими силами навстречу крестьянам. Вечером явился в лагерь посол от крестьян с извещением о назначенном на следующий день сражении; но на другой день крестьяне исчезли. Оказалось, что они прибегли к этой хитрости, чтобы облегчить себе отступление и получить возможность дождаться подкрепления. Трухзес пошел в Вейль в Шенбухе, предавая на своем пути все огню и мечу.

Во время отступления крестьяне подняли в Беблингене вопрос о допущении в союз герцога Ульриха и большинством голосов высказались утвердительно. Маттерн Фейербахер настаивал на вступлении в переговоры с Трухзесом и на принятии предложения созвать ландтаг. Но он встретил сильный отпор и был даже об'явлен изменником и временно отстранен от своих обязанностей. В конце концов большинством голосов решили послать депутацию к Трухзесу. В нее вошли: Теус Гербер, Томас Майер и 4 бургомистра. Трухзес не уклонялся от переговоров, несмотря на то, что располагал силой в 2500 всадников, 8000—10000 пехотинцев и прекрасной артиллерией, а крестьянское войско, хотя достигавшее 15000 человек, имело очень мало орудий и почти совсем не имело конницы. План его был все тот же — успокоив сначала крестьян, подавить их затем, и план этот вполне удался благодаря предательству.

12 мая, в 7 часов утра, отряды должны были собраться для обсуждения условий соглашения. Но утром, когда крестьяне явились, они вдруг увидели надвигающуюся на них конницу. Немедленно выстроившись в боевом порядке, они заняли хорошие позиции, несмотря на всю неожиданность нападения. Борьба продолжалась с успехом более двух часов, пока предательская сдача Беблингена, который служил опорным пунктом первой боевой линии крестьян, не решила их участи. Фогт Беблингена впустил в город Трухзеса с частью войска, а неприятельская конница, воспользовавшись произведенным замешательством, напала на них с двух сторон. Крестьянское войско было прорвано и обратилось в дикое бегство. И здесь, как и в других лагерях, произошла также страшная резня. Показания о количестве убитых очень расходятся между собой, число убитых достигало по меньшей мере 4000—5000 человек. В самом разгаре бегства показался вдруг вдали герцог Ульрих во главе конницы и отряда

крестьян. Но поражение вюртембергцев заставило его повернуть назад.

Негодование крестьян и бюргеров против изменника—беблингенского фогта—достигло таких размеров, что он, опасаясь за свою жизнь, бежал в Пфорцгейм. Томас Майер был захвачен в плен и казнен в Тюбингене; Маттерн Фейербахер был пойман в Роттвейле, но не выдан. Раненому Теусу Герберу удалось бежать. Несколько сот скомпрометированных бежали в Швейцарию и в Страсбургский округ. Но зато Трухзес захватил в плен одного человека, на котором он и его рыцари выместили всю свою злобу. Это был Мельхиор Нонненмахер, который позволил себе играть на рожке в то время, когда прогоняли сквозь строй графа Гельфенштейна в Вейнсберге.

В Зидельфингене он был взят в плен. Его отвели к дворянам, а затем приковали железной цепью к дереву таким образом, чтобы он мог отойти только на расстояние двух шагов. Кругом него развели костер, на который сам Трухзес и его рыцари подложили дрова; его зажгли, и господа, смеясь, смотрели, как «свистун», крича от боли, бегает все быстрее вокруг дерева, пока наконец он медленно не изжарился и не упал мертвым.

Та же самая жестокая игра повторилась несколько дней спустя в Неккаргартахе над Еклейном Рорбахом. Последний был взят в плен фогтом Асперга во время своего переезда из вюртембергского отряда в Цабергау и в окрестности Асперга, где он надеялся получить подкрепление. Он был выдан Трухзесу, и 20 мая, таким же образом, как «свистун», привязан цепью к дереву и медленно изжарен. Барабан и свист раздавались кругом него, а «благородные» забавлялись.

21 мая Трухзес пошел на Вейнсберг. Женщины, дети и старики были насильно вытащены из города, а город со всем добром и скотом обывателей зажжен со всех четырех сторон и сгорел на глазах несчастных

жителей. Той же участи подверглись многие местечки в долине Вейнсберга.

Победа Трухзеса придала нежданно опять мужества всем крупным и мелким дворянам, которые до того времени заигрывали с крестьянами и старались поддерживать с ними хорошие отношения; они мстили теперь за испытанный страх и унижение. Пфальцграф, надававший с три короба всевозможных обещаний своим крестьянам, в то же время в тиши энергично вооружался. Но так как он был прежде всего верующим лютеранином, то нашел вполне уместным заручиться предварительно отпущением грехов и обратился за благословением на дальнейшую деятельность к Меланхтону, поведав ему свое горе. Вот что ответил ему на это христианский реформатор: «Было бы хорошо, если бы такой дикий, некультурный народ, как германцы, имел еще меньше свободы, чем имеет. Власть в праве поступать так, как поступает, и когда она отнимает общинные земли и леса, то никто не должен этому противиться; когда она берет десятинный налог с церкви и передает его другим, то и этому немцы должны подчиниться, подобно евреям, которых принуждали отдавать свои храмовые богатства римлянам. То, что крестьяне сбросили с себя крепостное право и не хотят более платить существовавшие до сих пор подати,— большой грех. Это такой невоспитанный, дерзкий, кровожадный народ, что нужно его еще крепче держать в руках».

Эта проповедь имела успех: 23 мая пфальцграф с 1800 всадниками и 4500 человек пехоты вторгся в Брухрайн, напал на Мальш — главное гнездо повстанцев, и сжег его до тла. Все деревни были раз-

граблены и скот угнан, в замке Кисслау 4 крестьянина обезглавлены, Брухзаль взят, и 70 бюргеров заключены в тюрьму. Антон Эйзенгут, с которым незадолго перед этим был торжественно заключен договор, был взят со многими другими в плен и казнен. Брухрайн обложен штрафом в 4000 флоринов. Затем пфальцграф двинулся на помощь Трухзесу для совершения таких же подвигов, в духе Меланхтона.

* * *

По приезде в Вюрцбург Гиплер приложил все усилия, чтобы уладить крупные разногласия между двумя партиями в крестьянском войске с целью об'единения их для скорейшего совместного выступления. После долгих совещаний, продолжавшихся несколько дней, было принято, наконец, решение выступить с войском к Крауthему и укрепиться здесь сильным лагерем, оставив в Вюрцбурге только 4000 человек.

23 мая выступил в Вюрцбург «ясный отряд» в количестве 7000 человек под предводительством Геца фон-Берлихингена и Георга Метцлера. Флориан Гейер обещал по первому же знаку примкнуть к ним со своими франконцами.

Деморализация в оденвальдском отряде стала сказываться: чувствовались неуверенность в своих силах и недоверие к вожакам. Поражение братьев действовало также на многих угнетающим образом, так что часть отряда очень охотно откликнулась на требование своих же вернуться домой, и откололась. Ночью 24 мая прибыл в Краутхейм «ясный отряд», но тотчас же выступил по получении известия о приближении Трухзеса. Предводители разослали курьеров во все концы: во франконские села, к гегауцам, к герцогу Ульриху, даже по ту сторону Рейна в Пфальц и Эльзас. Часть войска укрепилась в Неккарсульме, рассчитывая здесь встретиться с Трухзесом и удержать его до прихода ожидаемых подкреплений. Другая же часть

отряда, под предводительством Геца фон-Берлихингена, была самым предательским образом отведена фланговым маршем в Левенштейн и оттуда обратно в Эринген; таким образом, отряд разошелся с 5000 франконцев, шедших к нему на подкрепление. После этого Гец бежал в сопровождении 10 человек, бросив на произвол судьбы заблудившихся.

Трухзес, осведомленный о положении дел изменником Гецом фон-Берлихингеном, поспешил в Неккарсульм, надеясь найти город пустым. Но он ошибся. Начался бой, длившийся 5 часов. Трухзес сделал попытку взять город штурмом. Штурм был отбит. Только наступившая ночь заставила прекратить бой. Ночью подошли 5000 франконцев с целью нападения на войско Трухзеса. Но разбросанные на далекое пространство сторожевые огни неприятельского войска ввели их в заблуждение относительно неприятельских сил, и франконцы не осмелились итти в атаку. Когда же, на другое утро находившиеся в Неккарсульме не увидели ожидаемого подкрепления, они капитулировали. Значительной части удалось прорваться; из взятых в плен 60 человек, отличавшихся главным образом в Вейнсберге, были попарно связаны веревками и 13 из них тут же казнены, а остальные—на другой день. Бекинген, Сонтхейм и Кирхаузен были преданы огню, а люди, спасавшиеся из сгоревших домов, заколоты. Оринген был обложен штрафом в 2000 гульденов, а дом Клауса Сальва, служивший вначале местом сборища заговорщиков, был разрушен, и несколько бюргеров и крестьян казнены. То же самое повторялось по всему пути Трухзеса: сожженные деревни и валявшиеся на больших дорогах трупы указывали пройденный его войском путь.

Трухзес двинулся на Мекмюль с целью перерезать путь на Вюрцбург «ясному отряду». Но Гиплер и

Метцлер опередили его и заняли Кенигсгоф на Таубере. 2 июня в 4 часа пополудни, во время обеда крестьян, явился вдруг совершенно неожиданно Трухзес. Крестьяне числом в 8000 человек с 33 орудиями поспешно схватились за оружие и заняли высоты над Кенигсгофеном. Начался бой, но орудия в руках подкупленных артиллеристов так скверно действовали, что коннице удалось пробраться до самых высот, занятых крестьянами, и в удобном месте напасть на них. Вторжение конницы «гибель крестьян» произвело такое смятение, что отряд рассеялся, 2000—3000 человек добежали до густого леса и, укрепившись здесь, причинили много вреда неприятелю. Между тем неприятельская конница окружила лес, и туда сейчас же проникли 1500 стрелков, убивая и избивая решительно всех, попадавшихся им под-руку. Всякого убегавшего из лесу крестьянина рыцари изрубали в куски. 500 пленных были, по приказу кровожадного Трухзеса, вопреки военному праву, зарублены.

* * *

Франконцы между тем продолжали осаду Фрауенберга, но без всяких результатов. Значительная часть крестьян была в отпуску, на полевых работах, а оставшиеся в большинстве случаев никуда не годились. Продолжительная бездеятельная осада крепости действовала деморализующим образом. К довершению всех зол, бамбергские крестьяне позволили своему епископу одурачить себя и заключили 27 мая договор, вследствие чего 10 тысяч человек покинули ряды восставших. В конце мая в Швейнфурте открылся ландтаг франконских городов, заседания которого проходили очень вяло. Сюда явился Флориан Гейер в качестве уполномоченного от франконского войска. Он был избран послом к маркграфу Казимиру для привлечения его в евангелическое братство; как видно, хитрый Гогенцоллерн умел овладеть всеобщим дове-

рием. По дороге к маркграфу Флориан Гейер узнал о поражении у Кенигсгофа и о приказе вернуться. Отряд осаждающей армии, числом в 4000 человек, командование которым должно было перейти к Флориану Гейеру, отправился из Вюрцбурга на Фридрихсфельд. Благодаря предательству, гарнизон Фрауенберга был прекрасно осведомлен о положении дел в городе и в крестьянском отряде. Как только до сведения гарнизона дошла весть о наступлении на Оденвальд Флориана Гейера во главе нескольких тысяч крестьян и остатков черного отряда, гарнизон немедленно же послал навстречу Трухзесу, поход которого ему был также известен, епископского маршала с целью предупредить его о приближении Гейера. На расстоянии двух часов по эту сторону от Гибельштадта произошла встреча маршала с Трухзесом и союзными князьями во главе их войск.

Флориан Гейер все еще продолжал относиться с недоверием к поражению у Кенигсгофа за отсутствием точных сведений. Он также не имел понятия о близости Трухзеса. Последний же, извещенный о походе Гейера, устроил со своей конницей засаду в лесу и совершил оттуда неожиданное нападение с тыла на отряд Гейера. Крестьянское войско пришло в такое смятение от этого внезапного нападения неприятельской конницы, что большая часть отряда рассеялась во все стороны, жестоко преследуемая всадниками. Только 600 человек из черного отряда остались вокруг Гейера и сомкнутыми рядами отступили в село Ингольштадт, храбро отражая все нападения кавалерии. 200 человек бросились к кладбищу и в церковь, остальные скрылись в замок. И здесь произошел самый ужасный, самый кровавый бой в продолжение всей войны. Каждая пядь земли защищалась самым упорным образом черным отрядом. Наконец кладбище было взято штурмом, церковь сожжена, но, даже об'ятые пламенем, крестьяне продолжали сопротивляться, пока все до одного не погибли.

Взятие замка потребовало не меньше усилий, чем взятие церкви. По приказу пфальцграфа, находившегося в неприятельском войске, были выставлены перед замком все орудия. И под страшным огнем очень скоро была выбита брешь шириной в 24 фута, но этот штурм, затеянный князьями, был отбит с большими потерями для них же — более 100 осаждавших пали. Стали готовиться ко второму штурму. Черный отряд, у которого почти весь запас пороха вышел, допустил осаждающих войти во двор замка и только тогда обрушился на них всей своей силой и вторично отбил штурм, опять с большими потерями для неприятеля. Неприятельские орудия возобновили стрельбу и разрушили целые стены. Третий штурм должен был увенчаться успехом, так как черноотрядцы не имели уже больше пороха. Но тем не менее он дорого обошелся врагу. После долгой борьбы замок был, наконец, завоеван; 206 трупов защитников легло на маленьком пространстве. Но Флориану Гейеру удалось под покровом ночи бежать с 200 человек. Он проник с своим маленьким отрядом во владение города Галль, надеясь застать там в целости гайльдорфский отряд. Но тот, под влиянием слухов о тяжелых поражениях, рассеялся. Флориан Гейер укрывался вместе со своими людьми в лесу, надеясь еще раз вызвать восстание, но 9 июня был выслежен в лесистых холмах близ Галля. Он пал мертвым, сражаясь с горсточкой преданных ему людей против превосходных неприятельских сил; неприятельским отрядом командовал его собственный зять Вильгельм Грумбах.

Так умер в бою за дело угнетенного народа, за дело, которому он посвятил жизнь и за которое боролся до последнего издыхания, величайший герой крестьянской войны. Память о нем должна быть тем более дорога народу, что сам Гейер, будучи дворянином, сыном правящего класса, всей кровью своего сердца боролся за дело бедных и угнетенных, и в этой борьбе сложил свою голову.

* * *

Как бешеный, двинулся Трухзес на Вюрцбург, убивая, предавая огню все на своем пути. Чувствовал он себя неважно; войско его в различных боях порядком-таки пострадало. Несмотря на подкрепления, полученные им по дороге в лице присоединившихся к нему дворян, войско его под Вюрцбургом не превышало 6000 человек; правда, это была вполне достаточная сила, чтобы без затруднения справиться с находящимися еще под оружием крестьянскими отрядами.

В самом Вюрцбурге и его окрестностях можно было, в общем, еще набрать 5000 человек. 5 июня Трухзес подошел к городу. Крестьяне, вместо того чтобы отступить и искать подкрепления ввиду превосходства неприятеля, остались, по настоянию совета, в городе. Вюрцбургский совет преследовал только одну цель: выдачей крестьян, в частности их вождей, добиться для себя и для города по возможности лучших условий. На каждом шагу проявлялись подлость и предательство. Совет заключил тайный договор с Трухзесом.

В 7 часов город был окружен его конницей, а в 8 часов утра он уже вступал в него. Бюргеров и крестьян разделили на 3 группы, которые тотчас же были оцеплены неприятельской конницей,— и тогда Трухзес открыл свой суд. Полководцы были схвачены, другие же обезоружены и затем отпущены, 81 человек казнен; многие заключены в тюрьму и обложены тяжелым денежным штрафом; город обложен в 8000 гульденов. Духовенство и дворяне епископства оценили свои убытки в 218715 гульденов, которые путем контрибуции были взысканы с их подданных. В продолжение недели князья взимали сбор с окрестностей Вюрцбурга.

В Анспахском округе неистовствовал маркграф Казимир не хуже Трухзеса. В Кицингене он велел

запереть 100 крестьян в подвал. На следующее утро он приказал 62 из них выколоть глаза и выселить их за 10 миль от Кицингена, где они, несчастные, слонялись по большой дороге, живя подаянием и горько жалуясь на свою судьбу. Многие из них скоро погибли ужасной смертью. Мы зашли бы слишком далеко, если бы вздумали остановиться на каждой отдельной жестокости, проявленной победителями по отношению к побежденным крестьянам. Казни, выкалывание глаз, отрубание пальцев, сжигание жилищ, ссылки, контрибуции продолжались еще целые месяцы, даже целые годы. Дворяне, заигрывавшие во время восстания с крестьянами, теперь в большинстве случаев оказывались самыми жестокими. Многие деревни были совершенно сожжены, крестьяне разорены, а скот их угнан. Убийство и разрушение достигли в некоторых местностях таких размеров, что сами дворяне почувствовали на себе последствия ими же произведенного опустошения,— стал ощущаться недостаток рабочих рук для обработки их полей, затруднения в доставке припасов со стороны обедневшего населения, не говоря уже о трудностях при взимании оброка. В Анспахском округе брат маркграфа, по приказанию последнего, совершал такие жестокости, что вдовы и сироты убитых, бегая за ним вдогонку и посылая ему проклятия, кричали: «Не все еще крестьяне убиты!» Ганс Шнабель, полководец бильдхаузерского отряда, был казнен епископом Вюрцбургским. В общем, этот богобоязненный человек совершил во время об'езда своего епископства 256 казней; к этому числу надо еще прибавить 13 в самом Вюрцбурге, по приезде его туда.

В то время, как во Франконии происходили такие зверства, в рейнском Пфальце только что сорганизовались 8000 крестьян, которые при приближении пфальцграфа бросились в Пфедерсгейм. Пфальцграфу удалось хитростью заманить их из города в засаду,

где он перебил 1500 человек; остальные бежали в город. Но город тоже принужден был на следующий день, 24 июня, сдаться после страшной бомбардировки. Когда крестьяне, под конвоем всадников пфальцграфа, шли в город, некоторые из них сделали попытку бежать, что послужило поводом к страшной резне над безоружными, жертвой которой пали 800 человек. Из оставшихся были выбраны еще 80 и казнены пфальцграфом. После этого он совершил опустошительный разбойничий об'езд своей же собственной страны, не скупясь на казни. Он привез с собой в Гейдельберг 200000 гульденов, украденных у своих подданных, на кутежи со своими любовницами и придворными. Так действовал один из благочестивых друзей Лютера и Меланхтона.

В Оберланде, с самого дня от'езда Трухзеса в Вюртемберг в конце апреля, шла непрерывная партизанская война. Отряды, достигавшие нескольких тысяч человек, появлялись в окрестностях Ульма, в Ризе, в Оберальгау и других местах и совершали нападения на монастыри и замки. Необходимо отметить, что альгауцы не признали договора, заключенного их уполномоченными с Трухзесом. Швабский союзный комитет в Ульме выслал против крестьян маленькие отряды конницы, которые то и дело приходили в столкновение с ними. Но в общем тактика крестьян заключалась в уклонении от открытого боя: при приближении конницы они укрывались в леса. Союзные князья, в отместку за опустошение монастырей и замков, грабили деревни и очень часто сжигали их. Война эта как с той, так и с другой стороны носила опустошительный характер, в худшем смысле этого слова.

Из Вюрцбурга Трухзес пошел в Альгау через Ротенбургский и Анспахский округа, на Нердлинген через Риз, всюду оставляя страшные следы своей мести. Целью его похода было подавление восстания в Альгау.

У Шраттенбаха он неожиданно напал с своим авангардом на отряд из 6000 альгауцев, готовых к бою. Численный перевес и выдержка крестьян заставили его поколебаться; зная, что имеет дело с опытным врагом, он предпочел отказаться от дальнейшего нападения и решил стянуть к себе главную армию. После непродолжительного боя крестьяне отступили и заняли сильную позицию на одном холме за Луибазом. В продолжение нескольких дней силы их возросли до 29000 человек, среди которых было много опытных и хорошо вооруженных людей; орудий было много и хорошего качества. Со своей стороны, Трухзес имел в своем распоряжении 14000 человек. Крестьянам еще раз представилась возможность дать решительное сражение, но до этого дело не дошло. Предательство, сыгравшее такую роль во время всей войны, и на этот раз было причиной неудачи. Неприятелю удалось крупной суммой денег подкупить Вальтера Баха, главного полководца, и еще нескольких влиятельных вожаков. Последние, взорвав пороховой склад, предательски распространили слухи, что склад взорван неприятельским огнем во время обстреливания лагеря Трухзесом ночью. 21 июня, под предлогом обхода Трухзеса, Вальтер Бах с подкупленным же Каспаром Шнейдером вывел ночью две трети войска; одновременно с этим и подкупленные артиллеристы покинули орудия, после чего изменники скрылись.

Крестьяне догадались об измене только тогда, когда увидели близко от себя Трухзеса. Об'ятые ужасом, они в какие-нибудь полчаса рассеялись по долинам, лесам и горам. Только третий отряд, находившийся под началом Кнопфа из Луибаза, узнав о предательстве, отступил в полном порядке и дошел до Колленберга под Кемптеном. Там, наверху, крестьяне были в безопасности, но Трухзес нашел средство одолеть их. Он велел угнать скот из окрестных деревень, сжег свыше 200 дворов и несколько деревень, в ко-

торых жили родственники крестьян, и, наконец, отрезал доступ припасов. Голод, а также несчастье, обрушившееся на голову их родственников, принудили крестьян сдаться. Их разоружили и заставили пройти с белыми посохами в руках через неприятельский лагерь, затем обложили каждый двор сбором в 6 гульденов в пользу погорельцев и еще раз привели к присяге своим господам. Несколько десятков человек, считавшихся главарями, были казнены. Кнопфу из Луибаза удалось бежать, но в Блузенце он был пойман и после тяжелого и продолжительного заключения в Брегенце, где несколько раз его пытали, в конце концов повешен на дереве.

Восстание у Боденского озера и в Хегау было подавлено в одно время с альгауским. Ганс Мюллер из Бульгенбаха двинулся с частью войска из Фрейбурга в Брейсгау к Боденскому озеру. Но когда эрцгерцог Австрийский послал ему навстречу сильный отряд войска, он, вероятно тоже подкупленный, предпочел бежать. Большинство крестьян разбрелось по домам, а небольшая горсточка, которая укрепилась у Гильдинга, была после двухчасового тяжелого боя разбита и рассеяна. Ганс Мюллер из Бульгенбаха был впоследствии пойман и казнен в Лауфенбурге: он слишком стеснял дворян. Финалом же здесь на Боденском озере, как и по ту сторону, были грабежи, опустошения, казни, контрибуции и пр.

Таким образом была везде подавлена освободительная война, начатая с такими надеждами; только в Тироле, в австрийских герцогствах и в зальцбургском архиепископстве она длилась еще некоторое время. Теперь мы можем приступить к исследованию причин и течения этой войны.

* * *

Крестьянское восстание 1515 г. в герцогствах Штирии, Каринтии и Крайне, начатое под лозунгом «Stara

Pravda», что значит в переводе: старое правосудие, тогда же так жестоко подавленное императорским полководцем Зигмундом фон-Дитрихштейном, не привело к улучшению положения крестьян. После смерти Максимилиана в 1519 г. наследовал ему его внук, король Карл V. Вследствие обширности своего могущественного государства, в состав которого, рядом с Германией и Италией, входила и испанская территория, с ее громадными американскими колониями, он передал управление своим австрийским наследственным владением своему брату, эрцгерцогу Фердинанду, к которому впоследствии оно перешло в собственность.

Но и при новом правительстве оставалась в силе прежняя старая система, то же старое живодерство и притеснение. Правительство не могло отрицать тяжелого положения народа, и оно даже сделало попытку ввести новые порядки,—попытку, которая, впрочем, так и осталась лишь на бумаге. Достаточно сказать, что Зигмунд фон-Дитрихштейн, известный своей жестокой расправой с виндским союзом, продолжал еще занимать должность главного правителя в Штирии.

В начале 20-х годов новое учение начало все более и более распространяться. Предиканты об'ездили всю южную Германию и заглянули также в Зальцбургский округ, австрийские герцогства, Штирию, Верхнюю и Нижнюю Австрию, Каринтию и Крайну; последние также представляли плодотворную почву для новых идей. В австрийском эрцгерцогстве, между Веной и ее предместьями, движение особенно развилось между виноградарями. По расчетам вождей, можно было в какие-нибудь несколько часов собрать толпу в 8000—10000 человек. Много сторонников оно приобрело среди многочисленных рудокопов в железных, серебряных и ртутных рудниках и солеварнях.

Эрцгерцог, очень занятый в Тироле успокоением волнующегося населения и подавлением восстания в западных частях Швабии, Брейсгау и Эльзасе,

стремился с помощью соглашения предотвратить грозное восстание в своих герцогствах. Он созвал государственные чины в своих герцогствах для обсуждения мер к облегчению повинностей и предотвращению неизбежного восстания.

В ландтагах заседали враги крестьянства и бедного люда — дворяне, духовенство и представители от городов. Из них только последние являлись до некоторой степени защитниками интересов крестьян; в их собственных владениях было много бедного люда, который при известных обстоятельствах мог бы представить для них опасность, а потому они наотрез отвергли предложение чинов «применить к крестьянам силу, в случае если те не подчинятся добровольно порядку». В конце концов восторжествовало мирное настроение, но не потому, что была признана правота крестьян и не из-за искреннего желания притти на помощь народу, а лишь благодаря уверенности в нецелесообразности действовать сейчас силой. Притеснители и эксплоататоры народа уступают только силе, и очень ошибаются те, кто полагается на человеколюбие, на благоразумие и чувство справедливости своих врагов.

Так и эрцгерцог Фердинанд, несмотря на душившие его гнев и злобу, счел более уместным притвориться ласковым и доброжелательным властелином, не поскупился на всевозможные обещания. И в то же время он принял все меры для организации необходимой ему вооруженной силы, издавая тайные приказы о применении самых строгих мер против полководцев и вожаков, где бы они ни появлялись. Рекомендовалось выступать против них с рогатинами, четвертовать, сдирать с них кожу. Здесь вполне проявилась в Фердинанде его кровожадная натура, жаждущая крови и мести.

Ввиду того, что эрцгерцог находился в то время в очень беспомощном положении, Зигмунд фон-Дитрихштейн решился на свои собственные средства

набрать достаточную военную силу для борьбы с крестьянами. Последние, между тем, основали христианский союз, вооружились, соединились и захватили несколько замков и местечек. Дитрихштейн хотел сначала итти в Юденбург, но угрожающее поведение крестьян около Леобена и рудокопов, которые немедленно восстали бы при его появлении, заставило его отказаться от своего намерения. Ему стоило больших усилий успокоить фордербергских и иннербергских крестьян. Иннербергские крестьяне захватили в плен несколько уполномоченных Дитрихштейна и выпустили их только после получения обещания, что никакие репрессии не будут к ним применены, и что села их не будут преданы огню.

Вскоре после этого до Дитрихштейна дошла весть о выступлении энстальских крестьян, о восстании каммертальских и об образовании отряда в 10000 человек близ Шладминга. Он решил расправиться с этими последними со своими 5000 человек. Он застал крестьян в лагере у Гойса. Направив часть своего войска против одного, стоявшего в стороне на горе, крестьянского отряда, он сам обрушился с остальным войском на их главные силы, но крестьяне встретили его таким залпом, что неприятельская конница пришла в замешательство и обратилась в бегство. Вторым залпом, направленным в богемцев, входивших в состав его войска, тяжело ранило их главного полководца, после чего и эта часть войска обратилась в бегство, увлекая за собой и все остальные отряды. Во время отступления войску Дитрихштейна пришлось пройти через узкую скалистую долину; крестьяне заняли этот проход, устроив над ним нечто вроде крыши из кустарника, откуда они осыпали целым градом тяжелых камней убегающего неприятеля. Сам Дитрихштейн при этом был ранен и вернулся в очень плачевном состоянии в Эренау. Его потери были значительны. Получив, между тем, вскоре подкрепление из Каринтии, он по-

вернул обратно. Рейстль, крестьянский полководец, имевший в своем распоряжении только 6000 человек, видя, что перевес на стороне неприятеля, отступил и занял сильную позицию. В этом месте Дитрихштейн не решился на нападение, а предпочел начать переговоры. Рейстль же, отлично понимая, куда он клонит, энергично воспротивился им, но большинство, будучи иного мнения, настояло на заключении договора после чего Рейстль во главе меньшей части отряда направился в Лунгау через Тауер, где он соединился с зальцбургцами.

Зальцбургское епископство считалось уже издавна одной из самых угнетенных стран среди всех немецких княжеств и областей в конце средних веков. Духовная власть проявила себя здесь во всем безобразии. Уже в 1462 г. пинцгауцы поднялись против архиепископа и разрушили несколько его замков. Они были подавлены и понесли жестокие наказания. В 1478 г. восстало графство Ортенбург и было усмирено с помощью самих пинцгауцев, которые принесли в Шергене повинную архиепископу. В 1510 г. Зальцбург был близок к восстанию, но тамошний архиепископ сумел справиться с недовольными, к числу которых принадлежал и весь совет. Он пригласил всех членов совета на роскошный ужин в свой дворец, но едва только они собрались, на них напали вооруженные люди, связали и повезли их в легких придворных одеждах холодной зимней ночью в крепость Верфен. Город, лишенный своих главных привилегий, подпал под неограниченную власть архиепископа. Взятые в плен члены совета, сначала приговоренные к смертной казни, были освобождены за большой денежный выкуп; несколько из них умерло от последствий жестокой расправы.

В 1519 г. власть перешла в руки кардинала Маттеуса Ланга, который, подобно своему предшественнику, был развратным, расточительным, лживым и бессовестным человеком и не пользовался ничьим дове-

рием. Ярый противник нового учения, он невольно содействовал его распространению, выписав для более интенсивной эксплоатации своих рудников рудокопов из Саксонского и Мансфельдского округов. Тяжелое материальное положение, в связи с жестоким преследованием нового учения, вызвало серьезное брожение. Архиепископ счел своим долгом предупредить восстание. Он поспешно уехал в Тироль и, набрав там солдат, быстро возвратился в город. Застигнутый врасплох город сдался без всяких условий и выдал акты и документы, которые, по усмотрению архиепископа, были уничтожены или видоизменены. Участи Зальцбурга подверглись и другие местечки архиепископства.

Некоторые поступки архиепископа вызывали особенно сильное раздражение. Между прочим, он захватил в плен одного лютеранского священника и приговорил его к пожизненному заключению, которое этот должен был отбывать в Файльтурме в Миттерзиме в Пинцгаузском округе. Для большей верности он приказал привязать его к лошади и дал ему конвой из приказных служителей. По пути через одну деревню им пришлось проходить мимо харчевни, где как раз шел пир горой. Конвойные сделали остановку, чтобы зайти туда; между тем возле священника собралась толпа народа, которая сжалилась над ним и по его просьбе освободила его, несмотря на противодействие его охраны. По приказанию архиепископа, главные участники этого дела — молодой крестьянин, по имени Штекль, и еще другой крестьянин — были схвачены и без всякого суда тайно казнены в Зальцбурге. Брат Штекля стал после этого смертельным врагом архиепископа. Не зная покоя ни днем, ни ночью, он обежал все высоты, все местечки в горах, подстрекая всюду крестьян к восстанию.

Вторым поступком архиепископа, вызвавшим недовольство населения, был новый и тяжелый налог. Сначала зажиточные бюргеры Зальцбурга приговорены были

к штрафу в 10000 гульденов под видом ссуды, затем была отобрана различная золотая церковная утварь и, сверх того, было взыскано еще акциза 30000 гульденов по совету приближенных архиепископа.

Эти два поступка довели раздражение до высшей точки. Прежде всего выступили цехи и рудокопы Гастейна и его окрестностей и пред'явили свои требования. Они разослали гонцов в Раурис, Радштадт по всем направлениям, призывая всюду бюргеров и крестьян к вступлению в христианский союз евангелического братства.

Призыв гастейнцев встретил живой отклик в населении епископства. Всюду в горах засветились сигнальные огни, всюду стали раздаваться сигнальные выстрелы, и в каждой деревушке ударили в набат. Со всех долин, со всех высот стекались крестьяне, вооруженные чем попало. В деревне Голлинг, в 5 часах от Зальцбурга, устроили они лагерь. Каспар Прасслер, Вейтмозер, Михаил Грубер, Мельхиор Шпет и Людвиг Альт были назначены их полководцами. Каспар Прасслер был назначен главнокомандующим отряда.

Испуганный архиепископ прислал гонцов в крестьянский лагерь, в вежливой форме прося их разойтись и пред'явить ему свои жалобы через депутатов. Бюргеры же Зальцбурга, с своей стороны, завязали тайные сношения с крестьянами, стараясь поддержать в них такое настроение и побудить их к наступлению на город. Крестьяне отклонили предложение архиепископа и двинулись к Галлейну, бюргеры которого примкнули к ним.

Архиепископ бежал в замок, построенный на скалах близ Зальцбурга, запасшись предварительно провиантом. Отсюда в случае нужды он мог с удобством обстреливать город.

В пятницу перед троицей, когда бюргеры собрались на рыночной площади для совещания, некоторые вдруг заметили городского судью Гольда, одного из

самых ненавистных последователей архиепископа. Его схватили в тот момент, когда он собирался уже бежать, стащили с коня и сильно избили. Для прекращения дальнейших истязаний совет велел заключить его в тюрьму. Подвергнутый пытке, он разоблачил планы архиепископа, которые привели народ в страшное озлобление и заставили его еще энергичнее искать помощи у крестьян. На второй день троицы крестьяне двинулись в город. Первым шагом было нападение на архиепископский двор, где все бумаги архиепископа, документы и т. д. попали в руки крестьянам и были ими уничтожены. Вскоре после этого вторжения крестьян в город подошли и рудокопы из Рауриса, Гастейна, Китцбюля и других местечек. Согласно принятому решению, крестьяне возвращались к своим полевым работам, а рудокопы за плату обязывались оставаться под оружием и приступить к осаде крепости.

В Тироле также уже издавна господствовало недовольство существующим порядком, проявлявшееся то там, то здесь в небольших набегах и отдельных актах насилия. Одинаковые природные свойства со Швейцарией породили также большое сходство и в социальных условиях между этими двумя странами. Гористая местность содействует развитию независимости человека, препятствует распространению крепостного права и не позволяет ему проявляться в таких формах, как в других местах. Гористые страны, большею частью представляющие удобные пастбища, только изредка, кое-где, дают возможность возделывать узкие пахотные поля и то с большими затруднениями, что обусловливало здесь разбросанность населения. Горы и леса представляли неисчислимые лазейки для беглецов. Нередко жилище крестьянина оказывалось таким же неприступным, как и крепкий замок феодала. Эти условия представляли большие неудобства для дворян и духовенства; бедные тирольские горцы не могли служить им материалом для обильной

жатвы и для услады жизни, как жители долин. Только впоследствии, когда все расширяющаяся Реформация упразднила тысячи монастырей и церковных имений, Тироль, в котором Габсбурги искореняли ересь с помощью самых варварских и насильнических приемов, служил главным убежищем для духовенства, господству которого благоприятствовало, и благоприятствует еще и теперь, ограниченное материальное развитие страны и изолированность ее от мирового обмена. Величие окаменелой альпийской природы, заставляя как-то особенно чувствовать свое ничтожество, вызывает в человеке сознание бессилия и слабости и будит в нем потребность к религиозности и мистицизму, что на-руку церкви и ее служителям.

Бедность и недоступность страны была причиной сравнительной малочисленности рыцарских замков и монастырей в средневековом Тироле, причиной малого развития крепостного права и отсутствия многих повинностей, лежащих бременем на крестьянах в других местах. Но из этого нельзя еще сделать заключения, что положение их было завидное: хотя они несли меньше повинностей, но зато, с другой стороны, они имели меньше доходов, получение их требовало гораздо большей затраты сил, чем у соседей, а потому малейшее увеличение повинностей отражалось на них гораздо чувствительнее. А такие случаи бывали здесь довольно часто. Правительство, духовенство и дворянство значительно повысили свои требования в последние десятилетия. Все предметы, благодаря барышничеству Фуггеров и других больших торговых домов, страшно вздорожали. Тироль был любимым местом охоты австрийского княжеского дома; дичь поэтому усиленно оберегалась, от чего сильно страдали убогие посевы. Этого было вполне достаточно, чтобы вызвать недовольство. По мере того как в соседней Швабии брожение все более и более разрасталось, в тирольские горы все чаще стали проникать лютеранские

проповедники и мюнцеровские предиканты, имевшие большой успех среди галльских и швабских рудокопов. Вскоре возбуждение достигло таких размеров, что эрцгерцог лично поспешил в Иннсбрук, чтобы предупредить грозящий пожар.

Все сказанное здесь относится главным образом к верхнему, или немецкому, Тиролю, и Форальбергу; но в совершенно иных условиях находился нижний Тироль. В плодоносных винодельческих местностях этого района свило себе гнездо и духовенство на ряду с многочисленным дворянством и крепко тут присосалось. Кроме триентских и бриксенских епископов с их капитулами и многочисленными монастырями, они владели громадными поместьями членов Тевтонского ордена. Свободное крестьянство составляло здесь исключение, крепостное право преобладало, так что весь гнет феодальной системы и господство духовенства ложился тяжелым бременем на крестьян.

Но революционные веяния в 1525 г. проникли также и в тирольские горы. Крестьяне сговаривались и слагали с себя повинности. Их требования были изложены в 19 статьях, в существенных своих частях мало отличаясь от требований других местностей; они протестовали столько же против притеснений духовенства, сколько против дворянского сословия и правительства. Тирольцы уже в самом начале восстания оказали своим братьям в Германии, особенно в Швабии, большую услугу. По окончании войны между Карлом V и Франциском I в Италии эрцгерцог вызвал оттуда сильные отряды, с тем чтобы отправить их в Швабию и Эльзас. Тирольцы не разрешили им прохода через свои ущелья, и эрцгерцог принужден был покориться и отправить их обходным путем через Граубюнден.

Эрцгерцог, отлично понимая, какой оборот может принять для него восстание в Тироле с его недоступными скалами и упрямым, храбрым и владеющим ору-

жием населением, переменил тактику, тотчас же даровал им требуемые свободы и упразднил повинности, насколько это было в его власти; остальные вопросы предоставлялись на решение будущего ландтага. Верхнетирольцы удовлетворились этим, но форальбергцы, которые, благодаря близости с альгауцами и верхне-швабами, были очень революционно настроены, протестовали. На предложение эрцгерцогских послов—повременить до решения ландтага, их вожаки ответили: «Через несколько дней мы сами пришлем ответ в Иннсбрук».

Еще хуже обстояли дела в южном Тироле. Там ненависть против упитанного и надменного духовенства была велика. В окрестностях Бриксена крестьяне соединились, после чего разгромили епископский дворец и все дома духовных лиц в городе. И резиденция местного округа (Ballei) Тевтонского ордена *) подверглась нападению крестьян, а дом Тевтонского ордена в Боцене был разграблен и разрушен.

Во главе движения в южном Тироле находился Михаил Гайзмайер, бывший секретарь бриксенского епископа, а потом таможенный чиновник в Клаузене, один из выдающихся деятелей крестьянской войны. Гайзмайер был очень умный и мужественный человек, с сильным характером, очень сведущий как в государственных, так и в военных делах и, к тому же, еще очень революционно настроенный. Назначенный полководцем южных тирольцев, он тотчас же устроил военную кассу из денег, отнятых у духовенства. Петр Песслер и Себастиан Майер были назначены его помощниками.

---

*) Ballei—называлась известная территория, провинция Тевтонского ордена; их насчитывалось в Германии 11. Каждая из них имела свою Landkommenthur (резиденцию) и распадалась на коммендены (общины). Члены отдельных общин ордена назывались Kommentherren. Как было уже выше сказано, Тевтонский орден обладал громадными богатствами, а отдельные члены его были известны своим развратным образом жизни.

На службе у эрцгерцога находились некоторые высшие чиновники, как, например, испанец Габриэль фон-Саламанка и тайный советник Фабри, которые заслужили всеобщую ненависть своими притеснениями. Гайзмайер выпустил манифест, в котором он очень искусно использовал ненависть к этим двум чиновникам и к триентскому и бриксенскому епископам. «Триентский и бриксенский епископы, пышущий высокомерием еретический африканский злодей Габриель фон-Саламанка и Фабри—вот четыре человека, управляющих из своих личных выгод народом, —пишет он в своем манифесте.— И мы не хотим их терпеть в княжеском совете, ибо и помимо этих двух изменников достаточно плутов, благородных и неблагородных, с помощью которых хотят водворить порядок. Если Фабри хочет приобрести деньги гнусными средствами, живодерством, так ему следовало бы обчистить и обобрать монастыри и духовенство; но последние не хотят допустить по отношению к себе такого насилия, а также не хотят позволить вывоза денег и имущества из страны. Злодей Саламанка из крови народной создал себе в 3 года княжество и купил имение в Бургундии за 10000 фл., перетянул своих друзей с собой ко двору и сделал их могущественными». В заключение Гайзмайер говорит, что нужно зорко следить, чтобы Фабри и Саламанка не скрылись из страны. Гайзмайер счел более тактичным не касаться пока личности эрцгерцога, ввиду отношения тирольцев к последнему, и сваливал всю ответственность только на его советников. Этим об'ясняется факт, что во время нападения крестьян на замки—замки эрцгерцога оставались нетронутыми.

Гайзмайер и крестьянские комитеты назначили на 22 мая в Меране большое народное собрание. Эрцгерцог запретил его. Но зато он ускорил созыв ландтага; назначенный вначале на 16 июня, он созывался теперь 23 мая в Иннсбруке. Послы раз'езжали по всем долинам и отрядам, призывая к порядку и предлагая

разойтись по домам; в то же время, на всякий случай, вооружение войска продолжалось. Эрцгерцог заложил свои наследственные вещи и имения, а серебро перечеканил на монету. Под предлогом защиты страны от вторжения швабских крестьян и венецианцев, эрцгерцог приказал созвать всеобщее ополчение, насчитывающее в своих рядах 20000 человек, из которых 5000 было немедленно вызвано в Иннсбрук.

Крестьяне из Нейштифта на Эйзаке, Пустерталя, Эшталя и окрестных долин приняли договор, согласно которому они обязывались повременить; но видя, что правительство продолжает вооружаться, они сочли себя в праве расторгнуть договор, и вновь загудел набат по всем долинам.

Созванный на 23 мая ландтаг уничтожил общие повинности. Все его постановления были приняты эрцгерцогом. Эти постановления касались меры и веса, торговли, пошлин, податей и пр. Малая десятина с полей и двойные оброки упразднялись; право охоты и рыбной ловли об'явлены свободными от налога; барщина, если только она существовала менее 50 лет, уничтожалась; давалась свобода проповеди Евангелия. Общины освобождались от наказания за участие в восстании. Что касается других жалоб, то они подлежали рассмотрению на следующем ландтаге, который должен был открыться в день св. Михаила в Боцене.

Северный Тироль покорился, а южный нет. Инсургенты в триентском епископстве под начальством своих полководцев Симона фон-Паделло и Николо дель-Виктор переходили с места на место, захватывая замки и монастыри, причем многие высшие чиновники были убиты. Но перевес был на стороне эрцгерцога, и крестьяне были побеждены. Взятые в плен вожаки были повешены или обезглавлены, их дома разрушены, все участники восстания обложены тяжелой контрибуцией. В триентском округе наказания были еще более жестоки: пленным отрезывали носы и уши, других чет-

вертовали, сажали на кол, вырезывали сердце, а тело разрезали на куски; отпускаемым же на свободу накладывали клеймо на лбу. Гайзмайер, собиравшийся отправиться в Иннсбрук для представления отчета ландтагу, решил бежать, видя, как мало считается эрцгерцог с договором.

Мы расстались со штирийскими крестьянами после того, как они раскололись на 2 части: одна, с своим полководцем Рейстлем во главе, пошла после сражения у Гонс в Зальцбургском округе через Тауер и там соединилась с зальцбургцами, между тем как другая приняла условия Дитрихштейна. Вскоре после этого Дитрихштейн обратился в Вену за деньгами, чтобы расплатиться со своими заграничными наемниками (Богемия, Венгрия). Деньги были ему обещаны, но только под условием применения самых строгих мер против главарей и обложения всех без исключения громадной контрибуцией. Это предписание было в точности исполнено Дитрихштейном, несмотря на то, что оно шло в разрез с договором. Его войско неистовствовало, как каннибалы: людей четвертовали, калечили, сажали на кол, женщинам и девушкам вырезывали груди, беременным женщинам вспарывали животы. Как потом выяснилось, эти кровавые расправы не только встречали полное соизволение со стороны эрцгерцога, но совершались по его приказанию. Последствием всех этих жестокостей было то, что многие штирийские крестьяне и рудокопы соединились с зальцбургцами, стоявшими лагерем у самой границы под предводительством Михаила Грубера. Дитрихштейн, находившийся со своими бандами в штирийском городке Шладминге, обратился отсюда к Груберу с требованием выдать австрийских подданных, на что Грубер ответил, что он может это сделать только по приказанию высшего начальства — главного штаба в Зальцбурге. Отсюда же последовало предложение восьмидневного перемирия, которое было принято

Дитрихштейном в том расчете, что главнокомандующий, который должен был через несколько дней заместить его, не связан договором, а потому в праве совершить внезапное нападение на крестьян. 3 июня Дитрихштейн собирался прислать свой ответ. Но на этот раз рыцари попали впросак. Ночью крестьяне сделали через горы обход, считавшийся страшно трудным, и утром в 5 часов врасплох напали на стоявший у самого города лагерь и на самый город. Крестьянам посчастливилось: они захватили все орудия, большую часть войска перебили или взяли в плен, остальных обратили в бегство. Все не говорившие по-немецки были заколоты, 3000 человек убито, между ними много штирийских и каринтийских дворян. 18 дворян были взяты в церкви, и сам Дитрихштейн попал в плен.

Один рудокоп явился в крестьянском лагере обвинителем против Дитрихшейна; перечислив все его преступления, он потребовал в наказание проведения его сквозь строй. В знак согласия весь крестьянский отряд в 4000 человек поднял руки вверх, за исключением только Михаила Грубера и перешедших на сторону крестьян немецких ландскнехтов, благодаря которым он избежал этого позорного, но вполне заслуженного наказания. Дитрихштейн и 18 дворян, переодетые в крестьянскую одежду и в крестьянских шляпах, были перевезены верхом на рабочих лошадях как пленные в замок Верфель. 32 богемских пленных были обезглавлены в отместку за 32 человек, казненных Дитрихштейном. Снисходительность, проявленная крестьянами по отношению к поджигателю Дитрихштейну и его сообщникам, пленным дворянам, была впоследствии плохо вознаграждена. Такова уж судьба угнетенных масс.

Под давлением событий в Шладминге эрцгерцог принял без промедления все предложения государственных чинов 5 герцогств, что послужило причиной быстрого водворения порядка. Далее, контрибу-

ция, которой так добивался эрцгерцог, была отвергнута чинами и большей частью дворян, из боязни, что подобная мера при всеобщем возбуждении может оказаться слишком опасной.

Дела в Зальцбурге были почти в том же положении. Осада крепости не могла вестись очень энергично вследствие недостатка в осадных орудиях, и проведение мины под скалу подвигалось слишком медленно, чтобы можно было иметь какие-нибудь надежды на успех. Михаил Грубер был назначен главным начальником вместо Праcслера. В это время пришло неожиданное известие о наступлении Георга фон-Фрейндсберга и герцога Баварского во главе 10-тысячного войска и об их приближении к городу. Крестьяне немедленно же взялись за оружие и окопались в своем лагере на горе. Герцог Баварский стоял за немедленное нападение, но отказался от своего намерения по совету опытного Фрейндсберга, которому такое нападение показалось слишком рискованным. Позиция, занятая крестьянами, была не только очень сильна, но и очень удобна в том отношении, что в случае поражения они могли спокойно уйти в горы, не опасаясь преследования неприятеля. Эти соображения послужили основанием для полюбовной сделки, чему содействовали еще и другие причины. Ни для герцога Баварского, ни для Фрейндсберга не составляли тайны начавшиеся переговоры зальцбургцев со швейцарцами, и, наконец, эрцгерцог Австрийский был очень заинтересован в умиротворении Зальцбурга, так как не мог рассчитывать на успокоение своей собственной страны до прекращения восстания в Зальцбурге.

Договор между герцогом Баварским и Фрейндсбергом, с одной стороны, и зальцбургцами, с другой, заключал следующие главные постановления: всеобщая амнистия, не исключая главарей, если они сами явятся в продолжение месяца по заключении договора, удовлетворение всех справедливых жалоб,

введение ненарушимого гражданского права, упразднение всех беззаконных раскладок. Кроме того, архиепископ должен был допустить к себе 3 человек, облеченных доверием населения, в качестве советников. Население, с своей стороны, обязывалось выдать всю переписку братского союза, вернуть похищенное, вносить все законные подати, заплатить 14000 флоринов военных расходов и войти в соглашение относительно возмещения убытков за причиненный вред. Архиепископ остался не особенно доволен подобным договором, но благоразумие заставило принять его. Ему было также небезызвестно, что Бавария, как и Австрия, рассчитывает на присоединение архиепископства, отличающегося как красотою природы, так и богатством почвы. Эрцгерцог, которому не удалось захватить таких лакомых кусков, как архиепископства аугсбургское, бриксенское и триентское, с тем большей жадностью обращал свои взоры на прекрасный Зальцбург, так что отклонение договора архиепископом сыграло бы ему только вруку. Аналогичны были и расчеты Баварии: последнею был даже поднят вопрос о свержении архиепископа, и в самой стране стали раздаваться голоса за разделение архиепископства, если только это давало возможность избавиться от настоящего господина. Таким образом, договор был принят архиепископом. Что касается до исполнения его, то этот вопрос вызывал во всех сильное сомнение, так как даже во время ведения переговоров этот коварный поп позволил себе несколько раз обстреливать город из своей крепости.

К 1 сентября договор между крестьянами и архиепископом был заключен. Крестьяне, не принадлежавшие к Зальцбургу, бежали, так как они не были включены в число амнистируемых. Вожаков же удалось перетянуть на свою сторону. Каспар Прасслер получил назначение горного судьи в Гастейне; Михаил Грубер, главный руководитель шладмингского нападения, — начальника отряда телохранителей.

Эрцгерцог, как автор зальцбургского договора, принял ответственность за проведение его в жизнь. С своей стороны, население, согласно договору, освободило безвозмездно заключенных в Верфене дворян, вассалов эрцгерцога, но этот последний поступил совершенно по-своему. Он отказывался теперь от утверждения договора до выдачи ему лично 100000 флоринов и возмещения убытков, причиненных в его герцогствах во время восстания зальцбургских крестьян. Он требовал, далее, возвращения захваченных во время шладмингского сражения орудий, выдачи шладмингских беглецов и руководителей нападения и многого другого, что стояло в прямом противоречии с договором. Его кровожадность и жажда мести заставляли его итти еще дальше. Уже по заключении мира осенью 1525 г. город Шладминг по его приказу был взят графом Зальмом, заместителем Дитрихштейна, и подожжен со всех сторон. Обывателей, пытавшихся спастись, — мужчин, женщин, детей и стариков, хватали и вновь бросали в пламя. Город со всеми жителями был уничтожен; крестьяне окрестных местностей, почему-либо не бежавшие, повешены на деревьях целыми сотнями, а имения бежавших конфискованы. Это была месть деспота, месть за совершенное согласно всем нормам военного права нападение у Шладминга, в благодарность за пощаду крестьянами пленных дворян. Эрцгерцог заслужил плохую славу; по жестокости его считают еще хуже Трухзеса и маркграфа Казимира.

Бесчестность эрцгерцога, не уступавшая двусмысленному поведению архиепископа при заключении договора, вызвала вновь брожение среди крестьян. В Понгау на Энне и в Пинцгау происходили тайные собрания, и вновь начались приготовления к восстанию. Крестьяне встретили большое сочувствие и поддержку со стороны тирольцев, с которыми эрцгерцог, почувствовавший, что опасность миновала, поступил

не менее вероломно. Ни одного из условий, предписанных договором, им не было исполнено. Ландтаг, который должен был быть созван осенью 1525 г., не собрался, и обещанное новое гражданское право так и не было введено.

Эрцгерцог Австрийский нашел себе верного последователя в лице зальцбургского архиепископа. Этот последний созвал в конце января 1526 г. в Зальцбурге ландтаг, составленный из преданных ему людей. Этот так называемый ландтаг, кроме того, что назначил ему 100000 флоринов вознаграждения за понесенные убытки и разрешил ему содержание 2000 солдат на общественный счет, выпустил еще адрес, в котором старался обелить архиепископа, взваливая ответственность за все несправедливости на «пришлых беспокойных, мятежных людей». Понятно, что вопрос о введении нового гражданского права не поднимался. Ландтаг разошелся, ничего не изменив в существовавших условиях.

* * *

Гайзмайер бежал в Швейцарию, где энергично действовал в кругу многочисленных беглецов других крестьянских обществ и вырабатывал новые планы. Поведение эрцгерцога было ему очень на-руку. Его проект заключался в отделении Тироля, Зальцбурга и прочих альпийских стран и в образовании свободной республики, наподобие швейцарской. Переговоры, которые он вел со смертельными врагами габсбургского дома—Венецианской республикой и французским двором, еще более укрепляли его в его намерении.

В начале 1526 г. он издал брошюру, в которой излагал план нового устройства страны в духе своей программы. По этому произведению видно, что Гайзмайер был человек с большим талантом и разносторонним развитием, не уступавший на поприще государственного управления самым выдающимся людям своего

времени,— человек, глубоко понимавший потребности своей страны, за благо которой он боролся и работал, и — что не менее важно — несомненно обладавший способностью осуществлять свои планы, насколько это, разумеется, от него зависело.

В своем манифесте он требовал полного равенства всех подданных, разрушения всех замков, укреплений и обводных стен в городах, с целью отнять у дворян возможность делать какие бы то ни было подвохи, упразднения картин в церквах и часовнях и свободной проповеди Евангелия. Каждая община выбирает ежегодно своих судей, которые еженедельно в понедельник творят суд; ни одна тяжба не должна откладываться больше чем на два судебных понедельника. Центральное правительство должно составляться из правительственного органа, выбираемого всеми округами; в Бриксене учреждается высшая школа, три профессора которой привлекаются в качестве советчиков к участию в управлении. Все несправедливые оброки и подати уничтожаются; десятинный налог идет на уплату проповедникам и вспомоществование бедным; монастыри закрываются и обращаются в госпитали, больницы и детские приюты. Манифест заключал в себе, кроме этого, еще советы по улучшению скотоводства, полеводства, осушению болот, разведению масличного и шафранного деревьев, выделке хорошего вина и хороших сортов зерна, затем правила для контроля над доброкачественностью товара и дешевыми ценами, правила против лихоимства и порчи монеты, постройки и содержания улиц, дорог, мостов, проходов, сухопутных и водных путей, устройства и эксплоатации рудников и военной защиты. Как видно, Гайзмайер не упустил здесь из виду решительно ни одного вопроса, имеющего хоть малейшее значение для благосостояния страны. Его проекты государственного устройства отличаются от гиплеровских решительностью и определенностью и воз-

можностью применения их к жизни. Разумеется, что касается последнего пункта, нужно сознаться, что отношения в германских Альпах были упрощеннее, чем в империи.

Гайзмайер жил большею частью в Тафасе, на самой тирольской границе, и отсюда возобновил свои старые связи. Он сделал своего брата Ганса Гайзмайера, который жил в Штерцинге и пользовался всеобщим уважением, главою заговора. Михаил Гайзмайер собирался при первой же вспышке восстания энергично расправиться с дворянством и духовенством; он намерен был также привлечь к ответственности города, оказавшие поддержку дворянству, духовенству, а также и правительству в их притеснениях и их мщении народу.

План Михаила Гайзмайера заключался в следующем: с хорошо вооруженным отрядом и с орудиями он проникает в Обериннталь через Финтшгау, между тем как Освальд Ценгерль направляется на Швац и в Унтериннталь, а изгнанные из своей родины жители Нонзерталя спускаются с своих гор и нападают, и во всех деревнях гудит набат с призывом к мятежу.

На 31 марта вечером было назначено нападение на городок Глурнс во время обедни, но участники этого дела не явились. Распространившиеся ложные слухи о том, что восстание откладывается, были причиной крушения всех планов. От задержанных гонцов правительство ознакомилось с замыслами крестьян. Ганс Гайзмайер был арестован в Штерцинге, подвергнут жестокой пытке и 9 апреля, как «государственный изменник» четвертован в Иннсбруке. Но убийство брата еще более озлобило Михаила Гайзмайера. С тремя маленькими отрядами хорошо вооруженных ландскнехтов он тайно пробрался через горы и явился в конце апреля к зальцбургцам, совершенно неожиданно для своих врагов.

Архиепископ Зальцбургский еще в начале апреля 1526 г. послал гофмаршала Вигелиюса фон-Турна с

отрядом конницы и ландскнехтов против пинцгауцев. Между Целлем и Заальфельдом крестьяне вышли к нему навстречу и обратили его в бегство. В короткое время вся страна, до баварской границы, примкнула к восстанию. 20 апреля крестьяне нанесли второе, и на этот раз почти полное, поражение епископскому войску. Оно стояло лагерем под Голлингом; крестьяне напали на него ночью и нанесли ему большой урон. Цацерский мост и важный в стратегическом отношении для той местности проход Луэг были взяты. Несколько дней спустя после этого Гайзмайер явился к зальцбургцам со своим отрядом и в сопровождении своих друзей Петра Песслера и Себастиана Майера, Гайзмайер принял на себя главное руководство осадой Радштадта, находившегося на границе Зальцбурга и австрийских герцогств и вследствие этого имевшего большое значение; кроме того, в нем были спрятаны орудия эрцгерцога.

Раурнские и понгауские крестьяне разрушили между тем целый ряд альпийских замков и завоевали Гастейн. Вдруг пришла весть о наступлении на Пинцгау бывших крестьянских вожаков Каспара Праcслера и Михаила Грубера, находившихся теперь на службе у архиепископа. Но поход этот не был почетным для изменников. 800 крестьян вышли ему навстречу и у Кицбюхеля разбили и заставили бежать. Вскоре после этого архиепископское войско потерпело второе, еще более сильное поражение; он отправил 1000 чел. через Лунгау—на выручку Радштадта и для снабжения его провиантом. Дорога шла через обледенелые от снега и дождя Тауернские Альпы. Крестьяне устроили засаду, но неприятель, видя, что крестьянский аванпост спешно отступает уже при его приближении, набрался мужества и стал перелезать через засеку. Наполовину замерзшие и озябшие от снега и дождя, они были внезапно окружены со всех сторон и отброшены. Из 1000 человек 800 погибло, в том числе много дворян.

Швабский союз, усмирив у себя восстание, искоренив мятежников, пришел теперь на помощь эрцгерцогу. 8 отрядов самых отборных солдат направились к Зальцбургу вверх по Заальзаху. У Кухеля у них произошло столкновение с Гайзмайером. Он нарочно отступил и таким образом заманил неприятеля в одну узкую боковую долину, где внезапно разбил его и обратил в бегство. В то же время их осыпали градом тяжелых камней. Потери у них достигали нескольких сотен человек. Такой же тяжелый урон потерпел неприятель при нападении у луэгского прохода.

Накануне штурма неприятеля у только что упомянутого ущелья крестьяне взяли в плен своего бывшего главнокомандующего Кристофора Зеценвейна, последовавшего примеру Грубера и Прасслера и завязавшего сношения с архиепископом. Его судили вместе с его тюремным смотрителем военным судом, вынесли обвинение в измене и приговорили к проведению сквозь строй. С этого момента Гайзмайер получил официальное назначение главнокомандующим, хотя фактически был им давно.

Победа крестьян навела такой страх на архиепископа, что он бежал из Зальцбурга и только под давлением герцога Баварского вернулся обратно. Подобно ему, многие были сильно напуганы. Победа зальцбургцев вызвала восторг у крестьян всей южной Германии и пробудила новые надежды, а Швабский союз пришел в ужас, когда узнал, что зальцбургцы рассылают во все стороны своих гонцов, прося поддержки и призывая к восстанию. Общая опасность об'единила враждующих между собой дворян, и они стали стекаться со всех концов во главе значительных отрядов, чтобы подавить восстание.

31 июня Георг Фрейндсберг с сильным отрядом напал на пинцгауцев на ярмарке Целль. Крестьяне были разбиты и потеряли 600 человек. При отступле-

нии они разрушили мост через Зальцу, что только и спасло их от полного разгрома. С другой стороны к Радштадту приближалось сильное австрийское войско. За неимением осадных орудий, крестьяне не могли взять Радштадт, и осада таким образом должна была прекратиться. Наступление с трех сторон сильного неприятеля побудило Гайзмайера обратиться к отряду с советом бежать. Крестьяне расположились лагерем у Альтенмаркт. Надвигающийся неприятель был уверен, что Гайзмайер сделает отчаянную попытку и примет сражение, в котором он в конце концов будет побит.

Такая перспектива его радовала. Многочисленные сторожевые огни в лагере Гайзмайера в ночь с 4 на 5 июля еще более подтверждали его предположение. В ожидании нападения он поставил караул. Утром же, к его большому удивлению, лагерь оказался пустым. Большая часть крестьян бежала ночью в свои долины. Гайзмайер и Пesслер с 600 крестьян ушли в горы по дороге, считавшейся непроходимой. Разозленный тем, что страшный враг ускользнул из-под рук, неприятеля сжег Альтенмаркт. Гайзмайер пошел через Раурисский Тауер в Тироль и оттуда через Брюнекен в Пустерталь—резиденцию бриксенского епископа. Он надеялся застигнуть епископа врасплох, но ошибся в расчете. В то время как он стоял уже у Брюнекена, подошел Фрейндсберг с 8000 человек. С подобной силой Гайзмайер не решился вступить в бой; он снял свой лагерь и беспрепятственно пошел через Риенц, Гахельштейн, аббатство Бухенштейн и Агорт в венецианские владения. Фрейндсберг, который не был в состоянии преследовать его в этом опасном походе, принужден был оставаться лишь пассивным зрителем. Смелый поход Гайзмайера, вызывая у врагов удивление и страх, радостно волновал народ. Даже за границей ценили по достоинству таланты и смелость Гайзмайера. Венецианская республика назначила ему 400 дукатов годового дохода и отдала в его распоряжение дво-

рец в Падуе; кроме того, она брала на свой счет содержание солдат. Венеция видела в Гайзмайере опору и неоценимого союзника, а он также, с своей стороны, не отказался от намерения воспользоваться помощью Венеции, Швейцарии, а в случае необходимости даже Франции для превращения своей альпийской родины в свободную республиканскую страну. Зальцбургские крестьяне принуждены были вновь покориться. Участники восстания в местечках и долинах были разоружены, и каждый дом обложен контрибуцией в 8 флоринов, 27 человек из всего числа восставших мятежников, явившихся в Даценбах в Пинцгау по официальному предложению, были казнены.

В других местах также происходили казни. Жилища казненных и бежавших были разрушены, и колокола во всех местах сняты с колоколен, чтобы воспрепятствовать набатному звону. Дворяне оказались победителями, но разбитый крестьянский полководец в Падуе не давал им покоя и мешал насладиться плодами своих побед.

Слухи о новом походе не прекращались. Гайзмайер стал героем в глазах народа. Как в самых бедных горных альпийских хижинах, так и в долинах по окраинам страны имя его произносилось с глубоким уважением; восторженные рассказы о его смелых походах передавались из уст в уста, и народ не переставал надеяться, что он вновь явится и на этот раз освободит их. Слухи о новом походе были небезосновательны.

Весной 1528 г. Гайзмайер приехал в Цюрих, куда одновременно с'ехались уполномоченные Венеции, герцога Ульриха Вюртембергского, различных швейцарских кантонов и нескольких представителей евангелических имперских чинов. Заключение союза против короля Карла V составляло вопрос дня, хотя этот замысел не был осуществлен. Гайзмайер лежал тяжелым бременем на австрийском правительстве и южно-тирольских епископах, один из которых даже сказал как-

то,что «будь он (епископ) низкого происхождения, он давно бы освободил правительство от Гайзмайера». Эти слова кровожадного попа ясно указывают на то, что замышлялось. Была сделана попытка подкупить на убийство одного из слуг Гайзмайера. Слуга хотя и взял деньги, но убийства не совершил. Тогда прибегли к другому способу. Два испанца пробрались в квартиру Гайзмайера в Падуе, отрубили ему во время сна голову и повезли ее в Иннсбрук, чтобы там из рук австрийского правительства получить награду за свое преступление. Такая же участь постигла и его товарища Песслера. Он был назначен главным начальником гайзмайеровского отряда во Фриауле. Один из его солдат, тиролец Лука Визер, был подкуплен; он застрелил Песслера, отрубил ему голову и также отвез ее в Иннсбрук, в награду за что получил деньги и помилование. Таким образом, серия кровавых преступлений герцога пополнилась еще убийствами. Этими двумя убийствами и закончилась революционная драма, носящая название крестьянской войны.

Заключение

Крестьянская революция в Германии была подавлена. Из всех германских владений, находящихся в районе, охваченном волной революции, одно только Баварское герцогство осталось незатронутым, на что были свои причины. Положение крестьянина в Баварии было сравнительно сносным. Крепостного права в истинном смысле этого слова там не существовало, а если оно и было, то на таком ограниченном пространстве, что не имело серьезного значения. Земля была большею частью свободна от податей, а существовавшие всякого рода поборы и налоги в пользу духовенства не были все же настолько обременительны, чтобы вызвать народное восстание. Главные жалобы крестьян касались двух пунктов — пастбищ и охоты,

но эти два требования нетрудно было удовлетворить. Если и встречались местности, где недовольство принимало угрожающий характер, то обыкновенно баварским герцогам (герцогством управляли два брата) и канцлеру Эку удавалось угрозой военной силы запугать недовольных.

Как только возникло крестьянское движение в южной Германии, Бавария немедленно позаботилась о создании могущественной военной силы. Средства для этого были очень энергично добыты от духовенства и монастырей — источника, хотя и бывшего в распоряжении правительства, но тщательно оберегаемого до сих пор от его посягательств. Монастыри были обложены сообразно их доходности контрибуцией. Уже в конце февраля 1525 г. они доставили налогов 30000 флоринов, но этого все же было недостаточно. Впоследствии вся дорогая утварь, серебро, все драгоценности были отняты под тем предлогом, что их берут на хранение, отправлены в Мюнхен и обращены в деньги. На жалобы монахов и монахинь правительство заявило: «Настоящее положение дел нас принуждает к этому. Вы в свое время делали ведь то же самое».

Кроме того, на обязанности духовенства, еще по старинному обычаю, лежала доставка обозов, упряжи, прислуги, лошадей, оружия и необходимых с'естных припасов. Когда при взимании второго сбора с монастырей духовенство проявило недовольство по поводу этого противного обычаю новшества, ему вполне основательно ответили: «Обложение имущества духовенства действительно неслыханное новшество, но и крестьянская революция — новое и неслыханное явление, тем более что в данном случае и духовенство не без греха. Это вполне оправдывает наши сборы».

Эти меры, в связи с сравнительно сносным материальным положением значительного большинства крестьян, и были помехой возникновению восстания в бавар-

ском герцогстве; с другой стороны, они давали возможность, как мы видели, оказывать соседним правительствам различные, и подчас очень существенные, услуги. Такое спокойствие в Баварии было очень выгодно правительству. Бавария служила связующим звеном между Швабией и остальными округами всей Германии, с одной стороны, и Зальцбургом, Австрийскими герцогствами и Тиролем — с другой. Движение сделалось бы неизмеримо сильнее от присоединения Баварии, но этого не случилось, что имело роковые последствия для всей войны.

Севера и востока Германии движение, по причинам, указанным нами выше, почти не коснулось. Только в Силезии и особенно в теперешней провинции Пруссии, в Самогитии, Лифляндии и Эстляндии были частичные вспышки.

Теперешняя провинция Пруссия была до 1525 г. собственностью Тевтонского ордена. В этом году гроссмейстер Тевтонского ордена Альбрехт фон-Бранденбург превратил страну в светское княжество под своим скипетром и, в видах усиления своей власти, пригласил в Пруссию лютеранских священников для распространения нового учения. С лютеранскими священниками проникли также и предиканты. Учение о евангельском равенстве и братстве, воспринимаемое везде народом в земном и материальном смысле, упало на благодатную почву, и устранение дворянства сделалось теперь главным требованием крестьян, осуществления которого они энергично добивались. Особенно энергичную агитацию против дворян повели крестьяне Самогитии. Эта страна находилась в продолжение многих веков под управлением Тевтонского ордена, который своим невероятно жестоким правлением возбудил страшную ненависть крестьян. «Они не только смотрели на народ как на баранов, которых можно стричь, как на дойную корову,— они сосали его кровь, они пожирали его мясо»,— таково мнение одного современного писа-

теля. Крестьяне организовывались под руководством различных главарей, из которых некоторые принадлежали к духовному сословию, но к насильственным действиям не прибегали. Своею целью они ставили восстание против дворян и устранение их, против же князей они ничего не имели.

Герцог Альбрехт, брат свирепого маркграфа Казимира фон-Анспах, не доверял такому миролюбивому отношению; с другой стороны, он ни в каком случае не желал лишиться дворянства, главной опоры своего трона. Где была гарантия, что народ, устранив предварительно дворянство, не захочет в заключение свергнуть и его? Если привилегии и первенствующее значение дворянства являются главными мотивами к стремлению уничтожить это сословие, то на каком основании пощадят его, самого привилегированного из них? Прорвав плотину, стремление к свободе не знает уже границ. Народ не может заглядывать так далеко, он добивается лишь ближайшей цели, но тем прозорливее его враги; интересы, поставленные на карту, делают их очень проницательными. Они никогда не ошибаются. Только народ ошибается, когда по свойственной ему простоте и добродушию удовлетворяется полумерами, небольшими уступками, постоянно забывая или не зная, что вопросы права являются вопросами силы, и что недостаточно одной готовности привилегированных классов отказаться от своих прав: необходимо еще лишить их возможности возвратиться к прошлому.

Во главе 300 рыцарей герцог об'ехал в ноябре 1525 г. всю страну, не пропуская ни одного города и даже села, выхватывая всюду подозреваемых в участии в восстании — крестьян и бюргеров, подвергая их пытке, казни или высылке. Так, в Кенигсберге казнили 30 крестьян и нескольких бюргеров; в других местах повторялось то же самое. Многие подозреваемые бежали. Всякая попытка к восстанию в широких размерах была оставлена.

Месть и жестокость — характерные свойства господствующих классов в подавлении освободительного движения угнетенного народа. История не знает ни одной подавленной революции, где бы эти характерные свойства вернувшихся к власти людей не проявились во всей своей силе. И крестьянам XVI века пришлось испытать на себе в слишком тяжелой форме эти черты господствующего класса. Недостаточно того, что они, упоенные победой, обезглавливали, вешали, сажали на кол, четвертовали, пытали, убивали, палили, жгли и налагали контрибуцию, выкалывали глаза и отрубали пальцы мужчинам, женщин и девушек бесчестили и били, — еще долго спустя после подавления восстания всевозможные акты мести не прекращались. Подозрительные привлекались спустя много времени, подвергались пытке и несли самые строгие наказания; были случаи, что подобные факты повторялись по истечении 10—15 лет.

Как неистовствовал Швабский союз, видно из того, что он один казнил 10000 крестьян и бюргеров; во всей же Германии потери крестьян в боях и сражениях и массовых казнях достигают свыше 100000 человек. Но казни и прочие наказания являлись не только актами мести, но служили еще средством обогащения дворян. Состояния казненных, как и ссыльных или беглецов, всюду конфисковывались в пользу дворян. Непомерные подати и контрибуции, которые бедные крестьяне не в состоянии были выплатить в продолжение десятилетий, налагались под видом сбора за возмещение убытков. Вдовы и сироты, которые насчитывались тысячами, бродили по дорогам голодные, живя подаянием и проклиная свою судьбу.

В Швейцарии образовались буквально целые колонии беглецов, которые устраивали периодические с’езды и совещания, поддерживая тайные сношения с родиной, в надежде вызвать второе восстание и вернуться на родину. Несколько лет под ряд провел Рем-

ми фон-Циммерн, отличившийся вместе с Еклейном Рорбахом в Вейнсберге, и еще 200 беглецов у герцога Ульриха в Гогентвиле. Сам герцог поддерживал дружеские сношения со всеми беглецами Швейцарии и других стран, рассчитывая с их помощью опять вернуться на родину, что, впрочем, случилось только в 1534 г., благодаря союзу с ландграфом Филиппом Гессенским — после более чем 15-летнего изгнания. Другие беглецы скрывались в дремучих лесах. Там они собирались, организовывались в разбойничьи шайки и в таком виде вели борьбу с обществом, так жестоко выбросившим их из своей среды и лишившим их отечества.

Из всех уцелевших главарей восстания, избегнувших смерти или заключения, поп Флориан жил вместе со многими агитаторами и священниками в Швейцарии. Георг Мецлер, бежавший вместе с Венделем Гиплером после поражения при Кенигсгофе, исчез бесследно — о нем не было никаких известий. Вендель Гиплер, бежавший в Ротвейль, возбудил там дело против графа Гогенлоэ, присвоившего себе его имение. Но тот привлек его, в свою очередь, в качестве одного из главных зачинщиков восстания, и Гиплер вынужден был покинуть Ротвейль. По дороге на сейм в Шпейер в 1526 г. он был пойман сыщиками курфюрста Пфальцского и заключен в тюрьму в Нейштадте, где и умер в том же году до окончания следствия. Маттерну Фейербахеру, начальнику вюртембергского отряда, удалось бежать в Швейцарию из Ротвейля, где он находился в заключении. Его помощник, Теус Гербер, предводитель штутгартцев, скрывался в имперском городке Эслингене. Обоим удалось спустя много лет вернуться на родину в свои покинутые поместья. Против Геца фон-Берлихингена был возбужден процесс, который, впрочем, кончился довольно благоприятно для него. Он должен был дать клятвенное обещание не мстить за понесенное оскорбление, не переходить за пределы своего округа и не проводить ночи вне своего

дома. Но Карл V освободил его впоследствии от этой присяги, дав ему охранительную и покровительственную грамоту.

Дворяне также понесли убытки и потери. Число разрушенных крестьянами монастырей и поместий превышало 1000; многие из них так и не были восстановлены. Низшее дворянство сильно обеднело и легло всей тяжестью на попечение князей, которые приспособили его к придворной службе. Из всех сословий только одни владетельные князья извлекли выгоду из изменившегося положения. Они расширили свои владения и усилили свою власть, подчинив себе города, секуляризируя церковные имущества и заставляя дворян в силу необходимости поступать к ним на службу. Поражением крестьян проявление народной силы было подавлено на целое столетие. Здесь ясно выступила тесная связь религиозных запросов с социально-политическими. Всюду во время восстаний крестьяне выставляли на первом плане в своих требованиях свободу проповеди Евангелия. Они инстинктивно чувствовали, что их политико-социальные завоевания могут быть прочны лишь при условии свободы совести, иначе говоря, когда религия перестанет быть средством насилия.

Но когда осуществление их социально-политических требований, благодаря их поражению, сделалось невозможным, *пропал и всякий интерес к религиозной реформе. Народ чувствовал, что последняя, без специально политического преобразования — ложь и обман.* Реформация, которая до начала крестьянской войны не без основания могла надеяться быстро завоевать всю Германию, стала *после войны безразличной народу;* она являлась только лишним козырем в руках князей: под ее прикрытием они захватили церковные и монастырские владения и, под видом борьбы за свобо-

ду совести, добились уничтожения королевской власти и завоевали себе полную независимость.

Народ стал равнодушным свидетелем борьбы между протестантскими князьями и католической королевской властью. По приказу князя, его обращали то в одно, то в другое вероисповедание. Борьба из-за религиозных учений и убеждений, с тех пор как они утратили свою материальную подкладку, перестала быть борьбой для тех, кого она раньше интересовала; борьба эта обратилась в простую поповскую ссору, которая, не затрагивая нисколько народа, служила лишь средством князьям для достижения их целей. Шмалькальденская война, вспыхнувшая через 21 год после крестьянской войны, и тридцатилетняя война, имевшая место почти через 100 лет,— обе эти войны, хотя и известны в истории под именем религиозных и хотя, повидимому, велись во имя религиозной свободы народа, на самом деле преследовали только политические интересы князей. Народ, за исключением состоятельного бюргерства имперских городов, видевшего в реформации, подобно князьям, опеку своих социально-политических интересов, оставался равнодушным зрителем и, как во всех войнах, страдающей стороной. Его посевы в продолжение целых десятилетий опустошались, поля приводились в негодность, хижины предавались пламени, скот угонялся. Вместе с тем его жен и дочерей бесчестили, его же самого, в случае сопротивления, убивали. Вот все, что народ извлекал для себя из этой борьбы. При подобных условиях трудно было ожидать с его стороны одушевления. Его одинаково притесняли, обирали, грабили как ярый католик, так и ревностный лютеранин. Все они, без различия вероисповедания, высасывали из него всю кровь. Целые столетия продолжался еще гнет, сбросить который, несмотря на все усилия, не удалось в первой четверти XVI века. Только революции XVIII и XIX веков разбили оковы, последнюю опору феодальной

власти. Вместе с развитием буржуазии и капиталистического способа производства пали феодальная власть и абсолютизм. Натуральные повинности и барщина были упразднены, за что крестьяне должны были внести выкуп.

Но, избавившись от одного врага, они стали жертвой другого. Место феодала занял современный капиталист, который с ипотечной книгой в руках берет себе большую часть труда этого, ставшего «свободным», человека. Капиталист присваивает себе его собственность, низводит его до положения неимущего бобыля или поденщика, если тот в состоянии аккуратно исполнять свои прежние обязанности, и заставляет его — «свободного рабочего» — продавать ему, капиталисту, свою рабочую силу. И то, чего не может закончить современный капиталист, завершает государство. Милитаризм, военные и всякие другие налоги, церковные и коммунальные сборы давят рабочего, превращая этого «свободного» человека в пролетария.

Формы угнетения и эксплоатации менялись в течение трех веков, но сами угнетения и эксплоатация остались теми же. Конечно, крестьянин XIX века культурнее и цивилизованнее своего собрата XVI века: как ни пренебрегали его духовным развитием, все же прогресс целых столетий не мог не коснуться и его. Но положение его по отношению к современному крупному землевладельцу вряд ли значительно улучшилось. Современное культурное развитие сопровождалось значительным прогрессом. Оно уничтожило противоречие классовых интересов сельскохозяйственного и промышленного пролетариата и доказало общность их интересов и необходимость их совместных действий; оно привело к убеждению в необходимости преобразования общества в организацию, исключающую всякое господство, а значит, и всякое угнетение. Словом, идея переустройства человеческого общества на основании равенства и

братства стала теперь общим достоянием всех мыслящих умов.

Смутные предчувствия и неясные стремления передовых людей XVI века приняли вполне реальную форму в последнюю четверть XIX века, сделавшись всеобщим достоянием всех стремящихся к устранению препятствий в движении человечества по пути к всеобщему счастью и благополучию.

Неясный религиозный мистицизм XVI века, способный только к мечтам о всеобщем счастье и водворении «царства божия» на земле, развился в сознательное учение научно-материалистического социализма, который, отказываясь от религии и небесных благ, тем крепче держится земли, стараясь заменить существующий только в воображении небесный рай реальным земным.

Пусть крестьяне, рабочие и все стремящиеся из чисто идеалистических побуждений к освобождению человечества из уз материальной нужды и духовного рабства подадут друг другу руки для борьбы, самой благородной, самой великой, какую когда-либо видел свет.

Новый мир только зарождается, старый же обречен на гибель.

Общественное равновесие нарушено, недовольство распространилось во всех слоях. Никогда в истории человечества законодательная машина правящих классов не работала так усердно, как теперь, и тем не менее нигде не замечается сейчас ни устойчивости действий, ни даже способности отдаваться наслаждению. Общественные отношения переросли рамки, в которых существует общество.

Оно не в силах при данной организации разрешить задачи, поставленные современным человечеством.

Современное государство и общественные отношения не удовлетворяют более материальных и интеллектуальных потребностей масс, так как все господствующие

формы стоят в прямом противоречии со всеми истинно культурными интересами.

Будем работать, бороться и добиваться замены отживших форм новыми, лучшими, высшими. Эта цель достойна самых неимоверных усилий, — и победа несомненна.

Цена 1 р. 75 коп.